Миклош Геренчер

НОСТАЛЬГИЯ

Миклош Геренчер

НОСТАЛЬГИЯ

РОМАН

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД С ВЕНГЕРСКОГО
Г. Г. АФАНАСЬЕВА

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК 84.4Вн
Г37

Редактор *В. А. Никольский*

GERENCSER MIKLOS

HONVÁGY

SZÉPIRODALMИ KÖNYVKIADÓ
BUDAPEST

Г $\frac{4703010000-040}{068(02)-90}$ 158—90

ISBN 5—203—00600—8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА ДОНСКОЙ ЗЕМЛЕ

1

Не сегодня завтра настанет пора убирать зерно, а тут, как назло, у жатки раскачались три зубца, и их необходимо было как следует закрепить на полотне новыми болтами. Лебедев, слывший рачительным хозяином, сразу же решил поручить это пленному, которого ему удалось выхлопотать для работы на своем земельном участке. Поспевала пшеница, и хороший хозяин не мог допустить, чтобы жатка, за которую он отвалил солидную сумму в далеком Царицыне, простаивала без дела из-за какой-то ерундовой поломки.

Получив задание хозяина, Матьяш Медве, пленный австро-венгерской армии, которого на хуторе Лебедева, расположенном неподалеку от величавого Дона, все на русский манер называли просто Митей или Митей-подмастерьем, сразу же взялся за работу, в которой, однако, не видел никакого смысла. О каком ремонте может идти речь, когда за каких-нибудь несколько часов все в этом мире так неожиданно перевернулось?!

Митя, сгорбившись, сидел на краю топчана, откуда сквозь забранное железной решеткой окошко ему был хорошо виден весь хозяйский дом с пристроенной к нему верандой. Подбородок и щеки Мити заросли лохматой бородой, которая, однако, нисколько не портила его спокойного, доброго лица. Ноги в самодельных постолах неподвижно засты-

ли на покрытом пылью и ржавчиной полу; взгляд добрых, с длинными ресницами, глаз был устремлен на дом хозяина, из которого доносился шум и смех.

И лишь одни голуби, спокойно прогуливавшиеся по крыше, не обращали никакого внимания на этот шум. В лучах предзакатного солнца их оперение сверкало намного ярче, чем жесть, которой была покрыта крыша дома. В доме шумели и хохотали, а птицы, без страха опустившись на землю, не торопясь клевали рассыпанное кое-где зерно, затем, шумно хлопая крыльями, снова взлетали на крышу, и Матьяш отчетливо слышал, как они стучат клювами по железной кровле.

Матьяша охватил страх, хотя был он не из робкого десятка. Он завидовал спокойствию голубей и, если бы мог, охотно сам превратился бы в птицу. Страх, загнавший его в мастерскую и приковавший к окошку, был страхом за Надю. Царившее в доме веселье держало девушку в комнатах, из которых она, судя по всему, никак не могла выйти во двор, заставляя тем самым Митю мучиться в догадках относительно того, не стряслось ли с ней какой беды в этом доме, где пение песен перебивается чьими-то громкими выкриками.

Через несколько долгих, томительных минут ожидания Надя наконец-то вышла из дому. Быстро переставляя босые ноги, о которые с шумом бился подол длинной юбки, она не шла, а летела к мастерской. Полную, словно литую грудь девушки плотно обтягивала тесная кофточка; на непокрытой голове венцом была уложена коса.

— А где же твой платок? — испуганно спросил девушку Митя, выскочив из мастерской во двор и прочь гоня от себя мысль о том, что те четверо матросов, так шумевших в доме, могли надругаться над ней. — Тебя никто не обидел?!

— Нет, — спокойно ответила девушка, щеки которой пылали густым румянцем. — Я им баранины нажарила.

— Пошли в мастерскую, там попрохладнее...

Оба торопливо скрылись в убогом домишке с саманными стенами, в котором всегда царил полумрак. Повсюду валялись какие-то железки, инструменты, старые запасные части, металлические болванки, шестеренки и тронутые ржавчиной листы железа.

Надя по привычке села на топчан и так посмотрела через зарешеченное окошко на хозяйский дом, что трудно было понять, чего больше в ее взгляде: тревоги или любопытства.

— Как по-твоему, Митя, неужели они здесь так и останутся?

— Нет... не думаю, — ответил ей парень, настроение которого заметно испортилось, а в голосе прозвучали нотки скорее надежды, чем убежденности.

— Чтоб их холера взяла! Только и знают, что все требуют, требуют!

Что касается Матьяша Медве, то он в этих вооруженных матросах видел прежде всего свободных людей, у которых никто не осмелится спросить, зачем они появились здесь, на Донской земле. Сильные и лихие, они были совсем не такими, как он, военнопленный, которого используют в качестве подневольного работника. Самый никчемный сельский писарь в любой момент может засадить его в тюрьму, сославшись на то, что он якобы пытался бежать. Матьяш завидовал лихим матросам и вместе с тем очень надеялся, что они скоро исчезнут отсюда. Думая о них, он с горечью вспоминал о том времени, когда был свободен, и тоска сжимала сердце.

— Они счастливые люди, Надя... Едят, пьют... Поспят немного, а потом со смехом и шутками тронутся дальше в путь.

— И чем скорее они уйдут отсюда, тем лучше.

— Ты, Надя, старайся не показываться им на глаза... Если с тобой что случится, я этого так не оставлю...

Девушке не так давно исполнилось только восемнадцать лет, однако она, обладая женской мудростью, хорошо понимала, что одними словами ей никак не развеять беспокойства Мити, тем более что и сама допускала возможность какой-либо беды.

Лучше всего было бы сбежать куда-нибудь подальше от этих четырех матросов, как это сделал ее хозяин, Осип Кузьмич Лебедев, самый уважаемый в округе казак, владеющий большими землями, с которым знались чистокровные аристократы и высокопоставленные офицеры. Осип Кузьмич, мужчина в летах, при виде матросов испугался и, охваченный ужасом, вскочил на коня как заправский наездник. Следом за хозяином с криком и визгом бросились наутек батраки, решив, что самое безопасное — это попрятаться в поле.

На всем хуторе остались только Митя и Надя, которые, лежа на топчане в мастерской, в любовной истоме позабыли обо всем на свете, а когда пришли в себя, то бричка с матросами уже стояла посреди двора.

И вот теперь матросы с аппетитом уплетали жареную

баранину, а с влюбленными, к счастью, не случилось ничего плохого.

— Бежать, Митенька, нам надо! Немедленно бежать!— Голубые глаза Нади с любовной мольбой впились в лицо парня. — Давай сделаем так, как загадывали. Больше у нас такого случая уже не будет...

— Куда бежать? — растерянно спросил парень.

Митя знал, что Наде не терпится, чтобы он поскорее выполнил свое обещание. Сколько раз, когда они оставались вдвоем, он рассказывал девушке, дурманя ей голову, о своем дерзком плане — забрать ее, как только закончится эта война, и увезти с собой в далекую Венгрию. Увезти во что бы то ни стало.

— Вон стоит матросская бричка. Повозка крепкая и кони добрые. Я их уведу. Пока они там обжираются да пьют водку, мы уже далеко будем. К вечеру приблизимся к Дону верст на сорок.

В темных глазах парня загорелись огоньки, молодая кожа на высоком лбу сморщилась, как у старика. К счастью, усы скрыли искривившиеся губы Матьяша. Он охотно немедленно тронулся бы в путь. Такое не раз ему снилось, более того, порой даже наяву ему казалось, что он слышит знакомые паровозные гудки. Каждый раз, когда он спускался в подвал мастерской, ему мерещилось, что он находится на проспекте Ваци, на заводском дворе, заваленном железным ломом, шлаком и покрытом пылью, смешанной с окалиной. Чувствуя себя как бы осиротевшим, Матьяш даже осмеливался мысленно сравнивать ненавистного ему Лебедева с родным отцом, которого он просто обожал.

Едва Матьяшу исполнилось восемнадцать лет, а было это два с половиной года назад, его забрали в солдаты, а после трехмесячного обучения послали на фронт, в самое пекло. Через неделю он уже попал в плен. С того времени Матьяш ни разу не касался бритвой лица, отчего усы и борода его были густыми, слегка вьющимися и блестящими.

Уехать он хотел, еще как хотел! Обещал не раз Наде, но тут решил все же остаться, и не почему-нибудь, а из-за нее же самой. Что касалось его, то он, подгоняемый тоской по родине, был готов немедленно ринуться в путь, несмотря на подкарауливавшие его опасности и коварные случайности, но подвергать этому Надю он не мог. В особенности теперь, в бурные дни революции.

Молчание Мити Надя, видимо, восприняла как его согласие.

— Тогда я пошла за бричкой, — решительно сказала она. — Приходи к амбару, там я тебя и ждать буду: все, что нужно для дороги, я соберу.

Митя схватил девушку за плечи и потряс ее.

— Нельзя нам ехать!.. Нельзя! Пропадем ведь!

— А я чувствую, что все будет хорошо...

— Поверь мне, далеко нам не уехать! Весь юг России так и кишит бандитами, которые готовы оторвать человеку голову за коробку спичек. Не забывай, что я молод, а каждого мужчину призывного возраста может остановить и задержать любой бандит. Меня могут арестовать и белые, и красные, а я не хочу служить ни у тех, ни у других. Я дождусь, когда революция закончится, и тогда доверю нашу судьбу тому, кто победит!

Надя с горьким упреком неподвижным взглядом уставилась в окошко, за которым раскинулась бесконечная донская степь с зелеными островками хуторов.

— Здесь теперь уже никогда не будет мира...

— Еще как будет! — С этими словами Митя еще раз встряхнул девушку за плечи, но уже не так сильно, как сначала. — А когда наступит мир, мы спокойненько соберемся, сядем на тройку и подкатим к железнодорожной станции, где нам останется только дождаться нужного поезда. Вот тогда мы и простимся с этим проклятым хутором, а я охотно расстанусь со своей бородой и этой вшивой одежонкой. Ты одна, Надюша, поедешь со мной...

Когда Матьяш прежде заговаривал о своем далеком родном крае, Надя думала не о том, что она когда-нибудь сможет покинуть родину, что, возможно, больше никогда не увидит свое раскинувшееся в лощине Черново, где она родилась и выросла. Девушку волновало иное — как-то ее примут в чужом далеке совершенно чужие, но заслуживающие уважения люди? Она боялась их. Митя рассказывал ей о своих родственниках много хорошего, и она даже мысленно боялась приблизиться к ним, а переубедить ее было не так-то легко.

— А где же твои родные? — спросила Надя с тревогой, ожидая все-таки, что Митя сумеет развеять ее опасения.

— Надеюсь, что все они живы и пребывают в полном здравии.

— Но что они тебе скажут, когда ты приведешь жену из такой дали?

— Ты опять за старое? — Митю удивляло наивное упрямство девушки. — Тебе не следует бояться моих родственников, как бы далеко они ни жили. Мама всегда мне гово-

рила: «Сынок, какую девушку ты полюбишь, ту и я полюблю. Я знаю, что ты не сможешь полюбить такую, которая была бы для меня чужой».

— Так сказала твоя матушка?!

— Слово в слово так и сказала, Надюша, — подтвердил парень, и взгляд его при этом стал печальным. — А уж когда ты вместе со мной, — продолжал он, — приедешь в такую даль, куда сейчас может заглянуть только солнце и куда простому человеку не добраться, то никому и в голову не придет спрашивать меня о том, почему это я полюбил именно тебя...

Посмотрев с беспокойством на парня, Надя испуганно спросила:

— Митенька... почему ты такой грустный?

— Ты ошибаешься, Наденька... — решительно запротестовал парень. — Я вовсе не грустный, настроение у меня, можно сказать, почти хорошее.

Митя даже засмеялся, но как-то нервно и совсем невесело. Надя поняла, что не ошиблась — его действительно что-то печалило.

Матьяшу и на самом деле было грустно, потому что он обманул Надю, солгав, что слова матери относились именно к нему. Мать, которую Матьяш считал самой мудрой женщиной на свете, сказала эти слова не ему, Матьяшу, а его старшему брату Виктору. Было это восемь лет назад, в 1910 году, когда однажды Виктор, работавший автослесарем, придя домой, сказал матери, что ему очень понравилась одна девушка — телефонистка с узла связи в Липоте. Сам Виктор в ту пору работал в ведомстве венгерской королевской почты, где, собственно, и научился ремеслу автослесаря, а чуть позже стал водить машину. Вскоре после этого Виктора призвали на действительную военную службу, зачислив его в 1-й Будапештский пехотный полк. Отслужив положенный срок, Виктор уже ожидал демобилизации, когда в Сараеве было совершено покушение на наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда. С началом первой мировой войны Виктора направили на сербский участок фронта, спустя несколько дней их часть перебросили в Восточную Галицию, а 1 сентября семья Медве получила извещение о том, что «Виктор Медве пропал без вести или же, что более вероятно, пал смертью героя на поле боя...»

Матьяшу в ту пору исполнилось шестнадцать лет, а спустя два года, когда он прошел трехмесячную подготовку, его из той же самой казармы, находившейся на проспекте Юллеи, откуда бросили на фронт маршевый батальон, в кото-

ром служил Виктор, отправили на пригородную железнодорожную станцию Йожефварош, где солдат посадили в вагоны и повезли на передовую, в самое пекло.

2

Через несколько минут Митя с Надей увидели в окошко, как из дома вышел матрос. Остановившись на веранде, он осмотрелся и, не заметив ни одной живой души, спустился во двор, приволакивая ногу. На нем не было ни бушлата, ни бескозырки; легкий ветерок трепал его рыжие кудри. Он что-то выкрикнул, но что именно, понять было нельзя.

— Это он тебя ищет, — заметил Матьяш, тяжело вздохнув.

Надя испуганно вцепилась в руку парня и замерла.

Рыжеволосый, веснушчатый матрос тем временем не торопясь осмотрелся по сторонам, еще раз что-то крикнул и, прихрамывая, направился к мастерской. Распахнув дверь ударом здоровой ноги, но не переступая через порог, он заглянул в мастерскую. Заметив молодую пару, он несколько секунд молча разглядывал ее, а затем ехидно произнес:

— Так, так, влюбленные голубки! Бедная Россия истекает кровью, а вы тут никак не можете наглядеться друг на друга! А ну-ка быстро выходите отсюда — и на службу революции! Вы, милостивая сударыня, нагрейте воды, а вы, сударь, установите чан на палубе. Советую вам обоим пошевеливаться да поживее, а воды нагреть побольше! Вот так-то! Зарубите себе на носу, что матросы любят чистоту, а в воде полоскаться обожают больше, чем дельфины. Вы оба скоро сами в этом убедитесь!

Заслонив собой Надю, насколько это было возможно, Матьяш робко спросил:

— А где же тут будет палуба?

Матрос же, видимо, заранее предвкушая удовольствие от импровизированной бани, обеими руками растирал себе грудь в тельняшке, словно намыливаясь.

— А вот тут посреди двора и будет наша палуба! — довольно осклабился он. — Жалко пачкать хозяевам их красивый дом.

— А вы не жалейте, — все так же неуверенно произнес Матьяш. — У хозяина три дома имеется, а этот среди них самый никудышный.

Подвыпивший матрос заключил Надю в объятия.

— Ну, так как там насчет горячей воды? — спросил он.

Девушка сделала рывок и, высвободившись из рук матроса, кинулась к дому, опасаясь, как бы Митя, выскочивший как шальной из мастерской, не вступился за нее.

— Да смотри полотенцев принеси! — нисколько не обидевшись, прокричал девушке матрос. — И чтобы они были белее снега, а то моряки — народ избалованный! — Увидев остановившегося пред ним Митю, он спросил: — Может, ты думаешь иначе?

Матьяш промолчал, решив, что будет лучше, если он отойдет от матроса как можно дальше, и пошел искать подходящую бочку.

— Я спрашиваю, может, ты иначе думаешь?! — угрожающе крикнул вслед ему веснушчатый матрос.

Парню пришлось остановиться и ответить:

— Ничего я не думаю, и не смотри на меня так.

Такой ответ понравился матросу, и он добродушно прорычал:

— Слава богу! Хорошо, хоть слуги на нас не сердятся.— А затем грубо спросил: — Где твой хозяин?

Митя испуганно вздрогнул, но постарался не показать этого и как можно спокойнее ответил:

— Так он мне и сказал! Подался куда-то на юг: испугался он вас сильно.

Несколько совладав с собственным страхом, Митя осмелел настолько, что направился в чулан за бочкой. Он удивился, что матрос больше не окликнул его и не остановил. Прежде чем открыть дверь чулана, Митя успел заметить на веранде еще двух матросов.

Но их оказалось не двое, а трое, и все они толпились в теневом углу веранды. Затем один из них, самый большой, грузный и неуклюжий, ручищи которого выглядывали из коротких для него рукавов темно-синей тужурки, спустился во двор и, сжав ладони в кулаки, лениво потянулся, так широко раскинув руки в стороны, что рукава тужурки гармошкой съехали почти до самых локтей.

— Какое приятное лето, дорогие мои братишки! — Он широко зевнул. — Воздух как шелк, а солнышко греет что чистая шерсть. Последний раз так шикарно я чувствовал себя на Крымском побережье. Чего здесь не хватает, так это нашей посудины, братва.

— Брось жалеть, у нас и без того забот полно, — стоя в дверях мастерской, сказал хромоногий веснушчатый матрос.

— Без жалости нам никак нельзя, — спокойно проговорил верзила. — От нее, как и от злости, только сил прибав-

ляется, а если бы у нас злости не было, не видать бы нам крымских берегов.

— Сейчас там по-аглицки балакают,—мрачно проворчал рыжеволосый. — По набережной Севастополя прогуливаются деникинские офицеры в шикарных сапожках и беседуют о том, как им лучше уничтожить нас.

Энергично размахивая зажатой в руке бутылкой, с веранды сошел еще один матрос. Бескозырка съехала у него на одно ухо.

— Наше святое море теперь захватили белые, — соглашаясь и с рыжим и с верзилой, пробормотал он и, описав бутылкой полукруг в сторону горизонта, добавил: — А нам тут в этой степи корабли только мерещутся.

— А по скольку штук ты их видишь зараз, Ванька? — сочувственно поинтересовался верзила.

— Сейчас точно скажу, только сначала залезу в корзину на мачте, — шутливо ответил матрос с бутылкой, видимо не желая, чтобы товарищи поняли, что ему не очень-то весело.

— После бутылки водки такое проделать нелегко будет! — послышался в этот момент чей-то голос со стороны дома, а затем показался и сам говоривший — красивый стройный парень с коротко подстриженными усиками и обнаженным торсом. Если бы он не был матросом, его можно было бы принять за профессионального гимнаста. На его лице не было и тени грусти. Веселый и простой, он легко перехватил бутылку из руки матроса в бескозырке.—Дай-ка ее лучше сюда. Жалко переводить водку на того, кто, выпив чуток, распускает нюни!

Отпив глоток прямо из горлышка, он передал бутылку хромому.

Тем временем Матьяш Медве с трудом выкатил на середину двора громадную бочку и принялся устанавливать ее на солнечной стороне двора. Матросы молча смотрели на него. Стало тихо-тихо, только слышно было, как топчутся по крыше греющиеся на солнышке голуби, ожидая, когда со двора уйдут люди и им можно будет спуститься на землю.

Матьяш боялся матросов и потому решил пойти в дом, чтобы помочь Наде вскипятить воду, но не успел.

— Эй, парень! — окликнул его рыжий.

Матьяш замер на месте и пугливо оглянулся.

— Я сейчас воды принесу...

— Постой. Собственно говоря, кто твой хозяин?

— Осип Кузьмич Лебедев.

— А ты, случайно, не знаешь, куда он исчез? — спросил парня приблизившийся к нему прихрамывающий матрос.

— Откуда мне знать? Ничего я не знаю!

Матрос погладил полосатую тельняшку на груди и сказал:

— А ты подумай, может, чего вспомнишь...

И хотя в голосе матроса не чувствовалось угрозы, тон его оказался таким, что у Матьяша по спине пробежали мурашки. Посмотреть в лицо веснушчатого матроса он не смел. Некоторое доверие ему внушал верзила с добрым взглядом, но тот молчал. Матрос в бескозырке с пьяным любопытством разглядывал Матьяша. Меньше всего Матьяш сейчас боялся красивого молодого матроса с модными усиками, хотя поначалу опасался его больше, чем других, и только из-за Нади.

— А что мне думать попусту, — с мольбой в голосе начал Матьяш. — Я и знать не знаю, куда подался Осип Кузьмич.

— А ты все же подумай, — упрямо посоветовал рыжеволосый.

— Представления не имею... Может, уехал на дальний хутор, а не то в Черново, где у него тоже есть дом. Мало ли куда может сбежать такой богатей.

— А откуда он мог узнать, что мы сюда придем?—спросил рыжеволосый, продолжая разглаживать тельняшку на груди.

— А оттуда! До вас сюда прискакал какой-то чужой казак и, не слезая с седла, крикнул: «Осип Кузьмич, матросы-большевики едут сюда со стороны Новочеркасского тракта!» Услышав это, хозяин выбежал из дому и, перекрестившись, вскочил на самую лучшую лошадь, которая с некоторых пор всегда была у него под седлом, и был таков.

— Давайте догоним уважаемого хозяина! — ехидно-весело предложил красавец-матрос.

Бутылка тем временем снова перешла в руки матроса в бескозырке, который, отпив глоток, сказал:

— Теперь пора помыться! Не можем ведь мы явиться к хозяину в затрапезном виде, чтобы привлечь его к ответственности... Небось жалеешь хозяина? — грубо спросил он Матьяша.

— За что мне жалеть этого кровососа? — вопросом на вопрос ответил Матьяш, и было в этих его словах столько презрения, что у матросов не осталось сомнения в искренности парня.

— Тогда выпей немного! — Матрос в бескозырке сунул парню в руку бутылку. — А если голоден, то и поешь, в доме баранина осталась.

— Я лучше выпью, — согласился парень и уже поднес бутылку к губам, но в этот момент почувствовал, как верзила положил ему на плечо свою здоровенную ручищу.

— Выпей за переход к нам! — предложил матрос.

— За это я пить не стану! — сказал Матьяш и отдал бутылку матросу.

Это удивило матросов. Больше других был удивлен хромоногий.

— Это почему же не станешь? — спросил он.

Ответить на этот вопрос коротко Матьяш Медве не мог: пришлось бы долго рассказывать о том, как он в одиночестве часто вспоминал о родине, об отчем доме, о том, что ему часто слышится гудок родного завода, что вот уже более полутора лет он бережно хранит пуговицу, которую случайно нашел на одной из улиц Астрахани и с тех пор держит ее у себя только потому, что точно такие же пуговицы были у его отца на жилетке. Пришлось бы Матьяшу рассказать и о том, что, когда он работал в мастерской, возясь со старыми железками и ремонтируя сельскохозяйственный инвентарь, ему не раз слышался голос матери; что терпением своим он обязан своей зазнобе Надюше, которая, можно сказать, спасла его от безрассудных поступков, придав смысл его жизни.

Но какое до всего этого дело этим людям? Посмотрев хромоногому матросу прямо в глаза, Матьяш спокойно ответил:

— Я не матрос и потому не могу перейти на вашу сторону.

Такой ответ рассердил матроса в бескозырке, и он сказал:

— Советую думать, прежде чем говорить!

Хромоногий, хотя и не собирался пугать Матьяша, все же подозрительно спросил:

— А может, ты против революции?

Страх у парня уже начал пропадать, и он понял, что самое страшное позади, однако решил все же не задираться.

— Я ни против нее, ни за нее, — равнодушно ответил он. — К революции я не имею никакого отношения. Плохо ли, хорошо ли, она и без меня закончится. Мне все равно как.

Матрос сдернул бескозырку с головы и нервно смял ее в кулаке.

— Братишки, а не дать ли мне ему по башке? — предложил он, но тут перед ним встал верзила и, нежно обняв дружка, сказал:

— Оставь, Ванька! Наберись терпения! Зачем нам сдался этот темный мужлан!

Рыжеволосый несколько успокоил всех, предложив:

— Братва, быстро раздеваться и мыться, а потом в путь! Командир приказал до захода солнца вернуться. Скажи-ка нам, парень, а кроме казака на коне ты вообще-то кого-нибудь видел? И не было ли тут белых?

В это время Надя поднесла полное ведро горячей воды. Ни на кого не глядя, она быстро вылила кипяток в бочку. Матросы с интересом уставились на девушку, на ее ладную фигурку, окутанную паром.

— Уходи отсюда и больше не показывайся, пока они тут, — прошептал Матьяш Наде, отбирая у нее ведро. — Я сам им принесу воду.

Он направился было в кухню за водой, но его остановил хромоногий:

— Парень, ты останешься здесь!

Девушка выхватила у Мити ведро и быстро побежала в дом.

Он сообразил, что слишком рано радовался. Видимо, опасность еще не миновала. Приказ хромоногого рыжего матроса ничего хорошего не обещал, напротив, можно было ждать самого худшего.

Надя тем временем принесла еще ведро воды, на этот раз холодной. Боясь задерживаться, она лишь бросила на Матьяша беглый взгляд.

— Я интересуюсь, не видел ли ты здесь белых? — требовательно повторил свой вопрос хромоногий.

— Видел, — поспешно ответил парень. — Три дня назад они были тут, обедали у хозяина. — А чтобы матросы не сочли его трусом, он, несколько осмелев, добавил: — Но я бы не сказал, что они были очень деликатными. Перепились, как грузчики на ростовской пристани, и начали палить по голубям, а потом потребовали достать им баб. Правда, подошедшие два офицера навели-таки среди них порядок, а одного молодого парня даже отстегали плетью.

Надя, пока матросы расспрашивали Митю, носила воду. Выливая ее в бочку, она украдкой поглядывала на обнаженного по пояс красавца-матроса.

— Белые — это дикие звери, спору нет, — продолжал философствовать Матьяш. — Но что касается женщин, тут я их понимаю.

При этих его словах матросы засмеялись, и, когда Надя в очередной раз попыталась прошмыгнуть мимо них, матрос в бескозырке преградил ей путь. Раскинув руки в стороны, он сказал:

— Не спеши так, моя перепелочка! Погляди на нас, бедных матросов. Мы, кроме запаха соленой морской воды и сырой землицы, не нюхали ничего. Нам так не хватает ласковых женских рук. Не откажи, родная, потри нам спины!

— Пользуетесь тем, что у вас в руках оружие! — возмутился Матьяш.

— А ты бы лучше помолчал! — грубо оборвал его матрос в бескозырке. — Намылит нам спины, и только.

— Да, да, только спинку, — игриво заверил красавец-матрос и, повернувшись к Наде, добавил: — Только начни с меня, голубка!

Надя неохотно повиновалась. Матросы не сводили с нее жадных глаз.

— Если кто станет охальничать, утоплю в бочке, — серьезно пообещала она.

Приняв угрозу за шутку, все рассмеялись. Матрос в бескозырке подбежал к веранде и, поставив бутылку на перила, вернулся обратно и снял с себя тельняшку, однако бескозырку оставил на голове.

— Я буду первым! — заявил он.

Однако красавец-матрос уже наклонился над бочкой, упершись мускулистыми руками в ее края. Он так и засиял от удовольствия, когда Надя начала мылить ему спину.

Все это не очень понравилось рыжеволосому матросу, назначенному старшим разведывательного дозора, которому было дано серьезное задание — разыскать на бесконечных степных просторах казачьих офицеров. К тому времени одна часть крупных сил белых отошла к Царицыну, другая часть переместилась на Кубань, где и остановилась в районе Екатеринодара, а в этих местах как бы образовалась полоса ничейной земли, где бродили отдельные мелкие группы врангелевских офицеров, за которыми и охотились воинственные матросы.

Старший разведдозора был недоволен безрезультатными разъездами по степи, пустой тратой времени, однако, несмотря на это, он не мог подгонять своих товарищей, которые вместе с ним с прошлой зимы вели беспрерывные изнурительные бои. Мог ли он после всех тяжестей и невзгод лишить друзей нескольких часов отдыха, когда можно

посмеяться, ни о чем не думая, хотя временами ему очень хотелось поторопить их.

Меньше других был склонен торопиться верзила-добряк, который начал не спеша снимать с себя тужурку, посматривая то на Надю, то на Матьяша.

— А как вы относитесь друг к другу? — добродушно поинтересовался он.

— Она моя невеста, — тихо, но не без гордости ответил парень. — А если скажу, что жена, то тоже не совру.

Верзила понимающе закивал.

— Ясно, ясно, — без тени упрека промолвил он. — Короче говоря, вы оба такие сознательные, что вам начхать не только на благословление священника, но и на нашу борьбу, не так ли, мой дорогой? И вообще, зачем ты свет коптишь? Что ты за мужик такой? Пока вы тут расхаживаете в полушубках, другие за вас мерзнут в окопах!

— Не в этом дело, — проговорил Матьяш, недовольный тем, что их интимные отношения с Надей стали предметом обсуждения.

Красавец с усиками уже помылся и теперь грелся на солнышке.

— А в чем же тогда? — спросил он без особой симпатии к оборванному парню.

Матьяш, взглянув на бравого матроса, сразу же понял, что тот видит в нем трусливого сельского недоумка, участь которого — копаться в земле, и больше ничего. Матьяш решил показать гордому матросу, что и он не трус.

— Я достаточно проторчал в окопах под градом пуль, да и сам из пулемета частенько стрелял, — сказал он.

— Вот ты какой герой! — с некоторым недоверием проговорил верзила, подставляя Наде спину. — Может быть, под тем градом пуль тебя даже ранило?

— Ранило, если хотите знать!

Хромоногий не поверил ни одному слову Матьяша и сказал:

— Поедешь с нами и на деле покажешь, какой ты солдат. Готовь узелок в дорогу.

Матьяш не на шутку испугался, но скрыл это, решительно запротестовав:

— Я должен остаться здесь! Я единственный слесарь на весь хутор, а слесарь не менее важен, чем солдат. Разве здесь люди не нужны? А что вы станете есть, если земля родить не будет? Голод уже и так бродит по России. Если я уеду, кто тут будет убирать пшеницу? И потом, я уже сказал, что не имею никакого отношения ни к белым, ни к крас-

ным. Меня никто не спрашивал, нужна революция или не нужна.

— Не спорь, Митенька... — испуганно попросила Надя, намыливая спину здоровяка.

Рыжеволосый матрос, который пока остался немытым, молча посмотрел на испугавшуюся девушку, а затем заговорил:

— Стращает он твоего Митеньку, стращает! Ты и сама-то еще зеленая дурочка, добрая твоя душа. Втюрилась в своего хилого Митеньку, а посмотри — какому ладному матросу ты спину трешь! — Говоря это, он невольно подумал о себе и сразу же напустил на себя важный вид. Подняв руки, он молодцевато расправил ленточки на бескозырке, но налетевший внезапно порыв легкого ветра вырвал их у него из рук. — Эх, глупенькая, знала бы ты, в каких сражениях я участвовал! Когда уходил под воду наш знаменитый крейсер, я стоял на его носу и прыгнул в пучину только после командира. Уйдя на глубину, я уже думал, что донырну до тропа самого Нептуна, но вот я все же тут, а почему? Потому, что легкие и сердце у меня такие, что на пятерых хватило бы! А каким мастером по плаванию я слыл на Черноморском флоте!

Надя, закончив тереть спину моряку, вытерла руки и, опустив рукава кофты, насмешливо заметила:

— Чемпион по плаванию... Пузыри всегда держатся на воде, пока не лопнут. Сбреши еще чего-нибудь, чтобы смешно было, а то у меня плохое настроение...

Матрос с усиками весело расхохотался:

— Вот это она всыпала нашему хвастуну Ваньке! А скажи-ка ты, цветочек, чем твой Митенька хвастается?

Ожидая ответа на свой вопрос, красавец-матрос склонил голову набок и, улыбаясь, обнажил два ряда великолепных белоснежных зубов. Надя собиралась ответить что-то колючее, но не успела, так как неожиданно раздался звук выстрела, и красавец камнем бросился на землю.

— Ложись! — выкрикнул рыжеволосый, повернув голову в сторону выстрела. Здоровую ногу он выставил вперед, чтобы быть устойчивее, но в тот же миг как-то странно согнулся и повалился на землю.

Винтовочные выстрелы застали верзилу в тот момент, когда он вытирался полотенцем, а матроса в бескозырке — когда он направлялся к веранде.

Заслышав выстрелы, Матьяш схватил Надю за руку и потащил к амбару. Вбежав в него, оба распластались на полу.

Четверо матросов неподвижно лежали вокруг бочки. Красавец с усиками, казалось, все еще продолжал смеяться; хромоногий прижался щекой к земле с выражением ужаса па застывшем лице. Матрос в бескозырке растянулся на животе в самой пыли, и ветерок слабо шевелил ленты его бескозырки. Верзила лежал на спине с запавшим животом под могучей и высокой грудной клеткой, и рука его сжимала полотенце.

Стало тихо. Все так же светило солнце, и лишь из пробитой пулей бочки с журчанием вытекала вода. Вспугнутые выстрелами голуби снова осмелились сесть па крышу.

3

Подгоняемые плетью лошади промчались между домами и скирдами, и в ту же минуту двор, в который ворвались пятеро военных и один гражданский, огласился стуком лошадиных копыт и криками людей.

Матьяш, заслонив собой Надю, наблюдал из амбара за приехавшими. В одном из них он узнал своего хозяина.

Осип Кузьмич, несмотря на свой возраст, легко соскочил с седла. На нем был белый чекмень, на голове — белая фуражка с лакированным козырьком. Он проворно обежал вокруг мертвых матросов и остановился, когда к нему подъехали и спешились два офицера.

— Благодарю вас, господа, — поблагодарил Лебедев офицеров, немного успокоившись. — Надеюсь, что эти красные собаки были последними, кто нарушал покой в наших краях. Еще раз сердечно благодарю вас.

Неподалеку от них неспешно слезали с лошадей трое казаков, проворно двигаться которым мешали винтовки и шашки.

Оба офицера молча разглядывали матросов, при этом на их лицах не было заметно ни злорадства, ни взволнованности — лишь одна серьезная деловитость. По всему их виду и поведению чувствовалось, что смертью их не удивишь. Стройный красивый поручик с синими тенями под глазами сначала с любопытством осмотрел хутор, а затем перевел взгляд на казаков, которые наскоро привязывали коней к стволам фруктовых деревьев.

Осип Кузьмич снова засуетился, забегал, высматривая кого-нибудь из челяди.

— Работнички!.. Володька! Трофим! Надька! Митька! Куда вы запропастились, черти! — Темные глаза хозяина

метали молнии из-под густых бровей, раздвоенная курчавая борода ходила ходуном от гнева.

— Это он нас кличет... — прошептала дрожащая от страха Надя.

— Нужно идти, — проговорил Матьяш, отстранясь от стены. — Меня этот зверь и убить может, а ты пока оставайся тут.

Размахивая кнутом, хозяин приближался к амбару, продолжая кричать:

— А ну, выходите, мазурики, а не то я вам покажу!

Первым из своего убежища вышел Матьяш, стряхивая пыль с рваных штанов и одергивая выливявшую гимнастерку.

— Я здесь, Осип Кузьмич! — без тени боязни отозвался парень.

Хозяин, красный как рак, с потным лицом, подскочил к нему и, ткнув кнутом в сторону убитых, спросил:

— И вы еще давали жратву этим псам?!

— Осип Кузьмич, они нормально себя вели, — уважительно и спокойно ответил хозяину парень.

— Ах ты, дрянь! — Хозяин так ударил работника, что тот едва удержался на ногах.

Только Матьяш успел прийти в себя от удара хозяина, как перед ним возник поручик с фатовскими усиками.

— К стенке эту собаку! — холодно приказал он и, убрав руки за спину, вытянул и без того длинную шею, а затем, повернувшись к солдатам, стоявшим возле веранды, крикнул: — Увести его за дом! И немедленно расстрелять!

Услышав это, Надя опрометью выскочила из своего убежища и заголосила:

— Не трожьте его! Красные сами хотели его расстрелять за то, что он противился им! Это я во всем виновата, я давала еду матросам! — Запыхавшись, она остановилась, переводя испуганный взгляд с хозяина на офицера и обратно.

Поручик без особого любопытства посмотрел на стоявшую перед ним девушку.

— За то, что ты кормила красных, и тебе положена смерть. — И через плечо бросил солдатам: — И ее тоже к стенке!

Солдаты заученным движением взяли винтовки на изготовку, готовые выполнить приказ поручика. Однако Осип Кузьмич с завидной проворностью подскочил к солдатам и, размахивая руками, остановил их.

— Не спешите, господин поручик, — обратился он к офицеру. — Вы, безусловно, правы, мой работник действи-

тельно заслужил расстрела, но все дело в том, что он толковый слесарь, и я, к сожалению, не могу с этим не считаться. На носу жатва, да и прорва другой работы, и мне крайне необходим такой специалист: в моем хозяйстве столько разных машин и инвентаря. А наше славное Донское войско нуждается в хлебе. Чуть позже я сам накажу этого негодяя, можете мне верить, господин поручик. Я его так разделаю, что он сам запросит смерти.

Стоявший тут же подпоручик с заросшим щетиной лицом, который до этого еще не проронил ни единого слова, заметил:

— Плетей ему все равно надо всыпать, а девушку можно и пощадить: глупое создание, да и только.

Поручик сразу же понял тайное намерение своего подчиненного, однако, не подав и виду, вежливо произнес:

— Вы правы, господин подпоручик. Грешно было бы обижать эту глупую девку.

— А мужика я предлагаю немедленно высечь, — с несвойственной ему строгостью сказал подпоручик.

— Согласен. Казаки! Всыпьте этому хаму тридцать плетей!

Трое нижних чинов набросились на парня и схватили его. Матьяш же, чувствуя, что может отделаться легким испугом, неожиданно вырвался из рук державших его казаков и подошел к хозяину, как бы ища у него защиты.

Однако Осип Кузьмич замахнулся на работника плеткой:

— Ах ты, гад паршивый! Вот тебе! — Он несколько раз стегнул Матьяша, а потом сказал офицерам: — Господа! Я тоже хочу полюбоваться, как вы разукрасите спину этого негодяя! Но сначала прошу вас немного отдохнуть. Чувствуйте себя как дома! — Осип Кузьмич снова принялся избивать Матьяша, злобно приговаривая: — Вот тебе еще!.. Сначала закопай этих собак, а потом получишь и свои тридцать плетей!

Нанеся парню еще один сильный удар кулаком, хозяин быстро прошел в дом. Оба офицера последовали за ним. Поднявшись на веранду, поручик на миг остановился и, обернувшись, бросил казакам:

— Помогите ему зарыть этих красных! — И пошел к двери, перед которой ему из-за высокого роста пришлось немного наклониться, чтобы не удариться головой о косяк.

А в это время офицерские кони спокойно стояли посреди двора, отдыхая после бешеной скачки. Затем они начали

потихоньку пятиться и вскоре оказались на лужайке за домом, где принялись пощипывать траву.

Кривоногий толстозадый казак сначала внимательно осмотрел убитых матросов, а затем приказал Матьяшу:

— А ну, тащи сюда лопаты!

Надя подошла к Матьяшу, и они вместе пошли в кладовую, откуда он недавно выкатывал бочку. Чего тут только не было! Грабли, лопаты, бидоны, веревки, сбруя... Оказавшись в полумраке, девушка бросилась к парню на грудь:

— Митенька, дорогой, беги!.. Вон рядом пасутся офицерские кони. Скачи в Ремонтную, там красные! Расскажешь им обо всем, что случилось на нашем хуторе.

— Глупости ты говоришь, — прошептал ей парень. — До Ремонтной двадцать пять верст, не меньше. Туда я и до ночи не доберусь, а в темноте наверняка заблужусь...

Надя почти грубо притянула его к себе:

— Тебе нужно бежать, Митенька... Бежать во что бы то ни стало... — С этими словами она с жаром припала губами ко рту парня.

Опомнившись, они вынесли несколько лопат, чтобы передать их казакам, но те были уже поглощены совершенно другим делом — найдя на веранде бутылку водки, они затеяли из-за нее спор.

— Не лезьте вы ко мне, я и вам оставлю, — успокаивал своих дружков русоволосый казак, в руке которого находилась драгоценная бутылка.

— Не будь жмотом, дай сюда! — грубо толкал его стройный казак с изуродованным шрамом лицом.

Однако выхватил бутылку из рук русоволосого все же не он, а кривоногий.

— Я себя обдурить не дам! — заявил он.

Надя терпеливо ожидала конца спора, держа в руках несколько заступов. Казаки не видели ее, продолжая ругаться из-за водки. Русоволосый вдруг спохватился и во всю глотку заорал на своих товарищей:

— Рехнулись вы, что ли?! Да из этой бутылки красные пили! Она почти пустая! Фу, противно даже! Вот вас господь покарает!

— Ну и скотина ты, Антон! — выругался казак со шрамом на лице и плюнул в сторону русоволосого.

Оттесненный несколько назад толстозадый казак подошел к Наде и, посмотрев на лопаты, спросил:

— А мужик где? — Однако он не получил ответа на свой вопрос и возвысил голос: — Я спрашиваю, где твой мужик?!

Надя хорошо понимала, что сейчас дорога каждая минута, и потому решила тянуть время, сколько возможно.

— А я откуда знаю... — ответила она после долгой паузы. — В кладовой он был... Хозяин его куда-то послал...

Толстозадый кривоногий казак, заподозрив неладное, осмотрелся по сторонам и, увидев лишь коня подпоручика, подумал, что второй конь в поисках более сочной травы забрел немного подальше. Он подумал, что нужно и офицерских коней привязать к деревьям вместе со своими лошадьми. Однако, неторопливо добредя до лужка за домом и не увидев там коня поручика, он со всех ног кинулся обратно.

— Тревога! Мужик ускакал на коне господина поручика! Догнать мужика!.. — заорал он визгливым голосом.

Казаки заметались по двору, толкая один другого.

— Стреляй в него, скотина! Стреляй же! — кричал кривоногому казак со шрамом на лице.

Похватав оружие, казаки бросились за угол дома, но оказалось, что стрелять оттуда нельзя: мешали росшие возле дома яблони, к стволам которых были привязаны лошади казаков.

Трое казаков, выбежав в открытое поле, открыли беспорядочную стрельбу.

На звуки выстрелов из дома выскочили офицеры, не понимая, что случилось и почему мечутся по двору их подчиненные.

— Красные? — в страхе спросил бледный как полотно хозяин у Нади, на которую никто не обращал внимания.

Спустя несколько минут трое казаков вернулись. Опасаясь наказания за допущенный ими промах, каждый медленно плелся, чтобы первым не предстать перед офицерами. В конце концов от этой маленькой группки решительно отделился казак со шрамом.

— Мужик сбежал... — произнес он с чувством вины и стыда, приблизившись к офицерам.

— По коням, кретины! — заорал подпоручик, на пухлом лице которого выступил пот, а в темных глазах засветилась угроза. — Если не догоните, всех вас расстреляю!

Наспех откозыряв, казаки бросились к своим лошадям. Поручик, стоявший тут же, закурил длинную сигарету. Сначала было слышно, как казаки понукали своих лошадей, затем послышался дробный стук копыт, который начал постепенно стихать и вскоре смолк.

Лебедев нервно теребил бороду, темные глаза его были воспалены, на седеющих висках блестели капли пота.

— Как вы думаете, господин поручик, догонят ваши люди этого негодяя? — спросил он у офицера.

Стройный поручик держался как настоящий господин: он спокойно попыхивал сигаретой; на чистом мраморном челе ни тени беспокойства, более того, на лице его блуждала улыбка. Ветерок сдул с кончика его сигареты пепел, который комочком упал на загорелую спину красавца-матроса.

— Догонят, Осип Кузьмич, обязательно догонят. Это не казаки, а людоеды. Единственное, чего я вам не могу обещать, — доставят ли они того мерзавца живым, однако его отрезанные уши, а то и голову целиком мы с вами обязательно увидим.

Услышав страшные слова поручика, Надя, как ни старалась, не смогла справиться с собой. В глазах у нее потемнело, она выпустила из рук черенки лопат и они со звоном попадали на землю.

— Ты слышишь, сучка?! Прикончат твоего Митеньку! — угрожающе потрясая кулаками, выкрикнул Осип Кузьмич, а затем неуверенно спросил, обращаясь к поручику: — А если ваши казачки повстречаются с красными?..

— Исключено! В этих краях красных и близко нет, — с холодной убежденностью успокоил Лебедева поручик. — А уж вблизи ваших владений их меньше всего можно встретить. Там, где находимся мы, Осип Кузьмич, большевиков нет и быть не может!

Слова поручика вселили в Осипа Кузьмича некоторое спокойствие. Запустив руку под бороду, он расстегнул ворот чекменя, а затем снял фуражку, обнажив крупный череп с проглядывающей лысиной.

Ткнув фуражкой в сторону застывшей в неподвижности Нади, он прорычал:

— И ты заслуживаешь смерти, сука! Вы все моей смерти хотели! Митьку твоего порубают шашками, а тебя я отдам на всю ночь казакам. Поняла?

Эта угроза хозяина, казалось, лишила Надю разума. Позабыв об осторожности, она закричала:

— Убейте меня, убейте! Это я сказала Мите, чтобы он сбежал, вот и все!.. Что хотите делайте, а он сбежал!..

Вместо того чтобы возмущаться поведением девушки, подпоручик с заросшим щетиной лицом только усмехнулся, а поручик почти любезно сказал:

— Я вижу, этот негодяй украл моего коня.

В приступе злобы Лебедев даже застонал, словно сердясь на самого себя. Он энергично напялил на голову фу-

ражку и, сжав руки в кулаки, набросился на девушку и принялся избивать ее, приговаривая:

— Ах ты стерва, подлая дрянь, я тебе сейчас покажу!..

Подпоручик наслаждался, наблюдая эту сцену, а поручик даже вмешался, предложив:

— Успокойтесь, Осип Кузьмич! Напрасно вы так волнуетесь... Отдайте мне вашу девку за украденного у меня коня и считайте, что дело улажено.

— С какой целью, Всеволод Клементьевич? — удивился коренастый подпоручик. — Зачем вам это нужно?

Поручик тонким пальцем шутливо погрозил своему подчиненному и произнес:

— Затем же, что и вам, господин подпоручик! А что делать? К тому же мужик угнал мою лошадь, а не вашу.

Лебедев, топчась на месте, сквозь зубы на чем свет стоит ругал матросов, опасаясь, как бы ему самому не пришлось закапывать трупы, поскольку отсутствует работник. Немного поразмыслив, он решил, что вместе с Надей побросает трупы на повозку, на которой приехали матросы, а затем отвезет их подальше от хутора и с ней же закопает в поле.

Все случившееся так подействовало на девушку, что она с трудом держалась на ногах. В глазах у нее все помутилось, она сделала несколько неуверенных шагов. Ноги отказались ей повиноваться, и она упала в обморок.

4

Матьяша охватило уже не раз испытанное им ранее чувство страха: дрожали руки, зубы выбивали нервную дробь, тело налилось свинцовой тяжестью. А ведь он не считал себя трусом. И хотя чувство только что обретенной свободы подгоняло его, инстинкт самосохранения принуждал его действовать не спеша, обдумывая каждый шаг. Вскочив на коня поручика и почувствовав под собой седло, он вцепился в повод, как будто ухватил за хвост жар-птицу. Первые сотни метров он гнал коня, приговаривая ласковые слова. Оставив позади себя фруктовые сады и выбравшись на посевы овса, он плотнее уселся в седле, с волнением ожидая, как поведет себя животное с чужим седоком на спине. Сначала конь временами замедлял бег и, как бы приостанавливаясь, беспокойно крутил головой, но вскоре все же смирился. И хотя сердце у парня бешено колотилось в груди, он, прислушавшись к голосу разума, не стал сразу гнать коня галопом.

Когда же овсяное поле осталось позади, конь уже слушался седока. Для пробы Матьяш пустил его рысью, а когда это удалось, парня охватило такое радостное чувство, что он готов был в знак благодарности поцеловать животное в пахнувшую потом шею.

— Скачи, скачи, мой спаситель!.. — шепнул Матьяш коню, почувствовав некоторое облегчение.

Местность пошла ровная, впереди лежало жнивье, а далее шло кукурузное поле. Пустив коня рысью, Матьяш все чаще и сильнее поддавал ему пятками по бокам. Скорость бега возрастала, и скоро конь с рыси перешел на галоп.

Выстрелы за спиной Матьяш услышал тогда, когда конь нес его по жнивью. Однако парню казалось, что он стоит на месте, а посадки кукурузы по-прежнему недосягаемо далеки. Коня уже не надо было подгонять, он не шел, а летел, и Матьяш ослабил повод. И чем чаще звучали выстрелы, чем чаще свистели вокруг него пули, тем быстрее несся конь.

Когда же он въехал в кукурузу, стрельба прекратилась, однако чувство опасности долго не проходило. Не желая чересчур утомлять коня и оставлять после себя заметные следы, Матьяш поехал вдоль ряда посадки. Доехав до угла делянки и описав длинную дугу, он перебрался на овсяное поле, слева от которого виднелось казавшееся бесконечным море желтых цветов подсолнечника. Свернув в него, он поехал вдоль рядков.

Избавившись от непосредственной опасности, Матьяш, однако, не сбавил темпа, считая, что казаки, не удовлетворенные неудачной стрельбой, обязательно на своих лошадях попытаются догнать его, а этого он боялся даже больше, чем стрельбы. Даже если казаки его не догонят, они непременно сообщат о бегстве батрака на соседние хутора, и тогда ему не избежать настоящей облавы.

А если дело обстоит так, то ему следует опасаться не только дорог, но даже и тропинок. Однако, как бы там ни было, нужно торопиться. Жаль, что Надя осталась в опасности.

Длинные ряды подсолнечника тянулись в северном направлении, а Ремонтная находилась где-то на западе. Чтобы попасть туда, он вынужден был ехать как бы «ступеньками». Желтая пыльца подсолнечника облепила потное тело коня, а обрывки листьев и цветов забились под потник. После долгой скачки, показавшейся ему бесконечной, Матьяш очутился в довольно широкой лощине, раскрашенной сотнями различных цветов. Дальше, почти на самом го-

ризонте, зеленели какие-то высокие посадки. Туда, не раздумывая долго, Матьяш и направил коня, и только теперь он смог безбоязненно выпрямиться в седле.

Конь бежал довольно резво, переходя с рыси на галоп только тогда, когда этого требовал от него седок. Несясь по залитому ярким солнечным светом цветному ковру степи, ощущая, как теплый легкий ветерок осушает пот на лице и теле, Матьяш Медве чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Свобода воспринималась им как нечто прекрасное и чистое, и он теперь восхищался ею, хотя встреча с ней произошла в столь трудной обстановке. Сейчас это была ни с чем не сравнимая свобода. Матьяш допускал, что она, быть может, дарована ему всего на несколько часов, за которые придется расплачиваться жизнью, но он не жалел об этом. Самый грязный убийца и тот знает, что значит умереть, чувствуя себя свободным человеком, а не послушной овцой или червем. С тех пор как Матьяша забрали в армию, он впервые оказался свободным, впервые боролся за собственную жизнь по своей воле. Страх Матьяша быстро прошел. Свой побег он воспринимал теперь как единственно правильный путь к свободе. Ведь до сих пор он жил рабской жизнью, а что может быть хуже этого?!

Конь резво скакал по краю овсяного поля, и Матьяш невольно предался воспоминаниям...

Вспомнились ему казармы императорской армии на проспекте Юллеи. Там никто не считался с ними, зелеными юнцами. Кое-кому из них еще не исполнилось и восемнадцати лет, но сами они видели себя настоящими мужчинами. Офицеры в мундирах со звездочками на воротниках разыгрывали перед ними комедию, которая пока еще радовала их. Лишенные воли и собственного «я», они еще надеялись почувствовать себя счастливыми, смеялись и даже пели песни.

Конь бежал по широкому полю, мягко ставя копыта на покрытую травой землю. Выехав из лощины, Матьяш увидел, что зеленая полоса, которую он издали ошибочно принял за посев, — это невысокий густой кустарник. Матьяш решил остановиться, чтобы дать коню небольшой отдых. И хотя он старался не думать об опасности, мысль о ней все же не покидала его. Он понимал, что, хотя преследователи и отстали, им легко будет настигнуть его, как только они нападут на его след. Достаточно только им добраться до

Черново, а это совсем недалеко от хутора Лебедева, как они по телефону сообщат о его бегстве и казаки схватят его на первом дорожном перекрестке.

Однако Матьяш отогнал от себя страх. Опьяненный свободой, он не хотел думать ни о смерти, ни о страхе.

В гуще кустарника Матьяш слез с лошади, ослабил подпругу и пустил животное немного попастись. Ему хотелось лечь на траву и отдохнуть, но он не позволил себе этого, решив внимательно осмотреть местность вокруг, хотя она и выглядела безлюдной. Теплый солнечный свет заливал землю, траву и кусты. Тишина стояла такая мирная, необычная, что Матьяш утратил чувство реальности и перестал уже понимать, где он, собственно, находится.

Какая же сила забросила его сюда?

Когда Матьяша призвали в армию, сама процедура призыва показалась ему игрой, быть может, опасной, возможно, даже смертельной, но все-таки игрой. Правда, новобранцы чувствовали грозящую им опасность, но, поскольку уже ничего нельзя было переиначить, они гнали от себя дурные предчувствия, широко и глупо улыбались, воспринимая ближайшее будущее как нечто новое, сулящее одни приключения. И хотя с фронта приходили печальные известия, а из штаба полка, в котором служил старший брат Матьяша, пришло извещение о том, что брат погиб смертью героя или пропал без вести, Матьяш все равно не испугался. Он не только охотно переоделся в солдатскую форму, но и начал со своими новыми товарищами чванливо хорохориться, как это обычно делают новобранцы...

Конь тем временем спокойно пасся, пощипывая траву и мелкие свежие листья с кустарника. Чтобы хоть как-то утолить мучившую его жажду, Матьяш сорвал с куста несколько листочков и попробовал жевать.

Правда, во время призыва в армию новичкам страдать от жажды не пришлось. Унтера-сверхсрочники советовали им напиться до чертиков и не сметь возвращаться в казарму в трезвом виде. Как только стало известно, что через несколько дней их отправят на фронт, начальство сделалось особенно благосклонным. Вместе с новобранцами, подлежащими в скором времени зачислению в маршевую роту, их, обмундированных в голубую форму, заставляли проходить одиночную подготовку на песчаной местности, расположенной по ту сторону шоссе Хатар, за только что построенным барачным городком и военным госпиталем.

В течение шести недель их тренировали — учили строиться, маршировать, ползать по-пластунски, стрелять в

цель, брать штурмом опорный пункт, отрывать одиночную ячейку. В форме голубого цвета, какую солдаты носили в мирное время, новобранцы проходили до начала мая, а потом их, словно они собирались на праздник урожая, а не на фронт, переодели в полевую форму серого цвета. Новобранцев завели на склад, где сильно пахло нафталином, и выдали им ворсистое суконное обмундирование, множество каких-то ремней, по паре солдатских ботинок, пропитанные чем-то для жесткости брезентовые ранцы и шуршащие плащ-палатки.

Ни господин унтер-офицер Фюлеп, ни другие унтер-офицеры не грубили новобранцам и, как бы позабыв на время о строгости, обращались с ними по-доброму, стараясь развеселить их. И парни действительно либо хохотали от души, либо подхихикивали, но уж ни в коем случае не были серьезными. Переодевшись в серую полевую форму, они почувствовали себя этакими гордыми женихами. Господину унтер-офицеру Фюлепу не пришлось кричать ни одному из них: «Я тебя сейчас выпрямлю, горбатая ты горилла!» Более того, унтер-офицер, словно любящий папаша, любовался ими, а когда очередь дошла до увольнения в городской отпуск, не поскупился. Новички чуть ли не по обязанности должны были покинуть большое желтое казарменное здание и появиться в городе, чтобы все жители увидели солдат славной императорской и королевской армии, отправляющихся на фронт. А чтобы придать своим гладким, похожим на девичьи лицам выражение геройства и строгости, большинство из них, обходя стороной простые и дешевые, расположенные в незаметных переулках цирюльни, где обычно стриглись солдаты, направлялись на проспект Йожефа, в самые людные и дорогие парикмахерские. Новобранцам и в голову не могло прийти, что даже господские прически они, собственно говоря, делают, повинуясь чьему-либо приказу. Более того, напыщенно-высокопарно они просили мастеров побрить их даже тогда, когда брить, по существу, было еще нечего.

Затем они с серьезным видом по очереди заходили в корчмы, расположенные на улицах Футо, Кишфа и Надьтемплом, выставляя себя этакими героями. Почувствовав внимание к себе, они становились еще более важными. Отстать от этой шумной и геройствующей ватаги считалось делом не только не приличным, а просто постыдным.

Матьяш лишь тогда отстал от своих новых боевых друзей, как они себя тогда называли, когда те, хорошо подвыпив, направились в публичные дома, расположенные на ули-

цах Конти и Виг. И сделал он это только потому, что был не очень пьян. С него было довольно и того, что он выкурил сигару. Товарищи насильно сунули ему сигару в рот, сказав, что солдат-фронтовик обязательно должен курить сигары.

В казарму Матьяш вернулся уже после вечерней поверки, однако вместо того, чтобы наказать его за опоздание и увести на гауптвахту прямо с проходной, его встретили по-дружески, а один из солдат, стоявших на КПП, проводил его до казармы, поддерживая под руку, поднял на третий этаж и там передал дневальному по роте, который помог Матьяшу раздеться и лечь на койку.

Это был один-единственный день, когда с Матьяшем обращались как с господином. Но зато утром следующего дня началось что-то невообразимое. Унтер-офицер Фюлеп обращался с ними очень грубо, намного хуже, чем обычно на учебном плацу, где порой он не скупился даже на оплеухи. Так бесчеловечно, как на следующее утро, над новобранцами еще не издевались. Раненые фронтовики, лежавшие в госпитале на излечении, через щели забора с ужасом наблюдали эти сцены. Правда, в ту пору Матьяш еще не научился читать мысли по глазам. Более того, несясь сломя голову до забора, он услышал тихо сказанную кем-то фразу, но сразу не осознал, сколь она ужасна: «Ну теперь и на этих натянули форму, в которой им мучиться до самой смерти...»

Да и как он мог понять эту фразу, когда в ту минуту страшнее любой войны для него был этот унтер, которого Матьяш боялся больше самой смерти. Когда они возвращались с занятий, усталые и запыхавшиеся, унтер Фюлеп приказывал им петь, и они горланили своими простуженными глотками на всю улицу:

Шесть колес у паровоза,
И черны все, словно ночь.
Далеко меня он завтра
Повезет от Пешта прочь.

Вы не плачьте, девы Пешта,
К вам вернусь, а если — нет,
Всем из дали, безутешный,
Пламенный пришлю привет.

Пели они для жителей, которые стояли вдоль тротуара, возле подъездов домов, и с любопытством смотрели из окон на ротную колонну в серых походных мундирах — это уже было сенсацией.

А унтер Фюлеп внимательно наблюдал за ними со стороны, словно искал вора, и если замечал, что кто-нибудь из солдат не поет, а только делает вид, открывая беззвучно рот, то сразу же громко кричал:

— Если не будешь петь, мерзавец, я тебе такое покажу, что на всю жизнь запомнишь!..

Нужно было петь, петь всю дорогу до самой казармы, чтобы народ видел, как солдаты славной императорской и королевской армии поют во всю силу легких перед тем, как идти туда, где господин унтер-офицер Фюлеп никогда не был, хотя с самого начала войны носит серую полевую форму.

Здесь, на донской земле, песня, которую они пели, маршируя по проспекту Юллеи, казалась не столько смешной, сколько безумной. Матьяш Медве, которому не исполнилось и двадцати лет, не знал, да и не мог знать, когда и где настигнет его смерть, а мысли помимо воли так и тянули его к далекому проспекту Юллеи, маршируя по которому, солдаты горланили песню:

Дом себе построю в Пеште
Я большой-большой.
Окоп в нем — не счесть,
И есть, где отдохнуть душой.

В нем гостиная такая —
Глазом не объять.
Будет там моя родная
Красотой сиять.

К счастью, Матьяш еще не понимал, что нервы у него расшатались. По молодости он почти ничего не знал о том, какие беды могут случиться с человеком из-за плохих нервов.

Постепенно мысли его вернулись к действительности: он должен был бежать дальше. Время медленно клонилось к вечеру. Когда Матьяш смотрел на запад, то солнце светило ему прямо в глаза. Конь по-прежнему спокойно щипал траву на маленькой лужайке. Чтобы не вспугнуть его, парень осторожно приблизился к нему. Затянув потуже подпругу, он сел на коня. Выбравшись из зарослей кустарника, Матьяш повернул на запад.

Стоило только ему дотронуться пяткой до боков животного, как оно сразу же поняло, чего ждет от него седок. Сделав несколько шагов, умное животное перешло на рысь. Матьяш не стал мешать ему — пусть бежит, важно только выдерживать нужное направление: на запад, все время на

запад, в ту сторону, куда захóдит солнце... В ту же сторону ходит по проспекту Ваци и трамвай, а мама все время жаловалась, что от него нет покоя ни днем ни ночью...

Матьяш ехал, строго выдерживая направление, и вскоре оказался около возделанного поля. Здесь даже воздух был другим: чувствовалось, что поблизости имеется человеческое жилье. Но что значит это «поблизости»? Много километров проскакал он, а ему показалось, будто он пешком прошел от улицы Гемб до Варошлигета. Он ехал по Южной России, но мысленно все еще был дома.

Казалось, не конь его нес, а собственные мысли. И хотя ехал он в западном направлении, какая-то неодолимая, сатанинская сила тянула его обратно. И чем решительнее он стремился вперед, к дому и родным, тем чаще перед его мысленным взором возникали картины, связывавшие его с востоком...

Из маршевой роты Матьяш Медве попал в маршевый батальон, которому в скором времени предстояло отправиться на фронт. Первое время никаких построений не было, солдаты могли свободно расхаживать по дну желтой, громадной, словно предназначенной для Гулливера коробки, окруженной высокими стенами и большими казарменными зданиями, в которых терялись они, лилипуты, одетые в суконную форму серого цвета.

Повсюду слышались шум, крики, добродушная или злая ругань. Правда, те из солдат, что ругались добродушно, не признавались, что, думая о фронте, они в душе плачут. А те, что ругались злобно, ругали отнюдь не фронт, а свой ножик, который плохо резал, ремень своего ранца, который был чересчур толстым, или же мундштук трубки, который больно жег пальцы.

Солдатам уже выдали походное снаряжение. Свернутые колбасой одеяло, шинель и плащ-палатка крепились на туго набитый ранец. Четыре патронные сумки, пока еще пустые, так как боеприпасы выдавались только на передовой, висели на поясном ремне. На отвороте головного убора, чуть сбоку, красовалась ленточка цветов национального флага, чтобы, как выражался унтер-офицер Фюлеп, красно-бело-зеленая эмблема любви к родине находилась у всех солдат взвода на одном уровне надо лбом.

Выдали солдатам и винтовки, которые они сразу же составили в козлы. Каждому отделению было приказано на-

ходиться неподалеку от собственного оружия. И хотя часы показывали всего лишь десять утра, послышался приказ начать обед, взяв из энзе мясные консервы и хлеб, словно солдаты находились на привале в прифронтовой полосе. Желающим было позволено побродить по казарменному двору.

Чтобы быстрее летело время, Матьяш отошел от расположения взвода и приблизился к воротам, украшенным внушительной аркой, возле которых чувствовалось особое оживление. Солдаты говорили, что по ту сторону ворот собралась довольно внушительная толпа родственников, которые не теряли надежды на короткое свидание со своими ненаглядными чадами. Дежурившие на КПП старались помешать родственникам новобранцев заглянуть во двор казармы. Беспрепятственно пройти через проходную могли только офицеры, сохраняя на лицах серьезное выражение, свидетельствующее о том, что на них лежит большая ответственность. Однако на самом деле и господа офицеры ничего не решали, они только хотели показать, что война для них лично — это нечто святое, доставляющее мрачную радость.

Матьяш откозырял офицерам и, не глядя на часовых на КПП, которые еще вчера вызывали у него трепет, быстрым шагом вышел за ворота на улицу. В толпе он начал разыскивать мать. Она была невысока ростом, с покрытым загаром лицом и темными испуганными глазами, в простом платке, отыскать который среди множества шляпок было не таким уж трудным делом.

Матьяш подошел к ней сбоку, крепко обнял и поцеловал в волосы. Мать беззвучно заплакала, потом засмеялась, сунула сыну в руки какой-то теплый узелок. Он сразу же почувствовал рукой, что это домашний калач.

— Сегодня испекла... — тихо проговорила маленькая женщина и, немного помолчав, продолжала: — Ты там береги себя... И отец просил тебя о том же. Его не отпустили с завода, но он все время думает о тебе. Вот он и просил...

С какой-то особой тревогой она потрогала толстый суконный френч на груди сына. Матьяшу показалось, что даже через сукно он почувствовал, какая горячая рука у матери. Сказать он ничего не мог — сжало горло.

Вдруг за его спиной послышался голос одного из часовых:

— Заходи, дружище, обратно! Объявлено построение!

Сколько бы раз Матьяш ни представлял себе минуты расставания, он всегда вспоминал этот миг, который изме-

нил его жизнь. Он вспомнил брата, погибшего на фронте. Он был уверен, что мать в этот момент думает о том же.

— Я вернусь, мама... Вернусь! Так и передай отцу и поцелуй его за меня!..

Вот и все расставание. Почувствовав, как его дергает за рукав один из дежуривших на КПП солдат, Матьяш попятился к воротам, не спуская глаз с матери. Вокруг толпились какие-то незнакомые лица. Иногда платки, шляпки, усатые физиономии заслоняли загорелое лицо матери с темными, гладко зачесанными волосами. Сделав назад три-четыре шага, Матьяш потерял ее из виду. Именно эти три-четыре шага и разделили его жизнь надвое, да и сами они уже относились к нынешней жизни, в которой он проделал путь не в одну тысячу верст.

Неумолимая, не подлежащая обжалованию сила медленно вращала свои жернова, и все это сопровождалось определенной церемонией, без чего не бывает ни свадьбы, ни празднования пасхи, ни коронации монарха.

На построение Матьяш чуть было не опоздал. Поскольку солдаты уже разобрали свое оружие из пирамиды, винтовку Матьяша держал сосед по строю, добряк Йожи Балог. А вот за ранцем Матьяшу пришлось бежать через опустевший двор под неодобрительное ворчание унтер-офицера Фюлепа. Однако командир взвода, фельдфебель Тамаши, который вместе с ними отправлялся на передовую, словом не обмолвился, даже, можно сказать, не обратил на Матьяша никакого внимания.

Быстро встав на свое место в строю, Матьяш несколько успокоился и снова вспомнил о матери. Только что похожий на базар казарменный двор постепенно приобретал совершенно другой вид: взводы, построенные словно по линейке, образовывали ротные четырехугольники; слева от каждого взвода выстроились командиры взводов, фельдфебели и унтер-офицеры. Впереди застывших рот стояли ротные командиры.

Всматриваясь в них, Матьяш видел своего ротного, поручика Сечи, который уже в третий раз направлялся на фронт, где был дважды ранен. После очередного выздоровления поручик снова уходил на передовую. Это был бравый мужчина двадцати четырех лет, настоящий военный. Однако Матьяш, как и другие солдаты, без особой симпатии поглядывал на своего командира, потому что в глубине души его мучила мысль, что его старший брат Виктор именно по вине такого же офицера никогда не вернется домой.

Строем во двор вошел оркестр, сверкая инструментами.

Музыканты молча прошли перед батальоном, остановились напротив солдат и приложили мундштуки труб к губам. Дирижер поднял вверх украшенный разноцветными кистями жезл. И тут откуда-то со стороны послышалась команда:

— Батальон, смирно! На молитву!

На несколько мгновений во дворе воцарилась полная тишина. Все подняли левую руку на уровень плеча. Оркестр медленно заиграл мелодию молитвенного гимна. Протяжные сначала, а затем вдруг ставшие какими-то обрывистыми, аккорды, казалось, впивались в самую душу. Матьяш чувствовал, как звуки наполняли его, разнося по всему телу тревожную дрожь. Медленно, но неумолимо крепла мелодия гимна, не только заполняя звуками казарменный двор, но и выплескиваясь на улицу. После очередного налета звуков, от которых звенело в ушах, аккорды постепенно начали стихать. Широкими волнами мелодия вливалась в уши солдат, медленно возвращая их в будничную жизнь. Наконец прозвучал последний аккорд, музыка смолкла, и сразу же всем показалось бессмысленным стоять, вытянувшись по стойке «смирно» и держа левую руку на уровне плеча.

Вскоре последовала команда, поданная дежурным офицером:

— Батальон, вольно!

На смену мрачным минутам пришли минуты пестрые и забавные. Через ворота с аркой во двор хлынул мощный поток надушенных дам, бойких студенток, сестер милосердия в белых платочках. Все они улыбались или смеялись. В руках все эти и без того красивые женщины и девушки держали букеты цветов. Одни начали раздавать солдатам тюльпаны, веточки белой и голубой сирени, нарциссы и маленькие букетики ландышей, а другие доставали из принесенных ими корзинок и раздавали сигареты, табак, конфеты и пирожные.

Командир взвода разрешил всем вложить в стволы винтовок по одному или несколько цветков. Желающие могли прикрепить цветок на свой головной убор.

Матьяш вложил в ствол винтовки несколько желтых нарциссов, а букетиком сирени, зажатым в руке, размахивал над головой. Ни пирожного, ни конфет ему не досталось, но он и не жалел об этом. Для него дороже всех подарков был завернутый в салфетку калач, который он спрятал в свой ранец перед тем, как встать в строй.

Однако надушенные дамы и девицы так же внезапно исчезли, как и появились, оставив на плацу батальон солдат с цветами. И все сразу же с замиранием сердца почувство-

вали, что настало время отправки. И она не заставила себя ждать.

— Строиться! — скорее попросил, нежели приказал пожилой командир взвода Тамаши.

Пока они строились, раздалась и другая команда, поданная дежурным офицером:

— Равняйсь! Батальон, смирно! Равнение налево!

С надлежащей важностью во дворе появился командир батальона, сбоку от которого, немного поотстав, шел его адъютант. На подполковнике был черный мундир, на высоком воротнике-стойке которого сверкали две большие позолоченные звезды. Кривая сабля слегка раскачивалась на боку. Остановившись перед строем батальона, напротив которого застыл оркестр, подполковник опустил правую руку на эфес сабли.

— Солдаты! Мои боевые товарищи! — важно начал он.— Настало время не говорить, а действовать! Я хочу, чтобы вы сражались так, чтобы оправдать мое доверие! Я хочу на деле убедиться в том, что все вы храбрые ребята. Где вы будете воевать, там буду и я! У нас с вами одна судьба, одна ответственность. Я, как и все вы, хочу вернуться на родину победителем! В путь, дорогие сыновья мои! За родину, за короля, вперед!

Этот почти мрачный, по-мужски строгий призыв потряс Матьяша больше, чем мелодия молитвы. Он начисто забыл о том, что у него похитили его собственную волю, превратили его в человека-вещь, который потерял право распоряжаться самим собой. Отныне все, от содержавшихся в его карманах мелочей и до способа навертывания портянки на ногу, делалось по приказу других, и все же, несмотря на это, Матьяш, находясь под впечатлением короткого зажигательного призыва командира батальона, чувствовал себя слитым с подполковником в единое целое.

— Оркестр, в голову колонны! — скомандовал дежурный офицер. — Батальон! Поротно, шагом марш!

Оркестр занял место впереди колонны и, сделав несколько шагов, по знаку дирижера заиграл одну из самых веселых походных песен:

Коль повозки не завел —
В Пешт тебе пешком шагать.
А собаки не нашел —
Ночью сам повоешь всласть.

Господин унтер-офицер Фюлеп не приказывал им петь, и солдаты не пели. Унтер остановился неподалеку от ворот-

на довольно приличном расстоянии от колонны солдат, уходивших на фронт, словно боялся, что они могут в него плюнуть. На самом же деле большинство солдат даже не замечали унтера. Правда, Матьяш видел его. Он невольно скользнул беглым взглядом по стенам казармы, освещенным майским солнечным светом, пробежал по длинному ряду закрытых безжизненных окон, и уж только после этого глаза его остановились на фигуре ненавистного унтера...

Но что стало с первозданной красотой и чистотой донских степей? Скача на запад, Матьяш выехал на какие-то странные поля. Они были обезображены темными пятнами, посевы местами затоптаны. Людей Матьяш не встречал, зато посреди полей ему не раз попадались могилы. Вскоре он оказался на широкой полевой дороге, которая прямой линией уходила за горизонт. На ней сохранились глубокие следы от повозок, артиллерийских передков и лопат. Временами на пути попадались группы чахлых деревьев, росших возле хуторов, которые, это было видно даже издалека, были покинуты и людьми, и животными. Стены домов, оголенные балки и торчащие доски, казалось, на всю округу кричали о запустении. Чтобы избавить резвого коня от ходьбы по обломкам, Матьяш пустил его по полоске травы, росшей между дорогой и пашней.

День был на исходе. От коня и всадника на землю ложилась длинная тень. Парень часто оглядывался назад, чтобы убедиться, нет ли за ним погони. Как только Матьяш выехал на дорогу, страх снова охватил его...

С мая 1916 года страх стал самым упрямым, постоянным его спутником. В первый раз Матьяш почувствовал страх в казарме на проспекте Юллеи, когда с букетиком сирени в руке вместе со взводом проходил через ворота КПП. Они довольно часто проходили под аркой ворот. Так было и когда они уходили на занятия, и когда возвращались после них, но никогда звук их шагов не отдавался под сводами арки так тяжело и угрожающе, как в тот раз, когда они отправлялись на фронт. Вот в тот-то момент он по-настоящему и почувствовал себя солдатом.

По сравнению с тем тяжелым грохотом солдатских ботинок мягкий топот лошадиных копыт казался легким и успокаивающим. И хотя легкий шаг коня внушал Матьяшу какое-то чувство надежды, он обостренно чувствовал страх, и казарма на проспекте Юллеи показалась ему более близ-

кой, чем эта полевая дорога, которая вела его по полям Южной России.

Он снова вспомнил мать... Она, как и другие женщины, стояла тогда на тротуаре, мимо которого они шли. Мать топталась на одном месте, махала ему руками, и он, улучив момент, бросил ей букетик сирени, что был зажат в его потной ладони. Маленькая женщина в темно-зеленом платье не смогла поднять цветы — вместе с другими женщинами она побежала следом за колонной. Временами она исчезала из поля зрения Матьяша, но затем появлялась снова, и только тогда, когда они проходили мимо детской больницы, он окончательно потерял ее из виду. И уши его, которые до этого не воспринимали даже звуков военного оркестра, шедшего во главе колонны, вдруг начали слышать все: на него обрушился поток звуков — и восторженные выкрики жителей, доносившиеся с тротуара и из открытых окон домов, и грохот барабанов, и резкие звуки медных труб.

Теперь Матьяш уже не обращал внимания ни на восторженные выкрики девушек, ни на то, как они бросали им цветы и махали руками. Наклонив голову, он шел в строю, уставившись взглядом на задники ботинок шедшего впереди солдата. Ни до, ни после этого марша он никогда больше не видел столько каменных плиток, которыми была выложена дорога к зданию вокзала.

Такими же каменными плитками была выложена и привокзальная площадь. Солдаты шли до тех пор, пока не прозвучала команда:

— Рота, стой! Поправить снаряжение!

Солдаты остановились возле длинного железнодорожного состава, в голове которого уже пыхтел паровоз. Поручик Сечи, ротный командир, с трудом протискиваясь между рядами, проверял, как солдаты подогнали снаряжение. А духовой оркестр тем временем не прекращал играть. Командир роты обошел весь строй, так и не сделав никому из солдат ни единого замечания.

Серые вагоны выглядели удручающе однообразно. Отодвигающиеся двери были открыты до отказа, и посреди их широкого проема торчал толстый металлический прут. Пол каждого вагона был устлан соломой. По обе стороны от дверей висело по национальному флагу. Под одним из флагов Матьяш прочел надпись, неумело выполненную масляной краской: «36 человек или 6 лошадей».

Батальон, в котором ехал на фронт Матьяш Медве, за неимением лошадей мог расположиться с большими удобствами. Разумеется, не с такими, с какими ехали господа

офицеры, для которых сразу за паровозом были прицеплены два пассажирских вагона, но для рядовых солдат был неплох и этот деревянный пол, устланный соломой, на которой они прекрасно могли доехать до передовой, где и офицера, и рядового в равной степени встретит безносая...

— По вагонам! — раздался чей-то голос, перекричавший даже духовой оркестр.

Взвод Матьяша «штурмовал» ближайший вагон. С точки зрения конечной цели было смешно, даже бессмысленно, толкаться, стараясь в числе первых залезть в вагон, и все-таки солдаты, перегоняя и отталкивая друг друга, лезли в широко открытую дверь. И лишь один Матьяш не спешил. Он стоял в сторонке и, глядя на своих товарищей, пропускал их. Сам он влез в вагон в числе последних.

Оказавшись в тесноте вагона, он снял с себя винтовку, ранец и, прислонив их к стенке, пробрался к открытой двери. Сев на пол, Матьяш свесил ноги наружу. Его примеру тут же последовали другие солдаты, сразу же заполнив собой весь дверной проем. Более того, за спинами сидящих стояла целая шеренга любопытных.

Напротив железнодорожного вокзала Йожефварош располагалось кладбище Керепеши, каменный забор которого как раз смотрел на железнодорожный эшелон, перед которым играл военный духовой оркестр. В данный момент музыканты старательно наигрывали солдатскую шуточную песню, в которой были и такие слова:

Мне любимая нужна,
Чтоб бодра и весела
Пребывала круглый год —
Дни и ночи напролет.

Высоко над густыми кронами деревьев виднелась верхушка мавзолея Кошута, на котором красовалась фигура ангела, державшего в руке оливковую ветвь — символ мира и победы.

Заложив руки за спину или покуривая дорогие сигары, вдоль состава расхаживали господа офицеры, наблюдая за тем, как идет посадка в вагоны. Все они, судя по их лицам, были довольны, потому что видели в раскрытых дверях вагона улыбающиеся, а те и смеющиеся, раскрасневшиеся физиономии солдат. Да и как можно было не улыбаться и даже не смеяться, когда оркестр все еще наигрывал ту же шуточную песню...

Вскоре музыка смолкла, господа офицеры перестали расхаживать по перрону. Где-то в голове эшелона, сразу же

за темными классными вагонами, затрубил батальонный горнист, и пронзительный звук горна разнесся над кладбищенской тишиной. Правда, трубил он не долго, а когда замолчал, паровоз резко свистнул, звук сигнала к отправке взлетел к темным закопченным крышам домов и как бы распластался над громадой кладбища. Вагонные колеса медленно завращались, и состав тронулся, проезжая мимо одного-единственного офицера, стоявшего на платформе с поднятой к козырьку фуражки рукой. Это был военный комендант железнодорожной станции. Оркестр снова заиграл марш.

Состав уходил все дальше, и ангел с поднятой над головой оливковой ветвью, венчавший мавзолей Кошута, постепенно поворачивался к нему спиной, поскольку железнодорожные пути в этом месте делали плавный поворот.

И пока монотонный стук вагонных колес не смолк вдалеке, музыканты не прекращали играть.

Воспоминания о том, как монотонно стучали вагонные колеса эшелона, уносившего Матьяша на фронт, как бы слились с топотом копыт серого в яблоках коня и одновременно усыпили седока, и он уснул в седле. Обмякшее, потяжелевшее тело его раскачивалось в ритме бега коня. Справа и слева от дороги животное все чаще и чаще наступало на валявшиеся на земле обрывки какой-то одежды, скомканные бумажки и прочий мусор, однако спящий Матьяш ничего этого, разумеется, не видел. С коня он не свалился, чем был обязан в основном своему умению спать в любой, даже самой неподходящей, обстановке. На войне скорее растрачиваются людские резервы воюющих держав, скорее приходит в негодность обмундирование и снаряжение, чем жизненные инстинкты человека. Важно только, чтобы в него не попала роковая пуля, не воткнули бы неожиданно штык в его тело, не разорвались бы в опасной близости ручная граната или спаряд, которые и оборвут его жизнь.

Матьяш прошел эту школу. Мудрые «профессора» от смерти, под командованием которых он служил, шаг за шагом «вооружали» и мобилизовывали все резервы его жизнеспособности. Этого простого парня из рабочего района Будапешта оберегало не только самосознание, но и воспитанное подсознательно чувство самосохранения. Это оно не выпускало из его рук повод, оно поддерживало раскачивающееся из стороны в сторону тело в состоянии равновесия. Вот, собственно, почему он и не выпал из седла.

Конь нес его на запад, а тот поезд в свое время увозил его на восток...

Солдатам, размещенным по теплушкам, хотелось петь, более того, кто-то даже запел, но песни так и не получилось — хриплые глотки не повиновались людям. Тогда люди вспомнили о своих ранцах, в которых были спрятаны бутылки со спиртным. Чем дальше уезжал эшелон от города, тем больше бутылок доставалось из ранцев. По всему вагону пахло палинкой и ромом. Стоило только солдатам, угощая друг друга, промочить горло, как у них снова появилось желание спеть что-нибудь. Все приободрились, и единственное, о чем они теперь сожалели, — это о том, что фронт находится так далеко. Подвыпившие солдаты настойчиво уговаривали и Матьяша выпить палинки, но он не сделал даже маленького глотка.

Лежа на соломенной подстилке, он через открытую дверь теплушки глядел на бежавший им навстречу пейзаж. Вагон трясло, и все тело Матьяша содрогалось мелкой дрожью. Мрачное предчувствие, которое еще нельзя было назвать тяжелым, портило настроение. Когда шум и гам, какие обычно стоят в набитой народом корчме, усилились, Матьяш весь ушел в созерцание развернувшегося перед ним пейзажа. Все, что он видел, казалось ему таким знакомым, хотя раньше он никогда не ездил по этой линии, в сторону Мишкольца. Куда бы Матьяш ни смотрел, он думал о том, что все эти места как бы прощаются с ним.

В его душе возникла и быстро росла тоска. Матьяша охватило столь страстное желание навсегда остаться в этих местах, что он готов был руками схватиться за мелькавшие мимо рощи, долины, холмы, покрытые зелеными посевами, только бы не уезжать отсюда.

Миновав Геделле, эшелон оказался в узкой долине, где росшие по обрывам сливовые деревья почти касались стенок вагонов. На станции Асод, на широком перроне, усыпанном щебнем, стояла толпа пассажиров, показавшаяся Матьяшу серой и невыразительной. Поезд мчался на восток почти без остановок, и из вагонов все еще доносились песни и шум. Попадавшиеся на пути солдат люди смеялись, приветливо махали руками.

Но даже пьяным когда-то надоедает петь песни. Теперь поезд ехал по Хевешской равнине. Хорошо были видны горы Матры, выглядевшие отсюда, из вагона, такими приветливыми и добрыми. Большинство солдат уже не пели. Устав

надрывать глотки, они свалились на солому и заснули. А поскольку они не только устали, но еще были пьяны, то на их лицах не было ни гордости, ни геройства. Матьяш ужаснулся, глядя на них. Сон на какие-то минуты приоткрыл истинное выражение этих лиц — тревогу, протест, возмущение, неприятие... На некоторых из них можно было прочесть боязнь будущих опасностей, а попадались и такие, что были обезображены нравственными муками.

И хотя эшелон только что прогромыхал по мосту через Хернад, можно было сказать, что эти спящие вояки уже прибыли в самое сердце войны. Матьяш не знал, как называются эти места, Абауй или Земплен, однако и этот пейзаж казался ему знакомым.

Матьяш считал, что их начальники поступали бы правильно, если бы вывозили солдат из страны с завязанными глазами или по ночам. Тогда солдатам было бы легче. Здесь, в районе Токая, где он никогда прежде не бывал, в душе Матьяша родилось ощущение, что он больше не увидит и этих мест, что он и с ними прощается навсегда, как и со своими родными краями. Это предчувствие оказалось тяжелым, удушливым, похожим на страх смерти, и сердце Матьяша сжалось в груди.

— Посмотрите-ка! Вон Бодрог!.. — послышались восторженные крики солдат.

Матьяш не мог не посмотреть на реку, и вид ее оставил в его душе неизгладимое впечатление: по удивительно плоской равнине, плавно извиваясь, тек Бодрог, неся свои воды к Тисе. Правда, последней излучины реки из эшелона не было видно, а потому можно было подумать, что гора, которую огибала река, просто-напросто поглотила Бодрог.

Пейзаж действительно казался сказочным, но даже его созерцание не могло избавить Матьяша от тупой боли, появившейся в левом боку. Более того, когда вагонные колеса отзывались на стыках рельсов усилением стука и вибрацией, боль усиливалась и перемещалась в грудную клетку. Матьяшу хотелось, чтобы поезд вдруг остановился, вагоны перестали трястись, а боль не дошла до сердца.

И кажется, чудо случилось. Эшелон сначала замедлил свой бег, затем заскрипели тормоза вагонов, и поезд наконец остановился на открытом месте, среди холмов, склоны которых были покрыты виноградниками...

Но нет, все это ему только почудилось. Их эшелон нигде ни разу не остановился до самого Шаторальяуйхея.

Оказалось, что на самом деле остановился не эшелон, а конь, на котором сидел Матьяш. Однако глухая боль в гру-

ди вовсе не приснилась парню. Впервые он почувствовал ее именно тогда — более двух лет назад, когда их эшелон проезжал среди Токайских гор, вблизи сказочной излучины Бодрога. Теперь, посреди бескрайней донской степи, сердце снова напомнило о себе.

Страх заставил Матьяша содрогнуться. Но отнюдь не встреча с казаками пугала его, хотя он понимал, что, если она все же состоится, ничего хорошего его не ждет. Оставалось жить надеждой, что судьба будет благосклонна к нему.

Страх за Надю, беспокойство за ее судьбу мучили Матьяша. Даже теперь, находясь в полном одиночестве, в состоянии крайней усталости, он не мог забыть об ответственности, которая лежала на нем, — ответственности за девушку, которая, будучи, как и он, одинока, надеялась только на него, любила его...

Матьяш верил в судьбу как последствие несчастливых предшествующих событий. Он с презрением верил в нее и одновременно боролся с нею. Он ласково погладил серого в яблоках жеребца. Похлопал по потной шее, растопыренными пальцами руки расчесал спутавшуюся гриву. Животное несколько раз вздрогнуло, напрягло мышцы шеи и хлопнуло хвостом, как бы показывая, что оно готово продолжать путь. Низко наклонив голову, оно попросило хозяина ослабить поводья. Матьяш еще ни разу не оскорбил коня резким дерганьем повода, он считал его умным животным и целиком полагался на него. Только когда нужно было изменить направление движения, Матьяш подергивал поводок. И научился всему этому простой рабочий парень, металлист из Андьялфельда, не на курсах верховой езды — этому его научила смертельная опасность, подсказавшая, что уж если ты доверил свою жизнь коню, то и уважай его как себе равного верного друга. А поскольку Матьяш с той минуты, как он попал в плен, все время находился в районах, где жили в основном казаки, то он за один год научился обращаться с лошадьми не хуже русского или венгерского гусара. И серый в яблоках жеребец сразу же почувствовал это и покорился ему.

Стоило только Матьяшу поднять конец повода, как жеребец затопал по заросшей травой земле. Шел он довольно резво, однако с хрипом вырывавшийся из легких воздух свидетельствовал о том, что животное хочет пить.

Всадник понял, что ему во что бы то ни стало нужно поскорее добраться до воды, и прежде всего из-за коня, хотя и сам он сильно страдал от жажды. Так вот почему ему в

его коротком и тяжелом сне-забытьи привиделась река Бодрог! Истосковавшийся по воде организм искал утешения в видениях. А разве не приятно было увидеть Бодрог хотя бы в полудреме?! Однако парень хорошо знал, что даже если бы он сейчас вдруг и нашел источник с прохладной водой, то все равно напоить сразу разгоряченного скачкой и жарким солнцем коня ни в коем случае нельзя, нужно сначала дать ему хоть немного остыть, а затем уж и поить в несколько приемов с перерывами между ними, пока организм животного не наберет нужное ему количество жидкости. Разгоряченного коня нужно особенно внимательно беречь. Матьяш охотно поберег бы его, но вот беда — нигде не было видно ни колодца, ни речки, ни даже маленького ручейка.

День тем временем клонился к исходу, солнце приблизилось к самому горизонту, по небу потянулись легкие бледно-голубые блестящие полосы, а на землю упали серые размытые тени. Закат раскрасил все вокруг сочными красками. Глядя на заходящее солнце, а оно как раз и заходило в той стороне, куда неслись мысли Матьяша, парень почувствовал себя совершенно одиноким, предоставленным самому себе.

«Хорошо бы добраться хотя бы до Ремонтной! — мелькнула у него мысль. — Но и это возможно только в том случае, если повезет...»

Начало смеркаться, и сгущавшаяся с каждой минутой темнота как бы лишала его мужества и твердости. На пути стало попадаться все больше и больше брошенных, полуразрушенных и разграбленных хуторов. Щадя коня, Матьяш все же заставил его пойти быстрее. Усталый жеребец насторожился. Он, как и его всадник, больше всего мечтал о воде и отдыхе. Он перешел было на галоп, но сил не хватило, и тогда животное пошло ленивой рысцой.

Заметив в километре от дороги полуразрушенный хутор, Матьяш придержал коня и, съехав с дороги, решил поискать подходящее место для отдыха. Животное разгадало его намерение. Оно с охотой повезло всадника к развалинам хутора, словно там находился родной дом с конюшней.

Подъехав поближе, парень увидел полуразрушенные стены домов, обгоревшие балки, окна с разбитыми стеклами, выбитые двери. Из-под разрушенной кровли между стропилами высоко к небу тянулся дым. Развалины дома, на которые упала длинная тень от всадника на коне, казалось, встретили их враждебно. Матьяш неохотно начал слезать с седла, а когда коснулся земли, ноги отказали ему, и он упал

на колени. Ему стало стыдно собственного падения, как будто тут кто-то мог видеть его. Встав, Матьяш, едва переставляя ноги, пошел искать колодец, обходя вишневые деревья. И на этот раз его ждало чудо — колодец оказался в полной исправности. К нему вела хорошо протоптанная тропка, свидетельствовавшая о том, что им пользовались. На вороте висела железная бадья. Увидев ее, Матьяш почувствовал, как ослаб. Он подошел к колодцу, чтобы набрать воды, решив зачерпнуть всего полведра, боясь, что у него не хватит сил вытащить из колодца полное ведро. Пока парень готовился достать воды, оставленный им у дома конь медленно приблизился к колодезному срубу и, жадно обнюхав его, уставился воспаленными глазами на Матьяша.

Со скрипом крутился ворот, наматывая цепь, и было хорошо слышно, как выплескивается из раскачивавшегося ведра вода.

В эту минуту из-за развалин дома вышли несколько вооруженных мужчин в гражданской одежде. Матьяш и конь одновременно заметили их.

Без особой спешки четверо мужчин окружили колодец. Они не проронили ни единого слова до тех пор, пока Матьяш не вытащил из колодца ведро. Более того, они даже подождали, пока он закрепит ручку ворота. И только после этого с угрозой прозвучало:

— Руки вверх!

Это была разведка красных, а точнее говоря, пеший разведывательный дозор, прибывший из расположенной неподалеку отсюда Ремонтной.

5

До революции это просторное помещение можно было назвать залом. Потолок его украшали гипсовые розетки, стены до половины были облицованы деревом, а выше — оклеены шелковыми обоями в полоску. Сейчас в этом шикарном зале расположились красноармейцы. Вдоль стен были сложены соломенные матрасы, стояло и лежало оружие, валялись вещмешки и обувь. Возле красивой изразцовой печки были разбросаны части станкового пулемета, а в полутемном углу напротив печки стоял со связанными за спиной руками Матьяш. Ожидая решения своей участи, он смотрел, как снуют по захламленному залу солдаты. На одной половине их собралось больше, на другой — меньше, кое-кто из них ходил босиком, так как в помещении было жарко и

душно. Тех четверых, что захватили Матьяша, здесь не было, видимо, они ушли ужинать.

Матьяша тоже мучил голод, но это никого не волновало. Матьяшу и самому было не до того. Впору думать о жизни, а не о еде. Он пришел к мысли, что его, судя по всему, расстреляют.

Со свойственной ему откровенностью парень подробно рассказал обо всем, что случилось на хуторе Лебедева, но ни одному его слову тут не поверили. Воды ему, правда, дали, но только для того, чтобы он пришел в себя, иначе до Ремонтной, куда его собирались отправить, он на своих ногах ни за что бы не добрался.

Посреди зала стоял громоздкий стол, тускло освещенный керосиновым фонарем «летучая мышь». Точно такие же фонари имелись и на хуторе Лебедева, ими освещали хлев и конюшню. Воспоминание о фонаре напомнило парню о Наде, о которой он так горько сокрушался. Связанные за спиной руки Матьяша затекли — веревка, которой они были связаны, больно впивалась в кожу; бородатая голова безвольно болталась из стороны в сторону. Измученный долгим, но совершенно бесполезным допросом, он прислонился спиной к стене, а затем мешком сполз на пол, теряя сознание. Находившиеся в зале красноармейцы увидели это, но ничего не сказали.

Матьяш не слышал, как через открытую входную дверь вошли, громко разговаривая и топая сапогами, еще несколько красноармейцев. Матьяша привели в чувство. Приходя в сознание, он открыл глаза. Первым, кого он увидел, был здоровенный красноармеец с круглыми, как у сыча, глазами.

— Уведи ты этого пленного, Бабушкин, а то и поговорить по-человечески нельзя, — послышался чей-то недовольный голос.

— Почему это нельзя? — ответил тот, кого только что назвали Бабушкиным: это был старший разведдозора, захватившего Матьяша. — Нашим разговорам пленный не помеха. Все, что он тут услышит, он унесет с собой в могилу.

Страх приближающейся смерти придал Матьяшу силы. Прислонившись спиной к стене, он выпрямился во весь рост и стал внимательно прислушиваться к тому, что говорилось о нем.

Приглядывал за Матьяшем смуглый красноармеец с грубыми чертами лица, принимавший участие в его захвате. Второй вошедший тоже был из этого разведдозора. На голове у него была фуражка, которую он ухарски сдвигал на бок, чтобы с другой стороны из-под нее выбивались густые

кудри. Глядя на него, Матьяш содрогнулся от страха, подумав, что, если дело дойдет до расстрела, расстреливать его будет как раз этот парень.

— Как вы думаете, ребята, его башка чего-нибудь стоит? — спросил смуглолицый.

— Нам за нее ничего не дадут, — ответил кто-то из солдат в зале, — так что можешь хоть сейчас пускать его в расход.

— Но почему? — с горечью встрепенулся Матьяш.

— Потому что ты оскорбил красноармейцев.

— Чем же я их оскорбил? Уж не тем ли, что прискакал к вам за помощью?!

— А тем, что принимаешь нас за идиотов.

— Я вам правду рассказал! Я жизнью рисковал, чтобы вас найти!

— Ты слышишь, Зефиров? — обернулся большеглазый к красноармейцу в фуражке. — Он, видите ли, рисковал жизнью! Ну, Кузьма, теперь нас с тобой будут мучить угрызения совести: как-никак ликвидируем человека, который из-за нас рисковал жизнью.

К начавшемуся разговору стали прислушиваться и другие солдаты.

— Отведите его к Лукачеву, и пусть он сам решает, как с ним поступить, — предложил пожилой солдат с широким носом на круглом лице.

— Ну уж дудки! — воскликнул Зефиров. — Мы еще от предыдущего стыда не отделались. Этого шпиона мы тогда к Лукачеву поведем, когда узнаем всю его подноготную!

— Да поймите же вы наконец, никакой я не шпион! — выкрикнул Матьяш.

Бабушкин, широкоплечий красноармеец в грубых сапогах, подошел к Матьяшу и как-то странно уставился на него своими большими, круглыми глазами.

— Если ты не шпион, дорогой, то кто же ты такой? — спросил он.

— Несчастный бедолага, который понадеялся, что красные хорошо примут его.

— Ошибся, дорогуша, ошибся. И тебе придется дорого заплатить за то, что ты считаешь нас дураками.

— Да ничего я не считаю! На хуторе Лебедева белые действительно убили четырех красных матросов!

Зефиров еще круче сдвинул фуражку.

— Хватит болтать! — Подойдя к Матьяшу, он схватил его за выгоревшую рубаху, притянул к себе. — Либо ты рас-

скажешь нам правду, либо я выведу тебя в сад и сам шлепну!

— Вы с ума сошли! — закричал, дрожа от страха, Матьяш. — Убили тех матросов!

Зефиров толкнул его в угол.

— Поверь тебе, так выходит, что четверо красных матросов позволили расстрелять себя ни за понюх табаку, а ты, верный друг революции, преспокойно убегаешь от убийц и являешься к нам за помощью, не так ли?

— Вы должны мне поверить...

— Поверить этой глупой сказке?

— Меня благодарить надо...

— А почему бы и не поблагодарить? — Зефиров схватил парня за горло. — Мы и поблагодарим! Такого я давно не слышал.

— Отведите его к Лукачеву! — снова подал голос пожилой солдат, ворочаясь на своем матрасе. — Такие вопросы должен решать сам командир. А вдруг этот парень правду говорит...

Бабушкин повернулся к ворчавшему солдату и оборвал его:

— Прокоп, ты бы лучше помолчал! Мы уже раз обожглись на таком. Больше мы такой ошибки не совершим.

Зефиров снова схватил парня за грудки:

— Я тебя в последний раз спрашиваю! Облегчи душу, признайся честно, кто тебя послал. Скажи, сколько у вас казаков, где располагается начальство, чем они вооружены, что тебе известно об их намерениях. Но смотри, если еще раз соврешь, пеняй тогда на себя!

Заметив, что парень не спешит с ответом, Бабушкин пнул его сапогом:

— Ну, быстро отвечай! У нас нет времени на пустые разговоры!

— Зря я к вам приехал, — с сожалением произнес Матьяш. — Оказывается, вы такие же звери, как и белые.

Это горькое откровение несколько умерило геройский порыв Бабушкина. В его больших глазах отразилось раздумье. Он не хотел докладывать Лукачеву о своей беспомощности и безрезультативности допроса — слишком тяжелый след в его памяти оставил случай, который произошел пять дней назад.

Тогда к ним прибежал какой-то мужик, на которого даже смотреть не хотелось, в таких он был лохмотьях. Так вот этот стервец — иначе его Бабушкин и называть не хотел — пожаловался, что белоказаки ограбили их село, забрав из

домов все до последней корки хлеба, и они теперь вынуждены умирать с голоду.

И тогда Бабушкин, поклявшийся защищать интересы народа, явился к командиру роты и не попросил, а прямо-таки потребовал от него помочь беднякам соседнего села и, чтобы те не погибли с голоду, направить им продовольствие. А когда красноармейцы прибыли в село, там их поджидала банда белых. В ходе перестрелки они потеряли десять человек убитыми, причем троих из них собственноручно застрелил тот самый «мужик», оказавшийся офицером царской армии.

Красным еще повезло: в то село они послали целый взвод, хотя незадолго до этого разведка и сообщила, что белых там нет и в помине.

Оказалось, что белые тайком заняли село, из которого намеревались позже нанести удар по Ремонтной. Правда, сделать им это не удалось.

И вот теперь заявился этот благообразного вида молодой шпион с бородой и начал рассказывать свои сказки: как он украл у поручика лошадь, настоящего скакуна. Бабушкин ни на минуту не сомневался в том, что этот парень с добрым на вид лицом такой же обманщик, как и тот «мужик». Вот, собственно, почему он и не хотел докладывать командиру роты о поимке нового лазутчика, пока не добьется полного и чистосердечного признания. Ему хотелось как-то загладить прошлую ошибку, допущенную им из-за собственного легкомыслия и доверчивости.

Решив прибегнуть к более жестким мерам, он бросил на Зефирова строгий взгляд и проговорил:

— Напрасно тратим слова! Проучить его надо как следует, раз уж он так упрямится.

— Надо, надо, — согласился с ним Зефиров, однако особой прыти почему-то не проявил. Подойдя к Матьяшу, он подтолкнул его к столу.

— А ну, ребята, развяжите-ка ему руки, — обратился Зефиров к бойцам.

Прокоп и еще один солдат развязали Матьяшу руки.

— Что вы хотите со мной делать?! — испуганно воскликнул парень.

— Чего хотим? Правдивых ответов, и больше ничего.

— За убийство четырех своих товарищей вы мстить должны, а вы вместо этого мучаете невинного человека!

— Брось притворяться! — выкрикнул Бабушкин, позеленев от злости. Он размахнулся и ударил Матьяша в че-

лость, но рука его соскользнула, и вся сила удара пришлась на правое плечо парня.

Матьяш закачался, но все же устоял на ногах.

— Я вам правду говорю! — выкрикнул он и с искаженным от боли и обиды лицом схватился за щеку. — Вы не имеете права!.. Я вам все рассказал!..

— Я тебе сейчас дам такие права, что ты тут же забудешь, что нам наплел, и скажешь правду!..

У Матьяша от волнения на лбу выступил пот.

— Вы не имеете права бить меня!.. Я военнопленный и не имею никакого отношения к вам, русским! Чего вы меня мучаете, звери!..

Но Бабушкин уже не слушал, что кричит этот бородатый парень. Он с такой силой ударил Матьяша в лицо, что тот свалился на пол. Нижняя губа его треснула, щеку и подбородок саднило. Матьяш, пошатываясь, встал, вытер окровавленную руку о рубаху и невольно подумал: «Хорошо еще, что зубы остались целы...»

— Сам виноват, вот и получай! — бросил Зефиров парню, хотя в душе жалел его. Он даже хотел сказать Бабушкину, чтобы тот перестал бить пленного, но побоялся, что другие красноармейцы обзовут его слабохарактерным слюнтяем.

Очередной удар Бабушкина снова свалил Матьяша на землю. Сознание у него на миг замутилось. Словно сквозь тяжелый сон он услышал гулкий топот сапог и чей-то громкий голос:

— Что тут происходит?!

Приятно было лежать на полу и чувствовать, что тебя никто не трогает. Правда, лицо и подбородок сильно ныли, но туман в голове рассеивался. Матьяш хотел было подняться, но, привстав немного, снова, обессиленный, опустился на грязный паркет. Возле своего плеча он видел сапоги Бабушкина, а дальше — ноги каких-то людей.

— Товарищ командир роты, докладывает красноармеец Бабушкин! Проводится допрос шпиона!

Приподняв голову, Матьяш увидел мужчину, которого Бабушкин назвал командиром роты. Отсюда, с пола, он казался громадного роста. На нем были кавалерийские сапоги, галифе черного цвета и офицерский френч без знаков различия. Широкая густая борода скрывала слегка попорченное оспой лицо. На голове была фуражка с красной звездой.

— Неужели этот оборванный парень и есть пойманный

вами шпион?.. — Командир роты неторопливо обошел вокруг лежавшего на полу Матьяша.

— А вы вспомните того «мужика» с корзинкой!—напомнил ротному Зефиров. — Не забыли, как он выглядел? Артист, да и только! А чем все кончилось? Десять убитых, двое раненых!..

Пожилой широконосый красноармеец — это он сбегал за ротным командиром, пока Бабушкин допрашивал Матьяша, — с упреком сказал Зефирову:

— Не стоит в каждом мужике видеть шпиона. Нам не к лицу проявлять жестокость, чего этим добьешься?

Матьяш с трудом поднялся. Ноги не держали его, и он, чтобы не упасть, вцепился руками в столешницу.

— Никакой я не шпион... — умоляющим голосом вымолвил он.

— Ты же пришел от белых!.. — проговорил, словно заклеймил парня, Бабушкин. — Решил нас заманить на какой-то хутор, где белоказаки Деникина якобы постреляли красных матросов. Да безграмотный мужик с хутора и знать не знает, что на свете существует какой-то там Деникин! А этот разбирается в событиях гражданской войны не хуже офицера! Он с самого начала, как мы его взяли, вел себя ненормально и чего только не плел! Только все это — сплошное вранье!

Присутствовавшие при разговоре Бабушкина с ротным красноармейцы немного отошли от стола, но слушали внимательно. Командир роты не спеша обошел вокруг стола.

— Что вы сказали? Что белоказаки постреляли красных матросов?

— Да, я это говорил... и это правда! — чуть слышно прошептал Матьяш.

— Врет он все! — замахал руками на пленного Бабушкин. — В этих местах я никогда не встречал ни одного матроса! Вот за эту ложь его и надо расстрелять!

— И поделом ему будет! — Зефиров блеснул своими безукоризненными зубами. — За ложь пусть ответит! Видите, умник какой сыскался: недалеко от Ремонтной рыскают красные матросы!.. Брешет он, как собака, командир!

Прокоп тоже отошел от стола и, снова улегшись на свой матрас, отвернулся к стене.

Командир роты выглядел уставшим. Сам не зная почему, он уставился на спину Прокопа и проговорил:

— Пока я был в городе, мне звонили из Киселевки и сообщили, что штаб фронта направил сюда с разведывательными целями отряд красных матросов силой до роты. По

имеющимся у нас данным, в районе села Черново расположен опорный пункт белых.

— Верно, так называется село, где мой хозяин — самый главный... — встрепенулся измученный Матьяш, решивший до конца бороться за свою жизнь. Как только его перестали бить, он несколько воспрянул духом, а слова появившегося командира роты еще больше обнадежили его.

— Не спорю, может, штаб и направил в наши края красных матросов, но это вовсе не значит, что белые не могут подослать к нам какого-нибудь негодяя.

Командир роты засунул обе руки за пояс и задумался. Лицо его оставалось невозмутимым, и прочесть на нем что-либо было невозможно.

— Вы правы, Бабушкин, — согласился командир, немного помолчав. — Верно и то, что восточнее Ремонтной могли появиться красные матросы, и то, что этот парень может быть шпионом!

Зефиров, теребивший свой выбивавшийся из-под фуражки чуб, снова сверкнул белыми зубами:

— Вот это разговор! Прикончить его, и вся недолга!

Бабушкин поправил рукав своей рубашки и, бросив взгляд на парня, заметил, что тот все еще держится за стол. Это не понравилось ему.

— А ну-ка встань прямо! — приказал он. — Ты нашей смерти хотел, а подохнешь сам... Товарищ командир, прошу разрешения кокнуть его!

Ухватившись за край стола, Матьяш удерживался на ногах и даже внимательно следил за ходом разговора, однако, стоило ему услышать, как Бабушкин попросил у ротного разрешения прикончить его, перед глазами у него все закрутилось и он снова рухнул на пол, потеряв сознание.

Никто не подошел к нему, чтобы привести его в чувство. Командир роты стоял и думал, стоит ли ему уступить просьбе Бабушкина и Зефирова, хотя оба они — самые смелые и отчаянные красноармейцы в его роте.

«В конце концов, — думал ротный, — совесть им судья. Ребята они храбрые, не раз смотрели смерти в глаза и уже одним этим заслужили право судить других. Но этот парень в лохмотьях пока что ничего плохого не совершил... Да я и не считаю его виноватым. Где они, доказательства его вины, где?..»

Командир роты отлично знал своих солдат. Под его командованием в основном были солдаты, которые воевали с лета 1914 года и постоянно встречались со смертью. А заставило их идти в эту мясорубку царское правительство,

которое убийство себе подобных расценивало как доблесть, а страх — как предательство. Тех, кто поддался страху, ненавидели больше, чем противника, и жизнь их не стоила и ломаного гроша. Правда, вскоре эти повидавшие смерть и страдания люди осознали, что они намного сильнее и справедливее тех, кто послал их на эту бойню, что они способны бороться с царским произволом, и не только бороться, но и побеждать его...

Поразмыслив над всем этим, ротный решил, что он не позволит Бабушкину и Зефирову расстрелять этого парня.

— Все, в чем вы его обвиняли, — сказал он, — по крайней мере смешно. Других доказательств у вас нет?

— А лошадь?! — воскликнул Бабушкин. — А клеймо?

— Какая лошадь? Какое клеймо?

— Поймали-то его с лошадью! — Зефиров положил сжатую в кулак руку на стол. — Настоящий верховой скакун лучшей масти, с клеймом на шее. А уж команды понимает не хуже человека!

— А сбруя на нем еще царских времен, а на шорах вытиснена царская корона! — подтвердил Бабушкин и, ногой показав на лежавшего на полу парня, добавил: — А уж об этой твари я и говорить не хочу! Самый настоящий беляк! Простой мужик, за которого он себя старался выдать, ужасно боится смерти. Тот бы плакал, умолял, нюни бы распустил, а этот ведет себя нагло. Сразу видно, что ненавидит нас.

— Приведите его в чувство! — приказал командир роты красноармейцам, которые молча слушали этот разговор.

— Я мигом! — отозвался Прокоп, вскакивая со своего места. — А если он и в самом деле шпион, тогда уж мне его и доверьте: уж я его не пощажу.

Без суетливости он принес воды в ведре и плеснул ее Матьяшу в лицо. Приходя в себя, Матьяш перевернулся на спину и, открыв глаза, увидел над собой потолок. Он, видимо, не сразу сообразил, где находится и что с ним. А когда полностью пришел в себя и понял, что к чему, жалобно застонал, приподнимаясь:

— Солдаты, поверьте мне... Если вы не поспешите, они убьют Надю... — И он снова уронил голову, с которой на пол капала вода.

— Завтра утром я сам допрошу его, — почти сердито распорядился командир роты. — Но уж, конечно, не так, как вы, а без мордобоя. Вы же пока что несете ответственность за его жизнь. Накройте его. — И, словно сбросив с себя усталость, командир быстрыми шагами вышел из зала.

6

Очнулся Матьяш оттого, что кто-то осторожно, но решительно тряс его за плечо. Он хотел было пошевелить затекшей и онемевшей рукой, но не смог этого сделать — слишком туго были связаны руки. Над ним склонился Прокоп и, дыша на него запахом махорки, тихо сказал:

— Тебе нужно умыться и поесть, а потом тебя поведут к Лукачеву.

Утро только начиналось. Неподалеку от открытого окошка подавала голос какая-то ранняя пташка. В зале спали красноармейцы, некоторые из них громко похрапывали.

Матьяш, преодолевая головокружение, с трудом поднялся на ноги. Прислонившись к стене, попытался выпрямиться. Прокоп поддерживал его.

— Возьми себя в руки, чертов сын! — наставлял он парня, выводя его во двор. — Если ты и правда невиновен, Лукачев тебя в обиду не даст, но если ты лазутчик, тогда даже жаль кашу на тебя переводить.

— О господи, дай мне силы... — взмолился совершенно обессиленный Матьяш.

Весь двор зарос буйным бурьяном, узкая тропинка, протоптанная вдоль забора, вела к журчавшему ручью. Пока Матьяш умывался, Прокоп свернул из газетной бумаги толстую цигарку, закурил. Попыхивая дымом, он молча разглядывал сад.

— Ну как, болит еще рука? — сочувственно спросил он у Матьяша после затянувшейся паузы.

— Конечно, болит, до самого плеча ноет.

— Тогда перевяжем, — по-отечески успокоил его красноармеец и вынул из того же кармана, где хранил махорку, сомнительной чистоты тряпицу. — Мне ты мог бы и сознаться, кто ты есть на самом деле, — проговорил солдат, перевязывая парню руку.

— Не волнуйся, дядя. Я тот, за кого себя и выдаю. Несчастный бедолага.

— Бедолага? Много нас таких, бедолаг-то... Вот взять хотя бы меня: я по своей воле пристал к красным, мое место у них... Лишь бы только господь меня не покарал...

— Если ты такой верующий, тогда зачем же ты к красным-то пришел?

— А затем, что они раздали нам землю! — как-то торжественно произнес Прокоп. — И землю раздали, и помещиков разгромили. Ты знаешь, что со мной, Прокопом Кузьмичом, станет, если красных разобьют? Да белые меня

просто уничтожат, так что и следа не останется, всю семью мою изведут, и в первую очередь мою языкастую Елизавету, которая народила мне девятерых ребятишек. Ну и бедовая она, Елизавета! Это она натравила всех бедняков нашего села на помещика. Если бы ты только знал, что она за баба! Вот и меня она послала воевать, прямо-таки приказала! Брось, говорит, Прокопушка, кормить дома вшей, тебе дали десять десятин, вот и иди воюй за эту землю! Если что — умри, но чтобы земля эта больше никогда не стала помещичьей!..

Матьяш не очень внимательно слушал Прокопа, для него гораздо важнее были не слова этого мужика в солдатской форме, а его отношение к Матьяшу — своей добротой, неторопливостью и крестьянской рассудительностью Прокоп успокаивал парня, вселял в него надежду.

— Спасибо тебе, Прокоп, — поблагодарил его парень растроганно.

Однако Прокоп Кузьмич почувствовал себя неловко — за всю свою жизнь ему редко приходилось выслушивать слова благодарности. Выплюнув изо рта окурок, он резко бросил:

— Замолчи! Сейчас поешь немного каши — и к командиру. Перед Лукачевым веди себя честно: он вполне достоин всяческого уважения!

Когда Матьяш умылся, Прокоп повел его в похожее на кладовку небольшое помещение, где на полках стояли горшки и плошки. В одном из горшков он нашел остатки холодной гречневой каши, сваренной накануне. Он вывалил ее в миску и дал парню. Жареный цыпленок, приготовленный руками матери, вряд ли показался бы Матьяшу в этот момент вкуснее. Быстро орудуя деревянной ложкой, Матьяш разделался с кашей и попросил:

— Водицы бы попить...

Пожилой красноармеец дал ему воды и сразу же сделался серьезным.

— Следуй к командиру, сукин сын! — распорядился он. — Командир с раннего утра на ногах, добрые дела делает. Руки назад! Завяжу я тебе их — таков порядок!

Парень послушно повиновался, опасаясь, что доброму Прокопу Кузьмичу может попасть из-за него, и пошел туда, куда ему показали.

Матьяша ввели в чистую комнату, обставленную по-военному скупо: железная кровать, застланная простым одеялом, вычурный резной письменный стол и несколько стульев. К удивлению Матьяша, в комнате кроме командира ро-

ты находились Бабушкин и Зефиров. Усы у Зефирова были лихо закручены. Волосы у Бабушкина были тщательно зачесаны набок. Командир роты тоже выглядел намного свежее, чем вчера: следы усталости почти полностью исчезли с его слегка тронутого оспой лица, а взгляд внимательных глаз стал более острым.

— Хорошо, Прокоп, — тепло сказал ротный красноармейцу. — Иди и наведи вместе с ребятами порядок в расположении. После завтрака всем быть на своих местах.

Стоило Прокопу Кузьмичу выйти, как Матьяша снова сковал страх.

Ротный отошел к окну и, не поворачиваясь, спросил у Матьяша:

— А Надя, кто она такая?

Услышав этот вопрос, Матьяш испугался. Почему это Надя заинтересовала красного командира? Откуда он знает о ней? Матьяш не знал, что, находясь в бессознательном состоянии, он не раз называл ее имя.

— Девушка одна... из Черново... Она моя невеста... — проговорил он взволнованно.

— А сам ты кто такой?

— Митя. С хутора Лебедева, что недалеко от Черново...

— Опять же врешь, мерзавец! — перебил парня возмущенный большеглазый Бабушкин. — Какой же ты Митя из Черново, когда вчера сам орал, что ты военнопленный...

— Товарищ командир, точно, он это и выкрикивал! — бойко поддержал товарища Зефиров. — Это чтобы мы его не трогали! Он, мол, к русским никакого отношения не имеет! Да он нас нарочно за нос водит!

Ротный с любопытством посмотрел на парня, он даже обошел вокруг него, заглянул в глаза, а затем спросил:

— Какой же ты тогда Митя?

Матьяш судорожно глотнул и, захлебываясь воздухом, быстро-быстро заговорил, словно боясь, что ему не дадут времени высказать все, что он хочет и должен сказать.

— Я Мати Лакатош, что значит — подмастерье... Так меня дома звали. Я хуторским об этом не раз говорил, а они только руками машут... Говорят, что по-русски мое имя не Мати, а Митя.

— Ну-ну, Митенька, — ехидно усмехнулся Зефиров. — Продолжай, продолжай, Митя Лакатош, да только нас тебе не провести!

— За ним надо следить и следить! — подхватил Бабушкин. — А то этот Митя такого наговорит! То он мужик, то он пленный, а на самом деле — хитрец из хитрецов!

Ротный строгим взглядом заставил Бабушкина замолчать, а затем подошел к столу и сел. Он выглядел взволнованным.

— Говорите, что дома вас все называли Мати Лакатош, а что это за имя такое?

Матьяша снова охватила тревога. Мысленно он начал уговаривать себя, убеждать, что бояться нечего, и в какой-то степени ему это удалось.

— Это венгерское имя, командир. Полное мое имя Матьяш.

— А где ты, мадьяр, в плен попал?

— Во время Брусиловского прорыва под селом Отлика.

— А когда это было?

— В 1916 году.

— А если поточнее?

— 6 июня, на третий день наступления.

— А в каком полку ты служил?

— В 1-м Будапештском пехотном полку.

Эти воспоминания двухлетней давности о Брусиловском прорыве рассердили Зефирова, и он сказал:

— Смотри, командир, этот тип что хочет, то и мелет. После того случая с переодетым мужиком я таким уже не верю. Шпионов, перед тем как послать их на задание, многому учат. Этот Митя лучше вызубрил придуманную для него легенду, чем я могу рассказать о себе. Ты, командир, лучше спроси его о Мамонтове, Деникине, Врангеле и других контриках. О них этот Митя может многое знать!

— Он понимает, что все равно мы не сможем проверить его слова, — заметил Бабушкин. — И чего ты с ним столько нянчишься?

Без этих двух упрямцев допрос Матьяша проходил бы значительно легче, но командир намеренно попросил их присутствовать, поскольку оба они входили в ротный солдатский комитет и пользовались авторитетом у личного состава.

— Не знаю, что вы станете говорить позже, когда я по ошибке прикажу пустить его в расход, — проговорил командир. — А почему бы нам и не подскочить в Черново, тем более что время у нас есть? Вот тогда и узнаем, правду он говорит или врет.

Матьяш, немного оправившись от страха, спросил:

— Командир, ты тоже думаешь, что я шпион?

— А то кто же? — холодно спросил ротный. — Твое счастье, если это не подтвердится. Будь готов к долгому разговору...

— В руках белоказаков моя невеста!..

— Тут мы бессильны... А откуда тебя призвали в полк?

— Из Будапешта.

— Это не ответ. Будапешт — большой город, одних жителей почти миллион.

— Ты хочешь сказать, что знаешь Будапешт лучше меня? Ты же русский...

— Русский, русский, — с какой-то странной интонацией повторил командир. — Но к тебе это не имеет никакого отношения. Я знаком со многими интернационалистами, и среди них из сотни человек девяносто мадьяры, а из сотни мадьяр человек десять обязательно окажутся будапештцами. Так что я кое-чему у них научился. Ты продолжай рассказывать...

Матьяшу вдруг показалось, что он дома, на широкой улице Гемб, где пахнет металлической окалиной...

— Что я могу сказать?.. — проговорил он задумчиво. — С мая шестнадцатого года я не был дома...

Эти негромко произнесенные слова Матьяша как бы подзадорили Зефирова. Подкрутив и без того торчащие кончики усов, он с ехидством сказал пленному:

— Давай-давай, мели дальше! Расскажи нам, как рабочий из Будапешта стал лакеем Деникина!..

— Не заскакивай наперед командира, Зефиров, — спокойно оборвал красноармейца ротный. — Не мешай.

Бабушкин, вспомнив о вчерашнем вечернем допросе, предложил:

— Можно и более коротким путем добиться от него ответов.

Во взгляде командира появилась твердость, он стал холодным и острым.

— Я знаю, что вы не из слабаков, — усмехнулся командир. — Но успокойтесь оба. — И, повернувшись к Матьяшу, коротко спросил: — А где ты работал в Будапеште?

— На металлургическом заводе Шлика-Никольсона. А тебе не все ли равно?..

Кулак ротного с силой опустился на стол.

— Отвечать на вопросы! — сказал командир так резко, что Матьяш даже вздрогнул. — Где находится этот завод?

— В Будапеште, проспект Ваци, сорок пять...

— А трамвай ходит по той улице?

— Конечно...

— Какой номер?..

— Третий...

— А остановка есть перед заводом?

— Конечно...

— А как она называется?

— «Улица Чанго».

— А номер телефона завода знаешь?

— Нет... знал, но забыл.

Но сам командир роты прекрасно знал этот номер: 74-16. Однажды, а случилось это как раз в день объявления мобилизации, ему срочно нужно было позвонить отцу, который работал на том заводе сталеваром. Звонил он отцу из центрального гаража венгерской королевской почты, дозвонился, но отца к телефону не подозвали. Секретарша ответила, что у них не принято подзывать рабочих к телефону даже в том случае, если объявлена всеобщая мобилизация...

— Ты слышишь, Бабушкин? — продолжал ехидничать Зефиров. — Он, видите ли, забыл! Смотри, как у нас на глазах венгерский рабочий превращается в контрика.

Матьяшу вдруг показалось, что у него хотят навсегда отнять и вид на гору Хармашхатар, и обудайские черепичные крыши. Ему стало страшно и за улицу Гемб, и за завод с его неприятным запахом горячей окалины, который отравлял им жизнь. Ему захотелось сунуть под нос Зефирову свои рабочие мозолистые руки, но они были связаны за спиной. Захотелось доказать этому солдату с усиками, что он настоящий венгерский рабочий с завода Шлика-Никольсона.

— Ты негодяй, а не большевик! — нервно выкрикнул парень, потеряв самообладание. — Садист, вот кто ты такой!

Услышав эти слова, Зефиров подскочил к парню и замахнулся кулаком.

— Сейчас я тебя расплющу, скорпион! — выкрикнул он. — Меня в вологодской тюрьме царские жандармы избивали плетьми вместо завтрака и ужина!.. А ты...

Бабушкин успел схватить Зефирова за руку. Командир роты при этом даже не пошевелился, но сказал веско и убедительно:

— То были царские жандармы, Зефиров, а это венгерский военнопленный! — И в голосе его была такая сила, что разбушевавшийся солдат сразу же сник.

— Но еще и гад! — все-таки ввернул Зефиров. — Мы уже слышали, что офицеры австро-венгерской армии перешли на сторону контрреволюции!

Командир роты лучше Зефирова знал, как вели себя в плену офицеры бывшей австро-венгерской армии. Он знал, что они собирали сведения о своих солдатах, которые записывались в Красную гвардию, и делали это для того, чтобы,

вернувшись после окончания войны домой, сообщить все, что им известно, полиции. Ротный, как бывший служащий будапештской почты, прекрасно понимал, что если кто-то из таких офицеров узнает о его деятельности в Советской России, то не преминет сообщить об этом венгерским властям, а уж те воспользуются случаем рассчитаться с ним, когда он вернется в Венгрию.

— Те, кого ты имеешь в виду, господа да офицеры, — осадил ротный Зефирова. — А этот парень — простой слесарь, батрак богатого казака-землевладельца. Вы посмотрите на него повнимательнее! Хорошо же вы его разукрасили, ничего не скажешь...

— А ты вспомни того мужика с корзиной, — снова начал Бабушкин, уставившись на командира расширенными глазами.

Наступила длинная пауза, которую первым нарушил Зефиров.

— Эх, товарищ командир! — с упреком произнес он. — Увидел венгерского пленного и всю строгость свою растерял. Еще неизвестно, венгр ли он и пленный ли?

Но ротный только что убедился в том, что перед ним на самом деле стоит венгерский парень. Конечно, о себе он мог запросто насочинять всяких небылиц, но то, как он произносил русские слова, как двигались его губы, как раздувались ноздри, как смотрели глаза, убедило командира. На такое не способен ни один, даже самый талантливый, артист.

Упрек Зефирова, однако, задел его. Высокий и крепкий, он выпрямился и, встав из-за стола, остановился перед Зефировым.

— С тех пор как я живу в России, я достаточно повидал и русских крестьян, и русских рабочих, вместе с ними я сражался за Советскую власть, но ни разу не пытался злоупотреблять своей строгостью. И меньше всего по отношению к тебе, Зефиров. Ты, я думаю, еще не забыл двор нашей казармы в Оренбурге? Если бы вас тогда не вызволили из клубка эсэров и меньшевиков, ты теперь не спорил бы здесь со мной. Но я и тогда не спешил рубить сплеча. Вспомни, как меня торопили товарищи, точно как ты сейчас, но я не чувствовал себя этаким всемогущим человеком-богом. Я был простым бедняком, который вынужден, понимаешь, вынужден убивать людей! Если бы я не обращался с тобой так же, как с этим вот венгром, кости твои, Кузьма, давно сгнили бы в братской могиле в Оренбурге! Вот я и

хочу спросить тебя, Кузьма, как ты можешь обо всем так судить?

Зефиров видел командира в боях, хорошо знал его, а потому решил как-то оправдаться перед ним.

— Ты прав, командир, — согласился он. — Но с тех пор меня четыре раза ранило в боях за дело революции, а в октябре прошлого года я поседел.

Лукачев почти бесшумно подошел к окну и, сняв фуражку, сказал:

— И я поседел, братишка! — Он усталым жестом бросил фуражку на стол, обеими руками провел по тронутым сединой волнистым волосам и, повернувшись к Матьяшу, спросил: — А где ты жил в Будапеште?

— На улице Гемб, ближе к углу улицы Теве.

— А дом какой?

— Номер двадцать девять. Да что об этом говорить, все равно это для тебя пустой звук!.. До Будапешта далеко. Мне о нем лучше и не говорить, все на душе легче. Глаза бы повылазили у тех, кто оторвал меня от дома...

Командир отошел от окна в сторону, чтобы не заслонять света и лучше рассмотреть парня, черты лица которого с каждой минутой казались ему все знакомей и родней.

— Развяжи ему руки! — приказал он большеглазому.

Тот повиновался и, достав нож, разрезал веревки, которыми были связаны руки парня. Матьяш начал растирать запястья, радуясь тому, что руки слушаются его.

— Расскажи что-нибудь о своей семье, — к удивлению Матьяша, попросил вдруг командир.

— О семье?.. — переспросил Матьяш. — Ну что ж... Есть у меня сестра... Был и старший брат, но он погиб в Галиции в самом начале войны... в августе, а может, в сентябре 1914 года. А мать... вот кого мне сейчас больше всего не хватает. Помню ее лицо, когда она провожала меня на фронт...

В глазах командира появился какой-то странный блеск. Крепко стиснув зубы, отчего борода его встопорщилась, он воскликнул:

— О матери лучше не говори!

Матьяша удивила столь странная просьба Лукачева, тем более что хотелось говорить именно о ней. Немного недоумевая, он продолжал:

— До мобилизации мы отливали чушки для набережной в Фиуме. Отец мой тоже работал на заводе Шлика, литейщиком, а до этого был хорошим столяром. Умный человек, много читал... В Римасомбате он вращался среди организо-

ванных рабочих... Потом попал в Пешт, где выучился на столяра, а уж после стал литейщиком: те больше зарабатывали. Узнав, что и меня забирают на фронт, отец с горя запил...

Лицо Матьяша исказилось, он с трудом сдержался, чтобы не расплакаться.

— Продолжай! — потребовал ротный.

— Сестра моя работает на фабрике «Кендер-Юта»... Ухаживал за ней один мастер по изготовлению рамок... он из моих друзей, мы с ним вместе еще на танцульки ходили. Он, как и я, держал кроликов. Зашел он как-то в воскресенье к нам, посмотреть на моих кролей, увидел сестру, ну и влюбился... Его тоже в армию забрали, хотя он и хромал немного. Сестра, правда, из-за этого недостатка не очень-то и принимала его ухаживания...

Парень снова замолчал, а Лукачев тихо попросил:

— Продолжай. Я тебя внимательно слушаю...

— А о чем еще говорить? — Матьяш передернул плечами. — Отец всегда уговаривал меня заняться тем же делом, чем занимался старший брат. Заставлял меня читать книги, но, если сказать по правде, у меня к чтению особой любви не было. Я охотнее ходил на Дунай рыбу ловить, там у водозабора всегда водилось много уклейки... Однако кролики интересовали меня больше рыбы. Мой брат завел бельгийскую крольчиху, которая принесла большой приплод. Если бы я мог, я показал бы брату ее крольчат, и он наверняка обрадовался бы. Вот какие глупые мысли приходят иногда мне в голову...

Матьяш рассказывал, а оба красноармейца внимательно слушали его. Но теперь от их злости не осталось и следа.

Лукачев непонятно почему не сводил взгляда с собственной фуражки. Губы его едва заметно шевелились. Он думал о том, как ему сказать ничего не подозревающему пленному всю правду. Так ничего и не придумав, он, переведя взгляд на Зефирова, сказал:

— Кузьма, я закончил допрос, теперь продолжайте вы.

Зефиров вопросительно посмотрел на Бабушкина, но тот растерялся и не знал, как поступить. Растерялся и Зефиров.

— Ну что ж, если ты закончил, товарищ командир, то и я не вижу надобности продолжать, — наконец сказал он.

— А ты, Бабушкин, чего молчишь?

Бабушкину было стыдно за свое вчерашнее поведение и потому захотелось сказать что-то хорошее, чтобы командир сразу понял, что он раскаивается.

— Ну, командир, влепи ты мне хорошую затрещину... И не сердись, если я попрошу тебя кое о чем...

— Ну и чудак же ты, Андрей!.. — весело отозвался ротный и отвернулся к окну, чтобы присутствующие не увидели его глаз. — Так о чем же ты хочешь попросить меня?..

— Послушай, командир, не думай сейчас о службе, а на меня с Бабушкиным и вовсе не обращай внимания... Поговорите-ка вы лучше на своем родном языке...

Лукачев почувствовал, как навернувшиеся слезы затуманили ему глаза. Повернувшись к красноармейцам, он произнес:

— Да, я действительно хочу поговорить с ним по-венгерски... Ведь это мой родной брат...

Матьяш слышал эти слова, но, казалось, ничего не понимал. Он просто остолбенел. Все происходящее было так похоже на чудо.

7

Мухи, назойливо жужжа, летали по кухне, ползали по столу и по подоконнику, нахально садились на только что вымытую посуду, на края шайки для мытья посуды, никого не боясь.

Самые наглые из них норовили сесть на спину девушки, где под тонким ситчиком блузки еще оставались незарубцевавшиеся раны. Устав отгонять мух, Надя накинула на плечи платок, хотя в кухне было жарко и душно.

Несколько минут назад закончился обед. Офицерам и хозяину она подала жареных цыплят, а рядовых казаков накормила кулешом, приготовленным из пшена и свинины. Пообедав, казаки разбрелись кто куда, а офицеры перешли в другую, более прохладную комнату и там пили водку и беседовали с хозяином.

Надя проворно управилась со своей работой, стараясь все делать быстро и хорошо, чтобы, не дай бог, не вызвать недовольство хозяина и его гостей. За весь день она не произнесла ни слова. А когда выходила из кухни к мужчинам, подавая им еду или убирая грязную посуду, то старалась, чтобы на лице ее было самое неприятное выражение. Вернувшись в кухню, она снова и снова принималась плакать. Мысленно девушка обращалась к господу, моля его смилостивиться над ней и сделать так, чтобы ее Митя поскорее вернулся к ней живым и невредимым.

Неожиданно послеобеденную тишину душного дня разорвали частые выстрелы. Надя бросила в шайку с водой грязную тарелку, сдернула с плеч платок и кинулась в кла-

довую. Запереть за собой дверь она не могла — замок был только снаружи. По лестнице она побежала на чердак, но на полпути подумала, как бы ее не заметили с земли. Она укрылась за кучей хлама возле стены — присела на корточки, затаила дыхание и стала прислушиваться к звукам стрельбы, человеческим выкрикам и лошадиному ржанию. Через минуту в эти звуки вплелся шум мотора автомобиля. Временами по железной крыше дома прокатывалась дробь, будто по ней барабанил град. Перепуганная, Надя уткнулась лицом в кучу пеньки. Она очень испугалась. И в то же время ее переполняла радость — красные вернулись! Наверняка это были они, да и кто кроме них может напасть на белоказаков? Вспыхнувшая надежда разгоралась, и страх отступал. Но те ли это красные, к которым поскакал ее Митя? Может, эти люди приехали отомстить за убийство матросов?

Перестрелка, нарушившая летнюю тишину, закончилась так же неожиданно, как и началась. Однако девушка все не решалась покинуть своего убежища. Минута шла за минутой, стрельба больше не возобновлялась, и тогда Надя набралась храбрости и встала. На цыпочках она добежала до противоположной стены, в которой было крохотное оконце, и посмотрела в него. На краю фруктового сада она увидела какой-то странный, закрытый автомобиль со скошенными углами. Таких машин она сроду не видела. Вокруг автомобиля устало расхаживали какие-то солдаты. Надя внимательно всматривалась в приехавших, надеясь найти среди них Митю. Но его почему-то нигде не было. Из обрывков разговоров, долетавших до нее, она ничего толком не поняла. Появившаяся было в ее душе надежда быстро таяла. Почувствовав внезапную слабость и какую-то опустошенность, девушка опустилась на пыльный пол, глядя прямо перед собой отсутствующим взглядом.

И вдруг ей показалось, что кто-то зовет ее по имени. Она прислушалась, надеясь, что крик повторится. И не ошиблась.

— Надя!.. Надя!.. — отчетливо услышала она голос, который узнала бы среди тысячи других.

Девушка стремительно вскочила на ноги, ударилась обо что-то, но даже не почувствовала боли. Птицей слетела она вниз с чердака, радостно выкрикивая:

— Митенька!.. Дорогой мой!..

Силы оставили ее, и она упала на пол. Дрожа всем телом, девушка раскинула руки, судорожно хватая пальцами все, что валялось на грязном полу. Рыдания душили ее.

В таком виде и застал ее Митя, вбежавший с винтовкой в руке. На какой-то миг он растерялся, видя, как рыдает девушка, но тут же опустился перед ней на колени и, приподняв ее, обнял за голову. Руки его ласково гладили уложенные венцом косы, а взгляд не отрывался от заплаканного лица девушки.

— Надя!.. Надюша!.. Что с тобой?!

Его бородатое лицо приблизилось к красивому, бледному личику девушки, и он начал горячо целовать ее.

8

В одной гимнастерке, без головного убора, командир роты неторопливо обошел хутор. Фуражку он держал в руке, время от времени обмахиваясь ею как веером. День выдался на редкость жарким, а солнце светило так, что было больно глазам. Виктор невольно жмурился.

Закончив короткую рекогносцировку местности, ротный подошел к броневику, стоявшему на краю фруктового сада. Броня автомобиля от жарких солнечных лучей раскалилась. Вода в кожухе пулемета, из которого выпустили не одну очередь, нагрелась почти до кипения. Виктор не без труда втиснул свое крепко сбитое тело на сиденье водителя и, запустив мотор, медленно отогнал броневик в тень, под высокие яблони...

После этого он вылез из машины и лег неподалеку от нее на землю лицом вверх, закинув за голову сцепленные в замок руки. Краешком глаза он видел, что красноармейцы бродят по саду, срывают с деревьев зеленые еще яблоки, чтобы утолить жажду. Сначала Виктор хотел было предупредить товарищей, чтобы они поостереглись есть такую зелень, пощадили собственные желудки, но потом передумал и, лениво закрыв глаза, погрузился в думы.

Он чувствовал себя абсолютно счастливым и наслаждался редкими минутами долгожданного отдыха, хорошо понимая, что счастливым сделала его столь неожиданная встреча с младшим братом.

Услышав шаги, он сразу же догадался, что идет Матьяш. Виктор поднялся и, увидев брата, надел фуражку.

Рядом с Матьяшем, к удивлению Виктора, шла молодая, красивая и стройная девушка. Шла она, плавно раскачиваясь, легкой походкой, безбоязненно ступая босыми ногами по заросшей густой травой земле.

— Это Надя... — смущенно произнес Матьяш, приблизившись к брату.

Девушка с интересом посмотрела на Виктора. Глаза у нее были голубые, искристые. С присущей русским женщинам кротостью она сказала:

— Здравствуйте, Виктор Матвеевич, — и низко поклонилась.

— Так вы, оказывается, знаете, как меня зовут? — удивился Виктор.

— Давно знаю, — не смущаясь, ответила девушка. — И хорошо знаю всех членов вашей семьи. Я очень часто расспрашивала об этом Митю. Когда он говорит обо всех вас, он становится таким спокойным...

Виктор сразу почувствовал к девушке расположение.

— Могу я вас на «ты» называть, Надя? — спросил он.

— Уважьте, Виктор Матвеевич.

Громко топая, к ним приближался Бабушкин. Увидев его, Надя улыбнулась командиру и, кивнув ему и Матьяшу, пошла прочь.

Виктор, любуясь девушкой, смотрел ей вслед, а когда она отошла подальше, он похлопал брата по плечу и сказал:

— Ну и везет же тебе, братишка! Смотри, Матвей Матвеевич, береги ее!

Бабушкин, заядлый курильщик, подошел к ним, распространяя запах махорки.

— Хорошо, что ты пришел, Андрей, — заговорил с ним командир. — Нужно немедленно похоронить трех казаков...

Бабушкин, не выпуская изо рта огромной цигарки, прижмурился — едкий дым лез ему в глаза — и сказал:

— Я уже распорядился, командир, только яму для них пусть роют господа офицеры.

— Это уж как ты сам хочешь. А где они сейчас?

— Я их запер в хлеве, вместе с хозяином. Как мы с ними поступим?

Виктор Медве не торопился отвечать. Задумавшись, он снял фуражку:

— Давай сначала передохнем немного...

Бабушкин знал: командир никогда не торопится, если ему приходится решать чью-нибудь судьбу, но если уж он принимает решение, то никогда не отменяет его. Поэтому боец не стал торопить командира, а, повернувшись к Матьяшу, шутливо спросил:

— Ну, влюбленный голубок, как тебе понравились мои тумаки?

Взгляд Матьяша потеплел, но ответил он осторожно:

— До сих пор чувствую.

— А ты, как я посмотрю, меткий стрелок! — Бабушкин улыбнулся и выплюнул окурок на землю. — Я даже рассерчал, когда ты уложил казака, в которого я целился.

— Хватит с меня, настрелялся на всю жизнь... — Матьяша даже передернуло.

— Оно и видно! — проговорил Бабушкин, глядя на руки парня. — А где твоя винтовка?

Матьяш промолчал.

— А правда, где же все-таки твоя винтовка, братишка? — вдруг спросил и Виктор.

— В кладовке оставил... где Надю нашел...

— А ну, бегом за оружием! — гаркнул Виктор.

Матьяш со смущенным видом отправился за винтовкой.

— Не стоило на него кричать, командир, — улыбнулся Бабушкин.

— В кладовке, видишь ли, оставил, — насмешливо произнес командир, покачав головой. — Палку, если она оружие, и ту бросать нельзя. Мы первые винтовки сами в бою добывали, помнишь, Бабушкин? А он...

— Виктор Матвеевич, родному брату ты мог бы и простить такое... — со смехом произнес красноармеец, по-своему расценив строгость командира.

— Мальчишка, чего придумал... — ворчал Виктор, но по голосу его было понятно, что он уже не сердится на брата.

Тем временем возвратился Матьяш с винтовкой в левой руке. Правая рука, перевязанная, все еще побаливала.

— Андрей, ну-ка помоги ему! — решительно распорядился Виктор. — Да смотрите хорошенько за пленными. Их судить будут.

Бабушкин забрал у парня винтовку и повесил себе на плечо.

— Судить? — удивленно переспросил он. — А зачем такая канитель? Зефиров опять станет ворчать, ведь ему придется писать протоколы...

— Ты бы не ворчал! — оборвал его ротный. — В бою мы врагов бьем и не считаем, а вот с пленными обращаться следует строго по правилам.

— Мне-то что, — заметил Бабушкин. — Только зачем резину тянуть? — С этими словами он направился к бронеавтомобилю, оставил в нем винтовку Матьяша и пошел к группе красноармейцев, отдыхавших на траве.

— Вы что, хотите расстрелять их?.. — испуганно спросил Матьяш у брата.

Но Виктор, судя по всему, вовсе не собирался обсуждать этот вопрос с братом.

— Раньше времени не любопытствуй, все сам увидишь... А куда же ушла Надя? Увидела Бабушкина и, кажется, испугалась его.

— Это я сказал ей, чтобы она где-нибудь заперлась и немного отдохнула, — неуверенно проговорил Матьяш.

Эта неуверенность брата удивила Виктора.

— Наверное, боится, — проговорил он с печальной улыбкой. — Нас бояться не следует.

— Не в этом дело, — ответил Матьяш и, посмотрев в сторону отдыхавших в тени красноармейцев, добавил: — Она так устала, что едва держится на ногах. За одни сутки столько ужасов пришлось пережить... В такой обстановке и тронуться можно...

Виктор опустился на траву и, ослабив на несколько дырочек ремень, улегся на живот, подперев голову ладонями.

— Завидую тебе, братишка. Ты настоящих ужасов еще не видел.

Матьяш улегся рядом.

— Ты так говоришь, будто я вовсе на фронте не был. Не забудь, что в плен я попал под Луцком во время прорыва.

— Это я уже слышал! — Виктор покачал головой. — Я вполне могу себе представить, что там происходило. Но крохотная Путиловка — это тебе не Волга с ее необъятной ширью. На ее берегах я и поседел. Прошлой зимой. Наш полк, который был сформирован под Москвой из добровольцев — пленных мадьяр, белые так потрепали, что от него остался неполный батальон. Ты о населенном пункте Кинель ничего не слышал?

— Нет, не слышал...

— Расположен он между Самарой и Оренбургом, маленький такой городишко, но из-за атамана Дутова да, пожалуй, из-за нас о нем многие узнали.

Матьяша разбирало любопытство. Что он знал о своем старшем брате, о его приключениях и делах в Советской России? Почти ничего.

Пока они ехали от Ремонтной на бронеавтомобиле, Виктор только и успел рассказать ему о том, где и как он заболел оспой. Работали они тогда в калмыцких степях, ремонтировали сельскохозяйственные машины в имении одного графа, который, заполучив для себя большую группу военнопленных, решил поднять огромный клин целины. Жил тогда Виктор в калмыцкой юрте, там и заразился оспой от четырехлетней дочки местного священника. Больного Виктора и девочку отправили в Астрахань, в больницу. К сча-

стью, оба они выжили и выздоровели. Виктор, правда, встал на ноги раньше девочки; его организм, естественно, оказался более крепким. Но вот неизгладимые следы болезнь на его лице оставила. Обратно в калмыцкие степи Виктор не вернулся. Одно время он был санитаром в той же больнице, где лежал сам, и стал невольным свидетелем радости родителей девочки, приехавших забрать ее домой, когда она выздоровела. Виктора же отправили на север, где в ту пору строилась железнодорожная ветка на Мурманск, там он и работал, добывая гравий.

Однако этот рассказ не мог полностью удовлетворить любопытства Матьяша, ему хотелось знать о жизни брата в России как можно больше. Он был уверен, что между ними установятся теплые родственные отношения.

— Ну а как же ты влип в эту кашу?..

— В какую такую кашу, братишка? — быстро спросил Виктор.

— Ну, в этот ужас... В эту неразбериху...

— Ты, видимо, имеешь в виду революцию?

— Да... Так как же ты в нее вошел?..

Виктор перевернулся на спину и, задрав бороду, уставился взглядом в кроны деревьев, в просветах которых виднелось голубое небо. Он понимал, что должен многое рассказать брату, этому простодушному парню, который там, дома, не понимал, зачем он, Виктор, по воскресеньям вечером уходил на берег Дуная, откуда была видна северная оконечность острова Маргит. Ответить на вопрос брата Виктор не мог, а рассказывать подробно не имел ни возможности, ни желания.

— Сейчас не время... Пока лучше не спрашивай, братишка.

Матьяш думал о своем...: Судьба, видимо, смилостивилась над ним, ведь его старший брат оказался у красных, а сам он прибежал к ним за помощью. Правда, если бы не счастливый случай, то Бабушкин и его товарищи попросту поставили бы Матьяша к стенке и расстреляли. Однако, сколь бы трагическими ни были происходящие события и их личное положение, вывод напрашивался один — им обоим здесь, в России, делать нечего. Так думал Матьяш, и на душе у него было неспокойно.

— Я никак не могу понять, почему... — снова заговорил он. — Ну почему ты, попав в чужую страну, взялся за оружие, вместо того чтобы всей душой стремиться домой, на родину? Разве ты забыл, что мы все же военнопленные?

— Я не военнопленный уже с октября.

— Уж не хочешь ли ты меня убедить в том, что воюешь по своей воле?

— Я уже просил тебя, чтобы ты... не очень-то расходился, братишка...

Матьяш послушно замолчал. Отыскав в траве бледно-лиловый цветочек кукушкиных слезок, парень сорвал его и, раздавив пальцами, почувствовал приятный пряный запах.

А красноармейцы тем временем решили покататься на захваченных у казаков лошадях. Со смехом и шутками они подзадоривали сесть в седло одного своего товарища, который, судя по его виду, никогда не сидел верхом на лошади. Схватив беднягу, шутники силой усадили его в седло, обещая, что сделают из него лихого красного казака. Но даже эта забавная сценка не развеселила печально настроенного Матьяша. Ему очень хотелось, чтобы брат разговорился, но он не знал, как заставить его сделать это.

— Домой, нам нужно во что бы то ни стало вырваться отсюда домой! — наконец высказался Матьяш. — Нас ничто здесь не удерживает!

— А Надя?

— Когда я говорю о себе, то имею в виду и ее. Время идет ужасно медленно. Мне порой кажется, что я тут уже состарился, а война все не кончается. Не жизнь, а сплошная мука с постоянными ожиданиями, страхом и нервотрепкой...

Жалоба Матьяша произвела на Виктора впечатление. Ему стало жаль брата. Виктор и сам понимал, как тяжело Матьяшу жить здесь, вдали от родни, тосковать по дому, чувствовать себя сиротой. Ему захотелось хоть как-то утешить брата.

— Я тебя хорошо понимаю, Мати, — сказал он. — Конца этой войны я жду с таким же нетерпением, как и ты.

Матьяш верил брату, хотя никак не мог понять, почему же Виктор продолжает воевать, если, по его словам, так ждет окончания войны.

— Вы все время воюете. Из-за вас и продолжается эта кровавая бойня. Если бы не было никакой революции, белые не посягали бы на мою жизнь. Скажу одно: с какой бы целью вы ни воевали, вас тоже надо бояться.

От неожиданности Виктор сел и подался туловищем вперед, отчего гимнастерка на его спине туго натянулась.

— Ты что, принимаешь нас за диких зверей, которые жаждут крови и потому с радостью убивают людей?..

Прямой вопрос брата испугал Матьяша, и он, как бы оправдываясь, ответил:

— Что ты, братишка... Знаешь, Прокоп сегодня утром говорил, что ты человек справедливый, хотя тогда он еще не знал, что мы родные братья...

— Ну и что? — спросил Виктор.

— Ничего... Просто я хотел тебе сказать, что ты в чем-то запутался... быть может, даже помимо собственной воли. А сейчас тебя несет поток, из которого трудно выбраться. Тащит тебя независимо от того, хочешь ты этого или нет.

— Ты правда так думаешь? — неуверенно спросил командир и хрустнул пальцами.

Матьяш не хотел обманывать брата, но не хотел обманываться и сам, считая, что, как ни горька правда, говорить ее надо прямо в лицо.

— Я думаю, Виктор, что ты влип во что-то серьезное, влип, сам того не желая, так как с самого начала не мог видеть и рассчитывать, к чему все это может привести. С самого начала ты допустил какую-то серьезную ошибку, а теперь уже поздно исправлять ее. Вот тебя и несет поток. Прибиться к берегу ты уже не можешь и тем более не можешь выкарабкаться. А тебе этого хочется, я уверен, очень хочется... Я по твоему молчанию чувствую...

А Виктор действительно молчал. Он отвернулся, чтобы брат не разглядел выражения горечи на его бородатом лице. Виктор понимал, что убеждать Матьяша в том, что он не прав, вряд ли имеет смысл, и потому тихо и спокойно спросил:

— Так, говоришь, я влип во что-то серьезное?

— Думаю, да. Все дело в том, что ты человек добрый, сердобольный.

Виктор промолчал. Радость от встречи с братом постепенно уходила. Разумеется, Виктор отнюдь не ожидал, что младший брат сразу поймет его, однако на какое-то понимание он все же рассчитывал. Виктор провел своей большой рукой по кустику пастушьей сумки, который оказался на уровне края голенища его сапога. Это было обычное, скромное растение, которое можно встретить повсюду по берегам Дуная. На тоненьких, но крепких стебельках ветвились крохотные твердые соцветия в форме сердечка. Здесь, в донской степи, лежа под яблоней, Виктор, прикоснувшись к цветку пастушьей сумки, словно побывал на берегу Дуная.

После небольшой паузы Виктор сказал, глядя в сторону хутора:

— А ведь белоказаки очень просто могли поставить тебя к стенке.

— Возможно... — согласился Матьяш.

— Чуть в расход не пустили. Твое счастье, что ты сбежал, встретил нас и вместе с нами вернулся сюда. Скажи, братишка, думаешь, это по чистой случайности?

Матьяш не ожидал, что ему придется отвечать старшему брату, он сам намеревался забросать Виктора вопросами. Да, белоказаки действительно собирались расстрелять его, но и красные намеревались поступить с ним точно так же. Тем более что, как назло, незадолго до его появления они разоблачили какого-то лазутчика. Так что обстановка для Матьяша сложилась тогда самая неблагоприятная. Он тогда так перепугался, что мог натворить бог знает что. Сейчас же он хотел одного — раскрыть перед Виктором душу, чтобы брат понял его.

— Я лично свое оружие сложил и больше никогда не возьму в руки.

При этих словах глаза Виктора расширились, а взгляд стал грустным и осуждающим.

— Хорошо тебе, а вот мне вместо тебя придется воевать дальше.

— Нет, я не это хотел сказать...

— А что же? Имей в виду, что есть люди, которые принимают участие в этой войне совсем по иным соображениям, чем мы. Должен тебе сказать, что, сложив оружие, не решить многих проблем. Нам действительно приходится убивать людей. Но мы не по доброй воле делаем это. Враги превратили нас в таких...

— Не надо, Виктор!

— Почему, Матьяш? Уж не боишься ли ты меня, братишка? — Губы Виктора, почти скрытые бородой и усами, слегка вздрогнули.

Матьяш схватил брата за плечо и выпалил:

— Едем домой, Виктор! Едем...

— Прекрати ты! — Командир вырвался из рук брата.

— Давай вернемся домой, на родину, милый ты мой братишка! Самое важное уже произошло — мы нашли друг друга! Я так хочу снова оказаться на заводе Шлика... Хочу снова пройтись по нашей улице, поспорить с нашими ребятами, а не с русскими здесь!.. Какое нам с тобой дело до того, что у них тут происходит?!

Виктор с удивлением слушал брата. Его просьба, скорее похожая на мольбу, невольно вызвала в памяти Виктора другую картину. Не так давно, случилось это в середи-

по весны, полк, в котором служил Виктор, вел бои в Донецком бассейне, где они прорывались в направлении Екатеринослава. Ночью, измотавшись за день до чертиков, Виктор заснул и увидел такой сон: вроде бы он демобилизовался из Красной Армии и получил официальное разрешение на возвращение домой. Все необходимые документы ему выдали в торжественной обстановке. Рота, которой командовал Виктор, расположилась в каком-то складском помещении, прямо на голом полу. Прежде чем уснуть, красноармейцы долго ворочались с боку на бок. Виктор не мог уснуть. Он начал тщательно готовиться к поездке домой: отобрал все свои вещички, подправил деревянный сундучок. Только начал укладывать вещи... а тут красноармейцы его разбудили и спрашивают: «Что случилось, командир? Что это ты во сне руками размахиваешь?»

И вот теперь, через несколько месяцев, на хуторе в донской степи родной брат разрывает ему сердце своими разговорами.

— Не волнуйся, братишка, настанет время, и я вернусь домой, а сейчас ты должен понять — я выбрал для себя другой путь.

— Домой! Домой, дорогой братишка, и немедленно!.. — по-детски плаксивым голосом причитал Матьяш, не в силах успокоиться.

Ротный встал и сразу же превратился в серьезного, даже сурового командира; не обращая внимания на брата, он расправил гимнастерку, потуже затянул поясной ремень, а затем, словно сжалившись над Матьяшем, тихо произнес:

— Я тебя очень прошу, никогда больше не заговаривай со мной о том, что я почти каждую ночь вижу во сне...

Сказал и медленно пошел к красноармейцам, расположившимся в конце сада.

9

Веранда богатого хозяйского дома выходила на южную сторону. За домом раскинулся внушительных размеров двор, слева виднелись различные хозяйственные постройки: сараи, амбары и мастерская, в которой работал и жил Матьяш. С правой же стороны, чуть поодаль, были видны стожки сена, копны соломы, поленницы дров и кучки каменного угля, отделенные друг от друга на случай пожара. Напротив хозяйского дома располагался деревянный амбар, в котором хозяин Осип Кузьмич Лебедев хранил пшеницу. Вот

в этот-то амбар красноармейцы и заперли двух пленных офицеров.

На разведку командир батальона Силаев направил усиленное отделение. Связавшись с Силаевым, который располагался в Киселевке, командир роты Виктор Матвеевич Медведь, Медведев, или Лукачев, как обычно называли его здесь, попросил разрешения самому съездить на хутор. Силаев приказал ротному вернуться в расположение батальона не позднее чем через сутки. Если сообщение о зверском убийстве четырех красных матросов подтвердится, виновных строго наказать, особенно если те являлись офицерами временной армии так называемого Кубанского правительства.

Виктор отправился на хутор в бронеавтомобиле, в который он с трудом втиснулся. Сбоку от автомашины на свежих конях ехали восемь красноармейцев. В дорогу взяли продовольствие, питьевую воду и одеяла. С помощью Матьяша, выполнявшего обязанности проводника, усиленному броневиком разведывательному дозору удалось так же незаметно подойти к хутору, как это сделали накануне белоказаки.

Похоронив троих убитых в перестрелке казаков, бойцы помылись и пообедали. Выставили вокруг хутора дозорных. Было решено допросить пленных офицеров. Для этой цели выставили на веранду стол, положили на него несколько листков помятой бумаги и чернильный карандаш. Вести протокол допроса предстояло Зефирову.

Писать протоколы Зефиров не любил. Однако начальство настаивало на необходимости их ведения, более того, сам Виктор Матвеевич тоже требовал этого, а поскольку самым грамотным человеком в роте зарекомендовал себя Кузьма Зефиров, то, естественно, исполнять эту не очень-то приятную обязанность приходилось ему.

Виктор и Бабушкин уселись на ступеньках веранды и время от времени посматривали в сторону освещенного солнцем амбара. Матьяш стоял в раскрытых дверях кухни, прислонившись к косяку, и теребил бинт на перевязанной руке. Назойливо жужжали мухи, страшно раздражая разморенного жарой Бабушкина. Рукава бумажной гимнастерки он завернул по локти, обнажив здоровенные ручищи со вздутыми венами. На одной руке его синела наколка, изображавшая серп и молот в обрамлении лаврового венка. Аккуратно расправив рукава, Бабушкин спросил у Виктора:

— Можем начинать?

— Да...

— Привести врагов Советской власти! — громко выкрикнул Бабушкин. Таким голосом обычно кричат путнику, находящемуся на другом берегу реки.

Два красноармейца отперли двери амбара, приказали пленным выходить. Первым, по-стариковски шаркая, вышел Лебедев, а вслед за ним показались и оба офицера с равнодушными лицами и не спеша направились к дому. Подпоручик, он был пониже ростом, за ночь отдохнул, его полное лицо было выбрито до синевы и лишь под глазами остались темные тени. Поручик же, талии которого позавидовал бы любой спортсмен, чванливо вздернув красивую голову, шел, едва заметно усмехаясь. Осип Кузьмич, тяжело переставляя ноги, старался не отставать от офицеров, боясь, что бойцы станут подгонять его, подталкивая в спину прикладом винтовки.

Пленные остановились в четырех шагах от веранды, напротив красных, под палящими лучами солнца. С ненавистью и любопытством те и другие уставились друг на друга.

Виктор поднял голову и, посмотрев на своих бойцов, охранявших пленных, негромко, но внятно сказал:

— Может, начнем с господина подпоручика?

Сидевший за столом Зефиров подался туловищем немного вперед и спросил подпоручика:

— Как тебя зовут, палач?

Офицер молчал.

— Ты что, не понял, сукин сын?! — повысил голос Зефиров.

Однако подпоручик не испугался.

— Такого тона я не понимаю, — холодно проговорил он. — Вы можете расстрелять меня, но потрудитесь разговаривать со мной по-человечески.

— Для тебя сейчас это уже не имеет никакого значения! — грубо заметил Бабушкин.

Командир роты остановил их.

— Подпоручик, назовите свое имя и фамилию, — спокойно обратился он к офицеру.

— Валентин Павлович Русаков.

— Где родились?

— В станице Тихорецкой, на Кубани.

— Когда?

— 22 марта 1887 года.

— Женаты?

— Да.

— Где живет семья?

— В Екатеринодаре.

— А ваши родители?

Зефиров быстро записывал ответы офицера, опуская при этом вопросы, задаваемые командиром. А когда подпоручик не ответил на очередной вопрос ротного, Зефиров даже несколько обрадовался тому, что он может чуть передохнуть, не торопиться с записью, однако не выдержал и выкрикнул:

— Ты что, оглох? Тебя спрашивают о твоих отце и матери!

Офицер молчал, но, поймав на себе недобрые взгляды допрашивающих, заговорил снова:

— Мои родители жили на побережье Черного моря, в Евпатории. Когда красным стало известно, что я служу в добровольческой армии генерала Корнилова, отца схватили и, привязав к ногам камень, бросили живым в море. Сделали это матросы-большевики. После этого мать покончила жизнь самоубийством. Итак, с декабря прошлого года у меня нет родителей...

— Клевещешь на революцию! — рявкнул на подпоручика Бабушкин.

— Прошу мне не «тыкать»!

Большеглазый боец без особого желания, но все же несколько сбавил тон:

— Не надо нам рассказывать сказки про вашу Евпаторию. Лучше скажите, на что вы надеетесь?

— Ни на что. Я хотел бы умереть в бою.

Бабушкину было противно сытое лицо офицера, его пухлые руки, весь его облик, и красноармеец с трудом сдерживался.

— Это интересно! Если вы, господин подпоручик, такой герой, то почему же вы дожидались, пока мы вас схватим? Почему не избавили нас от такой грязной работы? Почему пожалели себя и не пустили последнюю пулю себе в лоб? Свой пистолет вы отдали мне в руки, и в нем не было патронов.

— Да, патронов в нем уже не было, потому что я стрелял в вас. Отечество поручило мне делать это, и я выполнял свой долг. Зачем попусту тянуть время, кончайте со мной, и все!

Зефиров слушал вопросы и ответы, но ничего не заносил в протокол, а Бабушкин тем временем продолжал:

— Я вижу, вы хорошо говорить умеете, красиво. И все понимаете, наверное. Хорошо понимаете, что после зверского убийства четырех красных матросов надежды на спасение у вас почти нет...

Командир роты намеренно позволил Бабушкину допрашивать офицера. Но теперь он и сам увидел, что тянуть время не имеет никакого смысла.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, — сказал он подпоручику. — Не скажете ли, с каких пор вы воюете против красных?

— С самого начала.

— И где начинали?

— На земле Войска Донского...

«Большая территория... Пожалуй, равна территории Австро-Венгерской монархии... Однако этот подпоручик больше привязан к своей земле, чем я к своей. И вот теперь он в моих руках, в моей власти. Однако я не спешу лишить его жизни, для этого мне нужны веские доказательства...» — подумал Виктор и спросил:

— Господин подпоручик, у меня есть к вам еще один вопрос... Вряд ли вам есть смысл перечислять все населенные пункты и места, в которых вы воевали против нас, это заняло бы слишком много времени. Лучше скажите мне, находились ли вы в конце 1917 года в Донбассе?

— Да, — решительно ответил офицер.

— Скажите, а населенный пункт Ясиноватая на вашем пути не встречался?

— Как же, встречался. Я его хорошо помню, хотя бы потому, что там мы одержали блестящую победу. Генерал Каледин по этому случаю объявил всем офицерам, принимавшим участие в операции, благодарность.

Услышав такой ответ, Зефиров ухватился обеими руками за край стола и выкрикнул:

— Убийца!

Однако командир роты не потерял хладнокровия, только на лице его выступили бисеринки пота.

— Где оружие подпоручика? — негромко спросил он у Бабушкина.

— А где оно может быть? Разумеется, у меня.

— Принеси пистолет мне.

Бабушкин поспешно удалился. Ротный же продолжал внимательно рассматривать пленного. Лебедев стоял в двух шагах от подпоручика и скулил жалобно, словно побитый пес. Подпоручик стоял ровно, не горбился, но лицо его заметно побледнело.

— На вашей совести много преступлений, на вашей совести смерть людей. Я собственными глазами видел над Ясиноватой гору трупов. А ведь это были простые шахтеры, мирные гражданские лица! Там же вами были зверски рас-

стрелянЫ и сорок пять пленных венгров, которых вы сочли красными, на самом же деле вся их вина заключалась только в том, что они изъявили желание добровольно добывать уголь для Советской власти. Главное, конечно, вовсе не в том, что это были венгры, рядом с ними были и русские и украинцы. Главное — что все они не были солдатами, не воевали против вас... это были простые горняки, а вы их всех расстреляли. Вот за что вы получили благодарность от Каледина!

На веранду вернулся Бабушкин с пистолетом в руке. Командир роты взял у бойца оружие и спросил подпоручика:

— Вы готовы к смерти?

Офицер побледнел еще больше, резче обозначились круги под глазами.

— Готов! — почти с вызовом произнес он. — Единственное, о чем я жалею, так это о том, что умирать мне приходится не в бою, а вот так, от рук негодяев!

Бабушкин бросился к офицеру, чтобы ударить его, но командир роты остановил бойца:

— Спокойно! Нет, Бабушкин, мы ему не мстим! Он заслужил смерть... — Командир медленно зарядил пистолет одним патроном и, посмотрев на офицера, сказал: — Что ж, господин подпоручик, я согласен помочь вам. Возьмите свой пистолет. Я сам его зарядил. Последуйте примеру генерала Каледина, который в конце января пустил себе пулю в лоб, когда понял, что мы вот-вот возьмем Новочеркасск. Это для вас единственный достойный выход. — С этими словами командир сошел со ступенек и приблизился к офицеру. — У вас есть последнее желание?

— Разрешите мне попрощаться с моими товарищами, — попросил подпоручик хриплым голосом.

— Пожалуйста...

Первым к обреченному подошел поручик и протянул ему руку. Когда подпоручик ответил на пожатие, поручик сделал шаг назад и застыл по стойке «смирно». Лебедев занервничал еще больше, завздыхал, заплакал, нервно теребя правой рукой рукав поддевки.

— Возьмите...— Командир подал подпоручику пистолет.

Офицер, наклонив голову, медленно протянул дрожащую руку за пистолетом и взял его. Слегка пошатываясь, он направился к поленнице и скрылся за ней. Едва Виктор успел подняться на веранду, как прозвучал пистолетный выстрел. Испуганно вспорхнули в воздух несколько воробьев, сидевших на дровах.

— Господин поручик, подойдите ближе, — повернулся Виктор к пленному.

Стройный поручик вышел вперед, остановился, по-военному щелкнув каблуками сапог. Казачья форма на нем сидела безукоризненно. Остановившись, он бесстрастно посмотрел на тех, кто находился на веранде.

Зефиров обошел вокруг стола и, почесав кончиком карандаша затылок, спросил:

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Лиханов Анатолий Федорович.

— Когда и где родились?

— В Таганроге, 4 августа 1892 года.

Пока Зефиров записывал ответ, Бабушкин, достав из кармана кусок газеты и махорку, свернул цигарку. Чиркнув спичкой по кобуре, он прикурил и, сделав глубокую затяжку, выпустил клуб едкого дыма.

— Признаете ли вы свою вину?

Вероятно, в знак того, что он понял вопрос, поручик слегка кивнул. Он оставался серьезным, возможно, в душе он даже испытывал страх, однако из-за маленьких элегантных усиков казалось, что на лице его играет ехидная усмешка.

— Я только выполнял свой долг! — проговорил офицер.

— С каких это пор расправа с людьми и вооруженное нападение на законное государство стало долгом? — В голосе Бабушкина прозвучали нотки угрозы.

— Я всю жизнь только исполнял свой долг, — холодно повторил офицер.

Шумно вздохнув, Зефиров швырнул карандаш на стол:

— К чему этот протокол?.. Да и сколько можно нянчиться с ними?

— Не горячись, Кузьма Васильевич, — тихо произнес Виктор, всем своим видом призывая к спокойствию и терпению. — Записывай кратко, самое главное.

— Откуда вы знаете землевладельца Лебедева? — спросил Бабушкин офицера.

— До сих пор я не был с ним знаком. Но сын Лебедева, мой друг по службе, попросил меня, если я буду в этих местах, обязательно навестить его семью.

— С какой целью вы прибыли сюда?

— Мне было приказано произвести разведку пограничных районов Дона и Кубани. Оказавшись недалеко от Черново, я и решил завернуть на хутор Осипа Кузьмича. Вот и все.

Лебедев все время согласно кивал, как бы подтверждая этим правильность слов поручика.

— Ах вот как! — несколько тише, но зловеще проговорил Бабушкин. — Значит, «вот и все»! А как же четверо матросов? Может, они живы и здоровы? Мы прибыли сюда, чтобы рассчитаться с их убийцами! Вы за все ответите!

Офицер чуть заметно вздрогнул, но ему удалось взять себя в руки.

— Меня не страшит смерть!

Хитро сощурившись, Бабушкин молча посмотрел на командира, словно говоря взглядом: «Хватит нам слушать их...»

Виктор понимающе кивнул. Он не любил поспешности, призывал к осторожности, и не без причины. После того как в ноябре прошлого года в казацких областях было образовано так называемое свободное правительство, белые генералы предприняли рискованный «ледовый поход» против Советской власти, за который они заплатили дорогой ценой — генерал Каледин застрелился, генерал Алексеев отказался от дальнейшей борьбы, а генерал Корнилов был убит осколком снаряда при штурме Екатеринодара. Однако Виктор хорошо знал, что националистически настроенные белоказаки ни в коем случае не смирятся с поражением. Они начали готовить на юге второй поход, а поскольку собственных сил и средств для его проведения им не хватало, они обратились за помощью к Англии и Франции и получили от них все необходимое для продолжения борьбы: танки, самолеты, артиллерию, боеприпасы, различное снаряжение и продовольствие. Все это доставлялось в Россию через черноморские порты. Новый поход против Советской власти должно было возглавить новое военное руководство: вместо генералов Каледина и Корнилова появились генералы Деникин и Врангель.

Поручик Лиханов не подозревал, что взявшие его в плен красные из какого-то отряда специального назначения способны разобраться в столь сложной внутриполитической обстановке, что-то понять в стратегии. Виктор же намеренно не собирался переубеждать поручика. Ему важно было выяснить истинную цель появления поручика и его подчиненных в этих местах. Упоминание поручика о проведении разведки было воспринято командиром роты как само собой разумеющееся и лишний раз подтверждало предположение красного командования о том, что белые рассматривают районы Дона и Кубани как важный в стратегическом отношении регион, где они смогут сосредоточить свои главные

силы, чтобы двинуться в северном направлении, расширяя полосу наступления по мере продвижения вперед.

Пока Бабушкин докуривал свою цигарку, у Виктора созрело решение. Опершись о перила веранды одной рукой, Виктор сдвинул другой рукой фуражку, которая была точно такой же, как у поручика, только на месте царской кокарды алела вырезанная из сукна красная звезда.

— Если не ошибаюсь, вы служили в царской кавалерии? — спросил Виктор поручика.

— Я и сейчас в ней служу.

— А где вы в последний раз встречались с сыном Лебедева? — поинтересовался Виктор.

— В Сочи.

— В Сочи? А не в порту на выгрузке?

— Нет... Мы с ним довольно часто встречались, вместе проводили свободное время.

— Меня интересует выгрузка.

— Не понял вашего вопроса.

— В таком случае я вам помогу. Одесса и Севастополь, как вам прекрасно известно, находятся в руках белых, но использование этих портов затруднено тем, что сухопутные подходы к ним — в наших руках. Помимо этих портов на Кавказском побережье имеются и другие, в которых можно было бы разгружать военные грузы, поставляемые вам Англией и Францией. Меня интересует другое, а именно: когда вы принимали военные грузы в Сочи, или, быть может, в Сухуми, или в другом каком месте побережья? Не пытайтесь, господин поручик, убеждать меня в том, что я заблуждаюсь. К тому же меня интересует не сам факт такой выгрузки, а лишь время прибытия грузов. По возможности точная дата и все связанные с ней подробности.

Слушая Виктора, офицер изредка кивал, и можно было подумать, что он имеет намерение дать точный ответ на вопрос. Однако, к удивлению всех, он сказал:

— По данному поводу мне вам нечего сообщить.

Виктор, однако, воспринял его ответ спокойно.

— Я бы хотел узнать, какую должность вы занимаете в данное время? — только поинтересовался он.

— Я служу в армии Кубанского правительства.

— Вы же поняли, что меня интересует более точный ответ.

— Я офицер Второй дивизии.

— Ваша должность?

— Я офицер оперативного отделения.

— Спасибо. — Командир усмехнулся. — Поскольку у нас

тоже имеется дивизия, а в ней оперативное отделение, мы охотно заберем вас с собой. Если вы не согласны, то скажите, но в этом случае мне придется вас расстрелять.

Бабушкин бросил на командира недовольный взгляд, затем перевел его на растерянного Зефирова. Однако никто спорить с командиром не рискнул.

Поручик, который до сих пор держался хладнокровно, теперь, видимо, испугался.

— А такое... возможно?.. — спросил он. — Я могу надеяться, что в случае...

— Точного ответа я вам дать не могу, — перебил его Виктор и быстро приказал бойцам: — Увести его в амбар!

Два бойца, взяв на изготовку винтовки, увели офицера.

Зефиров не скрывал своего разочарования. Недоволен остался и Бабушкин, решивший сорвать свое недовольство на дожидавшемся допроса Лебедеве. Старик выглядел чуть живым: руки у него болтались, уголки губ обвисли, ноги дрожали.

— Ну что, бородатый негодяй! — с издевкой спросил у него Бабушкин. — Если тебя отпустить, небось опять побежишь звать белых на помощь?

— Нет, нет, что вы! Я человек религиозный, верный сын матушки-России! — на удивление всем вдруг затараторил хозяин хутора, который за минуту до этого выглядел умирающим. Теперь он оживился, брови его быстро заходили вверх и вниз, а в глазах загорелись живые огоньки. — За мной нет такой вины, как за этими залетными птичками!..

— А ну-ка поддай этому псу под зад! — посоветовал Зефиров Бабушкину.

Однако Бабушкин не стал бить Лебедева, он только схватил его за белую поддевку и потряс, как трясут расшалившуюся собаку.

— Замолчи, хорек вонючий!..

Но хозяин хутора вовсе не собирался молчать. Он стал вырываться из цепких рук красноармейца. Увидев в проеме двери, которая вела на кухню, Митю, Лебедев закричал громко и плаксиво:

— Митя! Митенька! Дорогой ты мой! Защити хоть ты меня! Скажи им, кто тебе жизнь спас! Я, я это сделал, не испугался белоказаков, когда они тебя зарубить хотели... Митенька! Замолви хоть словечко за меня, пока не поздно!..

Виктор слушал причитания Лебедева с невозмутимым лицом.

Матьяш метнулся к брату:

— Помилуйте его!.. Не убивайте!..

Однако командир оставался неумолимым. Он и слова не произнес.

— Зря просишь, Митя, — сказал Зефиров. — Уже и веревка готова, на которой будет болтаться этот негодяй!

— Вы не имеете права!

— Повесим его, и баста! — высказал свое мнение Бабушкин, отталкивая Лебедева.

Хозяин хутора упал на колени и в исступлении начал колотить по земле кулаками, выкрикивая:

— Нет!.. Нет!.. Что хотите делайте, только не вешайте! Лучше расстреляйте, но чтобы я не видел! Стреляйте, я зажмурю глаза!..

— А я думаю, лучше повесить! — Бабушкин рывком поставил Лебедева на ноги, но, как только отпустил его, старик снова осел на землю.

Виктор сошел с веранды во двор и остановился перед лежавшим на земле Лебедевым.

— До утра не трогать! — коротко проговорил он.

— Но почему? — Зефиров вздернул голову.

— Пусть помолится.

— Ты это серьезно, командир? — неуверенно поинтересовался Бабушкин.

— Мы его не расстреляем, хотя он и заслуживает смерти. Гражданских лиц может судить только суд. Завтра утром отвезем его в Ремонтную и там сдадим в городской Совет. А сейчас отведите его обратно в амбар, пусть посидит там вместе с поручиком.

Против такого решения не возразил даже Зефиров. Он молча собрал со стола бумаги, взял в руки карандаш и, прежде чем убрать его в карман, нервно почесал им затылок. Бабушкин снова поднял на ноги несколько присмиревшего старика и, подталкивая, повел к амбару.

— Шагай, шагай, мерзавец! Твоя шкура того не стоит, чтобы с тобой так чикаться!

Но Виктор уже не смотрел в их сторону: мысли его были о другом. Гораздо больше его занимал вопрос, кого выставить в боевое охранение, а с кем отправиться на разведку соседних хуторов. Мысленно приняв решение, он бесстрастным голосом сказал брату:

— Помоги закопать тело подпоручика.

10

Под вечер вдруг потемнело, хотя на небе не было видно ни одного облачка. Так обычно бывает перед дождем. Мать-

яш решил немного вымыться, чтобы теплой водой смыть с себя пот и грязь и одновременно освежить уставшее тело.

Надя нагрела для него воду, поставила в мастерской на земляной пол огромный хозяйский эмалированный таз и, заперев мастерскую на крючок, помогла Матьяшу раздеться, приказала встать в таз и вымыла его с головы до пят, как матери обычно моют перед сном набегавшихся за день малолетних детей.

Во время мытья Матьяша так разморило, что он забылся в беспокойном полусне, мысленно снова переживая все тревожные события, выпавшие на его долю в течение последних двух дней. Очнулся он только тогда, когда Надя начала растирать его грубым полотенцем.

Затем она дала ему чистое белье и, уложив на топчан, присела на краешек и начала молча гладить возлюбленного по волосам. От такого блаженства Матьяш заснул сном праведника.

Проснулся он на рассвете и увидел, что в мастерской никого нет. Исчез и громадный таз, лишь на земле остались мокрые пятна. Одевшись, он пошел разыскивать Надю. В усадьбе все еще спали, только на ступеньках веранды сидел боец, зажав винтовку со штыком между коленями. Он был больше похож на статую, чем на часового. Матьяш быстро и бесшумно приблизился к веранде.

— Доброе утро,— поздоровался он с бойцом, проходя мимо.

— Утро доброе,— равнодушно ответил тот, даже не пошевелившись.

Надя спала в маленькой комнатушке, расположенной под лестницей рядом с кухней. Когда Матьяш вошел, дверь жалобно скрипнула, однако это не потревожило сна спавшей на соломе девушки. Лицо ее казалось серьезным и недовольным. Матьяш сначала хотел разбудить Надю, но пожалел ее и решил не тревожить. На цыпочках выйдя из ее комнатушки, он тихо закрыл за собой дверь.

— Где мой брат? — негромко спросил он у бойца с винтовкой.

— У себя... Отдыхает он. Дай ему еще поспать. Устал он сильно...

— Ладно...

Стараясь не шуметь, Матьяш спустился по ступенькам и, пройдя через двор и мимо каких-то построек, заметил, что оказался на поле. Ноги несли его в сторону желтеющего посева. Справа, возле фруктового сада, темнела громадина бронемашины, вокруг которой прямо на земле под деревьями

спали бойцы. Там же, неподалеку от них, находились и лошади. В конце сада расхаживал взад и вперед часовой, еще больше подчеркивая своим присутствием тишину и спокойствие.

Матьяш остановился, постоял, посмотрел в задумчивости в ту сторону, где, по его мнению, находилась его родина, улица Гемб со знакомыми домами с запертыми воротами и закрытыми ставнями... Погруженный в мысли о далеком доме, Матьяш не заметил, как к нему подошел Виктор.

— Готов спорить, что знаю, о чем ты сейчас думаешь,— тепло заметил он Матьяшу.— О доме...

— Угадал,— согласился парень и вздохнул: — Как-то они там сейчас живут? Что поделывают?

— Спят, наверное, еще.

Братья неторопливо приблизились к бронемашине.

— А сам ты где спал? — поинтересовался Матьяш.

— Там, где всегда сплю в дороге: на сиденье машины. Я к нему так привык, как дома к стареньсому шезлонгу.

Заглянув внутрь броневика, Матьяш увидел на переднем сиденье рваное солдатское одеяло.

— Признайся, что именно шезлонга-то тебе как раз и не хватает!

— Это точно...

— Знаешь что, Виктор, поехали-ка домой!

Командир ничего не ответил и, обойдя вокруг машины, сел на переднее сиденье. Матьяш остался стоять возле машины. Взявшись за ручку двери, он снова заговорил о своем:

— Пора нам домой собираться! Вчерашний ужас... Я и то тебя испугался, хотя знаю, что ты и не собирался обижать меня.

— Я никого не хочу обижать.

— И все же...

Виктор неожиданно вцепился обеими руками в баранку.

— «Все же», «все же»! Пойми, не могу я иначе! То, что начал, я должен довести до конца!

— Но зачем это тебе нужно?

— Это нужно не только мне!

— Им — это совсем другое дело, они русские! Они имеют право ненавидеть друг друга; они у себя дома. Если с ними поступают несправедливо, они имеют полное право отомстить за это. Но ты...

— Ты опять за старое? — Командир провел рукой по лбу.— Знаешь, лучше расскажи-ка мне о себе, о том, как ты попал на этот богом заброшенный хутор...

— Да уж не по своей воле, конечно! А вот ты добровольно стал здесь русским солдатом. Никак не могу понять, какое тебе до них дело?!

Голова командира была занята серьезными мыслями, однако это не мешало ему тихо насвистывать себе под нос модный будапештский мотив.

— Ты меня уже спрашивал об этом... Ответить тебе я пока не могу... Мог бы, конечно, но на это потребуется слишком много времени.

Матьяш тоже сел в броневик, с другой стороны. Так они и сидели, не закрывая дверцы, не глядя друг на друга, обдуваемые утренним степным ветром, который приносил аромат разнотравья, смешанный с запахом машинного масла, бензина и солдатского снаряжения.

— Интересно, что это за ответ такой, на который нужно много времени?.. Не сердись на меня, братишка, но я что-то сомневаюсь в нем. Меня война научила: чем длиннее ответ, тем он непонятнее. Ты же понимаешь, не можешь не понимать, что ты не имеешь права вершить суд над жителями чужой страны. Кто давал тебе такие полномочия?.. Понимаешь ли ты, какую ответственность собираешься взять или уже взял на себя?.. Все ли ты продумал? Конечно, если бы не ты, меня бы убили. Но я все равно не понимаю...

— Как ты думаешь, хромой возчик все еще развозит молоко по нашей улице? — неожиданно спросил Виктор, чтобы перевести разговор на другую тему.

Матьяш понял уловку брата, однако не принял ее — он серьезно опасался за жизнь Виктора.

— Как ни говори, а ты, видимо, просто не понимаешь всей ответственности и, хотя человек ты серьезный, легкомыслия все же не лишен.

— Давай не будем говорить о моей ответственности,— миролюбиво попросил Виктор.— Я давно основательно все обдумал, смелости хватило... Скажи, а мои книги дома еще целы?

Однако Матьяшу вовсе не хотелось говорить сейчас о книгах брата. Его не оставляла тревога — ведь Виктор рано или поздно мог погибнуть в мясорубке гражданской войны. Однажды его уже объявили погибшим. Правда, к счастью, известие это оказалось ложным. Но теперь Матьяш вдвойне переживал за брата, не желая потерять его еще раз, и уже навсегда. Эта тревога и заставляла Матьяша продолжать разговор.

— Когда я был еще на фронте, кого мы только ни проклинали там, в окопах. Но самым страшным было то, что мы должны были уничтожать людей, которые не сделали нам ничего плохого. Больше всех были недовольны солдаты, бывшие рабочие, такие, как ты, например. Они охотно сдавались в плен, надеясь, что больше им уже никогда не придется брать в руки оружие. А ты, сам рабочий, поступил иначе, хотя не должен был так делать. Роль, которую ты взял на себя в этой бойне, даже со стороны русских считается позорной...

Тем временем совсем рассвело, и Матьяш хорошо рассмотрел и пулемет со вставленной в него лентой с патронами, и ящики с боеприпасами, и ручные гранаты.

— Видишь, братишка, как спокойно я переношу все твои нападки, а ведь ты и чести моей не пощадил,—грустно проговорил Виктор.

— Прошу тебя, не переиначивай мои слова...

— Но ты смело можешь продолжать... Только скажи, неужели ты думаешь, что я всего-навсего самый обычный убийца?

— Нет, Виктор, но мне не нравится твое настроение. Ты не можешь засмеяться, даже если бы и захотел. Не для тебя такая жизнь.

— В настоящее время у меня нет другого выбора.

— Это зависит только от тебя! Ведь я помню, ты и дома всегда играл и дружил только со спокойными ребятами. Драк ты избегал, а врагов у тебя, пожалуй, не было вовсе. Так что же заставляет тебя здесь посылать людей на верную смерть?

— Приказ,— сухо проронил Виктор.

— Что это за приказ такой?—удивленно спросил Матьяш, сощурившись.— Кто может отдавать тебе такие приказы? Ты военнопленный, тебя могут заставить работать, могут заставить голодать, могут держать тебя взаперти как гражданина чужой страны, но никто не может принудить тебя взять в руки оружие и вмешиваться в чужие дела.

Командир устало улыбнулся:

— Ты это верно сказал. Да, меня могли заставить работать, голодать, могли бросить в застенок. Но вот именно отсюда-то и начинается другое. Когда мы, пленные, работали в лагере под Мурманском, казаки-охранники били нас до крови. Мы долго сносили это, а потом, когда терпеть не стало сил, поднялись и перебили всех казаков. Тогда против нас бросили солдат. Они заперли нас в холодных

бараках, и мы пятеро суток сидели там без еды, без воды, в холоде и темноте. Сидели до тех пор, пока в лагерь не приехал уполномоченный Международного Красного Креста. Только после этого в лагере был установлен порядок, нам дали поесть, выдали теплые вещи. Однако некоторых из нас забрали в Москву и там посадили в тюрьму для смертников. И знаешь, что любопытно: все те, кого забрали, оказались профессиональными рабочими. Нас ожидала смертная казнь за то, что мы перебили конвоиров-казаков. Такая же участь ждала и большевиков, вместе с которыми нас содержали в камерах. Только случай спас заключенных — в России вспыхнула Февральская революция. Однако осенью, когда началась Октябрьская революция, вооруженные кадеты напали в Москве на рабочих авиационных мастерских, где в ту пору работал и я на правах военнопленного. Так я снова оказался в гуще борьбы. Если бы я не стал защищаться, меня попросту убили бы. Пришлось взять в руки винтовку. В тех мастерских я сражался на стороне большевиков. С тех пор я все время иду с ними.

Матьяш был растроган, и не столько самим рассказом, сколько откровенностью и теплотой, с которыми брат говорил с ним. Такое случилось, можно сказать, впервые с тех пор, как они встретились. Виктор, обычно такой скупой на слова, способный больше слушать других, чем говорить, теперь делился с ним своими чувствами.

— Но стоит ли постоянно рисковать собственной жизнью? — скорее с сочувствием, чем с осуждением спросил Матьяш.— Можешь считать, что ты уже не раз отблагодарил всех тех добрых людей, которые помогли тебе когда-то. А теперь никто не имеет права отдавать тебе приказ воевать неизвестно до какого срока.

Виктора тоже растрогала такая забота младшего брата, немного эгоистичная и прямолинейная, но искренняя.

— Ты был еще совсем пацаном, лет тринадцать тебе тогда исполнилось, не больше,— с теплотой заговорил Виктор,— когда я в первый раз взял тебя с собой на рыбалку. На то самое место, где в июне цветут кусты жасмина, между которыми иногда снуют переодетые в рабочее платье шпики. Ты, наверное, уже не помнишь того, что там тогда услышал...

Но Матьяш ничего не забыл. Он хорошо помнил, как он и такие же мальчишки, его друзья, плескались в воде Дуная, бросались наперегонки к берегу. Политика их тогда, само собой разумеется, нисколько не интересовала.

— То были мечты, мальчишеские мечты...

— Не спорю,— Виктор кивнул.— Мальчишеские мечты. Но из-за них нашего отца выгнали с курсов усовершенствования учителей в Римасомбате. Ему было рекомендовано покинуть место жительства. Позже он был вынужден выучиться на столяра, чтобы как-то жить и содержать семью. К слову сказать, он стал великолепным столяром-краснодеревщиком.

— Отец очень удивился бы, узнав, чем ты тут занимаешься,— с горечью произнес Матьяш.

— Я думаю, ты не совсем прав... Там, на Дунае, отец мечтал вместе с нами...

Матьяш не знал, как уговорить брата последовать его совету. При одной только мысли о том, что произошло бы с Виктором, если бы он вдруг оказался в руках белых, Матьяшу становилось не по себе. Они обошлись бы с ним как с самым последним преступником и, прежде чем расстрелять, вдоволь поиздевались бы. Однако прямо сказать об этом брату Матьяш не смел и потому снова начал издалека:

— Ты, конечно, прав. Тогда приятно было верить в счастливое будущее. Но после того я побывал на войне, где мне не раз приходилось вынимать кусок хлеба из вещмешка убитого, не раз смотреть на острие штыка, направленного на меня. И за все это время я так и не встретился с этим счастливым «завтра». Сначала я верил в него, потом начал проклинать. Никто не помог мне, никого не оказалось рядом, хотя я, как никогда, нуждался в помощи.

Начало светать. Солнце еще не взошло, но красноармейцы уже поднялись. Кто-то собирался умываться, бриться, кто-то отправился за сеном для лошадей. Командир роты смотрел на них и думал о родном доме.

— Не будем вспоминать о том, что было с нами на войне! Давай лучше поговорим о доме, о родном Дунае.

— Знаешь, настоящую школу я прошел не на берегу Дуная, а здесь, на войне,— сказал Матьяш.

Виктор положил руку на кожух пулемета. Он понимал, что должен поговорить с Матьяшем, должен убедить его...

— И все-таки, дорогой братишка, давай лучше поговорим о доме, об Андьялфельде. Я хорошо помню то время. Особенно запомнилось мне одно воскресенье... Когда же это было?.. Кажется, в 1913 году. Мне дали увольнительную, и я, сбросив военную форму, вышел за ворота казармы. Зайдя в рощу, мы с друзьями повалились на траву и заспорили о равноправии. Денег у нас не было, зато ярко светило солнце, и мы чувствовали себя так, будто находимся в полной

безопасности и можем наслаждаться жизнью. Разумеется, тогда мы не думали о том, что на этой траве можно не только лежать и отдыхать, но и умереть как раз за те самые идеи, о которых мы мечтали. Не думали мы об этом потому, что до будущего, как нам казалось, было еще очень и очень далеко. Все как-нибудь образуется. Мир такой большой, и кроме нас в нем живут другие люди, и все надеются на счастливое будущее. Так на него в свое время надеялись пастухи, которые пасли стада высоко в горах. Оттуда, с высоких скал, они с любопытством смотрели вниз, в долины, в которые вторгались то турки, то татары. Прошло какое-то время, и завоеватели ушли восвояси. Тогда пастухи спустились с гор и стали счастливо жить в долине... Знаешь, братишка, постарайся и ты чувствовать себя таким пастухом. Наберись терпения и жди, когда закончится война и наступит мир. И тогда спокойно спускайся в долину. Правда, сам я не могу сидеть сложа руки и ждать, когда наступит мир. Не могу, потому что если захватчиков и угнетателей прогонят без меня, то я в будущей жизни не буду чувствовать себя счастливым. Чтобы быть уверенным в собственной безопасности, я должен быть сильным. У меня твердый характер, я не трус, не инвалид, чтобы ждать для себя милости от других. Я хочу сам бороться за свое будущее. Можешь считать, дорогой Мати, что это и есть тот самый приказ, который я отдаю сам себе. Странно, что ты этого не понимаешь...

— Домашние согласились бы со мной... Они ужаснулись бы, узнав, чем ты занят...

— Дома думают, что я погиб. Но если они вдруг узнают, что я жив и воюю на стороне красных, то только обрадуются. Ведь это намного лучше, чем если бы кости мои гнили где-нибудь в березовой роще.

Матьяш понял, что ему не убедить старшего брата и не испугать его, давным-давно живущего рядом со смертью.

— Не нужны тебе ни березовая роща, ни бои здесь, в России! — с отчаянием воскликнул он.— Мы с тобой венгры, и наше место дома! Мы не имеем права вмешиваться в дела русских!

— Это касается не только русских,— с удивительной простотой заметил Виктор.— То, что происходит здесь, имеет прямое отношение ко всему миру, ко всему человечеству.

Для Матьяша даже судьба России была чужой и непонятной, а тем более судьба всего мира. Он хотел тишины и покоя в том маленьком мирке, в котором жил.

— С меня довольно войны! Я сыт по горло страхами и ужасами...

— Понимаю...

— Я хочу жить, хочу при первой же возможности вместе с Надей уехать домой! В конце концов, все что-то проиграли в этой войне, и только я один выиграл: я встретил здесь девушку, ради которой стоило побывать в России.

До сих пор, разговаривая с братом, Матьяш не упоминал о Наде, хотя думал о ней все время. Ему казалось, что он знает ее тысячу лет и что его будущее нельзя отделить от будущего Нади. Он еще не мог бы сказать, где они будут жить, в России или в его родной Венгрии, однако жизни без Нади не представлял себе. Увидев ее впервые, он сразу же влюбился в нее. Она была чудо как хороша, особенно нравилось Матьяшу то, что она видела в нем человека, а не всеми униженного батрака. Всем своим видом, характером, привычками, добротой и еще бог знает чем Надя как бы приободряла Матьяша, вливала в него надежду и силы. Она стала ему близкой и дорогой, была для него словно сестра, нет, больше чем родная сестра.

До встречи с Матьяшем за ней ухаживал один казачий хорунжий, который задабривал девушку подарками. Но она не польстилась ни на чин, ни на подарки, а влюбилась в бедного пленного мадьяра. Надя тайком подкармливала его, обхаживала, как могла, а потом, поверив ему, отдала и свою девичью любовь. Нет, она не мучила его, не заставляла ждать, не жеманилась, не притворялась. Она сама, по доброй воле, пришла к нему, сделав это как нечто само собой разумеющееся. Так ручей течет туда, куда увлекает его склон, так барашек тянется к зеленому островку травы, а замерзающий путник — к горящему очагу.

Какое дело было Матьяшу до хаоса, который царил вокруг? Никакого, как ему казалось. Одно он знал точно — ему ни за что на свете не хотелось расставаться ни с Надей, ни с Виктором. Однако у него было такое ощущение, будто его привязали к двум лошадям, каждая из которых тянет в противоположную сторону. Как он мог поступить в этом случае? Ответа на свой вопрос он пока не находил.

11

В саду под деревьями было оживленно: бойцы, казалось забыв обо всем на свете, с увлечением готовили завтрак. Облюбовав за домом удобный уголок, они разожгли костер, чтобы сварить кулеш. Соорудив из досок импровизирован-

ный стол, разделывали на нем поросенка из свинарника Лебедева. Надя охотно помогала красноармейцам. Она промыла пшено, выданное бойцам на паек, и поставила котел на огонь. Она щедро оделила семечками бойцов, и те с удовольствием принялись грызть их, разбрасывая вокруг шелуху. Несколько человек, сняв ботинки, босиком бродили по траве.

Виктор на корточках сидел перед костром и ворошил головешки. Бабушкин помешивал кулеш в котле, чтобы не пригорел.

— Так что, командир, позавтракаем и сразу же в путь?— поинтересовался боец.

— Ну не сразу...

Зефиров тем временем принес кастрюлю с мелко нарезанными кусочками мяса.

— Эх, и вкусный же кулеш получится, если, конечно, пшено хорошее да мясо...

— Откуда ему быть плохим, если всего две недели как обмолотили,— успокоил Зефирова Матьяш.

Он сидел тут же на траве и с удивлением наблюдал за бойцами, пребывающими в самом добром настроении.

Время от времени прибегала Надя, довольная и улыбающаяся.

Помешивая в котле, Бабушкин заметил:

— Можно сказать, что здесь мы действовали вполне удачно. Мерзавцы получили по заслугам.

— У меня есть тут одно дело,— задумчиво сказал Виктор.

— Уж не решил ли ты, командир, повозиться с мотором? — спросил Бабушкин, кивнув в сторону броневика.

— Нет. Я должен как-то помочь брату.

Зефиров тщательно подкручивал усы, хотя они и без того топорщились у него как две стрелы.

— Пусть к нам примыкает, и вся недолга! — заявил Зефиров.— Думай не думай — лучшего все равно не придумаешь.

Матьяш, услышав это предложение, покачал головой:

— Я хотел бы как можно скорее попасть в Венгрию.

— А я, например, к себе в Сибирь хотел бы попасть, в родное село на Иртыше, но пока об этом лучше и не мечтать,— не переставая подкручивать усы, проговорил Зефиров.

— И правильно,— подхватил Бабушкин.— Бери-ка ты лучше обратно свою винтовку, Митя. Могу тебя успокоить: оружие в руки мы даем далеко не каждому.

Однако это предложение Бабушкина нисколько не обрадовало Матьяша. Немного помолчав, он сказал:

— Я смотрю, больно ты добренький стал. Неужели забыл, как оплеухами меня награждал?

— Не сердись, друг...— Бабушкин сделал вид, что дым попал ему в глаза.

— Я не сержусь, но ведь так было. До сих пор скула болит.

— А у меня сердце болит за родной Петроград, на который зарится Юденич. Красная Армия, конечно, обломает и ему зубы, но, понятное дело, белые на этом не остановятся. А у Зефирова душа болит за свою Сибирь, где свирепствует Колчак.

Зефиров, казалось, не расслышал этих слов товарища, занятый приготовлением еды.

— Это все ваши заботы,— спокойно произнес Матьяш.— Вам я желаю победы, но в ваши дела вмешиваться не собираюсь. И сейчас случайно оказался замешанным. У вас идет гражданская война, а я гражданин чужого государства.

— Послушай, Митя, ты же полюбил русскую девушку!— оживился Зефиров.

При этих его словах Матьяш поднял голову и взглядом начал разыскивать Надю среди бойцов, но почему-то не нашел.

— Это совсем другое! — воскликнул он.— Любить можно, а убивать нельзя. Удивляюсь, как вы этого не понимаете. По какому праву я, венгр, могу принимать участие в убийстве ваших соотечественников? Уж не потому ли, что они белые, а вы красные?

— Именно поэтому,— ответил Зефиров.— И если когда-нибудь в вашей Венгрии нужно будет воевать против господ, я, находясь среди венгерских революционеров, не буду чувствовать себя чужим. Боюсь только, Митя, что из тебя и тогда революционера не выйдет.

Спорить с Зефировым Матьяш не стал и только спокойно сказал:

— Этого никто не может угадать. До того времени еще далеко, так что успею решить, чем буду заниматься.

Виктор подбросил в костер несколько поленьев и тяжело поднялся.

— Кончайте, ребята. Я не хочу омрачать свою встречу с братом. Если он не желает с нами идти, мы его умолять не станем. Разойдемся так же неожиданно, как и встретились.

— А разве другого выхода нет? — спросил Матьяш брата.

Вместо ответа Виктор взял у Бабушкина поварешку и, зачерпнув ею немного кулеша, осторожно попробовал. Горько было у него на душе. Он никак не хотел расставаться с братом, но не мог и бросить на полпути борьбу. Кто знает, встретятся ли они еще когда-нибудь? А если бы Матьяш согласился остаться в его роте, выдержал ли бы он те испытания, какие выпали бы на его долю?

— Кулеш-то хорош! — сказал командир, отдавая поварешку Бабушкину.— Правда, еще посолить и поперчить не мешало бы...

Матьяша разозлило спокойствие брата.

— Ты бы посоветовал, как нам с Надей уехать отсюда,— с обидой проговорил он.

— А зачем тебе уезжать? — удивленно спросил Бабушкин, тоже попробовав кулеш.— Оставайтесь спокойно здесь и выращивайте пшеничку для Советской власти.

— Точно! — одобрил его совет Зефиров.

По лицу Матьяша было нетрудно заметить: ему не нравится, что вопрос о его дальнейшей судьбе брат и бойцы решают как бы между прочим. Их гораздо больше интересует, готов ли кулеш.

— Здесь мы ни за что не останемся. Вокруг хутора столько свежих могил. Мало того, что я чувствую себя здесь на чужбине, так еще на каждом шагу должен натыкаться на могилу, да? Не можем мы с Надей жить на кладбище!

Настроение у Виктора было хуже некуда, но он старался не показывать этого. Подойдя к Матьяшу, он обнял брата за плечи и сказал:

— Но ведь и домой ты не хочешь ехать. Только что говорил, что навоевался и сыт войной по горло. А ведь мы могли бы помочь тебе попасть на оккупированную немцами Украину, а оттуда ты бы без особого труда добрался домой.

— Это не тот путь,— возразил Бабушкин.— Как раз сегодня нам сообщили, что немцы из пулеметов расстреляли пленных, которые собирались попасть домой.

— В таком случае доставим его в ближайший лагерь для военнопленных,— предложил Зефиров.— Там он может спрятаться и затеряться, если уж он так этого хочет. Лагеря теперь не охраняются, так что делать можно то, что захочешь, можно и на работу устроиться.

По тону Зефирова было ясно, что он даже обижен. Еще бы, молодой и здоровый парень не желает присоединяться к ним. Виктор сразу это почувствовал, но не подал вида и, обращаясь к брату, сказал:

— Другого выхода, пожалуй, и вправду нет, придется тебе вернуться в лагерь. Но что будет с Надей?

Между тем проголодавшиеся бойцы собрались возле костра. Они с удовольствием вдыхали аромат горячего кулеша и весело бренчали котелками.

Матьяш даже не смотрел в их сторону. Взглядом он тщетно искал Надю.

— Надя — девушка терпеливая, дождется вместе со мной конца гражданской войны, и тогда мы поедем в Будапешт. Долго эта война продолжаться не может. Вы, конечно, правы: придется мне вернуться в лагерь, пострадать еще немного, помучиться. По крайней мере совесть моя будет тогда чиста.

Бабушкин разочарованно уставился на Матьяша и что-то хотел было сказать, но не успел...

— Амбар горит!..— истошно закричал прибежавший боец.— Так пылает, что не подойдешь!..

На него посмотрели как на сумасшедшего. Ни огня, ни дыма не было видно, так как амбар находился за хозяйским домом.

Зефиров, отойдя немного в сторону, воскликнул:

— А ведь и правда горит что-то! Сгорят ведь и те два мерзавца!

Виктор вскочил на ноги и распорядился:

— Всем на тушение пожара!

Пока Матьяш соображал, что к чему, бойцы уже разбежались и у костра остался он один. Парень бросился за бойцами и тут наконец-то увидел Надю. Она стояла между мастерской и сараем, освещенная багряным отсветом огня.

Матьяш подбежал к девушке:

— Что случилось?!

Девушка молчала, но на губах ее играла загадочная улыбка.

— Надя, что случилось? —снова спросил он.

— Молчи, смотри и радуйся!..

— Не понимаю тебя!

— Я расплатилась с долгом... моим долгом...—тихо прошептала девушка.

Матьяш, казалось, не слышал ни шума, ни криков. Он удивленно смотрел на девушку, ничего не понимая.

— Что за чепуху ты несешь?..

— Все мы кому-нибудь да задолжали. Лебедев задолжал поручику за коня и расплатился мною, а я теперь расплачиваюсь с ними обоими.

Предчувствуя ужасное, Матьяш обхватил плечи девушки и стал трясти ее:

— За что?.. Может, тебя обидел кто?.. Отвечай!..

Прильнув к груди Матьяша, девушка тихо заплакала. Парень же окаменел, не зная, что ему теперь делать: то ли кричать, то ли плакать.

Это, казалось, придало Наде силы. Она перестала плакать и сказала:

— Успокойся, Митенька. Огонь свое дело сделает...

Парень снова затряс Надю:

— Ты с ума сошла?! Что с тобой, Надя? Можешь ты мне сказать или нет?!

— Я защищалась,— холодно проговорила девушка.— Поручик не смог справиться со мной. Ему стало стыдно, и он отхлестал меня плетью.

— И этим ты хочешь меня утешить?..— спросил парень. Его лицо исказила гримаса злости.

Резким движением девушка высвободилась из рук Матьяша и, повернувшись к нему спиной, спустила блузку с плеч. Спина ее, покрытая кровоподтеками и засохшими струпьями, выглядела ужасно.

— Я и не собираюсь тебя утешать! Если бы случилось страшное, меня бы здесь не было. Я сбежала бы от позора и никогда не встретилась бы с тобой.

Матьяш вдруг почувствовал, как успокаивается. Все происходящее вокруг начало казаться ему каким-то сном. Наклонившись, он дотронулся губами до рубцов на спине девушки и, вновь обняв ее, начал жадно целовать.

— Страшные воспоминания останутся у нас об этом хуторе,— сказал он, поправляя на ней блузку.— А помнишь, о чем мы мечтали?

— Помню. Мечтали, что, как только кончится война, уедем отсюда на тройке, подкатим к самой станции, а там...

— Теперь об этом следует забыть хотя бы на время. Да и война, видимо, не скоро кончится. Все на свете изменится, и только я буду любить тебя по-прежнему...

Матьяш оставил Надю и подошел к бойцам, которые, ругаясь на чем свет стоит, разбирали обгоревшие бревна. Амбар уже не мешал видеть простор степей, далекую линию горизонта.

12

После свершения Октябрьской революции режим в лагерях для военнопленных заметно изменился: в первую очередь была снята вооруженная охрана. Теперь пленные жи-

ли в лагерных бараках на правах свободных граждан. Они могли беспрепятственно выходить за пределы лагеря. Всем, конечно, хотелось уехать домой. Однако продолжалась гражданская война с ее лишениями и трудностями, и это сдерживало большинство из них в их желании добраться до родных мест. Очень и очень немногие решались на столь рискованное дело. В районах, занятых белыми, пленных жестоко преследовали, а если кому-нибудь и удавалось с трудом добраться до немецких или австро-венгерских окопов, его встречали таким плотным огнем, что дальше этих окопов он уже не мог пройти. Правительства воюющих сторон не желали, а точнее — опасались возвращения на родину военнопленных из Советской России, так как видели в каждом из побывавших в плену революционера и смутьяна. Поэтому очень многие пленные, оказавшись в лагерях без охраны, покидали их, но шли в районы, занятые частями Красной Армии, так как знали — там они найдут не только понимание, но и защиту. Местные власти, ощущавшие недостаток рабочей силы, охотно использовали пленных на различных работах. Однако среди военнопленных оказалось много таких, кто изъявил желание помогать Советской власти, а значительное количество добровольно вступали в ряды Красной Армии. Эти люди пользовались особым уважением русских.

Правда, большая часть военнопленных оставалась пассивной и не желала вмешиваться в события, происходившие в России. Такие пленные жили обычной лагерной жизнью, ожидая времени, когда они законно и без препятствий смогут вернуться на родину.

В Ремонтной лагерь для военнопленных располагался на самом краю поселка. На ровном, как ладонь, месте рядами стояли деревянные бараки. Территория лагеря была обнесена забором из колючей проволоки, а по углам возвышались сторожевые вышки. Несмотря на ликвидацию вооруженной охраны, в лагере соблюдался установленный прежде порядок. По воскресным дням жизнь в нем несколько оживлялась.

В один из летних воскресных дней Матьяш Медве оказался в лагере под Ремонтной. Бойцы из отряда его брата достали ему гражданскую одежду. Поначалу он чувствовал себя не особенно удобно в длиннополой русской поддевке. Товарищи по бараку посмеивались над ним, но вскоре начали даже завидовать. А чтобы он выглядел еще солиднее, они раздобыли где-то соломенную шляпу и подарили ему. Матьяш от подарка не отказался и охотно носил ее. А ког-

да по случаю купил себе пару тупоносых полуботинок, то вообще стал выглядеть вполне прилично, чему в немалой степени способствовало то, что он наконец-то решился сбрить бороду. Оказалось, что Матьяш Медве, молодой человек из Будапешта, за время пребывания в русском плену нисколько не постарел.

В лагере его одежда не выглядела странной, поскольку кого только здесь нельзя было встретить. Крестьяне из области Шомодь обликом походили на русских мужиков, так как носили длинные рубахи, бывшие землекопы из области Бекеш оказались переодетыми в форму железнодорожников, дровосеки из Секея носили сюртуки бывших царских чиновников, а горняки из Жойома щеголяли в меховых казачьих шапках. Короче говоря, носили то, что удавалось достать.

Разумеется, большая часть военнопленных осталась в своей военной форме, хотя за время войны и плена она пришла в плачевное состояние — ее пришлось латать кусками материи самых невероятных цветов, а в рядах форменных пуговиц образовались своеобразные «окна», на месте которых пришивались любые другие пуговицы, какие попадались под руку.

Тщательнее всех следили за своим внешним видом венгерские гусары. Это были кавалеристы из Шопрона, Фехервара, Кечкемета, Надьварада, которые даже на пятом году войны старались сохранить военную выправку. Свою поношенную форму они содержали в порядке, а стоптанные сапоги у них всегда блестели.

Неизвестно по каким причинам, но белые (и особенно казаки) ненавидели гусар, а гусары просто боялись их. И не без причины. Царские кавалеристы жестоко расправлялись с попавшими в плен гусарами. Этим, собственно, и объяснялось, почему в лагере под Ремонтной Матьяш встретил так много гусар, которые попали сюда из Донбасса, из-под Таганрога, Ростова и Новочеркасска, где особенно свирепствовали части белого генерала Краснова.

Матьяш Медве жил в бараке номер 6. Здесь жили пленные, которые работали в городе, получая обычную зарплату. Одни трудились на железной дороге, другие — на мельнице, третьи — на электростанции. Были здесь и печатники, и дворники, и фельдшера, и даже садовники.

Матьяш работал на сахарном заводе слесарем, получал сорок рублей в неделю, что в то время считалось хорошим заработком. Постепенно он свыкся со своим новым положением, но очень грустил, вспоминая Надю. Ему так не хва-

тало ее! Он часто думал о ней, мысленно разговаривал с ней, бродя в свободное время по лагерному двору.

Происходившие в лагере события как будто специально для того и возникали, чтобы отвлечь парня от его невеселых дум. По воскресеньям, утром, чего тут только нельзя было увидеть! Несколько пленных, раздевшись до пояса, пекли блинчики под открытым небом. Разгоряченные, с лоснящимися от огня и быстроты плечами и спинами, они ловко подбрасывали блинчики, переворачивая их на сковородке, а собравшиеся вокруг них любопытные, с интересом наблюдая за искусством блинопеков, оживленно спорили, кому отдать предпочтение.

Другие увлеченно копались на крохотном участке земли, радуясь каждому ростку посаженной ими фасоли, с усердием выпалывали сорняки с цветочных грядок.

На теневой стороне одного из бараков с азартом дулись в карты заядлые картежники, облепленные болельщиками, которых игрокам время от времени приходилось отгонять на приличное расстояние.

Гораздо меньше болельщиков привлекали те, кто играл в шахматы, что, однако, нисколько не смущало соперников.

Большинство пленных занимались более прозаическим занятием: раздевшись до трусов, они грелись на солнце и одновременно латали дыры на своем белье, искали вшей.

Однако больше всех был занят лагерный парикмахер. Его мастерская располагалась тоже прямо под открытым небом. Элегантно встряхнув салфетку после очередного обработанного им клиента, он усаживал на его место следующего. В нескольких метрах от них цепочкой выстроилась довольно длинная очередь желающих постричься.

Парикмахером был молодой парень из Кашши. Искусные руки его не только лишили Матьяша бороды, но еще и сделали ему такую прическу, какую вряд ли сумел бы сотворить столичный куафер с улицы Реппентью.

В лагере имелось даже своеобразное казино, располагавшееся в домике охраны возле лагерных ворот. В те времена, когда лагерь бдительно охранялся, подходить к воротам строго воспрещалось, теперь же любой из пленных, желая насладиться свободой, мог безбоязненно подойти к домику не только со стороны лагеря, но и со стороны улицы. Покуривая трубку, самокрутку или лузгая семечки, здесь оживленно спорили о политике.

В самом домике, превратив его в импровизированную мастерскую, расположился бывший пастух из Кунсентмар-

тона, искусный резчик по дереву. Сейчас он с увлечением вырезал куклу из куска дерева.

Матьяш болтался среди тех, кому не нашлось места в «казино» и кто, находясь снаружи, заглядывал внутрь через открытые окна и дверь. Матьяш смотрел то на пастуха, колдовавшего над куском дерева, то в сторону огромного двора, на котором должен был состояться футбольный матч.

К этому матчу давно готовились две лагерные команды. Игроки каждой из них имели свою форму. На домике охранников красовалось написанное от руки объявление: «В воскресенье, в 16 часов, состоится футбольный матч между командами «Будапешт» и «Темешвар», организованный спортивным обществом лагеря. Плата за вход добровольная. Вся сумма будет направлена на оказание медицинской помощи больным».

Будапештские футболисты вышли на поле в полосатых майках красно-белого цвета и синих трусах. Вот уже третий час они «разогревались», гоняя мяч по импровизированному полю, а их противники, в зеленых майках и черных трусах, с не меньшим азартом тренировались в другом углу лагерного двора.

Матч обещал быть боевым и интересным, о чем можно было судить по болельщикам, которые задолго до начала состязания заняли места вокруг площади, расположившись прямо на пыльной земле. Заключались пари, горячо высказывались мнения, равнодушных не было.

Между болельщиками сновали взад и вперед всевозможные продавцы, предлагая свои товары и доставая их кто прямо из кармана, кто из ящичка, висевшего на шее. Чего тут только не было: и сигареты с подозрительной набивкой вместо табака, и карамельки, приготовленные якобы по домашнему рецепту, и венгерские погачи, и семечки, и многое другое. В ведрах разносили самодельный лимонад; жестяная кружка желтого напитка стоила десять копеек.

Мероприятия, проводимые в лагере по воскресеньям, снискали себе такую популярность, что на них охотно приходили пленные, которые проживали в самом городе или на близлежащих хуторах. Многие из пленных, что жили там, уже успели завести себе зазнобу из числа местных солдатских вдовушек, однако сюда, в лагерь, они приходили как на праздник, где могли послушать родную венгерскую речь или же потолковать с соотечественниками на самые различные темы.

Шло время, и группа дискутировавших возле проходной

пленных значительно выросла. Распространился слух, что пришедшие из города принесли тревожные вести.

Был среди них бывший судовой механик из Комарома, который пользовался в городе большим авторитетом. Выглядел он очень прилично, и его хорошая одежда сразу же бросалась в глаза на фоне оборванных пленных. Держался этот человек скромно и с достоинством, к людям относился по-дружески.

Заметив Матьяша, он подошел к нему:

— Скажите, это вы — младший брат командира роты Красной Армии?

— Да, я.

— Здравствуйте. Меня зовут Ференц Майорош. Вы не получали от брата никакого известия?

— Нет...

— Было бы хорошо, если бы вы могли разыскать его...

Матьяш не стал задавать никаких вопросов серьезному механику. Он понимал, что речь может идти о нападении в скором времени белых на Ремонтную, именно об этом и рассказали пленные, пришедшие в лагерь из города. Кто-то стал торопить организаторов матча побыстрее начать игру, хотя до объявленных четырех часов было еще далеко.

Чувствуя приближение какой-то опасности, Матьяш перестал наблюдать за пестрой лагерной суетой.

— Если надо разыскать, то я пошел, — сказал Матьяш Ференцу. — Что нужно передать ему?..

Не теряя ни минуты, он направился в город. Беспокойство не покидало его. Быстрым шагом Матьяш пересек весь городок, чтобы поскорее добраться до особняка, в котором располагался штаб красных. К штабу Матьяш шел по узким улочкам, по обе стороны которых стояли одноэтажные дома, украшенные резными деревянными столбиками. Людей на улицах было мало, даже на главной улице с асфальтированными тротуарами попадались лишь редкие прохожие. Время было послеобеденное, когда казаки, как правило, сидят дома и распивают чай или покуривают. Идя к брату, Матьяш с раздражением думал о том, что рушатся все его представления, казавшиеся ему такими серьезными и умными.

Попав в этот небольшой городок, он думал, что теперь его уже не будут больше волновать никакие события гражданской войны, здесь он сможет спокойно жить и работать до тех пор, пока не наступит время, когда ему представится возможность беспрепятственно вернуться домой, на родину. Надя живет в полной безопасности, в родном селе, кото-

рое находится в руках красных. Правда, оба они очень тоскуют друг по другу, однако сознание того, что и он и она находятся в относительной безопасности, в какой-то степени смягчает горечь разлуки...

И вот снова появилась опасность. Одна мысль о том, что линия фронта навсегда разъединит их, наполняла Матьяша ужасом. Он уже смирился с тем, что в какой-то степени, сам того, правда, не желая, оказался привязанным к красным. Ни с Виктором, ни с Надей он уже не мог бы расстаться, даже если бы белые (чего и быть не могло) вдруг оказались его друзьями. Матьяш не раз слышал от пленных, содержавшихся в лагерях, о том, что их жизнь при белых была намного хуже, чем при красных. Да что там какие-то рассказы, когда он на собственной шкуре испытал все «прелести», свалившиеся на него с приходом белоказаков на хутор Лебедева.

Возле особняка, выкрашенного бледно-красным цветом, царило заметное оживление: под сливовыми деревьями стояли готовые в любую минуту тронуться в путь тачанки и повозки, между которыми сновали взад и вперед вооруженные красноармейцы. Одни подносили ящики с боеприпасами, другие устанавливали на тачанках станковые пулеметы, торопливо поправляли на лошадях упряжь.

Матьяш прямиком направился к воротам с кирпичными столбами, но часовой преградил ему путь.

— Я родной брат вашего командира, — сказал Матьяш часовому, однако тот оттолкнул его в сторону.

— Ничего не знаю! Проходи дальше!

Матьяш понял, что уговорами он этого упрямого парня не проймет, и потому решил действовать иначе.

— Виктор! Виктор!.. — громко закричал он, надеясь, что брат услышит его, благо все окна в особняке из-за жары были распахнуты настежь.

Через минуту-другую из окна здания высунулась голова Виктора.

— Родион, это ко мне! — крикнул Виктор. — Пропусти его!

Боец, которого командир назвал Родионом, подозрительно оглядел странно одетого Матьяша, но пропустил его. Едва Матьяш успел пройти во двор, как Виктор выбежал ему навстречу.

Братья обнялись, после чего Матьяш подробно рассказал Виктору о разговоре с Майорошем.

— Нам уже известно о готовящемся наступлении противника, — сказал Виктор, выслушав брата. — Части гене-

рала Краснова получили приказ взять Ремонтную. Мы же решили не ждать их прихода, а выйти им навстречу с задачей нанести контрудар.

— Я пойду вместе с вами! — не задумываясь, заявил Матьяш.

— Не возражаю. Из пулемета стрелять умеешь?

— Умею, не беспокойся. К кому мне обратиться?

— Иди на тачанку старого Прокопа, и все. Об остальном чуть позднее поговорим... Ну а что нового в лагере?

— Там пока ничего точно не знают.

— Ты уже встречался с тем судовым механиком?

— Он-то и прислал меня к тебе!

— По пути мы ненадолго остановимся возле лагеря. Ты же будь осторожен, не лезь куда не надо и делай все так, как я тебе скажу. А теперь иди, у меня времени в обрез.

С этими словами Виктор заторопился в дом, чтобы отдать распоряжения командирам взводов, которые дожидались его.

Матьяш вышел со двора на улицу, чтобы разыскать тачанку Прокопа. Искать долго ему не пришлось. Ширококостный, с хитрыми глазами мужик уже сидел на козлах, намотав на руки ременные вожжи. От него сильно пахло махоркой.

— Ну что ж, так и быть, отметим воскресеньице, — как-то совсем по-мирному сказал Прокоп, будто собирался не в бой, а на косовицу.

Матьяш сел рядом со стариком и спросил:

— Патронов много набрал?

— Достаточно будет...

— А запасной ствол к пулемету не забыл?

— Не забыл, сынок, не забыл. Я ведь знаю, что бой жарким будет.

— А лопата у тебя есть?

— Имеется и заступ. Уж не о погребении ли ты думаешь?

— Черта с два! Когда приедем на позицию, нужно будет отрыть хороший окопчик.

— Бог нам в помощь... — Прокоп степенно перекрестился.

Судя по тому, что бойцы уложили на повозки не только оружие и большое количество боеприпасов, но еще и много продовольствия, было ясно, что командир готовился к серьезным и длительным боям. В одеяле бойцы принесли буханки хлеба, в ящике — консервные банки, в больших корзинах — лук и огурцы, а в мешках — вяленую рыбу. Затем

откуда-то прикатили бочку с питьевой водой. Но вот из ворот особняка выехал уже знакомый Матьяшу броневик и, обогнав колонну, остановился во главе нее. Из открытой башенки броневика выглядывал Виктор. Он был в кожаной куртке, фуражке. Показав жестом направление движения, он подал команду, и серый броневик медленно покатился по дороге, а вслед за ним со скрипом тронулись повозки и тачанки, на которых, свесив ноги, сидели бойцы. Колонна двигалась медленно, размеренно.

Матьяш, сидя рядом с Прокопом, смотрел на местных жителей, которые с любопытством глазели на красноармейцев из-за заборов и из окон своих домов. По выражению их лиц он старался отгадать, как они относятся к красноармейцам, одобряют их или, напротив, осуждают, однако местные жители ничем не выдавали своих чувств. Длинная главная улица города показалась Матьяшу чужой, и он с нетерпением ждал, когда же наконец колонна выедет из города. Но вот Матьяш облегченно вздохнул — последние деревянные домики остались позади. Перед ними лежала дорога, уходящая за горизонт. Слева по движению примерно в двух-трех километрах от города находился лагерь для военнопленных. Когда колонна приблизилась к лагерным воротам, Виктор, высунувшись из башенки броневика, взмахом руки приказал всем остановиться, а затем вылез из машины. Матьяш соскочил с тачанки и пошел за братом.

Не одна сотня пленных, шумя и волнуясь, собралась на лагерном дворе. На лицах собравшихся застыло выражение озабоченности.

К Виктору подошел элегантно одетый судовой механик и, поздоровавшись с ним как со старым знакомым, сказал:

— Эти люди хотят перейти на вашу сторону. Они не желают оказаться в руках белых.

Командир роты Виктор Медве приветливо поздоровался с собравшимися. Чуть приподняв бородатую голову, чтобы все могли видеть его лицо, он заговорил немного громче, чем говорил всегда, и все хорошо услышали его слова:

— Добрый день, друзья, дорогие мои соотечественники! Не буду скрывать от вас, обстановка создалась очень сложная. Белый генерал Краснов направил на Ремонтную своих головорезов. Они торопятся захватить город! Однако нашим разведчикам удалось заблаговременно узнать о намерении противника. Белые хотели нанести нам неожиданный удар, но они просчитались! Я обращаюсь к вам со следующей просьбой. Тех из вас, кто изъявит желание идти с нами, мы охотно заберем с собой! Те, кто хочет остаться

в лагере, могут оставаться, мы им дадим для защиты лагеря от белых оружие и боеприпасы. Тех же, кто не хочет ни того, ни другого, мы убедительно просим соблюдать полный нейтралитет. Пусть каждый из вас сейчас же решит для себя, как он поступит. Даю вам на раздумье десять минут, после чего мы двинемся дальше.

Толпа заволновалась. Друзья и знакомые стали громко звать своих близких, из общего гвалта и шума временами слышались обрывки ругани и увещеваний. Кое-кто из пленных тут же подался в город, их никто не стал задерживать. Возле Ференца Майороша образовалась довольно внушительная группа пленных. Он тут же проводил их к повозкам, где красноармейцы стали выдавать им для обороны лагеря оружие и боеприпасы. Пленных, которые изъявили желание присоединиться к отряду, сразу же распределили по повозкам. И тут вдруг оказалось, что среди красных, одетых в гражданское, было много венгров. Они на родном языке стали зазывать к себе пленных соотечественников, изъявивших желание встать на сторону Красной Армии.

Матьяш не переставал удивляться тому, с какой решимостью и быстротой люди принимали серьезные решения. Не прошло и десяти минут, как оставшиеся в лагере получили обещанное оружие, а те, что присоединились к красным, уже сидели на повозках. Виктору даже не пришлось торопить людей. Попрощавшись за руку с остающимся в лагере Ференцем Майорошем, он подал команду на начало марша. Когда вся колонна тронулась в путь, над бронеавтомобилем взвился красный флаг.

С интересом наблюдая за всем этим, Матьяш спросил у Прокопа:

— Скажи, а как попал к красноармейцам вон тот гражданский?

Оказалось, что гражданским был не кто иной, как Кузьма Зефиров, которого Матьяш сразу не узнал на расстоянии. Подкручивая усы, Зефиров гарцевал на коне с карабином за спиной, подъезжая то к одной, то к другой повозке.

На кукурузном поле стояла жара. Душный воздух был нестерпимо раскаленным, обжигающим. Вспотевший Матьяш скинул с себя поддевку и продолжал откапывать окоп для пулеметного гнезда. Поблизости никого не было. Лопата Матьяша с трудом входила в высохшую землю. По комьям земли ползали жуки с красными спинками; с засохших листьев кукурузы ветерок сдувал бледно-желтую пыль.

Из зарослей кукурузы показалось блестящее от пота лицо Прокопа, который полз по-пластунски, таща за собой ящик с патронами. Добравшись до окопчика, Прокоп перевернулся на спину и лег, уставившись взглядом в голубое безоблачное небо. Он тяжело дышал.

— Все будет хорошо, отец, — успокоил Матьяш мужика. — К вечеру, смотришь, уже будем в городе.

Прокоп, казалось, не сомневался в реальности слов парня, однако посмотрел на него так, будто этот самый вечер был недосягаемо далеко. Потом он неторопливо стащил с себя сапоги, перемотал портянки и только после этого двинулся в обратный путь за новой порцией боеприпасов.

Оставшись один, Матьяш снова принялся за работу, крикнув через плечо Прокопу:

— Не забудь воды принести, а то пить очень хочется!..

— Принесу, Митя, не забуду... — откликнулся старик и скоро скрылся в зарослях.

Матьяшу было тоскливо. Он плохо переносил одиночество, боялся, что снова окажется во власти страха. Не предстоящий бой пугал Матьяша, нет; плохо было то, что он оказался оторванным от остальных бойцов. Это место для пулеметного гнезда указал ему Виктор. Огневая позиция была выбрана неплохо — на краю кукурузного поля, шагах в десяти от которого проходила полевая дорога на Зимовники, а за ней тянулись заросли густого кустарника. Матьяш не сомневался в том, что по краю кустарника бойцы отрывают другое пулеметное гнездо, и, быть может, даже не одно.

Мысленно он попытался представить себе, как Виктор задумал организовать оборону. Город остался позади километрах в двадцати, не меньше, за спиной небольшая, но все же речка, короче говоря, рота должна встретить противника там, где он ее не ожидает. Принимая такое решение, Виктор наверняка рассчитывал не только на внезапность, но и на то, что белые будут находиться в походной колонне и, встреченные неожиданным пулеметным огнем, вряд ли смогут быстро развернуться. Выбор местности для засады тоже был сделан удачно: справа — посадки кукурузы, слева — густой кустарник. Чтобы продвинуться в глубину, противнику нужно переехать по деревянному мосту через речку. Белые, двигавшиеся из Зимовников, вряд ли ожидали, что на полпути к городу их встретят пулеметным огнем, тем более что они хорошо знали, что в Ремонтной находится одна-единственная рота Красной Армии. Правда, белые

могли попытаться разведать район моста, но, даже если они и вышлют для этой цели разведдозор, их основные силы в это время окажутся как раз в районе засады.

Так думал Матьяш, мысленно представляя себе замысел брата. Самому Матьяшу Виктор сказал, что открывать огонь по противнику нужно только тогда, когда он, Матьяш, услышит длинные пулеметные очереди, — это начнет стрелять броневик. До этого же момента огня ни в коем случае не открывать, но, открыв его, вести до полного уничтожения противника. Помимо этого Виктор лично определил сектор огня каждого пулемета с тем, чтобы пулеметчики, окопавшиеся по ту сторону дороги, не постреляли бы в пылу боя своих.

За спиной у Матьяша снова послышался шелест кукурузы — это вернулся Прокоп, который кроме очередного ящика с патронами должен был принести воды. Тяжелое дыхание старика было слышно издалека. Правда, в зарослях кукурузы можно было бы двигаться согнувшись, но Виктор строго-настрого приказал передвигаться только ползком, чтобы не выдать своего присутствия возможному разведдозору противника.

Кругом должна стоять первозданная тишина, огневые позиции пулеметов должны быть тщательно замаскированы. Бойцам запрещалось не только выходить на дорогу, но даже приближаться к ней. Если же из Зимовников случайно появится какой-нибудь человек, он ничего не должен заметить. Из Ремонтной же по этой дороге вообще никто не должен идти.

Бедный старик наконец-то сполз в окопчик вместе со своей ношей. Позади остался путь в километр с небольшим, там находился карьер для добывания глины, откуда и нужно было доставлять боеприпасы. В этот карьер по приказу командира они подвозились на повозках.

Лежа на земле, Прокоп протянул Матьяшу зеленую флягу. Парень с жадностью схватил ее.

— Ну и строгий же мужик твой братан, — ворчливо пробормотал старик. — Тебя, к примеру, поставил на самое опасное место.

Матьяша нисколько не удивили эти слова. Он предполагал, что так оно и есть на самом деле.

— Раз поставил, значит, надеется. А с пулеметом мне не впервые управляться.

Матьяш понимал, что такой выбор продиктован не одной только строгостью брата, но еще и его желанием по-

казать подчиненным, что он не делает никаких родственных поблажек.

Парень сполз на дно окопчика и, прислонившись спиной к его задней стенке, вытянул ноги. После тяжелой работы всегда приятно отдохнуть на прохладной земле, а на дне окопа она как раз и была такой. Понаблюдав немного за молча отдыхавшим Прокопом, парень перевел взгляд на крайний рядок кукурузы, тени от которой сильно вытянулись — близился закат солнца. Матьяшу захотелось немного подремать.

— Ну, я пошел... — проговорил Прокоп и, перекрестившись, вылез из окопа.

— Подожди, отец, отдохни еще немного, а я чуток сосну. Если что серьезное заметишь, сразу же разбуди меня.

Не успел Матьяш задремать, как Прокоп вернул его к действительности.

— Бессердечный ты человек, парень, должен я тебе сказать, — заговорил он. — Нет чтобы поговорить со мной по душам, взял и заснул! А мне вот хочется рассказать тебе немного о моей семье. Если бы ты только знал, какая у меня дочка, Варюшкой зовут... Такая красивая девка, что ее даже учитель хотел в жены взять...

Неторопливая речь старика усыпила-таки Матьяша. Сквозь полудрему он слышал рассказ о какой-то красивой девушке, а где-то в глубине сознания теплилась мысль о том, есть ли на свете девушка красивее, чем его Надя?

Ему приснилось, что он вместе с Надей уже дома, в Венгрии. Теплое, ласковое лето. Воскресный день. Надя одета по-венгерски, и стоит она в своем новом платье на углу улицы Петнехази. А около нее — сестра Матьяша. Сестра говорит ей: «Тебе нельзя заходить в корчму Вайса, там я видела самого Лебедева и белого поручика. Они как раз говорили о том, как захватить Ремонтную».

Матьяш берет Надю за руку и ведет на другую улицу. И вдруг он замечает, что возле забора военного госпиталя прохаживаются красноармейцы, вооруженные винтовками со штыками. Надя кричит им: «Идите скорее в корчму Вайса, Лебедев сейчас там!» И сразу же пленные, сидящие возле ворот, куда-то исчезают, а на их месте появляется отец Матьяша, в своем неизменном лилово-зеленом пиджаке в полоску. Он молча смотрит на сына и Надю, тихонько усмехаясь и покуривая сигару, от которой почему-то пахнет русской махоркой. А Матьяш стоит и никак не может сообразить, почему же от сигары на всю улицу пахнет махоркой...

А дело было в том, что Прокоп, сидевший рядом с парнем, курил махорку. Сначала он посматривал по сторонам, выполняя просьбу Матьяша, потом еще и закурил, хотя командир роты приказал бойцам на огневой позиции ни в коем случае не курить.

Прокоп же воспринял этот приказ по-своему. Курить — оно, конечно, нельзя, но немного-то курнуть можно, если к тому же пускать дым не к небу, а наоборот, к землице, и по ней, родимой, он растечется так, что ничего не будет заметно. Да и кто знает, где сейчас находятся эти белые?.. Вот любопытно, возьмет ли учитель Варюшку замуж? Хорошо бы было, конечно. Правда, такие полугоспода (так мысленно называл Прокоп учителя) всегда стараются взять в жены девку из богатой семьи, если же таковой не попадется, то они выжидают, не торопятся, а в конце концов некоторые из них навсегда так и остаются холостяками, но на бедной девушке все равно не женятся. Да ведь Варюша больно уж хороша, ну и учитель Захар Данилов кажется вполне хорошим, добрым человеком.

Такие мысли кружились в голове Прокопа Кузьмича, однако даже они не могли помешать ему вести наблюдение за местностью. Глядя на дорогу, которая вела в Зимовники, Прокоп вдруг заметил вдали, на самом горизонте, какой-то туман. Он сразу же сообразил, что тумана в это время быть не может, тем более что закат обещал быть безоблачным. Обладая одновременно мужицким чутьем и опытом солдата, Прокоп без особого труда понял, что это туча пыли, поднятой с дороги многими десятками ног пеших или конных. С каждой минутой эта туча разрасталась вширь, а через некоторое время в центре ее стали просматриваться и те, кто поднял в воздух эту пыль.

Прокоп опустил правую руку и, коснувшись плеча спящего парня, хрипло шепнул:

— Митя, проснись!.. Гости идут!..

Матьяш мгновенно проснулся и, заняв свое место у пулемета, еще раз проверил, все ли у него в порядке и готов ли он открыть огонь.

— Иди, Прокоп, ложись рядом, только сначала сорви вон ту травинку, чтобы не мешала, а я сниму свою белую рубаху, чтобы она не бросалась в глаза казакам.

Раздевшись до пояса, Матьяш сунул рубашку и поддевку в траву, а сам лег за пулемет. Прокоп примостился рядышком, поправив заправленную в пулемет ленту, чтобы ее, не дай бог, не перекосило во время стрельбы. Обязанности второго номера он знал хорошо и потому не нуждал-

ся ни в каких указаниях. Глядя на его скупые, но точные и уверенные действия, можно было подумать, что старик всю войну провел около этого пулемета. Запасные коробки с патронами Прокоп поставил так, что они оказались у него под рукой.

Спокойные и уверенные действия Прокопа еще больше успокоили Матьяша, и он весь сосредоточился на наблюдении за дорогой. Без особого труда удалось разглядеть, что шли и конные, и пешие. Судя по относительной тишине, колонна старалась двигаться осторожно, не поднимая лишнего шума. В эти минуты Матьяш по-настоящему ощутил, что он снова, как когда-то, находится на огневой позиции. Во рту у него пересохло.

— Ну, Прокоп, с этой минуты молчим и не шевелимся, — строго сказал Матьяш. — Лучше со мной и не заговаривай.

Матьяш по прежнему, фронтовому опыту знал, что вести огонь из станкового пулемета системы «Максим» — дело совсем нетрудное. Взявшись за две рукоятки, легко можно повернуть пулемет в любую сторону. Довольно большой броневой щиток защищал пулеметчика при стрельбе. В щите имелось продолговатое отверстие, через него хорошо были видны и прицельная планка, и мушка; их во время стрельбы нужно как бы соединить невидимой прямой линией с целью, по которой велся огонь. Ствол пулемета, укрепленный на станке, легко и плавно ходил по горизонтали и вертикали.

Поймав медленно двигавшуюся колонну противника на мушку, Матьяш почувствовал себя несколько увереннее, хотя полностью все-таки от страха не отделался. Мысленно он продолжал убеждать себя в том, что для боязни у него нет никаких причин, однако легкое головокружение и едва ощутимая слабость не проходили. Отправляясь под вечер из лагеря в путь, он вполне допускал, что, быть может, по собственной воле идет навстречу гибели, но здесь, на краю кукурузного поля, лежа за пулеметом, он вдруг почувствовал, что, вполне возможно, останется в живых. Мелькнула вдруг мысль, что он просто-напросто отвык от войны и всего того, что с ней тесно связано. Однако он тут же постарался отогнать все мысли прочь.

А колонна тем временем заметно приблизилась: ни пешие солдаты, ни всадники уже не умещались в прорези прицела.

Матьяш улегся поудобнее и только тогда почувствовал, что у него начали дрожать ноги. Заставив себя улыбнуть-

ся, он посмотрел на Прокопа. По лицу старика текли тонкие струйки пота, скатываясь по глубоким морщинам лица. Справа и слева от широкого носа Прокопа проходили две складки, по которым пот стекал прямо на усы. Лицо Прокопа находилось совсем рядом с Матьяшем, и парень, повернув голову набок, увидел перед собой два круглых глаза, в которых, однако, не было страха. Лицо Прокопа было спокойным. Старик так внимательно всматривался в приближавшегося противника, что даже не заметил вымученной улыбки парня.

Матьяш лгал себе самому, мысленно убеждая себя в том, что он не боится, а просто только немного возбужден. Лгал и в то же время верил в эту свою ложь. В голову помимо его воли назойливо полезли воспоминания из прошлого...

Вот перед ним безрадостная равнина, где ему пришлось пережить наступление армии Брусилова. Три дня и две ночи их обстреливала русская артиллерия. Земля от разрывов ходила ходуном под ногами, мертвые и живые оказывались погребенными под нею; от пороховых газов и дыма солдаты содрогались в приступе кашля; осколки рвали одежду... А он, Матьяш Медве, прошел через этот кромешный ад и выжил, хотя мог быть убитым много раз. И вот 5 июня 1916 года (этот день он никогда не забудет) перед вечером началось наступление русских. Когда солдаты противника оказались в их окопах, Матьяш смотрел на них широко раскрытыми глазами.

В десяти шагах от линии окопов было установлено проволочное заграждение, остатки которого русские разбили прикладами винтовок. Вспоминая тот день, Матьяш до сих пор не мог понять, как он очутился в убежище, устроенном в пяти метрах позади окопа. Где-то рядом с Матьяшем взорвалась ручная граната, и на миг он ослеп от яркой вспышки, в легкие вместо воздуха ворвалось что-то горючее и горькое. Последняя мысль его была о том, что наконец-то наступит облегчение и оно придет к нему одновременно со смертью. Однако тогда Матьяш остался живым...

Чужие солдаты, приняв Матьяша за мертвого, отбросили его в ход сообщения; какой-то солдат даже занес над ним приклад винтовки, чтобы размозжить ему голову, но другой помешал товарищу нанести удар. Через безжизненное тело лежащего Матьяша перепрыгивали наступающие русские. Они атаковали вторую и третью линии обороны. Это были солдаты, на винтовках которых поблескивали четырехгранные штыки. Штыков было так много (так, по

крайней мере, Матьяшу казалось от страха), что они походили на громадные щетки, вместо щетины в которых торчат штыки.

Матьяш лежал на дне окопа, обшитого бревнами, лицом вверх, чувствуя под собой что-то мокрое. Голова была тяжелая, мысли с трудом ворочались в ней. Он решил, что, видимо, со страха наделал в штаны. Ему стало ужасно стыдно, и он понял, что ни его возраст (ему всего девятнадцать лет), ни его трагическое положение не смогут послужить ему оправданием. При мысли об этом Матьяш потерял сознание.

На следующее утро солдаты противника ходили по позиции, собирая убитых. Когда они подошли к Матьяшу, оказалось, что его кровь, вытекшая из раны, словно клей, приклеила его к земле. Он был ранен осколком ручной гранаты в ногу повыше колена. Когда русские санитары перевязывали его, Матьяш почувствовал огромное облегчение — его ягодицы оказались перепачканными кровью, а не дерьмом...

По сравнению с теми ужасами донские пейзажи оставляли совсем другое впечатление. Даже эта приближающаяся колонна конников не могла испугать Матьяша больше, чем наступавшая тогда и оравшая грозное русское «ура» пехота. И хотя сейчас он не лежал, как тогда, в бессознательном положении, и никто не заносил над его головой приклада винтовки, он все же боялся, хотя и старался всеми силами сдержать свой страх. Как бы там ни было, а дрожь в ногах ему все же удалось унять. Огромным усилием воли он заставил себя внимательно следить за противником, который все приближался.

Во главе колонны ехали всадники в казацких фуражках. У одного из всадников, который сидел на вороном коне, несколько расставив ноги в стременах, на груди болтался большой бинокль. Раскинув в стороны руки, всадник остановился, а вслед за ним постепенно замерла и вся колонна. Распрямив спину, всадник поднес к глазам бинокль и несколько минут внимательно осматривал открывшуюся перед ним местность.

Матьяшу казалось, что всадник с биноклем непременно видит и его, лежащего за пулеметом на краю кукурузного поля. Разглядывание местности продолжалось долго. Наконец, удовлетворившись осмотром, всадник опустил бинокль на грудь и, подняв вверх руку, разрешил продолжать движение. Вороной конь его грациозно тронулся с места, а

вслед за ним пришла в движение и вся казавшаяся бесконечной колонна.

Прокоп плотно прижимался к земле. Гимнастерка на его спине взмокла от пота, образовав большое темное пятно, обрамленное по краям белой каемочкой уже засохшей соли.

Матьяш, ободряя самого себя, осторожно прикоснулся ладонью к этому пятну, а затем так же осторожно отнял руку и положил ее на ручку пулемета.

Голова колонны противника подошла совсем близко к кукурузному полю. Противник был рядом, и Матьяш отчетливо видел каждое пятно на вороном жеребце, слышал топот копыт, скрип седел, бряцание оружия. Он слышал даже, как хлопает себя хвостом по крупу лошадь, идущая первой.

Несколько лошадей шли, фыркая на ходу, низко нагибая при этом шеи.

Матьяш так крепко вцепился руками в рукоятки «максима», что занемели пальцы. Отказываясь подчиниться разуму человека, они как бы самостоятельно рвались к гашеткам, чтобы поскорее нажать на них. С каждой минутой Матьяшу становилось все труднее и труднее находиться в неподвижности, ничего не делая. Время словно замерло, от одного вдоха до другого, казалось, проходило несколько долгих и томительных минут.

В прорези смотровой щели Матьяш видел всадников, потом несколько повозок, затем снова и снова всадников...

Одни из казаков ехали молча, другие громко разговаривали. Были среди них и такие, кто устало склонился к шее животного, кто дремал, плавно раскачиваясь в седле. Кто-то весело смеялся. Их было много — пожилые, с убеленными сединой висками, и молодые, загорелые, чернобровые. Дорожная пыль, поднятая людьми и лошадьми, садилась на листья кукурузы, на придорожные камни и траву.

Прокоп, мучимый бездействием, положил свой бородатый подбородок прямо на бруствер окопа, не замечая, что мелкие комочки земли набились ему в бороду.

Матьяш понял, что не может больше ждать. Ему показалось, что зрение подвело его. В глазах у него неожиданно потемнело. Сначала у него возникло ощущение, что он засыпает, затем глаза его застлала какая-то непонятная, ни на что не похожая мгла — темно-синяя, вязкая. Он тряхнул головой, но темная пелена с глаз не спала.

И тут в воздухе прозвучала долгожданная пулеметная очередь, выпущенная из броневика. Матьяш мгновенно оч-

нулся. Вторая очередь вернула ему зрение. В прорези прицела он увидел группу казаков в зеленых шароварах и белых кителях. Заслышав выстрелы, лошади заволновались, сбились в кучу, толкали друг друга, громко ржали.

Матьяш боялся, что не выдержит, откроет огонь по казакам, так и не дождавшись третьей очереди. Но вот наконец-то пулемет броневика заговорил в третий раз, и Матьяш импульсивно нажал на гашетку своего пулемета. Его бросало то в жар, то в холод. Дрожь пулемета передалась всему телу. Зубы выбивали дрожь. Матьяша охватил азарт: он не чувствовал ни страха, ни храбрости, он просто-напросто вел огонь, стрелял с дикой жадностью и страстью.

Скоро кончилась лента, пулемет затих, но Матьяш даже не почувствовал этого — так его трясло.

Прокоп быстро и ловко откинул замок и, вложив новую ленту, закрыл его.

— Ну, давай!..— по-дружески хлопнул он парня по плечу.

Матьяш мгновенно повернул ствол пулемета в то место, где наблюдалось самое большое движение, и снова нажал на гашетку. На дороге творилось нечто невообразимое — судорожно дергались раненые лошади, падали раненые и убитые люди и животные. Кучка казаков бежала в сторону кукурузного поля, прямо на Матьяша, не зная, что здесь их поджидает гибель. Прямо на него неслась повозка, из которой на ходу вылетали ящики и картошка, затем, резко свернув в сторону, повозка так же внезапно, как и появилась, исчезла из поля зрения Матьяша.

И вдруг он с удивлением обнаружил, что ему больше не в кого стрелять. Хаос как бы застыл в неподвижности. Где-то еще стреляли пулеметы, и в их очереди вплетались одиночные выстрелы.

Дорога была усеяна трупами людей и лошадей, тут же валялись сабли, клинки, фуражки, карабины. Пожилой казак на четвереньках полз к придорожному кювету. На бороде у него запеклась кровь. Время от времени он падал на землю, затем, опираясь на ладони, пытался подняться. На него вдруг напал приступ страшного, безудержного кашля. Он сначала безнадежно покачал головой, затем как-то вдруг съежился и упал на бок.

Матьяш, словно завороженный, в ужасе смотрел на этого казака, не в силах отвести от него взгляд. Он вздрогнул, когда кто-то дотронулся рукой до его голой спины, испуганно повернул голову и увидел, что это Прокоп протягивает ему свою фляжку.

13

Барак номер 6 в лагере был самым большим, и потому в нем готовили ужин для пленных. Под вечер по лагерю пополз слух, что пленным не следует бояться белых, так как они даже не смогут добраться до лагеря — красные разобьют их еще до подхода к городу. Эта новость была воспринята пленными с радостью, и какое-то время они могли жить в относительно спокойной обстановке, не опасаясь за свою жизнь. Единственное, что продолжало их терзать,— это тоска по родине. Об отношении белых к военнопленным всем было хорошо известно. При белых пленные страдали особенно сильно, поскольку к ним отношение было такое же, как к врагам или бесполезным людям. Над ними издевались, их уничтожали, и потому многие пленные офицеры и унтер-офицеры, доведенные до отчаяния жестокостью и бессердечностью белых, мысленно желали победы красным, хотя в целом и не принимали пролетарскую революцию.

А в этот вечер даже не симпатизировавшие ранее красным пленные желали им успеха и принимали самое активное участие в приготовлении ужина.

В барак номер 6 снесли лампы из других бараков, отчего освещение получилось прямо-таки торжественным. Обычно же бараки освещались очень плохо.

Вернувшемуся после удачно проведенной операции Матьяшу повезло — при ярком освещении можно было быстро привести в порядок одежду. Забравшись на свое место на нарах во втором ярусе, он принялся за дело. Поддевка его сильно помялась, но, отвисевшись, приняла довольно приличный вид, а вот с брюками дело обстояло похуже. На коленях они сильно вытянулись, образовав два больших пузыря, низ штанин и зад блестели, на материал налип репейник, колючки каких-то растений впились в ткань.

Пока он, сидя наверху, счищал грязь с брюк и удалял колючки, атмосфера в бараке становилась все более оживленной и веселой. В центре барака установили простые деревянные столы, принесенные из других помещений, и длинные скамьи. Неизвестно откуда взялись белые простыни, которыми накрыли столы. В помещении стоял сильный шум, и иногда отчетливо слышались возгласы:

— Вот и настал праздник Шомодьского борова!..

— Только бы супчик из костей удался...

— Да если в него еще бросить домашней лапшички!..

— Ребята, принесите цветов на стол! Сейчас как раз цветут георгины!..

— Хорошо, хорошо, но что мы будем пить? Не пустой же чай!..

— Об этом шопронские ребята побеспокоятся.

— Уж не из дома ли они заказали «кекфранкош»?

— Это тайна. Они пообещали, что вино достанут сами.

— Вот если бы красные принесли нам несколько четвертей водки! В конце концов, мы празднуем их победу!

За то непродолжительное время, что Матьяш находился в окопе, он доконал и свои башмаки: с широких носков кожа сверху слезла, на боках сильно сморщилась, рант, крепящий подошву, местами отлетел. Еще в полдень башмаки, вытертые и вычищенные, блестели, а теперь...

Занимаясь своей одеждой и приводя себя в порядок, Матьяш старался не думать о недавнем кровавом побоище. Однако не думать о нем было невозможно — память и воображение его продолжали работать. Он попытался перевести мысли на другое, но не смог — перед глазами все еще мелькали обрывки того страшного кровавого хаоса.

Матьяш старался думать о том, что шомодьские пехотинцы готовят сейчас ужин из выращенного ими в лагере борова, а перед глазами его несся на коне белоказак. Вот он, сраженный пулей, упал на землю рядом с конем. Матьяшу стало не по себе. Он боялся, что завтра утром, придя на работу на сахарный завод и начав ремонтировать пресс, снова увидит перед глазами старого казака с окровавленной бородой.

Матьяш понял, что долго еще не сможет найти себе места. Здесь, наверху, он надеялся хоть немного успокоиться. Приведя в порядок свою одежду, Матьяш оделся и решил спуститься и выйти во двор.

Дорогу ему преградил гусар с пикарными усами, только что расставивший тарелки на столе. Желая познакомиться с Матьяшем, он заговорил с ним:

— Небось гордишься своим братом? Такой герой хоть кого разобьет!

— Возможно,— коротко согласился с ним Матьяш.

Чувствуя себя как-то неуютно среди людей, он вышел во двор, залитый призрачным лунным светом, и принялся бесцельно прохаживаться по нему, мысленно проклиная и свою жизнь, и свою загадочную судьбу, которая бросает его из одного ужаса в другой вместо того, чтобы пожалеть.

Пленные не обращали на Матьяша внимания. Они смеялись, шутили, носили приготовленную на кухне еду в ба-

рак. На первое у них был мясной суп, а на второе — жареное мясо, от которого шел изумительный аромат. Со стороны лагерного склада приближались человек восемь пленных, громко разговаривая между собой.

— Что-то рано в этом году виноград сняли!..

— Созрел уже.

— Возможно, но если бы еще с недельку повисел на лозе, лучше бы стал.

— Как бы там ни было, а золотой медали и диплома мы за свое вино не получим, это уж точно.

— Что верно, то верно, но не беда — главное, чтобы от него опьянеть можно было.

Матьяш разглядел в руках пленных какие-то бутылки. Правда, он никак не мог понять, где и каким образом они их достали. Видимо, эти люди и были те самые мадьяры из Шопрона, о которых говорили в бараке. Они прошли через фронт и все ужасы войны, однако, судя по их разговору, не только не проклинали свою судьбу, но даже радовались жизни, как умеют ей радоваться только дети.

Группа пленных вышла из барака номер 4. Каждый нес какой-нибудь музыкальный инструмент: один—гитару, другой — мандолину, третий — бубен. Контуры инструментов Матьяш без труда разглядел даже при лунном свете. На ходу пленные смешно подыгрывали себе на этих инструментах. Так обычно сельские парни ходят на вечеринки. Матьяш смотрел им вслед и по-хорошему завидовал.

А праздничный стол тем временем уже красовался в полном великолепии. Весь он был уставлен разнокалиберными чашками, а также мисками для наваристого благоухающего супа и аппетитной, хорошо зажаренной свинины. Торжественно возвышались бутыли и бутылки. Были на столе и цветы, о которых позаботился унтер-офицер Кульчар, и следует сказать, что георгины унтера на этом столе выглядели намного богаче и торжественней, чем на крохотных чахлых клумбах под окнами бараков. На деревянных тарелках высились горкой ломти хлеба, в глиняных мисках красовались соленые огурцы. Посуду под вино собрали со всех бараков, и чего тут только не было — и граненые стаканы, и глиняные и эмалированные кружки, и алюминиевые колпачки от фляжек.

Лица офицеров и рядовых солдат светились от радости. Никто из присутствующих ничего не говорил, но все они хорошо знали: настоящая радость — это та радость, что приходит после пережитого страха и ужасов.

— А если кто-нибудь не поместится за столом? — озабоченно спросил какой-то пленный.

— Голодным никто не останется,— спокойно ответил шеф-повар. В своем белом халате он выглядел намного импозантнее любого генерала.

Однако самой авторитетной и популярной личностью здесь был все же не шеф-повар, а артиллерийский капитан из Надьварада Вильмош Эдедь. Это был веселый и добрый мужчина лет пятидесяти, с короткими волосами ежиком, уже тронутыми сединой. Все обитатели лагеря любили и уважали его за готовность помочь каждому в любую минуту, за его трезвый ум, за безграничную смелость. Капитан не раз оказывался в сложной обстановке, на краю гибели, но с честью выходил из любой ситуации.

Те из пленных, кому не досталось места за длинным, не менее тридцати метров, столом, незаметно вышли из барака, уверенные, что еды и вина хватит и на них.

— Ну что, можно садиться за стол? — нетерпеливо спросил кто-то из пленных.

— Пока нельзя.

— Что значит нельзя? Уже полночь!

— Нельзя! — решительно отрезал шеф-повар.— Надо дождаться командира красных. Ради него мы, собственно, и устроили это пиршество.

Через какое-то время наступила полная тишина, а затем после небольшой паузы, сев на нары неподалеку от стола, музыканты начали играть.

Услышав звуки музыки, Матьяш вернулся в барак, сел поближе к музыкантам. От музыки защемило сердце. В духовной жизни любого лагеря для военнопленных пение играло большую роль. Сколько бы испытаний ни выпадало на долю мужчин, пение помогало им забыть о невзгодах. Люди становились болезненно чувствительными, на сердце у них было неспокойно. Самые простые песни, которые дома обычно пели тогда, когда было хорошее настроение, здесь, в лагере, далеко от родины, звучали как-то совсем иначе, трогая до боли так, что на глазах выступали слезы. Тому, кто слышал это пение, трудно было удержаться, чтобы не заплакать.

Едва зазвучала мелодия, пленные сразу же запели:

Серым утром крик печальный
Снова слышу я вдали.
Свой привет мне шлют прощальный
В хмуром небе журавли.

Помнишь, их встречать весною
Вместе шли к реке с тобою?
Как же случилось, не знаю,
В путь журавлей провожаю один я.

Матьяш пел вместе со всеми. Голоса людей звучали печально и прочувствованно.

Как же случилось, не знаю,
В путь журавлей провожаю один я.

На пороге барака показался Виктор. Вошел и остановился. Рядом с ним встали Зефиров с лихо подкрученными усами, и Ференц Майорош, на котором, к всеобщему удивлению, была форма красноармейца.

Командир роты заметил, что с его появлением голоса поющих стали постепенно стихать, а темп песни замедлился. Он всем своим видом постарался показать, что с его приходом ничего не изменилось, и с воодушевлением громко подхватил:

Как же случилось, не знаю,
В путь журавлей провожаю один я.

Когда песня кончилась, Виктор широко улыбнулся и, сняв фуражку, сказал:

— Добрый вечер, дорогие хозяева! Благодарю вас всех за приглашение.

Пришедших сразу же обступили пленные. Кто-то предупредительно взял у них фуражки, кто-то подвел их к столу.

— Вот это да! — удивленно произнес Зефиров и даже тихо присвистнул.

Но вот гости и хозяева сели за стол, заговорили, зашумели. Барак наполнился веселым гулом.

Матьяш сел довольно далеко от брата, однако Виктор взглядом отыскал его и тепло поздоровался. После боя им даже не пришлось встретиться и поговорить, а теперь Виктору было не до разговора с братом. Простой и скромный, он держался с достоинством, как гость, приглашенный на торжество. Не дожидаясь, когда его начнут упрашивать, Виктор подвинул к себе миску, наполнил ее супом, прекрасно понимая, что люди проголодались. Его примеру последовали все сидящие за столом. Съев суп, Виктор похвалил его, сказав, что такой вкусный суп он ел в последний раз только дома.

Похвала красного командира была приятна шеф-повару, и он с гордостью произнес:

— Хороший продукт грех было бы и испортить! Какого борова откормили ребята из Шомоди! Да и наши виноделы из Шопрона в грязь лицом не ударили!

Вояки из славного города Шопрона торопились доказать, что они тоже постарались. Стоило им только обрезать шпагатные кольца с горлышек бутылок, как пробки, сделанные из кукурузных початков, взлетели к потолку, словно это было не домашнее вино, а самое настоящее шампанское. Следом за этим из бутылок пошла такая обильная пена, что пленные едва успевали подставлять стаканы, чтобы драгоценная влага не выплеснулась на стол. Все это вызвало радостное оживление среди людей. Это казалось чудом. Где и как шопронские виноделы изготовили свой изумительный напиток, не знал, кроме них и капитана Вильмоша Эдедя, никто. Приготовлено вино было по домашнему рецепту. Поскольку винного погреба в лагере не имелось, бутылки с вином были закопаны за складским помещением в землю, где оно и доходило до кондиции.

Когда оживление немного стихло, капитан Вильмош Эдедь поднял свой стакан. Головы всех сразу повернулись в его сторону.

— Разрешите мне произнести тост по случаю организации этого торжественного ужина. Как старший среди вас по званию, считаю своим моральным долгом от имени всех присутствующих высказать благодарность бойцам Красной Армии! Сам я не революционер и, видимо, никогда им не стану, но имею свое собственное мнение о событиях, которые происходят сейчас в России. Еще раз подчеркиваю, что это мое личное мнение, но я привык всегда говорить правду. Факт остается фактом — пролетарская революция дала нам, военнопленным, право на человеческое обращение, на честный труд, на возможность сближения с русским народом. Если бы большевики имели сейчас такую возможность, то они помогли бы нам как можно скорее вернуться на родину. Печально, что вместо мирного возвращения на родину некоторые из нас, потеряв надежду на такое возвращение, решили с оружием в руках вмешаться в происходящие события. К сожалению, я сам попал в их число. Я не хочу воевать. Я ненавижу войну. Но я, можно сказать, вынужден защищать самого себя. Мы стали пленными, но остались людьми. Я никогда не думал, мне даже во сне не могло присниться, что я буду произносить тост в честь красного командира, венгерского большевика, но я охотно делаю это. Лучше я подавлю в себе собственные противоречивые чувства, чем допущу, чтобы солдаты белой армии,

во главе которой стоят бывшие царские генералы, продолжали топтать, расстреливать, морить голодом наших ребят.

Господин красный командир! Сегодня вы приняли бой. Это было страшное воскресенье. Но мне хорошо известно, что было бы, если бы белым удалось захватить город. Нет, не гибель белых радует меня, а то, что мы остались в живых. Мы мечтаем о том, что непосредственно перед возвращением на родину организуем торжественные проводы, попрощаемся друг с другом и покинем место наших страданий, простившись с местным кладбищем, на котором осталось лежать столько венгров. Одних унес из жизни тиф, других — воспаление легких, третьи умерли от туберкулеза. Однако мы, к счастью, живы и здоровы. Так давайте вспомним о нашей многострадальной родине и выпьем за нее. Да здравствует Венгрия!.. А еще я прошу вас, господин красный командир, скажите нам, что делать с оружием, которое вы нам роздали утром?

Капитан сел на свое место, и в бараке установилась тишина. Ничто не нарушило ее, когда поднялся Виктор Медве. Он заговорил тихим, но внятным голосом:

— Да здравствует Венгрия, наша многострадальная родина, которую в недалеком будущем сама история передаст в руки народа, после чего она перестанет быть многострадальной. Я благодарю вас, господин капитан, за добрые слова. Я буду краток, так как, к сожалению, не смогу долго пробыть на вашем ужине. Что делать с розданным вам оружием? Тот из вас, кто добровольно изъявит желание пойти с нами, должен держать его при себе, а у тех, кто останется в лагере, мы заберем оружие. К сожалению, должен сообщить вам, что из Ремонтной мы уходим.— Немного помолчав, пока не утих шум, вызванный этими словами, командир спокойно продолжал: — Да, к сожалению, мы уходим из города. Когда я докладывал вышестоящему начальству о результатах проведенной нами операции, мне было приказано вернуться в расположение части. Приказ есть приказ. Меня уже ждут бойцы, которые готовы к совершению марша. Вы же решайте сами, что вам делать и как поступить. Тот, кто хочет пойти с нами, должен быстро собраться. Я пришлю сюда несколько повозок. За судьбу тех, кто решил остаться в лагере, я, как вы сами прекрасно понимаете, не могу нести ответственности. Благодарю вас за этот ужин и прошу извинить, если я своим сообщением испортил вам настроение...

Командир замолчал, и все сразу заговорили, зашумели, заволновались. Виктор взглядом попытался отыскать в этой

бурлящей толпе своего младшего брата, а когда нашел, по лицу его пробежала гримаса боли, но никто из присутствовавших, кроме Матьяша, не заметил этого.

Матьяш, сам не зная почему, сердился на брата, но, несмотря ни на что, решил присоединиться к нему хотя бы для того, чтобы в самую трудную минуту быть с ним рядом, как-то утешить его.

14

Прохожие с удивлением смотрели на роту, которая прибыла в город из Ремонтной. Измученные, запыленные бойцы сидели, сгорбившись, на повозках. Не лучше выглядели и те, что ехали верхом на лошадях. На потных крупах животных толстым слоем лежала дорожная пыль. Жалкий вид колонны усугублялся тем, что городок в то ясное солнечное утро сиял чистотой. Вдоль улиц ровными рядами росли деревья, цвели на клумбах цветы, а сами горожане выглядели красивыми и ухоженными.

В штабе батальона побеспокоились о том, чтобы прибывающую роту встретить как можно торжественнее. С этой целью перед зданием горсовета был выстроен духовой оркестр. Музыканты располагались на дощатом помосте, обтянутом кумачом. Начищенные до блеска инструменты ярко горели в лучах солнца. Вокруг оркестра собралось множество зевак.

Виктор сам вел бронеавтомобиль, несмотря на сильную усталость. Водитель после долгого и тяжелого пути получил возможность немного поспать.

— Нет, я этого не вынесу...— сердито проворчал Виктор, увидев оркестр, и, горько усмехнувшись, посмотрел на судового механика в форме красноармейца, которого он взял с собой в машину в качестве специалиста по моторам.

Розовощекий Ференц Майорош, как мог, пытался успокоить командира:

— Ничего, Виктор, не волнуйся. Мы не такое вынесли, переживем и эту встречу.

Эти слова Майорош проговорил по-русски, чтобы их могли понять и два русских бойца, что ехали в броневике вместе с ними, но бойцы не обратили на них никакого внимания.

Виктор Медве покачал головой, словно желая стряхнуть с себя остатки сонливости. Он не хотел бы показывать подчиненным, как он зол. Единственное его желание заключалось в том, чтобы как можно скорее встретиться с ко-

мандиром батальона Егором Силаевым и поговорить с ним с глазу на глаз по душам.

Справа от дороги раскинулся великолепный зеленый парк, громадные деревья которого манили под свою сень, обещая приятный отдых. Виктор мгновенно принял решение и, к огромному удивлению зевак, свернул направо, пересек тротуар и въехал в парк. Бойцы на повозках последовали за ним.

— Что ты делаешь? — удивился Майорош.

— Остановимся здесь. Раз уж нас встречают с оркестром, то почему бы нам не расположиться в парке?

Подминая кусты и цветы на клумбах, кони и повозки въехали в парк. Виктор остановил броневик и, вылезая из него, чуть не упал — так затекли ноги от долгой езды. Дождавшись, пока въедет последняя повозка, Виктор поправил висевшую на боку кобуру и, взяв свою полевую сумку, скомандовал:

— Распрягай! — Однако громкой команды не получилось, голос не повиновался ему.— Привал!.. Здесь отдохнем, поедим, поспим немного... Из парка никому не выходить. Командирам взводов выставить охранение! Участников вчерашнего боя не беспокоить!

Виктор был зол на командира батальона. Едва Виктор успел выйти из парка, отдав необходимые распоряжения подчиненным, как столкнулся с самим Егором Силаевым, который вышел из-за повозки, где стояла большая бочка с квасом.

— Дорогой ты мой!.. Наконец-то прибыли! — радостно воскликнул командир батальона и по-русскому обычаю трижды поцеловал ротного.

— Оставь меня в покое! — коротко бросил Виктор вместо приветствия.

Силаев удивленно посмотрел на командира роты и, сдвинув густые брови так, что они сошлись в одну прямую, спросил:

— Ты что, тронулся, что ли?!

— Это не я тронулся, черт бы вас всех побрал!

— Что это за разговор? Почему ты ругаешься?

— Тут не ругаться надо, а... да так, чтобы все это видели!

Обступившие двух красных командиров местные жители смотрели на эту странную встречу, ничего не понимая.

Виктор, возбужденный негодованием, растолкал зевак и быстрыми шагами направился к двухэтажному зданию штаба. У входа дорогу ему преградил часовой, но Виктор рукой

отстранил его и прошел дальше. Часовой хотел было задержать недисциплинированного командира, но подошедший к нему Силаев жестом остановил бойца и поспешил вслед за Виктором.

Однако догнал он венгра только на втором этаже, когда тот вошел в угловую комнату.

— Что с тобой, Матвеевич? — дружелюбным тоном спросил командир батальона.

Только теперь Виктор несколько поутих.

— Послушай, Егор, не считай меня за полного дурака! Ты же прекрасно понимаешь, в чем дело!

— Виктор Матвеевич, остынь немного, успокойся.

— Что заставило тебя отдать приказ на возвращение? Объяснил бы ты это моим бойцам там, в парке, на виду у всего честного народа. Мы отстояли Ремонтную, отбросили от нее белых... и вдруг ни с того ни с сего отойти?! А теперь ты еще издеваешься над нами... Для чего нам твой духовой оркестр? Ты что, считаешь, что твой оркестр способен вдохнуть силы в уставших до смерти бойцов?

Переминаясь с ноги на ногу, Силаев стоял посреди комнаты, забитой мебелью, оставшейся от бежавшего хозяина дома, и, судя по спокойному выражению бритого лица, нисколько не сердился на Виктора. Сняв фуражку, Силаев как бы играючи бросил ее в угол на диван. На бритой голове его выделялся длинный лиловый шрам.

— Я тебя понимаю.

— Что-то не заметно, Силаев.

— В этом ты абсолютно не прав. Скажи, кто я такой? Бог, что ли? Думаешь, надо мной нет начальников? Из Царицына, из штаба фронта, поступило распоряжение оставить Ремонтную.

— Но почему?

Командир батальона снял трубку телефона и попросил кого-то:

— Принесите нам чаю!

— Ты не обо мне беспокойся, а лучше позаботься о моих бойцах.

— Я уже распорядился на этот счет: у нас на сто сорок человек сварены щи с бараниной.

— Но у нас сто пятьдесят человек!

— Шутить изволишь?

— Нисколько... К нам присоединились пленные из лагеря...

Силаев сразу все понял, закивал бритой головой:

— Как когда-то в Самаре?

— Точно! — ответил Виктор, который все еще полностью не успокоился.— Белые, сами того не желая, побеспокоились о том, чтобы число бойцов у нас увеличивалось... Они так издевались над пленными, что те волей-неволей начали понимать, что о возвращении на родину нельзя и мечтать до тех пор, пока Красная Армия не разобьет всех беляков... А тогда в Самаре, если мне не изменяет память, к нам в полк за одни только сутки прибыло около восьмисот венгров. Правда, вскоре почти половина из них погибла в боях, так что ты лучше и не напоминай мне о Самаре...

Но, начав говорить об этом, не так-то легко было остановиться. Случилось это два месяца назад, в апреле 1918 года, и вот теперь два боевых командира, сидя в этой душной комнате старого дворянского дома, невольно вспомнили о тех событиях.

Виктор отпустил ремень и расстегнул френч, чтобы хоть немного остудить грудь. Силаев начал кому-то звонить по телефону, требуя, чтобы прибывших обеспечили всем необходимым...

А память упрямо напоминала им о Кинели, где казаки атамана Дутова утром перебили половину гарнизона. Кинель! Кинель! Сколько там было пролито крови! Узнав об этом, красные в тот же день съездили в Самару и привезли оттуда восемьсот венгерских пленных, добровольно примкнувших к Красной Армии. Долго объяснять пленным, что к чему, не пришлось, так как, будучи опытными солдатами, они хорошо владели оружием и неплохо разбирались в тактике. На берега Волги мадьяры попали с Урала, где они работали в Надеждинске.

Когда белые захватили Самару, Красной Армии, в которой были и мадьяры, пришлось выбивать их из города. Егор прибыл на Волгу из Ташкента. В Кинели Виктор и Егор стали невольными очевидцами страшной картины: трупами бойцов были завалены железнодорожные пути. Тут же было решено отомстить Дутову за смерть товарищей. Бой оказался кровопролитным. Белые понесли большие потери, но потери красных оказались значительно большими, а тут еще пришло известие о том, что белые взяли их в кольцо. Красные мадьяры, хорошо знавшие местные условия, сразу же объяснили Виктору, что в создавшемся положении у них остается один выход — сражаться до последнего бойца, ибо ждать пощады от противника, который намного превосходил их в силах, не приходилось. Белоказаки давно были известны своей жестокостью. Решение биться до последнего было принято бойцами единодушно и буднично, без всякого па-

фоса и красивых жестов. Бойцы шли в бой как на самую обычную работу. В самый разгар боя из Кинели прибыл на подмогу Егор с двумя ротами красных конников, с помощью которых довольно быстро удалось прорвать кольцо окружения и благополучно выйти из него.

Знакомство Виктора с Егором вскоре переросло в дружбу. Тридцатитрехлетний Виктор в том тяжелом бою поседел так, что стал походить на убеленного сединами старика...

— Так что с твоим братишкой? — поинтересовался Егор, когда они сидели за чаем.

— Спит небось сейчас в парке вместе со всеми.

— Значит, он присоединился к нам?

— Пока еще не знаю точно. Вчера, во всяком случае, он с честью выдержал боевое крещение.

— В бою участвовал?

— Да еще как! Правда, сейчас это не так уж и важно. Ты мне лучше скажи, почему мы должны были оставить Ремонтную?

Командир батальона понял, что ни молчать, ни хитрить больше нельзя. Поставив чашку на стол, он сказал:

— Видишь ли, дружище, я надеялся на скорую победу. Думал: вот мы разобьем белых, поблагодарим вас, интернационалистов, за помощь, которую мы никогда не забудем и... А теперь...

Виктор тоже поставил чашку на стол и, засунув обе руки за пояс, слегка вытянул ноги.

— Не виляй, говори о главном.

— Знаешь, Виктор, сейчас никто не может знать, когда кончатся эти бои... Самая главная борьба только начинается. До сих пор мы, можно сказать, лишь набирались опыта.

— Не хитри, Егор, говори прямо!

И тут Силаев наконец понял, почему, разговаривая с Виктором, он все время чувствовал себя виноватым. Да потому, что Виктору в любых условиях надо было идти в бой, даже тогда, когда казалось, что нет ни сил, ни желания. Его деятельная натура жаждала действий, боя, не терпела покоя. Порой Силаев требовал от Виктора слишком многого, а тот, хотя и мог бы отказаться, все же выполнял все, что от него требовали.

— Да сядь ты! — попросил командир батальона вскочившего с места Виктора.— Дела наши в настоящее время из рук вон плохи; в столь трудном положении мы, пожалуй, еще никогда не находились.

— Испугать меня хочешь?

— Был у меня здесь один комиссар из Царицына, из

штаба фронта. Большую часть того, о чем я тебе сейчас расскажу, я узнал от него. Судьба Советской власти сейчас решается на юге, в районе Царицына. Все зависит от этого района.

Виктор настороженно спросил:

— Что значит «все»?

— Части добровольческой армии Деникина идут на соединение с Колчаком. Если это им удастся, нам придется туго.

— Везде-то тебе мерещутся ужасы!

— Я же сказал тебе: «если это им удастся». В руках Колчака находится громадная территория: от Сибири и чуть ли не до берегов Волги. Колчак командует почти полумиллионной армией. Ему удалось объединиться с Дутовым и с частями эсэров. А тут еще, как назло, поднял мятеж чехословацкий корпус, а их командующий генерал Гайда решил показать себя здесь, в России.

— Смешно...

— Смешно не смешно, а в его руках серьезная сила.

— Думаю, Деникин сейчас опаснее, да и к нам он ближе.

— Сейчас любая опасность страшна. Временные успехи Колчака отрезали нас от уральской промышленности и среднеазиатской пшеницы. Когда мы с тобой вели бой под Кинелью, многое зависело от обстановки в районе Оренбурга, откуда на Туркестан отходит железнодорожная ветка, которую мы, к сожалению, не смогли отстоять. Сейчас сложилось такое положение: белые пытаются отрезать от нас районы Дона, Кубани и Терека, богатые зерном. Районы, прилегающие к Черному морю, контролируются белыми. Однако им этого мало, и они рвутся к Каспию, который пока контролируем мы. Белые намерены отрезать от нас Кавказ, а с юга они рвутся к Астрахани и Царицыну. Ни того, ни другого нам ни в коем случае допустить нельзя. Москва голодает, эсэры подняли там мятеж, мы же перестали получать зерно из южных районов...

— Других известий нет?..— тихо спросил Виктор.

— Есть, и плохие. В Мурманске высадились англичане, на Дону Мамонтов рвется в северном направлении. Генерал Краснов со своими дивизиями помогает добровольческой армии Деникина. Ну, хватит с тебя или продолжать еще?

— Достаточно.— Виктор был потрясен услышанным.— Если я правильно тебя понял, то нам грозит опасность сразу с нескольких направлений. Опасность угрожает и Царицыну, на защиту которого спешат части Красной Армии. Если город падет, белым откроется путь на Москву, не

так ли?.. Теперь же весь вопрос заключается в том, смогут ли Егор Силаев и Виктор Медведев сдержать противника.— Проговорив это, командир роты невесело рассмеялся.— Ну что ж, мне все ясно... А теперь я хотел бы выспаться.

— Не возражаю. Ты поспи, а я пойду в парк, потолкую с твоими ребятами.

— Сходи, Егор, сходи... Поговори с ними, пошути, пусть посмеются...

Виктор подошел к дивану и, как только лег, заснул крепким сном.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДОРОЖНЫЕ МЫТАРСТВА

1

Воздух в камере был таким тяжелым, спертым, что трудно было дышать. Матьяш, скорчившись, сидел на верхних нарах, раздетый до пояса не столько из-за духоты, сколько из-за желания хоть в малой степени избавиться от укусов вшей.

Пошли вторые сутки, как Матьяша посадили за решетку. Оказавшись в камере, он ни с кем не разговаривал. Сидел на нарах и молчал.

— Смерти боится,— кивнув в сторону Матьяша, проговорил лохматый крестьянин, то и дело ковырявший в носу.

Молодой стройный гвардейский офицер, стоя у окна, внимательно рассматривал свои ногти. Услышав слова сидевшего на полу мужика, он спросил:

— А ты разве не боишься?

— Как не бояться, боюсь,— серьезно признался мужик.

В небольшой камере содержалось восемь арестованных. Все они, кроме гвардейского офицера, выглядели довольно грязными. Правда, форма на офицере была тоже помята и несколько запачкана, хотя он и старался следить за своим внешним видом. Весь день офицер бродил по камере, опасаясь садиться на нары или на пол, чтобы не набраться вшей. Однако это его не спасло. Чесаться он явно стеснялся, разве

что иногда смешно подергивал плечами или, прислонившись спиной к стене, незаметно почесывал ее.

Матьяш со своего места время от времени посматривал на обитателей камеры, но от их вида ему становилось еще горше, и он тут же отводил взгляд в сторону.

Одним из узников камеры был лысый чернобородый мужчина, похожий на благородного господина. Он тоже разделся до пояса и начал энергично чесать живот. Было слышно, как он ногтями скребет кожу. Потом он встал с пола и накрыл своей исподней рубашкой железное ведро, служившее арестованным отхожим местом.

— Не сердитесь на меня,—как бы извиняясь, проговорил он,— но я умру от этой вони... А рубашка эта мне теперь все равно не понадобится...

— Глупо терять надежду,— сердито проворчал толстый мрачный мужчина, который сидел на нарах напротив Матьяша, тоже голый по пояс. Вшей в своей одежде он уничтожал без всякой брезгливости, проявляя при этом завидную внимательность.

Лохматого мужика с бородой и нечистым лицом, казалось, не донимали вши.

— И вошь — тоже творение господнее...— торжественно вымолвил он.

— Ты что, совсем свихнулся? — грубо оборвал его толстяк.— Болтаешь глупости!

— Точно, точно! — подтвердил мужик, продолжая ковырять в носу.— И случилось это дело в ту самую пору, когда Христос вместе со святым Петром шествовал по Тамбовской губернии...

— Да замолчи ты наконец! — бросил мужику мрачный толстяк.

— Пусть говорит, — спокойно, но твердо произнес гвардейский офицер, решивший взять чудного мужика под свою защиту, и никто не возразил ему.

— Это, скажу я вам, точно так...— почувствовав поддержку, продолжал мужик.— Так вот, когда господь странствовал, значит, по Тамбовской губернии вместе со святым Петром, однажды он узрел одного ленивого нищего, который спал, похрапывая, в тени березы...

— А почему ты говоришь, что это случилось в Тамбовской губернии, а не в Тульской или Пермской? — перебил мужика толстяк.

— Именно так нам поп рассказывал.

— Так вот, оказывается, отчего ты такой умный: весь твой ум идет от умного попа!

— Не будьте безбожником на пороге смерти.

— Ну, ладно, продолжай уж,— предложил чернобородый лысый господин.

— Повинуюсь, господин хороший. Так вот, лежит, значит, под березой нищий, безмятежно так спит, а время было теплое, летнее. У Христа при виде бедняги так и защемило сердце. Вздохнул он тяжело, наклонился, значит, зачерпнул ладошкой пыль с дороги и высыпал на нищего. А святой Петр, самый верный ученик господа, и спрашивает его, что это он делает. Нищий же тем временем проснулся, зачесался да как заругается. Оказалось, что каждая пылинка превратилась на его теле в вошь. А Христос и говорит: «Видишь, Петр, каким многоликим стал мир. Пусть живет и вошь, кровью человеческой питается, чтобы лодырям на этом свете покоя не было». Нищий-то тот такой был здоровяк, что мог бы без устали косить с утра до вечера, а он вместо этого бездельничал. Какому лодырю доброе слово не помогает, на том вши божьи свой танец затевают. Уж так распорядился наш господь, да будет его воля...— С этими словами словоохотливый мужик осенил себя крестом.

Однако разглагольствования мужика особого успеха у слушателей камеры не имели. От одного упоминания о тварях божьих узники еще больше зачесались, даже гвардейский офицер прислонился спиной к стене и потерся о нее лопатками, а затем поинтересовался:

— Как ты сюда попал, да еще за мужика себя выдаешь?

— А я и не говорю, что я мужик! — Лохматый хитро усмехнулся.

— А кто же ты?

— Торговец зерном из Саратова.

— Спекулянт, значит?

— Я бы так не сказал, хотя в Царицын меня влекли коекакие интересы. Купил я пшенички, а почему бы мне ее и не купить, я ведь этим только и занимаюсь. Но в Царицыне черт знает что творится: красные так и гоняются за торговцами, так и гоняются. Набросились они на нас, торговцев, значит, мало того, еще объявили нас врагами Советской власти. Ничего не скажу, купил я на Дону пятьсот пудов пшенички, прятал ее, но ЧК все разнюхала. И пришлось мне бежать, как Лот бежал от Содома. А куда может бежать человек, если его преследуют? В Саратов нельзя, и там красные ловят торговцев зерном. В Астрахань тоже нельзя, там смерть по пятам ходит за порядочным человеком, который, можно сказать, кормит всю Расею. Вот я и

надумал податься на земли, где живут свободные казаки. Ничегошеньки бы со мной не произошло, если бы мне удалось пробраться в районы, защищенные добровольческой армией господина Деникина. Но этому не суждено было случиться. В Киселевке схватили меня проклятые чекисты. Вот и вышло, что зазря я переоделся в мужицкую одежду. Разгадали они меня, на руки мои посмотрели — и сразу же разгадали. Не мужицкие, говорят, у тебя руки, ни мозолей на них, ни царапин нет, а раз так, то ты никакой не мужик, а буржуй!..

— Если так, то тебя непременно расстреляют,— чуть ли не с удовольствием произнес толстяк.

— Вы так думаете? — встревожился торговец из Саратова.

— Не думаю, а уверен: спекулянтов они не щадят.

— А ваша милость как сюда попала, разрешите узнать?

— Я социал-демократ, один из тех, кто считает, что нашу святую матушку-Русь необходимо освободить от всякой нечисти и террористов.

— Ну, уж вас-то точно расстреляют! — без тени сочувствия заметил торговец зерном.

— Ничего, за меня отомстят другие,— мрачно проговорил толстяк.

Чернобородый, извернувшись, пытался почесать себе спину.

— До сих пор я живой вши не видел, а теперь они съедают меня живьем,— не произнес, а простонал он.

Матьяш продолжал неподвижно сидеть на своем месте. Его нисколько не интересовало, о чем болтали его соседи по несчастью. В данный момент его не интересовало вообще ничего — у него не было сил, не было желания думать о чем-то и надеяться на лучшее.

Внутренний голос советовал ему смириться с тем, что будет, и не растрачивать понапрасну остаток сил на страхи и волнения.

В коридоре послышался шум шагов. Зазвенел металлический засов, заскрежетал ключ в замке. Дверь камеры отворилась, и на пороге показался худой боец с винтовкой, высокий, веснушчатый, с огненно-рыжей бородой. Немного помедлив, он переступил порог и вошел в камеру. Ткнув рукой в сторону Матьяша, он приказал:

— Одевайся, пойдешь со мной!

Пока парень натягивал свою ветхую одежонку, остальные узники сочувственно смотрели на него. Лишь один тор-

говец зерном из Саратова, поковыривая пальцем в носу, деловито произнес:

— Ну, этому конец!

— Замолчите, а не то я ударю вас! — со злостью выпалил толстяк.

— Правильно,— согласился с толстяком гвардейский офицер и, чтобы позлить торговца, добавил: — Думаю, что следующим будет торговец зерном. Именно такие и развращают христианскую мораль в нашем отечестве.

— А ну, перестань болтать! — приказал боец с винтовкой.— Белогвардейское отребье!

Матьяш уже успел надеть старый пиджак и, опустившись на корточки, завязывал шнурки па полуботинках. Силы совершенно оставили его, и он с трудом поднялся и замер в позе человека, готового идти, когда и куда ему скажут.

Веснушчатый боец, сняв винтовку с плеча, пропустил парня в коридор, а затем, подтолкнув прикладом, повел в конец длинного коридора, где виднелся выход во двор. Они молча прошли по коридору. Когда приблизились к решетчатой двери, охранник гаркнул:

— Стой! — Затем он открыл дверь, что находилась слева, и, приказав Матьяшу войти в комнату, закрыл за ним дверь, а сам остался в коридоре.

Осмотревшись, Матьяш понял, что его привели в приемную комнату, где он уже побывал, когда его задержали чекисты. Помещение выглядело по-тюремному: окно забрано решеткой, дверь обита железом, а в единственном шкафу, стоявшем в комнате, через стекло видны какие-то ключи и печати.

За письменным столом сидел молодой, опрятный, причесанный боец с бесстрастным выражением лица. На нем была летняя форма, тщательно отутюженная. Боец читал какие-то бумаги, лежавшие на столе, время от времени делал небольшие заметки карандашом, не переставая при этом курить. Боец был так увлечен своим делом, что, казалось, не замечал Матьяша. Он не взглянул на него даже тогда, когда охранник вводил парня в кабинет.

Прошло несколько долгих минут, затем вдруг дверь отворилась и в комнату вошел красный командир с живыми веселыми глазами. Голова у него была чисто выбрита, однако это ничуть не портило его. У него были густые лохматые брови, которые делали его лицо немного строгим.

— Добрый день, Илья Семенович,— дружески поздоро-

вался он с молодым бойцом, сидевшим за столом.— Прошу извинить меня за опоздание.

— Здравствуйте, Егор Иванович,— ответил на приветствие молодой человек и, прежде чем протянуть руку для пожатия, пригладил ею свои волосы.— Вы не опоздали. Я продолжал работать, часовой — охранять, а арестованный по закону обязан ждать, когда решится его участь.

Матьяшу показалось, что он уже где-то видел этого Егора Ивановича, хотя и не мог припомнить, где именно. И хотя командир со строгими бровями держался просто, Матьяш начал бояться его. Да и как тут было не бояться, если парень не знал, даже не предполагал, чего от него хотят.

— Так могу я побеседовать с этим парнем? — спросил командир.

— Разумеется, сколько хотите, товарищ Силаев. Он в вашем полном распоряжении,— вежливо, но в то же время холодно-официально ответил чекист.

— Я бы хотел допросить его с глазу на глаз.

— Не возражаю. Вот только свободной комнаты у нас, к сожалению, нет.

— Весь двор свободен, там я и поговорю с ним.

— Как вам угодно, Егор Иванович.

Силаев взял парня за плечо, одним движением руки повернул его лицом к себе и сказал:

— Ну, иди впереди меня во двор, да не вздумай баловать на свою голову!

Конвойный у двери равнодушно посмотрел на Матьяша и пропустил его во двор. Там действительно в то время никого не было. Из угловой комнаты, окна которой были распахнуты настежь, доносились громкие голоса о чем-то споривших конвоиров. Махорочный дым выходил из окон, и запах табака ощущался по всему двору.

Яркий дневной свет, безоблачная голубизна неба и свежий воздух, свободно льющийся в легкие, ошеломили Матьяша. Ни о чем плохом не хотелось думать. После тяжелого воздуха камеры и угнетающей атмосферы тюремного здания даже высокий кирпичный забор во дворе под открытым небом с протянутой поверху в несколько рядов колючей проволокой не казался страшным. Парень остановился и осмотрелся.

Командир батальона тоже остановился и, разглядывая его сбоку, сказал:

— Меня зовут Егором Силаевым, а тебя?

— Вы же и так знаете,— не без ехидства ответил Матьяш.

— Конечно, знаю. Еще знаю. что ты глупый осел.

Матьяш равнодушно слушал командира батальона, хотя и догадывался, что, можно сказать, выскользнул из лап смерти. Силаев стал для него олицетворением свободы. Попросить Силаева зайти в тюрьму мог только Виктор.

Однако Матьяшу не хотелось никого благодарить. Он считал и даже был уверен, что ничего плохого он никому не сделал, у него и в мыслях такого не было. Единственное, чего он хотел,— это увидеть Надю. И он не виноват, что красные схватили его, арестовали и посадили в тюрьму и даже бросили в камеру, где сидели люди, приговоренные к смерти. А ведь он, Матьяш, даже в мыслях не держал ничего плохого против Советской власти. Так почему же, спрашивается, с ним так поступили?

— Что ты намерен сделать со мной? — грубовато спросил парень, обращаясь к командиру батальона на «ты».

Однако Силаев нисколько не обиделся на это и заговорил с Матьяшем как равный с равным:

— Бродяга ты, вот кто! Шастаешь по району боевых действий как в мирное время. Да еще без документов. Да тебя любой может пристрелить как бездомную собаку! Ведь Черново-то находится в руках белых. Ты ведь, кажется, туда хотел попасть?

— Туда,— коротко ответил парень.

— Для этого ты и лошадь украл?

— Мало ли сейчас лошадей!

— Много, но все они не твои. А куда девался твой приятель, этот негодяй Василий?

— Василий хороший парень, я его еще по хутору знаю, так что не ругай его понапрасну.

— Хороший парень, а из батальона сбежал, а точнее говоря, дезертировал. Если его схватят, я собственноручно застрелю его за это.

— Ничего у тебя не выйдет! Не схватят его — он уже давно дома находится.

— Глупый ты... А еще слесарь! Тоже мне рабочий класс! Как же ты можешь защищать дезертира? Ведь он опозорил своим поступком твоего брата!

Матьяш почувствовал себя неловко.

— Ну, что ты решил со мной делать? — поспешно спросил он.— Действуй! К тому же пить я очень захотел.

— Он, видите ли, захотел пить! — насмешливо проговорил Силаев.— А больше ты ничего не хочешь?! Ну ладно,

Митя... Слушай меня внимательно. Сейчас ты пойдешь со мной. Сначала хорошенько выкупаешься, затем побреешься, поешь и попьешь, а твои лохмотья тем временем как следует прожарят в вошебойке. На новую одежду пока не рассчитывай: ты ее еще не заслужил. А выдадут ли тебе военную форму, это целиком будет зависеть от тебя.

— А потом? — спросил Матьяш, щурясь от яркого солнца.

— Получишь у нас необходимые документы и можешь идти на все четыре стороны, куда тебя потянет твоя глупая башка. Иди хоть в Черново, хоть домой, но только на нас больше не рассчитывай. Мы тебя после этого и видеть не захотим.

— А Виктор что говорит?

— Он-то тебя и видеть не желает! Он привел в полк более пятисот добровольцев, а в это время его родной брат бежит из роты. Ему ты лучше не попадайся на глаза...

— Врешь ты все, не может он на меня обижаться!

— Ты лучше не спорь со мной, а не то, клянусь революцией, оставлю тебя в ЧК и пусть они с тобой что хотят, то и делают!

Матьяш показал пальцем на висевшую на ремне Силаева кобуру и с горечью выкрикнул:

— Тогда лучше застрели меня здесь, во дворе, а документы мои сожги! Я уверен, что и с ними я, кроме могилы, никуда не попаду!

Командиру батальона такой взрыв негодования, видимо, понравился, и он расхохотался.

— Как я посмотрю, капля здравого смысла у тебя все же осталась, так что круглым дураком тебя не назовешь!

— Вот и не называй! Умники какие нашлись! Только и делают, что уму-разуму учат! — дерзко проговорил Матьяш.

— Ну так оставайся в таком случае с красивеньким чекистом, пусть он с тобой возится, а я сыт по горло!

Сказав это, Силаев крупными шагами направился к воротам. Поравнявшись с комнатой охранников, он хотел было приказать, чтобы его выпустили, но тут перепуганный Матьяш крикнул ему вслед:

— Постой! Что же ты мне посоветуешь?!

Силаев остановился и, хитро усмехнувшись, сделал вид, что раздумывает, как ему поступить. Потом, строго сдвинув брови, как бы показывая, что все еще сердится, он сказал:

— Не думал я, что такой будет наша с тобой встреча... Но что поделать, если ты не хочешь думать своей головой.— Тут он стал серьезным.— Послушай, Митя, здесь ты оста-

ваться не можешь, да и в Киселевке тоже. Теперь ты взят на заметку. Мне, как старому большевику, фронтовику, командиру батальона, чекисты пошли навстречу, можно сказать, сделали любезность, но, как только я выйду отсюда, а ты останешься здесь, с тобой не будут церемониться.

— Что ты говоришь?

— Что слышишь! А мы уходим в Царицын, будем продолжать воевать.

— Я тоже пойду с вами!

— В Царицыне будет трудно. Многие из нас уже никогда не вернутся оттуда. А твой брат Виктор и слышать не хочет, чтобы ты шел с нами. Я тебя охотно заберу отсюда, если ты пообещаешь мне, что пойдешь с Ференцем Майорошем.

— Куда?

— На Украину! Там будете вербовать в лагерях военнопленных мадьяр-добровольцев для Красной Армии. Больше я тебе ничего не скажу. Зимой мы будем жить в Черново, если, конечно, останемся в живых. И запомни: для тебя дорога в Черново ведет только через Украину. Ну так как, согласен?

Матьяш понял, что сейчас Силаев для него — единственный человек на всем белом свете, который поможет ему избежать смерти и вновь обрести хоть какую-то надежду.

2

В России железнодорожные вагоны часто служили людям в качестве домов на колесах. Ими не только пользовались для переезда с одного места жительства на другое, но и жили в них довольно долгое время. По крайней мере так часто бывало и с солдатами, которых на время службы не только отрывали от родного дома, но еще и заставляли переезжать с одного места на другое, преодолевая огромные расстояния. Монотонный стук вагонных колес, постоянная скука вынужденного безделья — что может быть хуже этого? Каким образом можно защититься от них или хотя бы немного скрасить эти унылые часы? Есть одно хорошее средство — рассказывать что-либо или слушать. Вот почему в дороге всегда охотнее всего ведутся долгие неторопливые разговоры. Удостаиваются внимания самые что ни на есть простые мелочи, так как изнывающий от безделья мозг жаждет новых впечатлений и подробностей. И едущий жадно впитывает в себя все услышанное, порой дополняя его своим

воображением, лишь бы только хоть как-нибудь заполнить время.

Воинский эшелон с красным флагом на головном вагоне следовал заданным маршрутом. Серые вагоны-телятники были перемешаны с открытыми платформами, на которых стояли пушки и пулеметы, обложенные мешками с песком и бревнами. На одних платформах можно было увидеть часового с винтовкой со штыком, похожего на игрушечного оловянного солдатика. На других платформах были видны раздетые по пояс бойцы, загорающие на солнце, благо день выдался на славу. Кое-где виднелись дымящие как ни в чем не бывало полевые кухни, немного скрашивавшие строгий вид воинского эшелона.

В закрытых вагонах-теплушках люди мучились от скуки: одни резались в картишки, другие курили, третьи, наиболее удачливые, баловались приобретенным на станции пивком. Иные утоляли жажду квасом, а то и просто холодной водой из фляжки.

Кузьма Зефиров, как всегда с лихо закрученными усами, мурлыкал себе под нос какую-то старинную русскую народную песню, но вскоре и он замолк. Говорить ему больше было не о чем, так как все свои истории он уже рассказал в предыдущие дни. Матьяшу тоже нечего было сказать — он давно уже рассказал о том, как и за что его забрали в ЧК. В вагоне, прямо на полу, застланном толстым слоем соломы, расположились человек двадцать бойцов, все рядовые. Им было о чем поговорить, потому что все они оказались фронтовиками, а у какого фронтовика служба обходится без приключений, особенно если ты добровольно перешел на сторону красных...

Ференц Майорош, бывший механик из Комарома, а ныне политкомиссар при Зефирове, умел и рассказывать и слушать других. Временами он углублялся в чтение каких-то политических статей, присланных из Москвы, где их печатали специально для военнопленных красные мадьяры, проживающие в гостинице «Дрезден».

Майорош много времени уделял своей внешности: он каждый день брился, подправлял свои светло-коричневые усики, сапоги начищал до блеска и сидеть предпочитал на своем твердом чемодане, а не на соломе, чтобы не помять формы.

Все обитатели вагона относились к нему с доверием, уважая за непринужденную серьезность, и в то же время считали его личностью загадочной.

Посмотрев на Майороша, неторопливо листавшего толстую тетрадь в красной обложке, Зефиров с хрипотцой в голосе сказал:

— Ну, дружище, теперь твоя очередь.

— Какая такая очередь? — удивленно поинтересовался Майорош.

— Рассказал бы нам, как ты попал в этот эшелон...

— Так же, как и вы, ничего интересного.

Колеса простучали на стыках, вагон слегка дернулся.

— А правда, расскажите! — попросили бойцы.

— В самом деле, ничего интересного в этом нет,— с невозмутимым спокойствием проговорил Майорош, чуть заметно улыбнувшись.— Если вы думаете, что я не люблю разговаривать, то вы глубоко ошибаетесь. Уж если я разговорюсь, то не остановлюсь до тех пор, пока вам не надоест меня слушать. Чего доброго, вы еще захотите выбросить меня из вагона, чтобы я перестал болтать, а ведь я должен доехать вместе с вами до места назначения. Давайте лучше споем что-нибудь. Я, например, могу спеть такую песню о Волге, какую не каждый русский знает.— С этими словами Майорош посмотрел на Зефирова, надеясь, что тот заинтересуется песней.

Однако Зефиров не клюнул на удочку мадьяра и, хитро улыбнувшись во весь рот, попросил:

— Нет, ты все-таки расскажи нам, как попал в этот эшелон. А мы, дружище, уляжемся поудобнее на соломке да послушаем, как ребятишки слушают сказку.

Пришлось Ференцу Майорошу спрятать толстую тетрадь в красной обложке в свой деревянный чемоданчик и, снова усевшись на него, начать рассказ.

— Ну, если так, слушайте. Долгая это история, днем и ночью рассказывать придется, но так, наверное, до самого Донбасса и не успею рассказать. Начну свой рассказ издалека. Думаю, я среди вас самый старый. Родился я в 1884 году. На передовую попал в тридцать лет в районе Припятских болот. Дома у меня остались двое детишек, ну и жена, естественно. Стройная такая женщина с карими глазами... Бывало, упрется руками в бедра и так смотрит на меня, будто хочет поведать какое-то радостное известие... Ну так вот... Попав на фронт, я сначала оказался во втором эшелоне на рытье окопов, куда едва долетали звуки артиллерийской канонады. В письмах домой я часто хвастался: мол, русская артиллерия так стреляет по нас, что осколки снарядов летают вокруг, как вороны над островом Эржебет на Дунае. Когда же чуть позднее я попал на передовую, где

снаряды и пули никого не щадили, я начал посылать домой открытки, в которых писал, что это и не война вовсе, что вряд ли стоило везти нас так далеко, чтобы мы здесь целыми днями скучали, или сажали на бруствере окопов цветочки, или, позевывая от безделья, били назойливых мух. А в это самое время земля под нами ходила ходуном, воздушная волна от близких разрывов била в барабанные перепонки с такой силой, что из ушей текла кровь, и мы уже научились закрывать остекленевшие глаза убитых товарищей.

И вот однажды, а было это в конце августа, на всем участке нашего батальона были удвоены дозоры, а мы получили приказ не покидать своих мест в окопе и держать оружие наготове. Едва стемнело, мне и еще трем солдатам приказали выползти вперед и окопаться, чтобы вести наблюдение за противником. Мы выполнили приказ. Ночь стояла такая темная, что ничего не было видно, и мы, как сычи, широко раскрытыми глазами уставились в темноту.

На нашем участке ничего особенного не происходило, только всю ночь сеял дождик. Мы лежали в грязи, мокрые насквозь. Примерно в середине ночи справа от позиции нашей роты началась стрельба — трещали пулеметы, рвались ручные гранаты, а затем заухали и пушки. Мы распластались на земле, стараясь втиснуться в нее. По полю ползали лучи прожекторов. После недолгой огневой дуэли послышалось далекое «ура». Звук нарастал, усиливался... Кто из вас видел ночную атаку? Вот это было зрелище! Судя по тому, как перемещались вспышки огня справа от нас, можно было предположить, что атака противника проходила удачно. Да, не было никаких сомнений в том, что русские прорвали линию нашей обороны. А мы лежали, боясь пошевелиться и обнаружить себя. Когда начало рассветать, русская пехота, находившаяся прямо перед нами, пришла в движение. Сначала мы увидели то слева, то справа от себя одиночные фигурки солдат, но вскоре стало ясно, что передвигаются они густой цепью, а отдельные ее звенья не видны нам из-за складок местности.

Мы сразу сообразили, что наши разведдонесения уже никому не понадобятся, ведь противника хорошо видно и из первой траншеи, куда мы благополучно и отошли. Наша артиллерия открыла огонь по противнику, но, хотя потери русских были большими, атака все же не захлебнулась. Расстояние до атакующих уменьшилось, и мы открыли по ним огонь из стрелкового оружия. За первой волной атакующих шла вторая, за ней — третья. Мы стреляли без остановки,

пока атакующие не залегли... Некоторые даже начали окапываться. Однако атака справа продолжалась. Мне было ясно, что наше дело плохо. Я посоветовал командиру нашего взвода, этому одержимому идиоту, отойти, пока не поздно. Единственный путь назад вел через болото. Но наш желторотый взводный не послушал меня, опытного солдата. Казалось, он окончательно потерял разум. Он раскричался, начал грозить мне пистолетом, обзывая предателем и изменником. Но тут противник начал обстреливать нас не только с фланга, но и с тыла. Короче говоря, нас окружили. Только тогда наш подпоручик отдал приказ прекратить огонь. Мы перестали стрелять. Прекратили вести огонь и солдаты противника.

Я вынул из винтовки затвор и выбросил его, затем нацепил на штык носовой платок и вылез из окопа. Навстречу мне вышел симпатичный русский офицер. Подойдя к нашему подпоручику, он забрал у него пистолет, снял с плеча бинокль и полевую сумку, а затем жестом приказал подошедшим к нему русским солдатам увести нашего взводного на свой НП. Нас тоже разоружили. Правда, среди наших солдат нашлось несколько человек, которые решились бежать через болото в тыл. Однако они попали в трясину, которая сразу же затянула их.

Когда утренний туман рассеялся, наши солдаты, оборонявшие вторую позицию, увидели, что русские захватили нас. Не долго думая, они открыли по нас огонь. По приказу симпатичного русского офицера мы вместе с русскими отошли на их позиции. Так русские окопы стали для меня спасительным укрытием от огня солдат моего родного полка. Вот такая история приключилась со мной в ту пору.

В то утро русские захватили в плен много наших солдат. Затем, разделив на небольшие группы, они начали отправлять нас в свой тыл. В этой суматохе я как-то отбился от своих однополчан и оказался в группе военнопленных, где не было ни одного знакомого лица. Я торопливо шел вместе со всеми, сам не зная куда. Группа охранялась плохо, но в тот момент я не был способен думать о чем-либо. Меня подгонял инстинкт самосохранения. Мне не хотелось отстать от своих земляков.

После перехода, который продолжался несколько часов, наши конвоиры решили сделать небольшой привал в лощине позади молодого леса. Я же так разошелся, что продолжал идти вперед, пока не услышал чей-то окрик на венгерском языке:

— Эй, Ференц, мы здесь! Иди к нам, дружище!

Вы не представляете, каким счастливым почувствовал я себя в тот момент. Я словно попал в родную семью. Однако, когда я действительно вспомнил о своей семье, меня охватила тоска — из плена я уже не смогу посылать домой розовые открытки с легкомысленным текстом.

Через какое-то время нас подняли и повели дальше. Мы, разумеется, пошли, так как не подчиниться было нельзя, да и силы у нас еще не иссякли. Правда, теперь мы двигались плотной массой, а число наших конвоиров почему-то увеличилось. Так мы шли до самого вечера, а на ночь нас остановили на просяном поле между двумя рощицами.

У меня была плащ-палатка, у моего соседа — шинель. У кого-то было одеяло, у кого-то не оказалось ничего. Однако мы поступили по-товарищески — поделились с теми, у кого не нашлось ничего подходящего. Ночь выдалась такая холодная, что, не укрывшись, уснуть было нельзя, как бы человек ни устал. Никто из нас не жаловался, хотя со вчерашнего полудня мы ничего не ели. Все молчали, погруженные в свои мысли.

Утром к нам подъехала походная кухня и обыкновенная повозка. В котле был горячий чай, на повозке — хлеб и еще что-то. Нас выстроили в очередь, выдали еду. Завтрак был великолепен — помимо чая и хлеба нам дали сахар и колбасу. Выпив горячего и поев, мы согрелись, повеселели и даже начали острить. Однако повода для радости не было. Спустя час конвоиры, подталкивая нас прикладами, построили всех. Со стороны фронта доносилась приглушенная артиллерийская канонада.

Мы снова двинулись в путь, углубляясь все дальше и дальше в просторы бескрайней России. Спустя несколько часов пушек уже не стало слышно. Мы шли и шли, почти не останавливаясь, целый день, но не встретили ни одного села, ни одной живой души. И хотя колонна пленных была такой длинной, что мы не видели ни ее начала, ни конца, чувствовали мы себя одинокими сиротами, бредущими по бескрайней равнине.

Лишь поздно вечером мы вошли в большое село, в котором размещался штаб русской дивизии. Нас построили перед зданием штаба на площади, предварительно разбив на условные роты, затем завели в большой двор, где нас начали пофамильно переписывать, занося на бумагу все необходимые данные. Это была, так сказать, первая перепись, а позднее их было множество, и каждый раз проводились они с до смешного важным видом.

Нас удивило, что среди множества русских, которые с нами занимались, отыскался рослый унтер-офицер, который прекрасно говорил по-венгерски. У него был приятный звонкий голос. Унтер-офицер уговаривал нас повиноваться, соблюдать порядок. При проведении нашей переписи он был переводчиком.

Когда очередь дошла до меня, унтер сказал мне, чтобы я вышел из строя и, стоя у стены, терпеливо ждал. Такое приказание меня насторожило. Казалось странным, что из столь большого числа пленных вывели меня одного да еще приказали встать к стене. Я завидовал моим товарищам по несчастью, которым после короткого опроса и записи их данных разрешили выйти во двор, где они могли полежать на траве.

К вечеру перепись пленных в основном закончилась, офицеры и писари ушли в здание штаба, а я все стоял у стены. Мои новые товарищи время от времени подходили поближе, с беспокойством посматривали на меня. Наконец появился красивый унтер, говорящий по-венгерски.

— Неужели вы меня не узнаете? — спросил он.

— Нет, не узнаю,— удивленно ответил я.

Тогда он напомнил мне, как вместе со мной работал в одном хозяйстве у богатого помещика на обмолоте зерна. Я был тогда в летнем отпуске и нанялся механиком на молотилку, чтобы заработать хоть немного зерна для дома, а он был простым рабочим. Протянув мне руку, унтер назвал себя. Звали его Адамом Йелинским, а по национальности он был словак, из области Липто.

Затем он сказал мне, что если я соглашусь работать механиком при штабе дивизии, то у меня будет не жизнь, а самый настоящий рай, более того, я получу специальный пропуск, с которым смогу свободно ходить, куда захочу.

Я поблагодарил Адама за его старания и доброту, но попросил, чтобы мне позволили остаться среди знакомых ребят. Адам еще долго убеждал меня, но, поскольку я упрямо стоял на своем, наконец согласился выполнить мою просьбу. С большой неохотой он отпустил меня к своим, но за ужином снова безуспешно пытался уговорить меня.

Спали мы под открытым небом там, где нас захватила темнота. Только русские конвоиры бесшумно ходили по пыльной траве вокруг спящих пленных.

На рассвете нас разбудили и, не дав даже умыться и позавтракать, построили, а затем погнали дальше. День за днем мы шли по бездорожью и встретили на пути всего

несколько сел, но и их обошли стороной. Раз в день нас поили кипятком, выдавали по куску черствого хлеба. Вскоре вымоталась и наша охрана, хотя конвоиры сменялись каждый день.

Наконец мы пришли в Житомир. Это был первый большой город на нашем пути. Разместили нас в большом, мрачном здании. Говорили, что это тюрьма, но еще не совсем достроенная. Мы с трудом пополам поместились в здании. Всю массу пленных разделили на группы по десять человек, написав крупно на груди и на спине каждого из нас мелом номер, который как бы служил специальным «разрешением» на получение хлеба и соли. Каждая десятка получила похожую на таз посудину, в которую наливали горячий суп. Ужин оказался неплохим — капустные щи и пустая каша. Все десять человек торопливо ели из одной посудины. С набитым животом спалось особенно крепко, хотя размещались мы прямо на голом бетонном полу.

После Житомира мы восемнадцать суток находились в пути. Шли по полям Украины до самого Киева. Проделав пешком такой маршрут, люди вымотались. Не было ничего удивительного в том, что люди, попадавшиеся нам в дороге, смотрели на нас как на нищих.

Когда, прибыв в Киев, мы проходили по мосту через Днепр, из-за нас остановилось все движение. Прошли мы вдоль всего великолепного Крещатика, на котором прохожие смотрели на нас так, будто мы были не люди, а какие-то чудовища.

Выйдя из города, мы через некоторое время оказались в лесу, где стояло множество деревянных бараков, обнесенных колючей проволокой, а на углах изгороди возвышались сторожевые вышки. Это был знаменитый лагерь военнопленных в Дарнице, через который за несколько лет прошел не один миллион пленных, прежде чем их отправили отсюда в самые отдаленные уголки Российской империи. На прибытие такого огромного количества пленных здесь явно не рассчитывали, и, хотя лагерь в Дарнице был большим, значительная часть прибывших осталась ночевать во дворе, поскольку бараки были забиты до отказа. Наломав с деревьев веток и накрыв их еловыми лапами, мы улеглись на эти лежаки, желая только одного — поскорее заснуть. Ужина нам не дали, но на это никто не жаловался. Уснули мы как убитые, а проснулись среди ночи от шума внезапно налетевшей бури. Начался страшный ливень. Те, кто лег спать в низких местах, оказались затопленными, а некоторых из тех, кто спал под деревьями, завалило сломанными ветвями.

Началась паника. Испуганные и измученные, мы с нетерпением ожидали рассвета. И вот он наступил и порадовал всех таким великолепным утром, что не верилось, что ночью бушевала буря.

Через двое суток нас снова построили и повели обратно в Киев, на этот раз на железнодорожную станцию. На запасных путях, в самом конце, нас ожидал эшелон, составленный из предназначенных для перевозки скота вагонов, на стенах которых красовался двуглавый царский орел. Перед каждым вагоном стояли по два часовых с винтовками. В вагонах размещалось по сорок человек. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

С шумом задвинулись вагонные двери, состав дернулся и тронулся в путь. Долгим и тяжелым был этот путь. Мы, жившие в Европе, не привыкли ни к таким расстояниям, ни к спанью на голом полу, ни к антисанитарным условиям, не говоря уж о том, что мы, можно сказать, голодали, а порой у нас не было даже воды. Через Харьков наш эшелон направился в Курск, а оттуда в Орел, затем в Тулу. Из Москвы нас перебросили во Владимир, а затем в Нижний Новгород, подъезжая к которому я, выглядывая в забранное решеткой маленькое вагонное оконце, в первый раз увидел Волгу.

Я, родившийся и выросший на берегах Дуная, оцепенел от восхищения при виде красавицы Волги. С горечью подумал я о том, что, быть может, никогда больше не увижу милого моему сердцу Дуная с его зелеными берегами, многочисленными заросшими камышом рукавами, не увижу знаменитых будапештских мостов и здания Парламента на берегу, так похожего на сказочный замок. Как ни странно, но, глядя на Волгу, я вспоминал Дунай, ведь я знал его как свои пять пальцев. Однако паровозу, который тащил наш состав, не было никакого дела до моих воспоминаний. Он с грохотом промчался по длинному мосту. За Волгой снова начались большие леса, очень красивые, но однообразные.

Вскоре наш эшелон прибыл в Вятку, где была проявлена забота и о нас. Все повторялось с унылой монотонностью: в пути мы голодали, а когда состав останавливался, нас подкармливали, торопили поесть, тыча в спину прикладами, нагоняя на нас еще больше страху. С облегчением мы вздохнули только когда прибыли в Курган и узнали, что это и есть конечный пункт нашего путешествия.

Тут же на станции нас поделили на небольшие группы. Я расстался со своими товарищами по несчастью, и, как позже понял, навсегда. Я попал в группу совершенно незнако-

мых мне людей. Наивно полагал я, что после такого длинного и долгого пути нас расположат где-то поблизости. Пятеро суток нас гнали куда-то пешком, и за все это время мы не встретили ни одного человека. Погода стояла довольно прохладная, особенно холодно было по вечерам и ночью, когда мы останавливались на ночлег. Нашу колонну сопровождала повозка с продуктами: нас кормили хлебом и поили горячим чаем.

На пятые сутки мы наконец-то прибыли в забытое богом село, расположенное на опушке векового леса. Но оказалось, что и это еще не конец нашего пути. Немного отдохнув, двинулись дальше, а под самый вечер, выйдя из тайги, оказались на небольшом одиноком хуторе, где и заночевали.

На следующее утро нас разделили на маленькие группы по четыре человека. Каждому из нас выдали по топору, пиле и большой веревке, объяснив, что все это потребуется при рубке и валке леса. Мы должны были заготавливать железнодорожные шпалы. Можно себе представить, что это была за работа. Причем, как бы мы ни старались работать, нас постоянно подгоняли. Поначалу мы удивлялись, зачем русским понадобилось столько шпал, но потом узнали, что царское правительство усиленно форсировало строительство железнодорожных путей. Кормили нас, несмотря на тяжелую работу на лесоповале, довольно скверно. Весь день мы, как одержимые, работали в лесной чаще, но зато вечером могли отдохнуть и привести себя хоть немного в порядок. Приближалась осень, и дни становились все короче.

Я решил, что буду прислушиваться ко всему, о чем говорили наши конвоиры, чтобы как можно скорее научиться русскому языку. Вскоре я начал понемногу говорить по-русски, а затем постепенно так разговорился, что сам удивлялся. Мы валили вековые деревья, делали из них шпалы. Живя в жалких хижинах, люди очень страдали от холода.

Однажды утром, проснувшись на рассвете, мы увидели первый снег. Белоснежный искрящийся ковер покрывал все вокруг. Картина была изумительная. Однако мороз пробирал нас до костей, и выдержать его было очень трудно. Появилась надежда, что в такой холод нас не погонят на работы и мы в относительно спокойной обстановке дождемся конца войны.

Однако надежды наши не сбылись. В ясное морозное утро в нашу избушку пришел один добрый человек, лесник, и сказал, что нам нужно собраться, поскольку предстоит перебраться на другое место. Это, конечно, огорчило нас, но

делать было нечего, и мы стали собираться. За наш труд нам неплохо заплатили, и, получив деньги, мы почувствовали себя богачами, ведь теперь можно было купить себе кое-что из одежды.

Отправляясь снова в дорогу, все мы надеялись, что переберемся куда-нибудь по соседству. В путь мы двинулись пешком. Нам выделили одни-единственные сани, на которых должны были везти мешки с нашими нехитрыми пожитками, однако в сани уселись наши конвоиры, а мешки нам пришлось тащить на себе. Правда, конвоиры проявили заботу — предложили тем, кто стер ноги и сильно хромал, сесть в сани, но наши товарищи отказались от такой любезности, решив, что лучше идти пешком по глубокому снегу, чем мерзнуть без движения в санях.

Мы двигались в обратном направлении по дороге, пройденной нами несколько месяцев назад. Шли уверенные, что вот-вот придем к месту назначения, тем более что ночевать в снегу — удовольствие, скажу вам прямо, не из больших...

В Уфимске нас посадили на поезд, и только теперь мы по-настоящему смогли узнать, что такое вагоны-теплушки.

Железные печурки, стоящие посреди грузового вагона, приходилось топить чем попало, иначе можно было замерзнуть. Если на растопку шли доски от нар, то спать приходилось на полу.

Сначала наш эшелон двигался в южном направлении, и мы начали было радоваться, надеясь, что, быть может, нас везут в Туркестан, где мы хоть немного согреемся. Однако, доехав до Челябинска, наш состав вдруг свернул налево и покатил в сторону Сибири. При одном слове «Сибирь» нам уже становилось холодно и страшно.

И хотя наша железная печка топилась без перерыва днем и ночью, относительно тепло было только в непосредственной близости от нее. Сидевшие в углах люди сильно мерзли, и их время от времени приходилось подпускать к «буржуйке», чтобы они совсем не окоченели. В крохотное окошко с толстым ледяным наростом при всем желании было невозможно разглядеть что-нибудь. Даже днем в вагоне горела коптилка, потому что в нем было темно. Мы сильно страдали от холода, вони и грязи, не говоря уж о голоде. Никто не мог точно сказать, где мы, куда едем и когда же настанет конец нашему пути. Лишь изредка, во время стоянки на какой-нибудь станции, к нам в вагон долетали обрывки разговоров, из которых мы порой совершенно случайно узнавали, где находимся.

После недельного пребывания в пути мы проехали Омск,

Новониколаевск, Красноярск и наконец прибыли в Иркутск, а оттуда отправились дальше на восток. В Чите к нашему эшелону прицепляли новый паровоз. На это требовалось какое-то время, и нам разрешили выйти из вагонов, чтобы немного размяться. Время было уже позднее, кругом стояла темнота, мороз крепчал, шататься по путям было неинтересно, а заходить в здание вокзала нам строго-настрого запретили. Поэтому мы, едва высунув нос на мороз, решили поскорее вернуться обратно в свою тюрьму на колесах, где было все же не так холодно, где можно было вскипятить чай на печке и поджарить кусок черного хлеба, если на несколько секунд приложить его к горячему боку «буржуйки».

На следующий день мы получили возможность немного побродить по небольшому городку, где эшелон стоял, пока машинист что-то исправлял на паровозе, а потом запасался водой и углем. От железнодорожников мы узнали, что отсюда нас повезут на побережье Тихого океана, скорее всего во Владивосток.

Еще на Волыни, в Припятских болотах, где мы сидели в окопах, я остро затосковал по родине. Эта тоска мучила душу как незажившая рана. Мысленно я часто видел перед собой собор святого Андраша в Комароме, прогуливался по дорожкам острова Эржебет, любовался Дунаем. Там, на Волыни, я почти каждый день мысленно совершал побег домой, но мои мечты прерывались звуками стрельбы, и я сразу не мог сообразить, почему это тишину Комарома нарушают выстрелы и артиллерийская канонада.

Теперь представьте, что я испытал, оказавшись во Владивостоке, на другом краю земли. Тоска по родным местам сделалась просто невыносимой...

Ну, не буду вас отвлекать воспоминаниями о родном доме. Короче говоря, по прибытии во Владивосток нас высадили на станции и отвели в лагерь для военнопленных. Каждое утро нас водили в морской порт на работу. Только вы не подумайте, пожалуйста, что работа в порту связана с романтикой. Мы выгружали из трюмов океанских судов на удивление тяжелые ящики, сносили их по узкому пружинившему трапу на землю.

Океан оказался серым и недружелюбным. Город кроме той стороны, что выходит на море, был окружен сопками. Солнце садилось за сопки, и мы, таким образом, были лишены возможности даже смотреть в ту сторону, где далеко-

далеко находилась родина, к которой все мы мысленно стремились.

Постепенно местные власти сделали нам кое-какие послабления. И действительно, опасаться им было нечего. Куда мы могли бежать? В порт на кораблях прибывала помощь, которую крупные мировые державы оказывали царской империи. Следовательно, по отношению к нам, пленным, даже рядовой состав экипажей кораблей являлся противником.

Местное начальство разрешило нам самим заботиться о своем пропитании. За работу мы получали деньги, поэтому вскоре купили вскладчину кое-какую посуду, выбрали из своей среды повара и заготовителей продуктов.

Я постоянно работал в доке в качестве грузчика для переноски тяжелых грузов. Вместе с нами, пленными, работало большое количество китайских кули, прибывших во Владивостокский порт на заработки. Китайцы в ту пору из-за царившей у них на родине нищеты целыми толпами покидали родные места, оставив там свои многодетные семьи; ютились они в жалких лачугах, питались впроголодь, лишь бы скопить денег, чтобы поскорее вернуться на родину.

Мне было от души жаль китайцев, но, должен признаться, работая рядом с ними, я очень уставал. Голова болела от их постоянных напевных выкриков: «лей-ла», «хач-ла», «хун-ла», что в переводе означало: «поднимай», «иди», «посторонись» и тому подобное. Я подружился с несколькими китайцами, как и с русскими портовыми рабочими. А когда наши охранники отвлекались чем-нибудь или же попросту делали вид, что не замечают нас, я приходил к китайцам в их лачуги, где они ночевали на кучах какого-то тряпья. Мебели у них не было. Разговаривал я с ними по-русски (к тому времени я уже довольно неплохо умел это делать). Они в свою очередь рассказывали мне о своем нелегком житье-бытье. Китайцы говорили, что у них на родине так не ценят рабочую силу, как в России. У них так много народу, что богатые не нуждаются в машинах, ведь кругом полно безработных, а потому рабочая сила обходится очень дешево, к тому же все машины рано или поздно ломаются и их нужно чинить, а заболевшего рабочего можно просто вышвырнуть на улицу, так как на его место найдется много других. Именно поэтому китайцы гораздо лучше чувствовали себя во Владивостоке, чем на родине.

С каждым днем у меня росла тоска по дому, хотелось вырваться отсюда, с самого конца света, и попасть в Венг-

рию. И все же приказ готовиться к отправке удивил нас своей неожиданностью.

Нам выдали причитающиеся за работу деньги, более того, даже доплатили за посуду, которую мы оставляли, и за недополученные нами продукты: муку и картофель. Деньги мы по-братски поделили между собой и отправились на железнодорожную станцию.

Наш эшелон тронулся в северном направлении, и это до смерти перепугало всех. Неужели можно уехать дальше Дальнего Востока? Куда же нас везут — на Камчатку или на остров Сахалин? Наше беспокойство улеглось только тогда, когда поезд постепенно сменил направление и поехал на запад. Через несколько дней мы прибыли в Хабаровск.

Трудно даже представить, что мы почти целый год провели в постоянных переездах. С какой целью предпринимались эти грандиозные перемещения, я и до сих пор не понимаю. Я причисляю их к общему числу нелепостей, исходящих от царского правительства.

Помню, как мы ехали вдоль берега Байкала. Уже началась весна, но Байкал еще был скован ледяным панцирем. Волшебная картина открылась перед нами! Казалось, что мы едем по какой-то сказочной стране, где все сверкает чистотой и великолепием, а земля выложена разноцветными драгоценными камнями. Бледно-голубой, прозрачно-зеленый, хрупкий розовый цвета сливались над бескрайним ледяным полем. Однако, любуясь этой красотой, мы не чувствовали себя бездумными счастливчиками пассажирами, потому что оставались пленными.

Затем мы проехали через знаменитые крупные города Сибири: Иркутск, Красноярск, Новониколаевск, Томск и Омск. Весна набирала силу, и вода в реках заметно прибывала. Постепенно мы отклонялись к югу, и скоро наш поезд приблизился к лесистым склонам Уральских гор. Это нас радовало. Как-никак мы приближались к Европе. Эшелон миновал широкую долину, в которой расположилась Уфа. Дальше пошли равнинные места без конца и края. В любом самом маленьком уголке этих мест свободно уместился бы наш Альфельд, который кажется мадьярам таким большим.

Потом снова была Волга... Пенза, Саратов, бескрайние просторы степей... Уставшие и измученные многомесячной поездкой, мы прибыли в Астрахань, и там нас наши терпеливые конвоиры сразу же препроводили в лагерь для военнопленных.

В шумной и приветливой Астрахани пленные жили от-

носительно спокойно. Наконец-то мы получили возможность хоть немного отдохнуть после стольких мучений и дорожных мытарств. На работу нас не гоняли, так как питание было скверным, а с полуголодного работника какой толк.

Очень скоро мне надоело бездельничать. В лагере в это время как раз строили новые бараки. Занимались этой работой солдаты и астраханские рабочие. Вот я и решил напроситься к ним на работу. Сначала они не хотели принимать меня, думая, что я рвусь за заработком. Узнав об этом, я объяснил им, что деньги мне не нужны, тем более что я еще не истратил тех, что заработал во Владивостоке; просто я скучаю без дела, а самое главное — хочу научиться говорить по-русски. Услышав это, рабочие разрешили мне ходить на стройку. Мой авторитет среди них быстро вырос. Рабочие выхлопотали мне, хотя и за деньги, вполне приличную одежду, а добросердечный унтер Алексей (так звали одного из наших конвоиров) добился, чтобы мне со склада выдали сапоги. По его рекомендации мне было разрешено питаться на их кухне. Вскоре я еще крепче сдружился с ним и другими русскими товарищами, которые стали брать меня с собой в город. Я искренне привязался к этим людям, полюбил их. Но надежда вырваться отсюда и вернуться домой не покидала меня. Я очень тяжело переживал разлуку с детьми и женой и мысленно строил самые дикие планы, чтобы поскорее увидеть их.

«В какую же сторону мне бежать? — размышлял я. — В сторону фронта нельзя. Через Кавказ и Турцию не пройти, слишком опасен путь. Бдительные казаки с Кубани и Терека не допустят этого, да и местное население тех краев смотрит на пленных как на противников, и следовательно, далеко мне не уйти. Так куда же все-таки бежать?..»

И тогда я вдруг бог знает почему решил, что лучше всего мне податься в Туркестан. Сегодня я прекрасно понимаю, что это была безумная затея, но тогда она показалась мне умной. Я надеялся, что мусульманское население вдали от военных действий вряд ли обратит на меня внимание. У кого вызовет подозрение человек, который плохо говорит по-русски, когда там живет огромная многоязычная масса народа? Оттуда я надеялся как-нибудь добраться до границы империи, перейти в Персию, затем — в Турцию, а поскольку Турция была союзницей крупных европейских государств, то, конечно, через Балканы я сумею пробраться на родину. Я искренне верил в реальность моего плана, а немалое расстояние меня не пугало.

Задумав побег, я начал готовиться к нему. Алексей помог мне выхлопотать в городе документы, согласно которым я значился механиком. Я и в самом деле чинил механические пилы на лесопилке, лодочные моторы и умел делать многое другое. Короче говоря, я стал нужным человеком, начал зарабатывать приличные деньги, пользуясь оказанным мне доверием, свободно ходил по городу, переодевшись в приличную гражданскую одежду. Мои товарищи по лагерю были довольны, так как имели от меня кое-какую пользу: я приносил им то табак, то лекарство, то еще что-нибудь, чего они не могли достать в лагере.

В городе я познакомился с железнодорожником Григорием Голиковым, который работал на маленькой станции на самой окраине Астрахани. За небольшую сумму он пообещал посадить меня на товарный поезд, в котором я смогу выехать из города. У него я хранил свои вещи, собранные в дорогу. Среди вещей были пистолет с патронами и удобный вещмешок. Пистолет, как и фальшивые документы, я с помощью Голикова купил. Что касается документов, то они были вполне надежными, выписанными на мое имя. Торговавший ими аферист разбирался в этом деле. На них имелась и моя фотография, скрепленная гербовой печатью. По этим документам я значился русским подданным, родившимся 15 марта 1884 года. Именно тогда я и родился, только не в Вильно, а в Коложнеме, в области Комаром. И профессия в документах тоже значилась моя. Короче говоря, я стал Ольгердом Лескином, судовым механиком из Вильно. В войну был ранен. За эти надежные документы я отдал все заработанные мною деньги.

В один прекрасный день я отпросился у унтер-офицера на несколько дней из лагеря, сославшись на то, что взялся отремонтировать швейную машинку на обувной фабрике, и ударился в бега.

На извозчике я добрался до городской окраины, а оттуда пешком — до железнодорожной станции, где меня уже поджидал Голиков. Мой вещмешок и плащ он заранее спрятал в будке стрелочника и теперь отдал их мне. Он едва успел это сделать, как на станции ударили в колокол, оповещавший о прибытии товарного эшелона. Поезд действительно подошел к платформе, и Голиков передал меня тормозному кондуктору, а тот спрятал меня в своей будке. Сделав это, Голиков успокоился, так как честно выполнил все, что обещал. На подъезде к следующей станции в роще меня должен был ожидать человек, от которого зависела моя дальнейшая судьба.

Тормозной кондуктор оказался очень добрым и отзывчивым человеком. Он заверил меня, что все будет хорошо, и пожелал мне поскорее увидеть своих родных и близких. Когда эшелон, подходя к следующей станции, замедлил ход, я сунул в руку кондуктора деньги, но он их не взял, сказав, что они мне самому еще пригодятся.

Соскочив с тормозной площадки, я незаметно шмыгнул в полосу лесопосадки, защищающую зимой железнодорожные пути от снежных заносов, и пошел в сторону небольшой рощицы, где должен был встретиться с моим будущим проводником, который ждал меня с двумя верховыми лошадьми. Несмотря на темноту, я довольно легко нашел его.

Поздоровавшись, я сказал ему, что я и есть тот самый человек, которого прислал к нему Григорий Голиков.

— Хорошо, — коротко ответил мой новый знакомый, — поехали.

Пока я приторачивал свой вещмешок к седлу, мой проводник посоветовал мне поторопиться, сказав, что нам пора выезжать, чтобы до рассвета быть как можно дальше отсюда.

Объехав стороной какое-то село, мы галопом поскакали по бездорожью, прямо по лугам, по жнивью и посевам. Когда начало светать, мы уже ехали по степи, все время держа курс на восток, только на восток.

Мой проводник оказался не слишком разговорчивым человеком. Лишь на привалах, которые мы устраивали у заброшенных колодцев, он обменивался со мной несколькими скупыми фразами. Верховая езда доконала меня: поясница, казалось, разламывалась на части, позвоночник саднило, ломило все тело. Однако, несмотря на это, я все еще не хотел признаться себе в том, что, решившись на такой способ бегства, совершил легкомысленный поступок, так как не умел ездить верхом. Правда, этот способ был самым безопасным, ведь, хотя в моем кармане лежали документы, это вовсе не означало, что меня не могли схватить и арестовать.

Как только обнаружится, что я сбежал из лагеря, меня, разумеется, начнут искать, и прежде всего на железной дороге, так как логичнее всего предположить, что на поезде сбежать куда-нибудь проще всего. Вряд ли кто-нибудь из лагерного начальства подумает, что я поеду верхом степью да еще в восточном направлении.

Для моего проводника провести восемнадцать часов в седле, по-видимому, было делом привычным, я же мучился и страдал все сильнее. К вечеру мы приехали на какой-то

хутор. Сам соскочить с лошади я не мог, и меня сняли. Хозяин хутора принял нас радушно, сказал, что мой проводник останется здесь, а сам он проводит меня до следующего пункта и там передаст в руки надежного человека.

— Ты же, браток, поужинай, отдохни малость, а потом мы тронемся дальше, — сказал он мне.

Я хотел уговорить его остаться на хуторе до утра, но, подумав, ничего не сказал — в моих интересах было уехать отсюда как можно дальше, да и стыдно было признаваться в своей беспомощности. И хотя меня уже бросало в дрожь от одного вида седла, я все же сел в седло, доверив свою судьбу лошади и новому проводнику. Заплатив обусловленную сумму первому проводнику, я распрощался с ним и с новым провожатым выехал в ночную степь. К моему удивлению, на этот раз я чувствовал себя в седле намного увереннее, да и новая лошадь шла спокойнее.

На следующее утро мы прискакали на какой-то хуторок, и там я поспал несколько часов, а потом, снова сменив проводника, тронулся в дальнейший путь, чувствуя себя так, будто я родился в седле и всю свою жизнь только тем и занимался, что скакал верхом по бескрайней степи.

После смены очередного проводника я уже не проклинал свою судьбу. Правда, дальше ехать мне пришлось не на лошади, а на двугорбом верблюде, а моим проводником на этот раз оказался вечно улыбающийся пастух-татарин. А уж смеяться надо мной у него могло быть сколько угодно поводов. Ехать на верблюде, который степенно шагал своей пружинистой походкой, мне было удобно, и я заснул. Спереди и сзади тело мое опиралось на два верблюжьих горба, которые, как подушки, так плотно держали мой торс, что я даже не мог свалиться набок.

Два дня и две ночи нес меня на своей спине верблюд, пока мы не добрались до небольшого городка Либинска, расположенного на берегу реки Урал. Прощаясь с проводником-татарином, я в знак благодарности дал ему несколько рублей на корм верблюду.

Первым делом в городке я решил отыскать какую-нибудь баню и нашел. Она оказалась маленькой, грязной и старой, но я не забуду ее до смерти. Я хорошенько вымылся, побрился и даже немного подремал в предбаннике, пока банщица приводила в порядок мою одежду.

Приняв вполне приличный вид, я зашел в чайную пообедать, а затем направился к речной пристани, чтобы узнать, когда будет ближайший пароход до Оренбурга, но по дороге решил сделать небольшую передышку и сел на

скамейку в сквере. Чувствуя себя в безопасности, я развернул только что купленную газету и углубился в чтение. Наверное, со стороны я выглядел обычным, довольным своей жизнью мелким чиновником. Думаю, вид у меня был приличный, поскольку через несколько минут возле меня оказалась дама средних лет с двумя дочерьми. Девочки были прелесть как хороши — чистенькие, здоровенькие, милые и очень разговорчивые.

Они, как и подобает воспитанным детям, поинтересовались, не помешают ли мне, если присядут рядом. Я, разумеется, не возражал. Тогда они сели, поставили на скамью свои плетеные корзинки, достали из них орешки, которыми угостили и меня, при этом весело болтая и не замолкая ни на минуту.

Когда же я сказал, что намерен уплыть отсюда вверх по реке ближайшим пароходом, радости их не было конца. В знак завязавшейся дружбы они вызвались купить билет и мне. Отдавая сдачу, девочки вручили мне билет второго класса. Они, видимо, решили, что такой человек, как я, не может плыть в третьем классе.

В знак благодарности я вызвался поднести их плетеные корзины до парохода. Место мое оказалось в превосходной каюте.

Выйдя из каюты на палубу, я остановился, облокотившись на борт, и стал смотреть на домики, разбросанные по живописному берегу, потом на плицы большого колеса, которые с шумом разбивали речную гладь, пугая радостно визжавших купальщиков, ловящих поднятые пароходом волны. Эта поездка была для меня настоящим счастьем, какого я не испытывал в царской России ни прежде, ни потом.

Наш пароходик, похожий на большую располневшую белую рыбину, плыл между живописных берегов. Рядом со мной находились три восхитительных создания. Спустя некоторое время дама вежливо поинтересовалась, кто я по национальности, пояснив при этом, что мое произношение позволяет ей думать, что я не русский.

Я сразу же ответил, что я литовец. Девочки, узнав об этом, начали просить меня, чтобы я сказал что-нибудь по-литовски. Мне только этого и не хватало. Сначала я отказывался, но просьбы оказались такими настойчивыми, что в конце концов мне пришлось уступить. Я произнес несколько фраз по-венгерски, чем вызвал у них взрыв восторга, после чего они в один голос заявили, что литовский язык — великолепный язык. Я тут же заметил, что русский

намного красивее, на что они, конечно из вежливости, сразу же начали хвалить Литву. И тут я, к своему ужасу, услышал кое-что из истории Литвы, одновременно узнав, что Ольгерд, а по документам таково было мое имя, был не кем иным, как одним из самых известных князей династии основателей Литвы. Поскольку историю я знал плохо, но авантюристом никогда не был, то я не стал ничего выдумывать, а постарался перевести разговор на другую тему.

Позже, уединившись в каюте, я пришел к выводу, что мне полезно побыть одному и как следует отдохнуть, тем более что я не имел ни малейшего представления о том, что меня ждет в будущем.

Пароход тем временем приближался к Уральску, где, как оказалось, жила дама с девочками. Они начали уговаривать меня навестить их в родном доме, тем более что пароход наш прибывал в Уральск поздно вечером, а в Оренбург отплывал только утром. И хотя меня так и подмывало сказать «да», я все же с благодарностью отказался.

Попрощавшись с любезной дамой и ее милыми дочерьми, я спустился в ресторан и заказал хороший ужин. Во время ужина я вдруг обратил внимание на то, что на пароходе началось бурное оживление. Выйдя на верхнюю палубу, я увидел, что там полным ходом идет подготовка к какому-то торжеству. Из города прибыл духовой оркестр, начал развлекать пассажиров музыкой. Я заметил, что на пароходе и на пристани собрались не только пассажиры, но и жители города. Перед тем как отправиться спать, я долго смотрел на пеструю толпу, провожавшую пароход. События прошедшего дня произвели на меня сильное впечатление, и я, переполненный ими, впервые за долгое время заснул без чувства страха и спал всю ночь спокойно и безмятежно, как безгрешный младенец.

Утром я проснулся отдохнувшим. Разбудили меня протяжный гудок парохода, звуки колокола, возвещавшего об отплытии, шорох швартовов по обшивке судна. Все эти звуки наполняли мою душу радостью. Мне захотелось подышать свежим воздухом, и я, поднявшись на палубу, долго любовался красивым берегом и сизыми клоками утреннего тумана, плывущего над рекой.

В пути до Оренбурга я хорошенько отдохнул от долгой верховой езды по степи. На берег я сошел бодрым и довольным, и моя внешность ни у кого не вызвала подозрения. На извозчике я доехал до железнодорожного вокзала, поинтересовался там, когда отправляется ближайший поезд на Ташкент. Мне ответили, что только после полуночи, в два

часа. А поскольку до вечера было еще далеко, я решил побродить по городу, который находится, так сказать, на границе Европы и Азии. Мне понравился порядок, царивший в нем, на улицах попадались красивые здания, похожие на дворцы, и не менее импозантные церкви. Особенно красиво выглядела набережная реки Урал. Но больше всего мне понравилась базарная площадь. Сначала мне показалось, что это какое-то одно большое строение, огороженное длинной кирпичной стеной, прямой и высокой, украшенной великолепными башенками. На рынок вели двое ворот, одни из которых смотрели на запад, то есть в Европу, а другие — на восток, в Азию. С запада сюда въезжали европейские купцы с промышленными товарами, а с востока везли свои товары азиатские купцы. Ради удовлетворения своего любопытства я решил потолкаться в толпе. Громкоголосые длиннобородые русские купцы торговались с узкоглазыми торговцами в тюрбанах, не обращая никакого внимания на немыслимый гвалт. Разъезжавшие по базару конные полицейские наблюдали за порядком.

Мне очень захотелось что-нибудь купить, и я приобрел холщовую сумку, в которую положил продукты в дорогу: свежие калачи, сыр, яблоки, икру и маслины. Короче говоря, получив удовольствие от такого пестрого шумного зрелища, я еще извлек и конкретную пользу для себя.

Время шло, и меня охватило желание скорее ехать. Взяв свой багаж из камеры хранения, я влился в толпу пассажиров, пеструю и красочную. Смешение самых различных языков, одежд и лиц невольно навело меня на мысль, что так, видимо, выглядел и мифический древний Вавилон.

Но вот отворилось окошечко железнодорожной кассы, и все бросились покупать билеты. Я предполагал, что сделать это будет несколько труднее, чем приобрести билеты на пароход.

Зная, что Оренбург — крупный железнодорожный узел, я решил, что должен быть более осторожным по отношению к официальным лицам. Когда подошла моя очередь и я оказался у окошечка кассы, я спокойным голосом попросил дать мне билет до станции Кушка. Кассир, видно, плохо понял меня и переспросил, куда я хочу купить билет. Взяв себя в руки, я с наигранным спокойствием повторил, что мне нужен билет до туркестанской станции Кушка. Кассир внимательно посмотрел на меня, потом немного подумал и о чем-то спросил у другого кассира, в пенсне. Сердце у меня часто забилось. Кассир в пенсне попросил у меня документы.

«Вот и настал тот самый момент, — тревожно подумал я. — Сейчас меня разоблачат и отправят в тюрьму или задержат и начнут выяснять, что за человек этот литовец Ольгерд Лескин...»

Сердце мое учащенно билось, стало трудно дышать. Однако прошла минута, и я мог мысленно торжествовать. Не зря, выходит, астраханский авантюрист взял с меня кругленькую сумму! Когда кассир в пенсне положил передо мной мои документы и билет, мне показалось, что я заново родился. Я даже почувствовал себя настоящим литовцем и подданным царской империи. Я вышел на перрон, чтобы немного прогуляться, но время от времени возвращался к комнате дежурного по вокзалу, перед которой висел колокол, без сигнала которого не отправлялся ни один поезд. Наконец из комнаты дежурного вышел железнодорожник и, прозвонив в колокол, выкрикнул моментально притихшей толпе:

— Начинается посадка на Ташкент!

Я не спеша вошел в вагон и сел у окошка, чтобы иметь возможность видеть как можно больше. Поскольку, кроме меня, в купе никого не оказалось, я улегся на своем месте и заснул даже раньше, чем тронулся поезд.

Мне снился чудесный сон. Наконец-то я избавился от страданий, какие мне всегда причинял холод. Теперь, что бы со мной ни произошло, холод уже не будет мучить меня. Довольно я померз в Сибири и во время долгих дорожных мытарств по ее просторам, лежа на голом полу телячьего вагона. Мне приснился Туркестан — страна жаркого солнца. И хотя я никогда не был на Ближнем Востоке, по прочитанным сказкам живо представлял себе эту землю с ее шумными городами, с десятками минаретов и украшенными мозаичными куполами мечетями.

Во сне я видел, как меня окружают незнакомые узбеки и узбечки, таджики и таджички. С каждым я разговариваю на его родном языке. Они радушно приглашают меня к себе в гости, угощают вкусными горячими лепешками и ароматным чаем, показывают своих детишек. Это был спокойный приятный сон, какие редко снились мне в последнее время...

Однако лежавшим на соломе красноармейцам так и не удалось тогда узнать, что же случилось с Ференцем Майорошем, когда он очнулся от прекрасного сна. Эшелон неожиданно резко затормозил, жалобно заскрипели стены ва-

гонов, застонали колеса. Бойцы попадали друг на друга, загремели жестяные кружки и фляги, забряцало оружие.

Спрыгнув из вагона на землю, Зефиров побежал к паровозу, чтобы узнать у машиниста причину столь резкой и неожиданной остановки.

— Что произошло, Иван Петрович?! — крикнул он на бегу.

— Какая-то скотина разобрала путь! — ответил встревоженный машинист.

— Чтоб их разорвало, мерзавцев!.. Не иначе бандиты Мамонтова постарались!.. Ребята, кончай ночевать! Вылезай ремонтировать путь!..

Не прошло и нескольких минут, как ехавшие в эшелоне бойцы превратились в ремонтников.

3

Эшелон остановился на слегка всхолмленной равнине. Железнодорожное полотно оказалось разобранным на участке метров ста, и там вовсю закипела работа. Несколько рельсов были сброшены с насыпи, и теперь их нужно было поднять и уложить на прежнее место. Хорошо еще, что беляки не растащили с полотна шпалы.

Матьяш работал раздевшись до трусов, но все равно весь обливался потом. Вместе с Майорошем он укладывал рельсы и забивал в шпалы костыли. Бойцам было приказано спешить, поскольку было ясно, что белые специально разобрали путь, чтобы устроить в этом месте засаду, а ввязываться в бой красным не хотелось, так как их ждали совсем в другом месте.

Зефиров позаботился о прикрытии эшелона, выслав по обе стороны от железнодорожного полотна дозоры, которые, хорошо замаскировавшись, залегли в лесопосадке. Орудия, закрепленные на открытых платформах эшелона, были приведены в боевую готовность, а на крышах вагонов стояли пулеметы, которые смотрели во все стороны и могли отразить атаку противника, если бы он осмелился напасть на эшелон.

Машинист паровоза руководил укладкой рельсов, не переставая на чем свет клясть мамонтовских бандитов и подгоняя бойцов. С лица его лился пот, но ему даже некогда было вытереть его — слишком напряженной была работа.

— А где мы сейчас находимся? — спросил у машиниста Ференц Майорош.

— Где-то неподалеку от станции Валуйки.

Предосторожность Зефирова оказалась не напрасной — не прошло и часа, как белые попытались атаковать эшелон. Они выскакивали из зарослей небольшими группами, стараясь найти наиболее уязвимое место для нападения на неподвижный эшелон.

Однако Зефиров не дремал. Зычным голосом подал он хотя и не уставную, но необходимую и всем понятную команду:

— А ну, всыпать им как следует!.. Огонь!..

Забили пулеметы. Зефиров приказал артиллеристам открыть огонь из пушек. Раздался выстрел одного орудия, за ним — другого, третьего... Все время, пока шел бой, красноармейцы, чинившие пути, работали, не обращая внимания на стрельбу, как будто кругом ничего не происходило.

Встретив сопротивление, белые отошли, унеся с собой раненых, а тем временем красноармейцам удалось восстановить полотно. Эшелон, резко вздрогнув, тронулся в дальнейший путь.

Вернувшись в вагон, Ференц Майорош вымыл руки и лицо (Матьяш поливал ему из фляжки), причесался и уселся на свой деревянный чемоданчик. Уставшие бойцы улеглись на соломенную подстилку, некоторые из них тут же задремали.

По выражению лица Майороша нельзя было определить, сильно ли он устал. Теребя в руках фуражку, Ференц долго смотрел на Матьяша, а затем сказал:

— Я заметил, ты толковый металлист! Работал что надо!..

Парень благодарно улыбнулся и вымолвил:

— Нужно же было.

— Верно, верно, — закивал Майорош, — что нужно, то нужно, но ведь еще и уметь надо сделать это нужное. Мне тут в голову пришла одна мысль. Не потерпим мы поражения в эту гражданскую войну, а выиграем ее. И знаешь почему? Одна из причин, хотя вообще-то их много, заключается в том, что мы привыкли к труду и способны выполнить любую работу. Представь себе, что бы делали господа офицеры, если бы подобное случилось с ними? Да ничего! А наши бойцы, можно сказать, в два счета восстановили движение на линии. Если понадобится, они и паровоз починят, и любое оружие исправят, и одежду себе сошьют, и хлеб испекут. А разве это не большое дело?

Ференц был доволен. Собственно говоря, ничего нового он для себя не открыл. О деловитости бойцов, их умении

работать он хорошо знал. Нынешний случай только подтвердил его оценку.

— Знаешь, дружище, ты нам тут зубы-то не заговаривай, а лучше расскажи, что случилось с тобой дальше по дороге в Ташкент, — хриплым голосом попросил Ференца Зефиров.

Бойцы оживились, поддерживая просьбу Зефирова; кое-кто свернул самокрутку и закурил, чтобы, слушая продолжение, одновременно побаловать себя махорочкой.

Майорош понимал, что отказываться ему нет никакого смысла, и потому продолжил свой рассказ.

— Никто не мешал моему отдыху. Я уже хорошо усвоил, что в России только сразу после отправления и перед прибытием на конечную станцию в вагонах поезда царит шум и суета, но потом все быстро успокаиваются, стараются по возможности не мешать друг другу и уж тем более не беспокоить спящих. Так произошло и со мной. Мне никто не мешал.

Когда же я проснулся на следующее утро, жизнь в вагоне уже кипела. Пассажиры ели, пили, разговаривали, завязывали знакомства. Я тоже разговорился.

Поезд мчался по пустыне, похожей на застывшее море. Вид из окна был абсолютно безрадостный. Даже степь, которую я видел из окна вагона, когда ехал на поезде за Волгой или когда скакал верхом к Уралу, выглядела не так уныло. Порой среди безбрежных песков попадались какие-то странного вида низкие сооружения круглой формы. Мой сосед, словоохотливый старик, объяснил мне, что это юрты, в которых живут пастухи.

Заговорив о юртах, я счел возможным выпытать у разговорчивого старика, водятся ли в пустыне дикие животные, и если водятся, то какие. Мне было интересно узнать это. Старик начал заверять меня в том, что летом в туркестанских степях и полупустынях нет тварей, опасных для человека. Однако другие попутчики не согласились с его словами и сказали мне, что в этих краях водятся ядовитые змеи и скорпионы.

Я насторожился. Ведь, сойдя с поезда, я, прежде чем добраться до Персии, вынужден буду немало побродить по таким местам. Далее я как бы между прочим полюбопытствовал, насколько опасны эти рептилии и пауки для человека и как от них защититься. Выслушав различные мнения, я мысленно сделал для себя вывод, что змеи в основном

сами боятся человека и стараются держаться от него подальше. Нападают же они только тогда, когда человек охотится за ними или мешает им. Но лучше всего, конечно, было бы избежать встречи с ними. Скорпионы же, как я узнал, встречаются в пустыне довольно часто, но опасны только тогда, когда человек теряет бдительность, поэтому прежде чем сесть или лечь на что-то, надо внимательно осмотреть это место, в особенности заросли.

И пока скорый поезд уносил меня все дальше на юг, я, пользуясь случаем, накапливал нужные мне сведения. К вечеру мы прибыли в Актюбинск, где поезд, едва остановившись, сразу же тронулся дальше. Пейзаж и здесь был довольно безрадостный — плоская, с жалкой растительностью равнина. Местами, правда, попадались пастбища, на которых вместо травы росли какие-то колючки, но скоро и их не стало видно. После полупустынных мест снова стали попадаться зеленые пятна оазисов, а справа по ходу поезда заблестело огромное зеркальное озеро с берегами, поросшими низкорослым тростником. После бесконечной степи и полупустыни это было зрелище великолепное и оживляющее.

Попутчики объяснили мне, что это озеро — Аральское море. Вскоре мы прибыли в небольшой городок Аральск. Здесь, пока менялась паровозная бригада, мне удалось немного побродить по городу. До моря было недалеко, и я направился прямо туда, в небольшую бухту, спокойнее и милее которой я никогда ничего не видел, не считая, конечно, Комаромской.

Я понимал, что и у этого крохотного городка, расположенного на берегу моря, были свои заботы, но по его безмятежному виду сказать этого было нельзя. Если считать, что в мире есть рай, то это место вполне можно было принять за райский уголок, хотя не было в нем никакого великолепия, не блистал он и богатством, а скорее производил впечатление чего-то обыденного. Однако вид скользивших по водной глади парусных лодок, фыркавших моторами рыбачьих баркасов и бесшумно плывших пароходов, казалось, очаровал расхаживавших по берегу людей и воспринимался со стороны как простое тихое счастье, к которому ничего не надо добавлять, поскольку любое прикосновение к нему может навсегда испортить это очарование.

Любуясь раскинувшимся передо мной пейзажем, я невольно подумал, что в загадочной для меня России помимо бескрайних лесов, полей, лугов, степей и пустынь имеется очень много таких уголков, которые кажутся милыми и за-

гадочными, несмотря на свою, на первый взгляд, неприглядность.

Я почувствовал себя так, будто вернулся после недельного отдыха. На вокзал прибыл вовремя, перед самым отправлением поезда. Море осталось позади, внезапно исчезнув, будто канув в бездну. Зато далеко-далеко слева, чуть ли не на самом горизонте, из-за туманной дымки показались горы, на вершинах которых кое-где ослепительно сверкал снег.

Оказавшись в долине Сырдарьи, я увидел совершенно другую картину: кругом виднелась зелень, буйные посевы, оазисы фруктовых деревьев. Все это как бы летело навстречу поезду, который вдруг замедлил ход, начав петлять по таким крутым горным склонам, что захватывало дух. Однако скоро солнце скрылось за горизонтом, и наступившая темнота лишила меня возможности любоваться красотами пейзажа. Утешив себя тем, что завтра тоже будет день, я лег спать и быстро уснул.

Проснувшись и выглянув в окошко, я, к своему удивлению, снова увидел за стеклом серый полупустынный пейзаж с чахлой растительностью. Потом показались горы. Ближе к Ташкенту местность была не столь безотрадная, горы сменились холмами. В Ташкенте многие пассажиры вышли. Новые любители переездов заняли вагоны. С шумом и гвалтом люди бросались на свои места и наконец, расположившись, успокоились.

Справа от меня сидели люди в узбекских и туркменских национальных одеждах, какие я впервые увидел лишь на базаре в Оренбурге. Мне было интересно поговорить с ними, чтобы как можно больше узнать о местных условиях и обстановке на данное время. Разговаривал я уже без опаски, так как был уверен в себе и, как говорится, полностью вошел в роль. За время своего путешествия, если мою поездку можно назвать путешествием, я лишний раз убедился в том, что вполне могу положиться на доброту местных жителей, более того, даже на их помощь. Благодаря им я избежал многих неприятностей.

Вечером того же дня мы прибыли в Байрам-Али, где мне предстояло пересесть на поезд, следующий до Кушки. Разумеется, неизвестность пугала и волновала меня, но я не подавал виду, мысленно призывая себя к спокойствию. Я пораньше улегся спать, чтобы успокоиться и набраться сил перед испытаниями, которые ждали меня. Проснулся я бодрым, абсолютно спокойным. Неторопливо уложил свои

вещички в мешок, а плащ-дождевик и трость оставил при себе.

В Кушку я не поехал, поскольку понимал, что эта пограничная станция кишмя кишит пограничниками, полицейскими, таможенниками, так что там я вряд ли смогу осуществить то, что задумал. «Я поступлю разумно, — думал я,— если сойду где-нибудь в тихом местечке, откуда незаметно уйду в пустыню. Двигаясь все время на запад, я выйду к границе с Персией». Выбор мой пал на небольшой туркменский городок, где я и сошел. Выйдя из здания вокзала, я с невозмутимым видом направился к центру по главной улице, по обе стороны которой стояли небольшие белые особнячки, утопающие в зелени фиговых и оливковых деревьев. Было еще утро, однако воздух уже раскалился под лучами солнца. От жары я так раскис, что почти не замечал людей. Так вот оно какое, это тепло, о котором я столько мечтал зимой в промерзлом телячьем вагоне!

Чем ближе я подходил к окраине, тем оживленнее становилась жизнь города. Среди стареньких глинобитных домиков бродили козы, овцы. Здесь же играли малолетние детишки. Под развесистым абрикосовым деревом я увидел старого туркмена, сидевшего на скамеечке, как у нас в деревнях старики сидят перед своими домами. На голове его красовалась темно-зеленая бархатная тюбетейка, а сам он был в полосатом стеганом халате. Лицо старика украшали солидные свисавшие вниз усы.

С почтением поздоровавшись со старцем, я остановился, сделав вид, что намерен передохнуть в тени дерева. Старик заметно обрадовался моему неожиданному появлению, решив, вероятно, что со мной ему будет не так скучно. Он уважительно ответил на мое приветствие, пожав мне руку, и, усадив рядом с собой, сразу же поинтересовался, откуда я иду и куда направляюсь, так как и по разговору и по одежде он определил, что я не местный, а посему, быть может, нуждаюсь в его помощи. Слово за слово, и мы разговорились. В конце концов я даже осмелился спросить у старца, как далеко и в каком направлении находится граница с Персией. Старик ответил, что до границы, можно сказать, рукой подать — всего-навсего двое или трое суток ходьбы, однако он тут же предупредил, что не советовал бы пускаться в такую дорогу неопытному путнику, который может натолкнуться либо на пограничников, либо на контрабандистов.

— А что за люди эти контрабандисты? — с любопытством спросил я.

— Ай-ай, милый человек, — запричитал старик. — Сразу видно, что ты нездешний, если намереваешься идти к границе через пески да еще не знаешь, кто такие контрабандисты. Это же разбойники, убийцы!.. Их банды нападают на караваны и грабят их. Да еще как грабят! Пограничники их хоть как-то сдерживают, правда, не всегда удачно. Они и сами-то побаиваются этих негодяев. Что же касается Кушки, то добраться до нее пешком рискуют не многие, так как бандиты в любой момент могут напасть на караван.

Я как бы между прочим поинтересовался у старика, каким образом все-таки можно добраться до границы, не попавшись на глаза ни пограничникам, ни контрабандистам. Старец ответил, что такое возможно только в том случае, если двигаться ночью: в темноте идти, ориентируясь по звездам, а днем отдыхать где-нибудь в пустом загоне для скота; там, как правило, бывает и колодец. Правда, в этих местах таких загонов не много и отыскать их — дело не из легких.

Почтенный старец внушал доверие, и я почувствовал к нему расположение. Я признался ему, что хочу добраться до Мешхеда, персидского городка, расположенного неподалеку от границы, и спросил, сколько же отсюда верст до Мешхеда. Старец ответил, что этого он точно не знает, однако его сын не раз хаживал в этот город, лежащий в горах высокого Копетдага.

— Однако скажи мне, сын мой, зачем это тебе вдруг понадобилось попасть в Мешхед? Ведь ты, как я погляжу, не так уж богат, чтобы стремиться туда.

Поняв, что мне нет никакого смысла опасаться старика, я откровенно поведал ему о своем намерении.

На это старец отреагировал неожиданно — он обрадовался и заметно оживился. Туркмен сказал, что они считают мадьяр своими дальними родственниками, а поскольку я и есть мадьяр, то, значит, меня ему послал сам аллах.

— А раз так, сын мой, — продолжал мой собеседник, — то моя святая обязанность помогать тебе. Так что ни о чем не беспокойся, все будет хорошо. Сейчас пойдем ко мне домой и там все уладим.

Почтенный старец действительно привел меня к себе домой и познакомил со всеми членами своей многочисленной семьи. После радушного угощения меня повели на базар, где посоветовали, что купить для долгого и небезопасного пути. Я закупил вяленой рыбы, сухарей, чая, табака, сахара и спичек. Туркмен подарил мне бурдюк, выделанный из

овечьей шкуры. Он наполнил его питьевой водой, а мою фляжку — водкой.

Собирая меня в путь, старый туркмен даже помолодел. Он заботился обо мне как о родном сыне, а на ночь устроил меня в прохладном глинобитном домике. К рассвету он приготовил повозку, запряг ослика. До восхода солнца мы с туркменом, петляя по узким переулкам, выехали из города. Сначала ехали по оазису. Кругом лежали виноградники, бахчи с огромными дынями и арбузами, делянки хлопчатника, а за ними зеленели фруктовые сады. Но как только кончились поливные земли, пейзаж резко изменился — кругом, куда ни посмотри, расстилалась безводная пустыня, без единого деревца, без единого кустика.

Через некоторое время мы добрались до небольшого оазиса, в котором, правда, не было источника, но был колодец. Здесь, в этом крохотном уютном уголке, у моего нового знакомого жил близкий друг.

Почтенный старец рассказал другу, кто я такой, куда еду, и этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы меня сердечно приняли. После сытного угощения меня повели отдохнуть в тенистое место. На глиняный пол мне постелили ковер, под голову положили подушку, набитую овечьей шерстью. Пожелав приятного отдыха, хозяин сказал мне, что дальше в путь можно будет тронуться только вечером, когда спадет жара.

Я быстро заснул. Проснулся я, почувствовав чье-то легкое прикосновение к своему плечу. Было уже темно. Меня пригласили поужинать. Все присутствующие уселись, по-турецки поджав ноги, вокруг низенького столика, на котором лежали творог, нарезанные кусочками огурцы и помидоры, ломти сахарной дыни. Потом нам подали горячий ароматный чай.

Старик туркмен, мой спутник, сказал, что он должен меня покинуть, но беспокоиться мне не следует, так как дальше моим проводником станет его друг. Не могу понять почему, но я так расчувствовался, что, прощаясь со старцем, поцеловал ему руку. Даже родной отец не мог бы сделать для меня больше, чем этот туркмен.

Простившись со старым туркменом, я остался в полном распоряжении хозяина крохотного оазиса, тоже туркмена, который был ненамного старше меня. Он вывел со двора двух верблюдов, один из которых предназначался для него, другой — для меня. Не теряя попусту времени, мы тронулись в путь, тем более что уже совсем стемнело и нас никто не мог видеть. Сидя на верблюде, я отдыхал — спокой-

ное и умное животное шло почти след в след за вожаком-верблюдом, на котором восседал мой новый проводник.

За все время пути туркмен не обмолвился со мной ни словом. Всю ночь мы ехали без остановок и под самое утро оказались возле жалкой пастушеской хижины, где мой провожатый передал меня своему знакомому—пастуху, который принял меня по-дружески, будто мы были знакомы с ним не один десяток лет.

Быстро подготовив мне место для ночлега, мой новый проводник вскочил на коня и отправился к своим сыновьям, жившим на некотором отдалении, чтобы сообщить им о своем отъезде. Вернувшись, он стал собираться в путь.

Через полчаса я снова был в пути. Это путешествие оказалось не менее утомительным и продолжалось до самого рассвета. Проводник был таким же неразговорчивым, как и прежние проводники. Ехали мы по голой пустыне, где даже пучок засохшей травы казался отрадой для глаз, уставших от бесконечного однообразия серых, невыразительных песков. Правда, спустя некоторое время стала попадаться чахлая растительность, хотя воздух по-прежнему оставался раскаленным. Мне казалось, что больше я уже не смогу ехать, не вынесу раскаленного воздуха пустыни. Но вот наконец впереди показалась пастушеская юрта. Моего проводника приняли приветливо. В юрте жила большая семья; правда, сама хозяйка была больна и лежала в постели, но поздоровалась со мной приветливо, хотя я и был для нее совершенно чужим человеком.

Мой провожатый распрощался с нами, а мой новый знакомый, как и все прежние, оказался хлебосольным хозяином, пригласил меня на ужин под открытым небом. Ужин был незамысловатым — кислое молоко со свежей лепешкой. Чтобы хоть как-то отблагодарить нового хозяина за его гостеприимство, я подарил ему большую банку чаю, пачку табака, а ребятишкам дал по куску сахара, чему они были безмерно рады.

Спать меня уложили под открытым небом, соорудив ложе из сена, покрытого овечьими шкурами; неподалеку от меня улегся и сам хозяин, а детишки спали в юрте вместе с матерью.

Я превосходно выспался на свежем воздухе, а на рассвете хозяин разбудил меня. В глиняной миске он принес мне воды для умывания, и я с удовольствием умылся. Каково же было его удивление, когда я в довершение всего начал еще и бриться. У самого же пастуха была редкая короткая бородка, которая не могла скрыть глубоких морщин

на его лице. Позавтракали мы вяленым козлиным мясом, запив его чаем. За едой хозяин попросил меня не сердиться на него: из-за болезни жены он, к сожалению, сможет проводить меня только до Бубора, а дальше мне придется двигаться одному. Расстояние до следующей пастушеской юрты было порядочное. Короче говоря, эту ночь в пустыне мне предстояло провести одному.

Освежив лицо водой из колодца, я взгромоздился на спину верблюда, и мы с пастухом двинулись дальше по бесконечной пустыне, не дожидаясь, когда проснется его семья. С любопытством я вглядывался вперед, желая поскорее увидеть не раз упомянутый проводником Бубор, полагая, что это, скорее всего, какой-нибудь древний караван-сарай, возникший на перекрестке караванных путей, короче говоря — хорошо известное, а потому важное место в этой части пустыни.

В полдень мы наконец-то прибыли в долгожданный Бубор. Я был разочарован. Оказалось, что Бубор — это всего-навсего небольшая высотка, а точнее — холмик, с которого видно не намного больше, чем со спины верблюда. Вид с Бубора открывался довольно неприглядный и унылый. Все значение этого холмика в том и заключалось, что с его вершины можно было немного осмотреться. Однако для местных пастухов эта столь незначительная на мой взгляд точка была очень важна — обладая опытом странствий по ровной как ладонь пустыне, они могли увидеть с нее много нужного для себя.

Мой проводник, поднявшись на вершину холма, сориентировал меня, указав, в какую сторону мне надлежит идти, и предупредил, что до захода солнца я во что бы то ни стало должен дойти до крохотного оазиса, в котором я, правда, не найду ни капли воды, зато смогу отдохнуть под карликовыми деревьями и чахлыми кустами. По его совету я должен был там переночевать. Затем, идя в строго указанном мне направлении, к вечеру следующего дня я смогу выйти к пастушеской хижине, которая находится уже на территории Персии. Я слез с верблюда и расплатился с проводником, дав ему десять рублей. Он не в пример другим проводникам охотно взял деньги, сказав, что они пригодятся ему на лечение больной жены и прокорм шести ребятишек. Привязав верблюда, на котором ехал я, к своему животному, он низко мне поклонился и уехал, оставив меня одного.

Поднявшись на вершину Бубора, я уселся поудобнее и стал смотреть не в ту сторону, куда мне указал пастух-про-

водник, а вслед ему. С каждым шагом мой проводник с верблюдами становился все меньше и меньше, пока не превратился в крохотную точку, которая через минуту-другую вообще исчезла. От одиночества мне сделалось не по себе. Достав фляжку, которую дал мне почтенный старец туркмен, я отпил большой глоток, потом свернул цигарку и сделал несколько глубоких затяжек. Только после этого, почувствовав решимость, я зашагал в направлении, которое мне указал пастух. Под вечер, когда начало смеркаться, я действительно пришел на то самое место, где мой последний проводник рекомендовал мне заночевать. Осмотрев кусты и не обнаружив в них никакой опасной живности, я все же решил расположиться на ночь на голом песке. Собрав сухие ветки саксаула, я разжег костер, чтобы вскипятить себе чай. Утолив голод и жажду, я улегся на еще теплый песок, стараясь ни о чем не думать и поскорее заснуть. Ночь была безлунной и непривычно темной, однако звезд на небе было много. Здесь, в пустыне, они были почему-то необыкновенно крупными.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я заснул. Спал я как убитый, а проснулся оттого, что зубы мои выстукивали дробь. Лицо мое, руки, одежда — все было мокрым.

«Неужели ночью здесь, в пустыне, шел дождь?» — подумал я, но скоро понял, что никакого дождя не было, а вымок я от выпавшего ночью инея.

Быстро разведя костер из веток саксаула, которыми я запасся с вечера, я отогрелся, позавтракал и двинулся дальше в путь, надеясь, что к концу дня достигну желанной цели.

Однако расчеты мои не оправдались — вечер застиг меня посреди песков, а главное — нигде не было ни клочка сухой травы, ни ветки саксаула, чтобы развести хотя бы маленький костер. Мне ничего не оставалось, как провести ночь на голом песке. Конечно, я не мог уснуть, а только немного подремал. Невеселые мысли лезли в голову. С нетерпением и тревогой я дождался утра, чтобы продолжить свой путь. Однако как ни старался я отыскать пастушескую хижину, я ее не нашел. До самого вечера бродил я по пустыне, но даже топлива для костра не нашел. Выпил из бурдюка несколько глотков теплой воды, которой, к сожалению, оставалось очень немного. Есть я не хотел, зато очень хотелось спать. Улегшись на песок, я погрузился в глубокий сон и проспал всю ночь, даже не перевернувшись на другой бок. Проснулся я, когда совсем рассвело.

В то утро мне в душу закрался страх. Как я мог пуститься в столь трудный и опасный путь без какой-нибудь карты или хотя бы схемы и без компаса. Собрав свои немудреные пожитки, я двинулся в западном направлении, туда, где, по моему мнению, должен находиться город Мешхед.

В отчаянии бредя по бесконечной пустыне, я частенько посматривал в сторону горизонта. И вдруг сердце мое радостно забилось — вдалеке я неожиданно увидел блестевшее в лучах солнца озеро, на берегах которого росли деревья и кусты. Обрадовавшись, я пошел быстрее. Я бы даже побежал к желанному озеру, если бы у меня были силы. Я не сомневался, что около озера встречу людей. Но каким глубоким оказалось мое заблуждение! С каждым моим шагом и озеро, и деревья становились все дальше от меня и наконец полностью растворились и исчезли. Я понял, что это был мираж.

Гоняясь за миражем, я так изнемог, что с трудом переставлял ноги. Обессиленный, тяжело дыша, я упал на горячий песок, не в силах подняться и идти дальше. В какую бы сторону, до боли в глазах напрягая зрение, я ни смотрел, повсюду был один песок, песок, песок...

Огромным усилием воли я заставил себя встать и побрел дальше. Не помню, сколько я шел, однако через какое-то время ноги мои ступили на травяной покров, высохший и частично объеденный какими-то животными. Солнце уже клонилось к закату, и я решил заночевать прямо здесь, на этом месте. Может, тут мне удастся собрать сухой травы, чтобы разжечь костер и вскипятить на нем кружку чая.

Жара, усталость и скудное питание (запасы продовольствия быстро таяли, и мне приходилось их экономить), можно сказать, доконали меня, но самой страшной оказалась мертвая тишина, которую раньше я почему-то не замечал. Теперь же эта вселенская немота причиняла мне почти физическую боль. Как это ни парадоксально, но тишина давила на голову, не давала уснуть. Мучил и ночной холод, он сковывал мое измученное, слабое тело, и дождевой плащ, в который я закутался, не спасал меня.

Утром я прожевал кусок вяленой рыбы и сухарь, выпил несколько глотков холодного чая, оставленного еще с вечера. Поднявшись на ноги и сделав несколько шагов, я почувствовал себя инвалидом. Ноги мои были до крови растерты песком, забившимся в обувь. Каждый шаг давался мне с неимоверным трудом. В таком состоянии я провел весь день и только под вечер заметил на горизонте какую-то темную полосу. Сначала я решил, что это мираж, но все же плелся

в том направлении. Глаза мои постоянно слезились, я плохо видел и вынужден был часто прикрывать их от яркого солнца рукой.

Постепенно у меня перестало рябить в глазах, и я понял, что темная полоса, которую я увидел, вовсе не мираж. Она просматривалась чуть левее направления, по которому двигался я. Конечно, я не колеблясь свернул к этой полосе.

Расстояние до нее оставалось приличным, и это очень беспокоило меня. Но вот наконец я сумел различить какую-то растительность. Когда же я наконец приблизился, то увидел, что это густые заросли тростника и осоки.

«Оазис!.. Оазис!..—забилась в голове радостная мысль.— Здесь обязательно должна быть вода!..»

Я бросился, насколько позволяли силы, искать воду, но чувство осторожности умерило мой пыл. Ведь наверняка не одного меня мучила жажда. Вода нужна и диким зверям, которые водятся в этим местах. Прежде чем войти в заросли тростника, я вынул пистолет и несколько раз выстрелил в воздух. Никаких зверей я не спугнул, но потревоженные выстрелами птицы взлетели и, неторопливо описав над моей головой несколько кругов, сели подальше от меня.

Я бросил на землю свой вещмешок и, не выпуская из руки пистолет и палку, вошел в заросли тростника. Я искал воду, но, как ни старался, найти ее так и не смог. Однако ноги мои, уже привыкшие к раскаленному песку, почувствовали, что почва стала прохладнее. Я нагнулся и ладонью пощупал землю. Да, так и есть. Тогда я начал ощупывать землю пядь за пядью, и там, где она показалась мне более прохладной, я вырвал траву, удалил корни тростника и руками начал рыть песчаную почву. Лунка, которую я копал, росла в размерах. На глубине сантиметров тридцати влажность оказалась такой, что, песок, когда я сжимал его в комок, рассыпался.

Уверенный в дальнейшем успехе, я продолжал копать. К моей огромной радости, вскоре на дне ямки блеснула вода. Распластавшись на земле, я все больше и больше зарывался в почву, вынимая мокрый песок. Наконец у меня получилась довольно глубокая яма. Опустив в нее голову, я жадно всасывал благодатную влагу.

Утолив жажду, я решил сделать здесь остановку, чтобы передохнуть. Отыскал свой мешок, брошенный на краю тростниковых зарослей, набрал большую охапку сухих стеблей и на небольшой полянке развел костер. Пока я занимался этим, воды в откопанной мною яме собралось столько, что ее вполне хватило для того, чтобы вскипятить чай для

праздничного обеда. У меня еще оставалось немного продуктов — две вяленые рыбы и несколько сухарей. Чтобы набраться сил, я съел ровно половину этого запаса. Затем я разделся до пояса и, как сумел, обтерся водой, испытав при этом ни с чем не сравнимое удовольствие. Ощущение было такое, будто я заново родился.

Потом я собрал еще одну большую охапку сухих стеблей тростника и бросил их в костер, чтобы столб дыма взвился повыше. Может, кто-нибудь заметит его. Меня не пугало, что дым могут увидеть бандиты. Пусть это будет кто угодно, думал я, лишь бы пришел конец моему невыносимому одиночеству.

Едва зашло солнце, начало быстро темнеть, а в темноте, как известно, дыма не видно. Тогда я связал из сухой осоки несколько десятков тугих жгутов и, по очереди поджигая, размахивал ими, как горящим факелом, над головой. Такие знаки на Дунае обычно подают капитану парохода с берега или с баржи бакенщика.

Размахивая горящими жгутами, я невольно вспоминал то сынишку, то дочку, то жену. Мне казалось, что я вижу их перед собой, наблюдаю, как они готовятся к ужину в нашем домике, что стоит в самом конце улицы Барона Йожефа Этвеша. Мне чудилось, что я подаю им эти таинственные знаки, стараясь убедить их, что со мной ничего не случилось, что они не должны волноваться за меня, потому что скоро, быть может, очень скоро я живым и невредимым возвращусь к ним.

Догорая, жгуты больно жгли мне пальцы, а я, вернувшись из мира приятных воспоминаний в мир реальности, думал о том, что же стану делать завтра, куда пойду дальше. Правда, здесь я могу набрать воды, но еды у меня осталось не более чем на одни сутки.

Так ничего и не придумав, я подбросил в костер побольше топлива и, усевшись поближе к огню, на клочке бумаги на русском и на венгерском языке написал:

«Я, Ференц Майорош, родился 15 марта 1884 года в Венгрии, в селе Коложнема, области Комаром. Служил солдатом в 19-м пехотном полку австро-венгерской армии. В августе 1914 года попал в русский плен на Волыни. В мае 1915 года совершил побег из Астраханского лагеря для военнопленных. Моя семья проживает по адресу: Венгрия, город Комаром, улица Барона Йожефа Этвеша, дом номер 59».

Эту записку я вложил в мой фальшивый документ, выданный мне на имя Ольгерда Лескина, и начал подготавливать себе место для ночлега, думая о том, что если мне суж-

дено умереть в этой пустыне с названием Каракум, то кто-нибудь, найдя меня здесь, узнает, кто именно тут погиб.

Прежде чем лечь спать на разостланный на земле плащ, я подкинул в огонь новую порцию топлива, чтобы костер погорел еще хоть немного. Надежда на то, что меня кто-то может заметить в этой пустыне, была минимальной. Мне хотелось поскорее уснуть, чтобы хоть во сне не думать о своей судьбе, однако сон, как назло, не приходил. Ворочаясь с боку на бок на своем нехитром ложе, окруженный беспросветной темнотой и полной тишиной, я невольно начал вспоминать отдельные эпизоды из своей жизни. Вспоминал и думал о том, что ни в коем случае не должен поддаваться отчаянию, что, каким бы трудным и безвыходным ни оказалось мое положение в будущем, я ни за что на свете не наложу на себя руки. Погибнуть в этой безжалостной пустыне я могу, но самоубийцей не стану никогда!

Так проходила ночь. Ближе к рассвету я услышал какой-то странный визгливый крик, далекий и неясный. Я сначала решил, что это мне показалось, что слух подвел меня, как подвело зрение, когда мне мерещился мираж. Однако вскоре легкий ветерок снова донес до меня далекий визгливый крик, настолько необычный, что по нему нельзя было определить, принадлежит он человеку или животному.

Скинув плащ, в который я завернулся ночью, я с трудом раздул костер, благо угли еще тлели под кучкой пепла, а затем подбросил в огонь сухого тростника: пусть огонь будет видно издалека. Проделав это, я отошел в сторону, чтобы меня не было видно на фоне костра. Крик снова повторился. Теперь я уже не сомневался, что это голос человека.

«Быть может, в этих краях так принято давать знать о своем приближении другому путнику?» — подумал я.

На всякий случай я загнал патрон в патронник пистолета и стал напряженно всматриваться в том направлении, откуда слышал крик. Через несколько секунд из темноты возникло огромное темное колеблющееся пятно, которое через миг-другой приняло очертания верблюда с всадником на спине. В свете костра я увидел мужчину в полосатом туркменском халате, в тюрбане, в сапогах без каблуков. Он что-то сказал на незнакомом языке. Я ответил ему по-русски, он понял меня и поздоровался со мной по-восточному, упомянув при этом аллаха.

Остановив верблюда, путник сошел на землю. Он был примерно одного возраста со мной. Держался он свободно, вел себя по-дружески, не скрывая своего любопытства к

моей личности. На ломаном русском языке он поинтересовался, кто я такой, как попал сюда и куда направляюсь.

Поскольку мне, как я считал, терять было нечего, я не долго думая рассказал незнакомцу обо всем и выразил надежду поскорее попасть в Мешхед.

Удивившись, он засмеялся и покачал головой, как бы говоря, что это большая глупость. Этот жест он подкрепил словами, которые меня огорчили: к сожалению, если я буду двигаться по этой дороге, то никогда не попаду в Мешхед, поскольку она ведет совсем в другую сторону.

Затем он поинтересовался, как долго я брожу по пустыне. Я ответил, что вот уже пятеро суток нахожусь в пути, а затем полюбопытствовал, как он напал на мой след. Путник ответил, что заметил разожженный мною костер еще вчера вечером, но расстояние до костра было приличным, и он уснул, а потом потерял меня из виду.

Затем незнакомец спросил, намерен ли я остаться здесь, в камышах, или поеду вместе с ним. Он любезно предложил показать мне верный путь до Мешхеда, если я, конечно, хочу этого. Если же я передумаю добираться до Мешхеда, он поможет мне вернуться в Ташкепри.

Я поблагодарил незнакомца, сказав, что готов ехать с ним куда угодно, только бы не оставаться здесь одному.

— Тогда быстро собирайтесь, — сказал он мне.

Повторять эти слова ему не пришлось. Привычным жестом он заставил верблюда опуститься на колени, сел первым, а позади него сел я.

Так незнакомый пастух в полосатом халате спас меня от верной гибели в пустыне.

Я ехал, крепко держась за пояс моего спасителя, и охотно разговаривал с ним. Через несколько часов езды мы приехали в маленькое селение, состоявшее из трех юрт, расположенных в крохотном оазисе. Вокруг юрт бегали, играя, детишки, паслись домашние животные. Женщины, пожилые и молодые, возились возле печек, пекли на их раскаленных стенках лепешки. Ни дети, ни женщины ко мне не подошли.

Пастух провел меня в самую большую юрту, дал мне шубу и набитую шерстью подушку, предложил хорошенько выспаться. Я не заставил себя упрашивать и, улегшись на шубу, мгновенно уснул. Проснулся я под вечер и вышел во двор. Вся семья как раз обедала, расположившись на большом домотканом ковре в тени какого-то дерева с мелкими листьями.

Ко мне подошел пастух, приветливо поздоровался, принес воды для умывания. Когда я умылся, он подвел меня к своей семье, познакомил с матерью, женой. Своим маленьким детишкам он сказал, что не надо бояться меня, я не причиню им зла. Женщины вели себя сдержанно, хотя и бросали на меня любопытные взгляды. Скупыми словами, а еще больше жестами они дали мне понять, чтобы я побольше поел лепешек, жареного мяса и свежего овечьего сыра. Я же сразу выпил пиалу чая — так сильно мучила меня жажда.

После обеда пастух деликатно поинтересовался, что же я все-таки решил делать — поеду ли в Мешхед или предпочту направиться в Ташкепри. Он сказал, что, как бы я ни решил, одного он меня никуда не отпустит, поскольку один я либо заблужусь в пустыне, либо напорюсь на разбойников. Мне сильно повезло, что такого не случилось со мной до сих пор.

От поездки в Мешхед я отказался. По словам пастуха-туркмена, до Мешхеда было вдвое дальше, чем до Ташкепри.

— Хорошо, отвезу вас в Ташкепри, — сказал пастух. — Тем более что путь туда приятный.

Мы договорились, что тронемся в путь утром следующего дня, а сегодня он навестит своего отца, чтобы сообщить ему об отъезде.

Утром все было готово к отъезду. Пастух оседлал двух мулов. Прежде чем сесть на предназначенного мне мула черной масти, я спросил моего проводника, сколько я ему должен, но он энергично запротестовал, замахал руками, умоляя меня даже и не упоминать ни о каких деньгах. Ведь его обязанность заключается в том, чтобы помогать путникам, попавшим в беду, так его учат законы мудрых предков. Мне он стал помогать еще и потому, что я венгр, а все туркмены знают, что венгры с незапамятных времен, когда люди еще не были знакомы с учением аллаха и Христа, состояли хоть и в дальнем, но все же родстве.

Я продолжал настаивать на своем, но безуспешно. Поняв, что никаких денег за оказанную мне помощь он не возьмет, я достал свой пистолет и попросил туркмена принять его с семьюдесятью патронами в подарок в знак моего особого к нему расположения.

Туркмен не поверил собственным глазам и ушам. По его лицу расплылась и застыла счастливая улыбка. Затем он неуверенно принял от меня оружие и начал покрывать его поцелуями от ствола до рукоятки, пританцовывая от радости. Потом он поднял пистолет над головой и, воинствен-

но потрясая им, выкрикнул, повернувшись лицом в сторону пустыни:

— Ну, теперь посмейте только, проклятые бандиты, появиться здесь! Я вас всех по одному перестреляю!..

Глядя на пастуха, я улыбался, а вместе со мной улыбались и все жители этого крохотного селения — члены семьи пастуха, высыпавшие во двор, чтобы попрощаться со мной. Туркменские детишки уже не пугались меня, как прежде, они даже взяли у меня по нескольку монеток, которыми я их одарил за неимением чего-нибудь другого, и, счастливые и довольные, показывали монетки друг другу.

Энергично погоняя мулов, мы ехали довольно быстро. Мой проводник попросил меня взглянуть влево и, когда я повернул голову, показал мне путь, по которому я собирался добраться до Мешхеда. И только теперь я понял, на какую глупость толкнула меня тоска по родине! Даже если бы мне и удалось добраться до Персии, то где, спрашивается, находилась Европа, на каком от нее расстоянии?! Кто мог бы мне сказать, сколько приключений ждало меня в пути, сколько опасностей поджидало на дорогах Персии и Турции, по которым я намеревался попасть домой? Теперь я уже нисколько не жалел, что моя затея не удалась. Все равно, мысленно утешал я себя, война не может долго продолжаться. Противники уже устали от нее, и, следовательно, скоро должен наступить мир. А уж тогда я смогу вернуться домой через Карпаты, которые не видел с тех пор, как отправился в эшелоне на фронт.

Как ни быстро продвигались мы на мулах, а до ближайшего кишлака добрались только под вечер. Мой проводник остался ночевать и поднялся очень рано. Когда я проснулся на рассвете, он уже успел обо всем договориться с новым хозяином. Прощаясь со мной, пастух-туркмен попросил меня передать привет от него моей семье, предупредил, чтобы я не вздумал давать деньги моему новому проводнику, с которым он все уже уладил. Я поблагодарил этого доброго человека за все, что он сделал для меня, он же лишь засмеялся и, взяв своих мулов, отправился домой. Я тоже начал готовиться в путь. На сей раз мне досталась маленькая, но крепкая лошадка. Выехав утром, мы с новым проводником к вечеру приехали в Ташкепри.

День выдался неимоверно жарким. Оказавшись в Ташкепри на вокзале, я прошел в небольшой зал ожидания и сел в самом углу, где было немного попрохладней, чем на

улице. Куда же мне теперь податься? И за кого выдавать себя? Подумав, я решил, как и до этого, выдавать себя за Ольгерда Лескина, найти себе подходящую работу, а дальше видно будет. Этот план казался мне вполне реальным, так как специальность я имел неплохую и был в состоянии прилично зарабатывать. Но тут случилось непредвиденное. Еще пять минут назад я и представить не мог, что такое произойдет. Я так соскучился по родному венгерскому языку, по своим соотечественникам, что решил отыскать лагерь для военнопленных, но только не первый попавший, а такой, где есть венгерские военнопленные, с которыми можно было бы перекинуться в картишки, поболтать, послушать анекдоты, насладиться приготовленным их руками каким-нибудь блюдом венгерской кухни. Короче говоря, мне страстно захотелось оказаться среди своих, если не суждено пока попасть домой...

Долго я сидел, размышляя, и тут на скамью рядом со мной сел какой-то мужчина лет сорока. Он поставил на пол две огромные плетеные корзины с вещами, потом, немного отдышавшись и вытерев пот с лица, протянул мне руку, представился Анатолием Поповым. Такое поведение незнакомого человека отнюдь не показалось мне странным — большинство русских, особенно в дороге, становятся непосредственными и разговорчивыми, охотно завязывают знакомства, потому что не могут да и не хотят ехать молча, не общаясь с соседями по купе. Мы разговорились. Мне было о чем расспросить моего нового знакомого.

Я поинтересовался, не в армию ли он едет (его возраст как раз соответствовал призывному), а если в армию, то почему у него так много вещей.

— Нет, — отвечал мне мой новый знакомый, — я возвращаюсь на свое прежнее место работы, а поскольку путь предстоит неблизкий, то и багаж большой.

Слово за слово, мы разговорились еще больше, затрагивая самые различные темы. Наконец в зале ожидания объявили, что начинается продажа билетов на Бухару и Ашхабад. Я сразу же направился к кассе и купил билет. Вернувшись на ту же самую скамейку, я спросил у Попова, почему он не идет за билетом. И тут мой новый знакомый признался, что, поскольку он едет в командировку, да еще по военному ведомству, он пользуется правом бесплатного проезда на всех видах транспорта, в том числе и на железнодорожном.

Когда подали состав, я помог Попову поднести одну из его корзин. В вагоне мы выбрали для себя подходящие ме-

ста, сели и за разговором даже не заметили, как поезд тронулся.

Анатолий оказался человеком щедрым и принялся угощать меня различными домашними деликатесами, а поскольку на отсутствие аппетита я не жаловался, то и уговаривать меня долго ему не пришлось. Почувствовав к себе расположение, я настолько осмелел, что заговорил о войне и службе в армии. При слове «война» Анатолий ребром руки провел себя по горлу, показывая этим красноречивым жестом, что уже сыт этой самой войной.

Попов охотно рассказал мне о том, что воевал еще в 1905 году, в русско-японскую войну, а позже, сам того не желая, попал на первую мировую. Из его довольно подробного рассказа я узнал, что он воевал в Мазурских болотах, где был ранен. Медицинская комиссия признала его негодным к военной службе, однако от тыловых работ все же не освободила, и вот теперь его направили на работу в качестве унтер-офицера инженерной службы, назначив прорабом на стройке моста через Сырдарью.

Я тут же рассказал своему попутчику о том, что и сам когда-то работал на строительстве моста. И хотя это тяжелая и ответственная работа, я все же люблю ее. Анатолий обрадовался, услышав эти слова. Окончательно поверив, что мне вряд ли стоит его опасаться, я откровенно рассказал ему о том, кто я такой на самом деле. Сначала Анатолий слушал меня несколько настороженно, затем — по-дружески, а под конец чуть ли не по-родственному. Более того, он посоветовал мне попытаться все-таки бежать, а если первая попытка не увенчается успехом, то надо попробовать и вторично. Но, продолжал он, поскольку побег — дело серьезное, то, следовательно, и отнестись к нему необходимо серьезно — то есть подготовиться как следует. Он тут же предложил мне поехать вместе с ним на Сырдарью, в Чанжуир, и устроиться там на строительство, где очень нужны специалисты. Свое предложение он высказал совершенно серьезно. Я вполне доверился Анатолию, особенно после того, как он заявил, что, если я хочу, он вполне может умолчать, что знает, кто я такой на самом деле. Ну а если я все-таки намерен вернуться в лагерь, в среду своих соотечественников (кстати, и здесь, на строительстве моста, их очень много: и немцев, и австрийцев, и мадьяр), то дело это мое, и мне самому решать свою дальнейшую судьбу. Я решил серьезно подумать над советом Анатолия.

Приехав в Чанжуир, мы наняли извозчика, так как от вокзала до места строительства моста было довольно дале-

ко. Извозчик подвез нас прямо к бараку, в котором размещалась администрация стройки. Отпустив извозчика, Анатолий направился к главному инженеру, чтобы переговорить с ним обо мне, а я остался поджидать его. Через несколько минут Анатолий пригласил меня в кабинет главного инженера, солидного и спокойного человека, который скорее был похож на врача, чем на инженера.

— Знаешь что, сынок, — заговорил со мной главный инженер, — давай не будем мутить воду и обманывать порядочных людей. О том, что ты беглый военнопленный, надо заявить военному коменданту. Кроме этого, объяснять ему ничего не придется. Стройка эта военная, и без разрешения коменданта на работу никого не берут...

Анатолий Попов, прощаясь со мной, по-приятельски похлопал меня по плечу и сказал, что ничего плохого со мной не произойдет, если я буду добросовестно работать.

Главный инженер сам проводил меня в военную комендатуру и там представил какому-то чиновнику. Мои страхи оказались напрасными. В комендатуре меня спросили, как мое имя, и даже не поинтересовались, откуда и каким образом я попал сюда. Меня включили в список венгерских военнопленных, затем проводили в жилой барак, в котором они жили, показали мое место на длинных, казавшихся бесконечными нарах. Я получил матрас и жесткую подушку со штемпелем двуглавого царского орла, рабочую тужурку, тапочки, смену чистого белья и кусок мыла.

Оставшееся до вечера время я мог использовать по своему усмотрению. Вспомнив совет Анатолия Попова, я пошел на берег Сырдарьи, чтобы вымыться. Никогда в жизни, кажется, я не купался с таким удовольствием. Вода была теплой и удивительно приятной. Моя жизнь на берегах этой реки начиналась с хорошего...

На следующий день мне устроили проверку, разбираюсь ли я в клепке. Я, конечно, очень волновался, ведь за то долгое время, что прошло с тех пор, как я работал на ремонте моста Эржебет, я мог потерять навык. Но, слава богу, я все сделал как нельзя лучше, и мне сразу же дали бригаду клепальщиков.

Трудились мы честно, обращение с нами было хорошее. Нам выплачивали такую же зарплату, как и свободным рабочим. Заработанные деньги мы тратили по своему усмотрению, по вечерам и воскресным дням готовили что-нибудь вкусное из купленных нами продуктов, ходили в город повеселиться.

Чанжуир являл собою смесь строений европейского и

азиатского стиля. Русские строили здесь по своему вкусу дома, церквушки с куполами-луковицами, прекрасные магазины. Улицы в городе были широкими, обсаженными по обе стороны великолепными деревьями, с кафе, чайными, синематографами и даже драматическим театром. В этой же вполне современной части города имелись мечеть и медресе. В городе было что посмотреть, особенно в старой его части, в которой в своем пестром шумном мире жили местные жители — мусульмане. На улицах жарили шашлыки, у ворот домов продавали бараньи туши, а в маленьких лавочках — различные восточные сладости. Прямо на тротуаре можно было купить поделки ремесленников.

Мы с энтузиазмом трудились на строительстве моста. До окончания работ было еще далеко. И вдруг над нами, пленными, сгустились тучи. Однажды утром на стройку прибыл усиленный наряд охраны, пеший и конный. А спустя час-другой нам было приказано быстро собраться для отправки в неизвестном направлении. Несмотря на строгую охрану, местное начальство тепло распрощалось с нами, выплатив всем причитавшиеся деньги. Мне насчитали около трехсот рублей. Полагая, что вышла какая-то ошибка, я даже не хотел брать такие деньги, но главный инженер сказал, что никакой ошибки здесь нет, деньги мною честно заработаны. Анатолий Попов подошел ко мне поближе, насколько позволяла охрана, и вид у него был какой-то смущенный, будто он в чем-то провинился передо мной. Поскольку разговаривать с нами охрана запретила, он только подмигнул мне, словно говоря, что, к сожалению, уже ничем не сможет мне помочь. Я, в свою очередь, поблагодарил его взглядом.

Нас быстро построили и под усиленным конвоем повели на железнодорожный вокзал. Там нас уже ожидали телячьи вагоны, прицепленные к составу, следующему в Красноводск. Людей затолкали в вагоны и, ничего не объясняя, задвинули двери и заперли их.

Через несколько дней пути, под вечер, наше вынужденное путешествие по железной дороге закончилось. В колонне мы прошли через весь Красноводск и, придя на пристань, погрузились на какой-то облезлый, но довольно мощный пароход.

Нам было приказано сидеть на палубе. Осень только началась, погода выдалась хорошая, море было спокойным — казалось бы, нет повода для волнений. И все же на душе было тревожно — впереди всех нас ожидала полная неиз-

вестность. Мы не имели ни малейшего представления о том, куда еще судьба забросит нас на территории этой огромной страны. Моими товарищами по несчастью были молодые парни из Брашова, Шопрона, Бекешчабы, Ноградa и других городов и сел Венгрии. Единственное, что хоть в какой-то степени могло утешить нас, так это то, что нас везли на запад, ближе к Европе.

Всю ночь мы провели на открытой палубе. На рассвете увидели вдали берег, а еще дальше, на самом горизонте, — Кавказские горы. Наш пароход приближался к Баку, над нефтеперерабатывающими заводами которого тянулись к небу длинные черные клубы дыма, а нефтяным вышкам, казалось, не было ни конца ни края. Со стороны моря город выглядел очень большим, вытянувшимся вдоль берега. Мы, разумеется, понимали, что нас привезли сюда отнюдь не для того, чтобы мы любовались достопримечательностями Баку.

— Давай, давай! — грубо покрикивали вооруженные конвоиры, подталкивая нас к трапу.

На берегу всех снова построили в длинную колонну. Разделив ее на части, нас передали новой охране, которая ничем не отличалась от старой. Под окрики «Давай! Давай! Пошевеливайся!..» нас повели на железнодорожную станцию. Конвоиры шли сбоку, держа винтовки с примкнутыми штыками наперевес. На вокзале нас снова (видимо, в десятый раз за день) пересчитали. И мы опять очутились в вагонах. Двери со скрежетом задвинулись. Мы попытались было протестовать, однако на наш протест никто не обратил внимания.

Мне повезло — удалось занять местечко возле окошка. Я, хотя и через решетку, мог видеть местность, по которой нас везли. Сначала эшелон шел мимо леса нефтяных вышек, а спустя некоторое время оказался между горами. Склоны гор поросли зеленью, а вершины самых высоких из них были покрыты голубыми вечными снегами. Путь наш проходил по долине реки Куры, по горам. В Тифлисе эшелон довольно долго простоял на запасных путях, однако из вагонов нас не выпускали, а если уж кому было невтерпеж, того в сопровождении конвоира выпускали в станционный туалет. Еду нам передавали прямо в вагон через слегка приоткрытую на это время дверь.

Состав снова отправился в путь. По-прежнему вокруг громоздились высокие горы, зияли пропасти. Поезд часто нырял в туннель. Через какое-то время наш поезд прибыл на побережье Черного моря, великолепной гладью которого

мы могли любоваться только по очереди через крохотное вагонное оконце. Лилово-синее море местами было покрыто темными пятнами теней от облаков, которые то рассеивались, то сгущались, изменяя окраску воды. Я горько заплакал, как ребенок, который потерял родную мать. Вид моря напомнил мне о доме, о родном Дунае. Ведь плавая на пароходе по Дунаю, я не раз побывал на этом же самом море, только, можно сказать, с противоположной стороны. Откровенно говоря, там море было не такое прекрасное, как здесь: в устье Дуная вода в море на расстоянии нескольких километров от берега все еще имеет желтоватый мутный цвет от песка и ила, которые выносит в море эта полноводная река.

Но вот и Кавказские горы остались позади, уступив место равнинному пейзажу. Наш эшелон приближался к Екатеринодару. В этих местах жили казаки, считавшиеся хорошими конниками, верными слугами царя-батюшки и надежной опорой всей империи. Здесь нечего было и думать о побеге, поскольку антипатии местного населения к пленным были хорошо известны. Оставив позади себя кубанские степи, мы приближались к Ростову-на-Дону — большому и красивому городу. Прильнув к вагонному оконцу, я любовался широким тихим Доном, красивыми особняками и густой зеленью многочисленных садов и парков.

Проведя в душном грязном вагоне несколько утомительных недель, я чувствовал, как начали убывать мои силы, к тому же в дороге кормили нас так, что не только человек, но даже не всякое животное выдержало бы такое. Из Ростова нас повезли в Харьков, затем в Курск, Орел. Миновав Москву, мы двигались в направлении Петрограда. Только теперь у меня зародилось подозрение, что нас везут на Крайний Север, с его жестокими морозами и вечной мерзлотой.

В голове моей снова возникла мысль о побеге, но совершить его отсюда не было никакой надежды — нас охраняли так, как, наверное, не охраняли даже рецидивистов-уголовников. Мои опасения не были беспочвенными. Наш эшелон, миновав Петрозаводск и Кандалакшу, шел по Кольскому полуострову. На какой-то крохотной станции, а точнее на полустанке, нас высадили из эшелона, и мы сразу почувствовали дыхание приближающейся зимы. И если в далеком Чанжуире я, изнемогая от жары, при первой возможности искал тени, чтобы спастись от палящих лучей безжалостного солнца, тот тут мы тряслись от холода, стараясь, если можно, поскорее спрятаться в барак и занять местеч-

ко поближе к печурке, которая не могла согреть всех желающих.

За двадцать восемь суток, которые мы провели в пути, мы пережили смену температуры от плюс сорока пяти до минус пятнадцати градусов. На следующей же день после прибытия на место выяснилось, что нас привезли в эти суровые края на строительство железнодорожной ветки. И хотя всем нам выдали полушубки, рукавицы и валенки, мороз все равно пробирал нас до самых костей, хотя на дворе, как здесь говорят, стояла еще осень. Зимы с ее холодами я боялся больше всего на свете.

Я работал добросовестно, но короткие северные дни, долгие ночи, скверное питание и чересчур строгий режим сделали свое дело: я сильно похудел, ослаб физически и, самое главное, пал духом. Я чувствовал, что, если останусь здесь надолго, скоро умру. У меня появились признаки цинги: шатались зубы, кровоточили десны, порой я с трудом держался на ногах. Но даже несмотря на это, я старался получше работать, чтобы получать дополнительный паек, без которого вообще можно было быстро протянуть ноги.

Вот тогда-то я и принял решение — во что бы то ни стало выжить, не умереть здесь, ведь дома меня ждали малолетние дочка и шалун-сынок, которым я, уезжая на фронт, обещал, что обязательно вернусь домой. Только теперь я понял, каким несерьезным было это обещание!

И снова я начал серьезно подумывать над планом побега из плена. Разумеется, об этом я никому ничего не сказал. Можно было через Мурманск бежать в Финляндию, оттуда в нейтральную Швецию, а затем через Германию добраться до родины. Этот вариант был неплох, однако в преддверии зимы его было трудно осуществить. Вариант бегства в южном направлении выглядел более привлекательным, хотя и имел недостатки: в том районе намного чаще проверяли документы. Пораскинув умом так и этак, я решил попытаться попасть в Архангельск, а оттуда уплыть на каком-нибудь судне по Белому морю, пока его не сковали льды.

Остановившись на этом варианте, я решил склонить к соучастию унтер-офицера из нашей охраны по фамилии Каллио, финна по национальности, который почему-то симпатизировал мне. Однажды я заявил бригадиру о том, что заболел, благо симптомы развивающейся цинги были явными. Лагерный врач осмотрел меня и направил на более легкую работу. Таким образом, я, как и было задумано, получил

возможность работать неподалеку от лагерной канцелярии, где находилась и охрана.

Вьюжным холодным вечером, оставшись с унтером Каллио в канцелярии вдвоем, я осторожно завел разговор на интересующую меня тему, пожаловался ему, высказал опасение, что если я и дальше останусь тут, то очень скоро меня постигнет участь многих моих соотечественников, которые по утрам не могут даже подняться с нар — так доконала их цинга. Я пообещал финну, что дам ему денег, если он поможет мне бежать. Упоминание о деньгах заинтересовало унтера, и он принялся расспрашивать меня, как я собираюсь действовать. Я, как мог, старался убедить его в том, что план мой вполне реален и прост. Ему же надо только достать для меня официальную справку, в которой было бы написано, что пленный Ференц Майорош направляется в архангельскую больницу с целью установления диагноза. Я сказал, что меня не интересует, каким образом он достанет эту справку и кто поставит на ней печать, но за это я отблагодарю его, а уж остальное касается только меня одного.

Унтер Каллио, ничего не пообещав, отпустил меня в барак. Время было позднее. Когда я вышел из канцелярии, на улице бушевала метель. Порывы ветра сбивали с ног. Кое-где даже приходилось ползти на четвереньках. Потом оказалось, что в тот день несколько венгров не вернулись в барак со строительства дороги — их замело снегом.

Утром следующего дня, хотя во дворе было еще совсем темно, я зашел в лагерную канцелярию. Там был только унтер Каллио. Он полюбопытствовал, какой сон я видел этой ночью. Я ответил, что сон был очень приятным — будто бы я сел на пароход, который отправлялся в Архангельск, и, находясь уже на палубе, навсегда распрощался с Кольским полуостровом.

Унтер согласился, что сон мой действительно хорош, но тут же добавил, что будет еще лучше, если он осуществится наяву. Я, разумеется, согласился с ним. Тогда финн поинтересовался, какую сумму я не пожалею, чтобы мой сон стал действительностью.

— Сто рублей, — ответил я ему.

— Ну, нет, этого мало! — возразил унтер. — За двести рублей еще куда ни шло. — С этими словами он вынул из ящика стола официальную справку, подписанную и скрепленную печатью.

Это была та самая справка, которая требовалась мне. В ней было сказано, что я направляюсь в Архангельск, в

больницу. Сошлись мы с Каллио на ста пятидесяти рублях. Отдав унтеру деньги, я получил желанную справку и спросил:

— А когда мне можно отправляться?

— Немедленно, — ответил Каллио. — Пока в лагерь из города не вернулся прапорщик, исполняющий обязанности начальника лагеря.

Я сломя голову побежал в барак собирать свои вещички. В бараке уже никого не было, люди ушли на работу. На какой-то миг я почувствовал угрызения совести оттого, что спасаю собственную шкуру за сто пятьдесят рублей, когда мои соотечественники остаются здесь со слабой надеждой, что им удастся остаться в живых. Однако я подавил в себе это чувство, поскольку речь шла о моей собственной жизни, о которой в первую очередь должен был побеспокоиться я сам. Надев две пары нижнего белья и намотав на ноги две пары портянок, я с трудом натянул валенки. Все это я делал для того, чтобы не замерзнуть в дороге и чтобы вещей у меня было поменьше.

Я благополучно добрался до города, тем более, что, работая в канцелярии и выполняя различные поручения, мне не раз приходилось бывать в нем. Придя на железнодорожную станцию, я купил себе билет до Кандалакши и с нетерпением стал ожидать поезда. Мне даже не верилось, что впервые после поездки по Средней Азии я поеду в нормальном вагоне, где как бы растворюсь среди множества пассажиров, а приехав в Кандалакшу, найму извозчика, который быстро домчит меня на санях до морского порта.

Все случилось так, как я задумал. Более того, мне, можно сказать, повезло. Взглянув на пристани в расписание, я увидел, что последний пароход в этот день отправляется в Архангельск через полчаса, и с ужасом подумал, что мог на него опоздать.

Кассир попросил у меня документы. С колотящимся сердцем я протянул ему справку, которую достал мне унтер-офицер Каллио. Какова же была моя радость, когда кассир шлепнул свою печать на мою справку, объяснив, что я имею право на бесплатный проезд до Архангельска, поскольку являюсь военнопленным и следую в больницу.

Вернув мне мою справку, которая украсилась еще одной официальной печатью, кассир сочувственно посмотрел на меня и сказал, что посадка на пароход уже давно началась.

Так я пустился во второй побег, надеясь поскорее выбраться из царской России.

4

Солнечные блики золотили водную гладь Северского Донца, который тут попросту называли Донцом. Правый берег был илистым и пологим, а левый изобиловал песчаными отмелями. Песок на отмелях так прогрелся, что прохладный северный ветер не смог остудить его. У гребня невысоких холмов виднелся замерший воинский эшелон. Красноармейцы, словно дети, безмятежно плескались в реке, надеясь на пушки и пулеметы, установленные на железнодорожных платформах. Походные кухни, на которых готовился обед, дымили вовсю.

От самого Царицына эшелон следовал без долгих остановок и отдыха, а если где и останавливался, то только в силу необходимости — бойцам приходилось убирать завалы с пути или уничтожать очередную засаду белых. А тут наконец представилась возможность хорошенько помыться, перевести дух и привести себя в порядок, прежде чем появиться в Харькове. С этой целью начальник эшелона и распорядился остановить состав неподалеку от Чугуева, считая, что лучшего места для короткого отдыха и приведения личного состава в порядок не найти.

Бойцы с упоением плескались и мылись. Вода в реке кипела от брызг и всплесков. Большинство бойцов купались в чем мать родила (русские любят купаться нагишом), а венгры по привычке плавали в трусах.

Сильное мускулистое тело Матьяша нежилось то в воде, то на солнышке. В последний раз подобное удовольствие он испытывал дома, на берегу Дуная. Теперь, охваченный чувством ни с чем не сравнимого блаженства, он плавал, глубоко нырял, как бы проверяя силу своих легких, плескался, стараясь не только смыть с себя пот и грязь, но и просто понаслаждаться приятной прохладной водой. Доплыв до того места, где течение было особенно сильным, он перестал плыть, а лишь держался на воде, позволяя потоку нести его.

— Митя, выходи! — не то испуганно, не то сердито крикнул ему Зефиров. — Вылазь, черт бы тебя побрал!..

На отмели, по пояс в воде, сидел Ференц Майорош. Звонко хлопая себя по животу, он сказал:

— Не шуми ты, Кузьма...

— С Донцом шутить опасно... еще утонет, чего доброго... а я перед его братом за него в ответе!

Майорош тоже решил немного поплавать и пошел на более глубокое место.

— Зря ты за него беспокоишься, Кузьма... Смотри, парень плавает что твоя рыба... Ведь он вырос на Дунае! Это тебе не какой-то там Донец, а большая и опасная река!.. — бросил Ференц на ходу и, сменив серьезный тон на шутливый, продолжал: — Ты бы лучше хозяйство-то свое чем-либо прикрыл, а то неудобно как-то, ты же все-таки старший... — С этими словами он рывком бросил свое тело в воду и, энергично работая руками, быстро поплыл за Матьяшем.

И хотя кончики усов у Зефирова даже тут были лихо подкручены, выражение лица у него стало каким-то кислым.

— А до моего хозяйства тебе нет никакого дела... — недовольно пробурчал он, но все-таки прикрыл ладонями срамное место, решив, что действительно не пристало ему расхаживать перед бойцами нагишом.

Отбросив со лба длинную прядь мокрых волос, Майорош плыл за Матьяшем.

— Я такой счастливый сейчас, дружище, а ты?

— Да... — засмеялся Матьяш, протирая рукой глаза.

— Следующим летом в Дунае купаться будем.

— А ты в этом уверен?..

— Еще как уверен!..

Оба поплыли к берегу, поглядывая на моющихся на мелководье бойцов. Через минуту-другую паровоз дал короткий гудок, а вслед за ним с подножки одного из вагонов раздался громкий голос повара:

— Обедать! Всем обедать!..

Услышав эти слова, Матьяш и Майорош, словно подростки, бросились на берег. Первым оказался бывший судовой механик. Выбравшись на песчаный откос, он лег на теплый песок. Вслед за ним выскочил из воды и Матьяш. Он запыхался и шумно дышал.

— Ты выиграл... Но мне интересно, чем закончилось твое путешествие в Архангельск...

— Вот пообедаем, я доскажу, — пообещал Майорош. — Смотришь, пока доберемся до Харькова, я и закончу.

Ференц сдержал слово и, как только бойцы пообедали, продолжил рассказ о своих дорожных мытарствах.

У причала Кандалакшского порта стояло одно-единственное судно. Дул сильный пронизывающий ветер, срывая с труб парохода черные клубы дыма. Спасаясь от ураганного ветра, я не шел, а бежал по пристани, чтобы скорее

попасть на пароход и укрыться в его теплом трюме. Однако сделать это оказалось не так-то просто. Несмотря на штормовую погоду, при посадке был организован строгий контроль. Внизу у трапа стоял в заиндевелой шинели контролер, который начал внимательно читать мою справку. Представляете, как я волновался в эти минуты. Он вернул мне справку, и я, обрадовавшись, бегом помчался по трапу на палубу, но, прежде чем ступить на нее, был остановлен морским офицером. Преградив мне путь, офицер потребовал, чтобы я предъявил билет и документы. У меня же, как вы уже знаете, кроме справки, полученной от Каллио, никаких документов не было. Однако ее оказалось вполне достаточно для того, чтобы офицер сразу же сменил строгость на вежливость и даже выделил мне, как больному, отдельную каюту. Думаю, что русские офицеры знали о положении пленных, участвовавших в строительстве Мурманской железной дороги, а наиболее гуманные из них даже стыдились, что царское правительство так жестоко обращается с пленными, и, когда что-то зависело от них самих, по мере возможности старались хоть как-то смягчить участь несчастных. И таких русских офицеров было немало. Мне самому не раз приходилось встречать таких и пользоваться их добротой.

Каюта, отведенная мне, была жесткой, но меня это нисколько не смущало. Главное — в ней было тепло и чисто. По случаю такого везения я поднялся в ресторан, чтобы как-то отметить удачу, заказал себе стакан водки и что-то из холодных закусок. Пока я наслаждался этими небольшими человеческими радостями, пароход отвалил от причала и вышел в море. Столь резкая перемена в моей судьбе казалась мне сном. Вчера еще я дрожал от холода в бараке, боясь замерзнуть или умереть от цинги, а сегодня сижу в ресторане на белоснежном пароходе и смотрю в окна на медленно удаляющийся берег, на неспокойное море, по которому движутся, налезая порой друг на друга, большие и маленькие льдины, а по небу плывут низкие свинцовые облака, сеющие рыхлый пушистый снег. Не прошло и часа, как вся верхняя палуба оказалась покрытой толстым слоем снега.

Быстро начало темнеть. Я спустился в свою каюту и, улегшись на жесткий диван, крепко уснул. И хотя ветер заметно крепчал, больших волн и сильной качки не было, так как плавающие по воде льдины смягчали ее. Утром я проснулся отдохнувшим. Умывшись и приведя себя в порядок, я пошел искать парикмахерскую. Там меня побрили

и подстригли. На завтрак в ресторан я пришел, чувствуя себя вполне цивилизованным человеком. Разговорился с соседями по столику, которые оказались людьми приятными и общительными. Никто из них не смотрел на меня как на врага, напротив, они даже симпатизировали мне. Милая, несколько полноватая женщина кокетничала со мной. Так что путешествие было очень приятным. Когда приплыли в Архангельск, я сошел на берег с твердым намерением привести свой план побега в исполнение. Если же обстоятельства будут складываться неблагоприятно, я явлюсь в больницу. Более детального плана побега у меня не было и не могло быть, так как ситуация менялась быстро.

Один из моих попутчиков предложил мне осмотреть Архангельск, который он хорошо знал. Я поблагодарил и принял его предложение, не зная, каким образом он сделает это, ведь найти извозчика в условиях Архангельска было, по-моему, трудно. Каково же было мое удивление, когда к нам подъехали сани, на которых важно восседал возничий в эскимосской шубе и меховой шапке. Мы помчались по северному городу, и эта поездка навсегда осталась в моей памяти как сказочный сон.

Архангельск оказался чудесным городом. До того как я побывал там, мне почему-то казалось, что в нем живут мрачные, неприветливые люди, чем-то похожие на суровую окружающую природу, но я ошибся. Жители города оказались добрыми и отзывчивыми людьми, готовыми помочь любому незнакомому человеку, и мне было приятно в этом убедиться.

Из порта мы сначала направились на железнодорожный вокзал, и там я распрощался со своим попутчиком, который ехал дальше, в Вологду. Зайдя в привокзальную чайную, чтобы обдумать, как и что мне теперь делать, я не нашел ни одного свободного столика. Заметив за одним столом, где сидел какой-то железнодорожник, место, я попросил разрешения подсесть к нему. Железнодорожник охотно согласился и сразу же заговорил со мной, будто мы были давно знакомы.

Умолчав о том, кто я такой, я просто сказал, что прибыл сюда из Кандалакши и хочу уехать дальше, к югу, так как здешний климат мне не подходит. Мой знакомый сказал, что он это сразу заметил: ни моя внешность, ни моя одежда и уж тем более ни мой разговор никак не свидетельствует о том, что я местный. А поскольку он давно служит на железной дороге, то успел повидать за это время много всяких людей. Я же, по его словам, больше всего

похож на беглого военнопленного. Его откровенность и непосредственность настолько расположили меня, что я сразу же признался в том, что на самом деле таковым и являюсь.

Железнодорожник заверил меня, что я могу смело на него положиться, да и не только на него, но и на любого архангельского железнодорожника. Он дал мне совет ни в коем случае не пытаться ехать дальше обычным поездом, где меня наверняка схватят, тем более что моя справка действительна только для поездки в Архангельск.

Железнодорожника звали Иваном Шапошниковым. Он сказал мне, что через пару часов отправится в Вологду состав, груженный лесом. Сам он будет сопровождать этот состав. Шапошников пообещал спрятать меня среди бревен, если я не передумаю ехать.

— А уж из Вологды, — продолжал мой добродетель, — вы сможете уехать, так как Вологда — крупный железнодорожный узел и поезда оттуда ходят намного чаще и в разных направлениях.

— Это было бы очень здорово, — обрадовался я и спросил: — А сколько это будет стоить?

При этих словах железнодорожник даже рассердился, сказал, что мои деньги ему не нужны, он хочет помочь мне из гуманных соображений. В знак примирения он согласился принять от меня стакан водки.

Я тоже немного выпил, потом наполнил водкой фляжку.

Окольной дорогой Шапошников привел меня на сортировочную станцию, где на путях стоял состав с лесом. Подойдя к вагону с тормозной будкой, Иван показал мне дыру между бревнами, в которой мне предстояло укрыться. Я залез в эту дыру, попробовал, удобно ли мне будет, но понял, что пробыть в ней долго не смогу из-за холода.

Когда состав тронулся, я перебрался к Ивану в тормозную будку. Так мы и ехали, разговаривая на разные темы, и очень сдружились. Среди бревен я прятался только при приближении обходчика, который появлялся на остановках.

Этот путь длился две ночи и полтора дня. Потом состав прибыл в Вологду, и там, к моей великой радости, выяснилось, что он направится дальше, до станции Бологое.

На радостях мы с Иваном выпили водки, без которой основательно промерзли бы в тормозной будке. По прибытии в Бологое я чуть ли не со слезами на глазах распрощался с Шапошниковым, по русскому обычаю трижды расцеловавшись с ним.

Оставшись один, я побрел по железнодорожным путям к зданию вокзала. Меня обуревали далеко не радостные

мысли. Вдруг рядом со мной, обдав меня паром, прошел товарный поезд и, резко затормозив, остановился. Я уже решил, что попытаю счастья в этом составе, а вдруг и в нем есть свой железнодорожный архангел, похожий на Ивана Шапошникова, но тут из вагонов начали спрыгивать на землю одетые в знакомую мне серую полевую форму пленные, и я услышал родную венгерскую речь.

От удивления я превратился в статую, хотя хорошо знал, что на просторах России находится очень много венгерских пленных. Я же, в полушубке, меховой шапке и валенках, был для них вовсе не мадьяром, а русским. Один из них, приблизившись ко мне, спросил на ломаном русском языке:

— А где здесь кипяток?

Ну разве я мог выдержать и ответить ему по-русски? Нет, конечно!

— Меня и самого интересует кипяток, — ответил я по-венгерски. — Правда, я не знаю, где его можно найти, потому что впервые оказался на этой станции.

Венгры, конечно, очень удивились, услышав мой ответ. Мы вместе пошли к вокзалу, разыскали кипяток, наполнили им фляжки и котелки и направились обратно к эшелону.

Я не выдержал и напросился к соотечественникам в состав. Те из них, что искали вместе со мной кипяток, согласились взять меня с собой, но, когда я влез в вагон, запротестовали другие, которые сидели в теплушке, говоря, что им и без меня тесно.

Начался оживленный спор, но большинство все же оказались на моей стороне. Как только состав тронулся, а остановка была недолгой, спор прекратился. Мои соотечественники не имели ни малейшего представления о том, куда и зачем их везут. Узнали мы об этом только тогда, когда оказались в одном небольшом городке Новгородской губернии, название которого я уже позабыл.

Здесь нас высадили из вагонов и по твердо заведенному правилу начали считать. Пленных должно было быть четыреста человек, однако при подсчете почему-то оказалось вместе со мной всего триста девяносто семь, и, следовательно, я автоматически включился в их число, тем более что сопровождающих эшелон охранников никогда не интересовали ни фамилии, ни имена пленных, а только общее количество.

Так я оказался автоматически зачисленным в новую партию венгерских пленных, однако не отказался от желания бежать при первом удобном случае, тем более что такие

случаи, как я знал по собственному опыту, предоставлялись не так уж и редко.

Таким образом я избавился от Крайнего Севера, при одном воспоминании о котором у меня до сих пор мороз дерет по коже. К сожалению, ничего хорошего не ждало меня впереди. Нас привезли на какой-то рудник или шахту, где заставили выполнять самую тяжелую работу. Вот, оказывается, к какой партии военнопленных я добровольно присоединился. Это я-то, баловень теплых краев, обожавший чистую воду, воздух и солнце, вдруг по собственной дурости оказался в темноте подземелья, глубокую тишину которого время от времени нарушали скрип и треск крепежных стоек. Там легким не хватало воздуха, а крысы сновали взад-вперед, как снуют суслики по полю. До этого времени я не разу не спускался в шахту. Когда клеть, куда вошел я со своими товарищами, начала падать в глубину, которой, казалось, нет конца, я почувствовал себя приговоренным к смерти. С горечью и страхом я невольно подумал о том, какие еще испытания ожидают меня в этой загадочной империи. Сначала меня провезли с запада на восток через всю страну, а затем привезли в Центральную Россию, не дав возможности даже выйти из вагона. Попав в Астрахань, я на свой страх и риск сумел бежать до границы с Персией, потом строил мост через Сырдарью в жаркой Средней Азии, затем железную дорогу в ледовой тундре. А теперь вот этот рудник, где нет страшного холода, зато воздух такой загазованный, что от него щемит сердце и раздирает легкие...

Сначала я работал подсобным рабочим на вскрышных работах. Это был рабский труд, за который мы не слышали ни одного доброго слова, а лишь одну ругань. С более мрачными и забитыми людьми, чем здесь, я больше нигде не встречался. Работавшие на шахте люди совсем не были похожи на тех добрых русских, каких я встречал до того. Кормили нас хуже некуда: не хватало не только хлеба, но даже баланды — жидкого супа. Наша одежда и обувь обтрепались, а платили нам за такой рабский труд гроши.

Однажды меня вызвали в контору, сказали, что сейчас со мной будут разговаривать главный инженер, прораб и начальник охраны.

«Что им от меня нужно? — с тревогой подумал я. — Уж не собираются ли они наказать меня за какое-нибудь упущение?..»

Начальство время от времени устраивало кому-нибудь из пленных такие разносы для того, чтобы держать нас в страхе и повиновении.

Главный инженер разговаривал со мной довольно грубо, обвинял меня в том, что я специально скрыл свою профессию, чтобы не работать кочегаром. Вероятно, ему кто-то шепнул, что я когда-то был судовым механиком.

Набравшись смелости, я заявил, что ничего не утаивал, да у меня никто и не спрашивал, на что я способен, а загнали в шахту, хотя согласно международной конвенции военнопленных запрещается использовать на работах, имеющих какое-либо отношение к военной промышленности...

— Не учите нас тому, что запрещено делать, а что нет! — грубо оборвал меня главный инженер. — А не то можете поплатиться за это... Лучше прямо отвечайте, можете вы работать кочегаром или нет?

— Могу, — коротко сказал я.

— В таком случае с завтрашнего дня будете работать в кочегарке! — приказал мне главный инженер.

Разумеется, работать в кочегарке мне было намного легче, чем в шахте, хотя питаться лучше я не стал.

В начале марта атмосфера на шахте сделалась невыносимой. Пленные объявили забастовку. В шахту они, правда, спустились, но за весь рабочий день выдали на-гора всего несколько вагонеток угля. На третьи сутки после начала забастовки на шахту прибыла рота казаков. Не слезая с коней, они окружили шахту, хотя никаких действий не предпринимали. Зато начальство буквально сбилось с ног: оно куда-то бегало, с кем-то советовалось.

Затем ко мне подошел главный инженер и приказал дать гудок.

Я стал подавать длинные гудки, а помимо этого подавал условные звонки в шахту, вызывая людей наверх. Клеть энергично заработала, поднимая шахтеров. Когда же все они собрались около кочегарки, главный инженер громко выкрикнул:

— Выберите свой комитет из трех человек для ведения переговоров с администрацией шахты! И пусть они передадут свои жалобы и пожелания!.. Всякие собрания и митинги запрещены! На этот счет казаки получили соответствующие указания, а они шутить не любят!..

Мы и не собирались бастовать без причины. Из-за отсутствия газет и связи с местными жителями мы даже не знали, что в России произошла Февральская революция. Местных шахтеров мы совсем не видели, так как работали они на другой шахте, а жили в городе.

Через несколько дней состоялась встреча комитета пленных с администрацией шахты. Начальство неохотно, но все

же приняло основные требования пленных, пообещав выполнить их в течение двадцати четырех часов, а в ответ потребовало, чтобы все пленные завтра утром вышли на работу, и подчеркнуло, что администрация распорядилась утроить охрану путем привлечения для этой цели конных казаков.

Администрация шахты свое слово сдержала: через двое суток питание пленных заметно улучшилось, им выдали новую рабочую одежду, приличное белье, по паре ботинок, по куску мыла, которого они давно не получали, и полотенца. Русских поваров уволили, предоставив пленным возможность самим готовить для себя пищу, более того, нам в полтора раза повысили заработную плату. Пленные принялись за работу с заметным усердием, выдавая на-гора больше угля.

Февральская революция не докатилась до тех мест, где находились мы, и, следовательно, ничего и никого не потрясла. Правда, наши жизненные условия несколько улучшились: мы уже не голодали, не ходили в обносках. Сама весть о революции подняла наше настроение, возродив в нас надежду на то, что день нашего возвращения на родину приближается. А чтобы хоть как-то забыться и не испытывать постоянной тоски по родине, мы решили веселее проводить свое свободное время. По вечерам мы собирались, пели хором, разыгрывали небольшие сценки. Кто-то из наших превосходно играл на скрипке, а двух друзей-приятелей господь наградил великим даром смешить людей.

Оказалось, что в коллективе из восьмисот пленных всегда найдутся люди, способные поднять настроение другим и развеселить их. Самым бесталанным среди своих соотечественников оказался я. Единственное, чего я умел, — это немного петь да разбираться в машинах. Правда, когда дело дошло до оформления декораций, я не остался в стороне.

Короче говоря, о наших культурных мероприятиях заговорили. По субботам и воскресеньям к нам стали приходить местные жители, чтобы повеселиться вместе с нами. После отречения царя от престола администрация шахты уже не стремилась изолировать нас от местного населения.

Воспользовавшись некоторым послаблением, я решил почаще бывать на лоне природы. Какие великолепные луга и леса украшают северные районы России! Цветы, листья, трава — вся зелень так буйно растет, покрывая землю своим пышным зеленым нарядом, словно торопится использо-

вать короткое северное лето, помня о скорой зиме, которая надолго закроет землю белым снегом.

Для меня вид цветущего луга был особенно приятен не только потому, что помогал забыть о тяжелой работе в шахте, очистить легкие от гари и угольной пыли, наполнить их целительным чистым воздухом, но еще и потому, что каждая травинка, каждый листик, каждый цветок напоминали мне о родине с ее дорогими до боли в сердце лугами. Вид этого великолепного пестрого ковра возбуждал мое воображение, помогая мне хоть на минуту, хоть на миг мысленно почувствовать себя дома, потому что и трава, и луговые цветы здесь точно такие же, как и в районе Коложнемы, а листья берез так же трепещут, как и на берегу моего родного далекого Дуная. Правда, вспоминая свои детские прогулки по лесу и по лугам, я все же заметил и некоторую разницу: у нас дома краски зелени и цветов более глубокие и насыщенные; здесь же, на севере, они несколько бледнее, а сами листья и травинки более мелкие.

Небо на севере как бы шире и бледнее нашего, и облака на нем появляются реже, и плывут они по небу гораздо выше. Ветры здесь прохладные, и солнечные лучи как бы пронзают влажный воздух.

Однако, каким бы ни был северный русский луг, вид его был мил моему сердцу, радовал мою душу своей целомудренной свежестью. Я будто бы снова бродил по родным придунайским лугам, дышал вольным воздухом родины.

Потом нам снова запретили выходить из лагеря. А во время работы, до ее начала и после ее окончания никто из пленных не должен был удаляться от шахты далее чем на сто шагов. Мы не понимали, чем вызвано столь строгое распоряжение. Однако сейчас я уже знаю, что послужило причиной такого приказа. Царские власти и раньше прибегали к подобным мерам, исходя из сложившейся обстановки.

Так, например, наш неожиданный отъезд с берегов Сырдарьи, как выяснилось позднее, был обусловлен вступлением в войну Румынии на стороне Антанты. А нынешние строгости и ограничения объяснялись тем, что Керенский, идя на поводу у военного руководства стран Антанты, принял решение начать наступление на противника. Однако в сложившейся ситуации приказ так и остался приказом на словах, но поведение солдат, которые нас охраняли, изменилось: они стали более мягкими, человечными, а мы старались не осложнять их службу. Время, казалось, текло более или менее спокойно, однако, как ни тщились мы заставить себя быть терпеливыми, в душе у каждого пленного жило

и незаметно росло с трудом сдерживаемое желание поскорее вернуться домой.

Однако нашему терпению пришел конец, когда в городок, неподалеку от которого мы работали, стихийно, без всякого разрешения властей и командования, начали возвращаться русские солдаты. Дисциплина в армии резко упала, и, как только провалилось планируемое Керенским наступление, солдаты на свой страх и риск начали оставлять фронт. Мало того что они бежали, бросив боевые позиции, многие из них возвращались домой с оружием в руках: у одного была винтовка, у другого — пулемет, а некоторые (были и такие случаи) тащили за собой даже легкую пушчонку. Все говорили, что будет новая революция, более сильная и справедливая, чем Февральская.

Все вокруг кипело, волновалось. Люди чего-то опасались и даже боялись. Будущее виделось каким-то неопределенным и одновременно безнадежным. О нормальной работе не могло быть и речи.

Нечего и говорить, что изменения, происходившие вокруг, волновали нас, пленных, намного больше, чем местное гражданское население.

Что теперь с нами будет?

Куда нас еще могут перебросить?

Какие новые испытания выпадут на нашу долю, прежде чем мы попадем домой?

Да и доберемся ли мы до дома?

Наверное, не нашлось бы человека, который мог ответить на все эти вопросы. От нас требовались хладнокровие и твердость, так как, чем неопределенней и безнадежней становилась обстановка, тем легче было потерять голову.

В дождливый и хмурый летний день к нам в бараки пришла делегация от администрации шахты. Нас пригласили на общее собрание. Как обычно, пленные собрались около котельной. Один из членов делегации влез на большую кучу угля и обратился к нам с речью.

Оратор признался, что положение наше безнадежно: власти больше не могут обеспечивать нас ни продовольствием, ни одеждой, а потому каждый из нас может добровольно уйти с шахты. С этого момента все мы свободны. Тот, кто уходить не желает, может оставаться и дальше в лагере, но только под свою собственную, так сказать, ответственность. Он может здесь жить, имеет право работать, как и любой

русский гражданин, получая за свой труд равную с ним заработную плату.

Выслушав все это, я сразу же решил, что снова попытаюсь добраться до дому. И поскольку я уже имел богатую практику в дорожных мытарствах, то нисколько не боялся снова пуститься в дальний путь.

Можно сказать, что я первым решился покинуть лагерь и шахту. Несколько соотечественников напросились идти со мной. Едва мы вышли из лагеря, как начался ливень, но даже он не смог остановить нас — так решительно мы были настроены. К вечеру ливень поутих, перейдя в обычный дождь, гроза прекратилась, а на затянутом тучами небе стали появляться редкие островки синевы, подсвеченные призрачным светом луны.

Мы шли к ближайшей железнодорожной станции по мокрой траве, по глубокой грязи. Промокшие до костей, грязные как черти, с отяжелевшими от дождевой воды вещмешками за спиной, но горя желанием добиться своего, мы таки добрели до вокзала.

Первым делом мы поинтересовались, когда будет ближайший поезд на Бологое. Оказалось, что этого никто не знает. Правда, мне удалось выяснить, что скоро со станции отправят состав с платформами, груженными углем.

Разыскав этот состав, я, не теряя ни минуты, залез на одну из открытых платформ и, вырыв себе яму в мокром от дождя угле, забрался в нее.

Моему примеру последовал один мой товарищ по несчастью, остальные предпочли ждать пассажирский поезд на станции. Отговорить их от этого сомнительного решения мне, как я ни старался, не удалось.

Моим решительным попутчиком оказался Пишта Шомош из села Бачкатопой, что расположено неподалеку от Сабодки. Это был простой крестьянский парень, которого забрали в солдаты на второй день после свадьбы. Думаю, что он, бедняга, стремился попасть домой даже больше меня.

Иззябшие и грязные от мокрой угольной пыли, мы все же доехали до Бологого, но там не увидели ничего такого, что можно было бы назвать хоть каким-то порядком. В городе творилось нечто невообразимое. С трудом пополам нам удалось разыскать товарный эшелон, который уходил в сторону фронта. Мы взобрались на платформу, затем перебрались в крытый вагон, и в нем, испытав множество треволнений, на третьи сутки добрались до железнодорожной станции Орша.

Это вселило в нас надежду — мы почувствовали, что в значительной степени приблизились к осуществлению своей мечты. В городе нам посчастливилось достать немного продуктов, и теперь мы могли пускаться в путь. Было решено идти пешком по направлению к фронту. Этот отрезок пути занял у нас тоже трое суток.

На русских позициях солдаты встретили нас, можно сказать, с радостью: они жали нам руки, улыбались, говорили, что отныне мы, мадьяры, уже не враги им, так как война не сегодня завтра закончится, а тогда они сами отправятся по домам.

Русские солдаты угостили нас горячим чаем, дали хлеба, по банке консервов и, пожелав нам удачи, отпустили нас на ничейную полосу.

Если бы вы только знали, какая ужасная встреча ждала нас по другую сторону линии фронта! Мы перебежками преодолевали ничейную землю от одной воронки к другой, подлезали под колючей проволокой, когда немецкие солдаты открыли по нас огонь. Мы закричали, чтобы они не стреляли. Огонь, к счастью, прекратился. Когда же мы оказались перед немецкими окопами, немцы отняли у нас все съестное, что нам дали русские, а затем отобрали папиросы и, наставив на нас стволы винтовок, начали орать:

— Назад! Кругом марш! Обратно, шнель, шнель!

Бедный Пишта, услышав, что нас гонят обратно к русским, совершенно потерял голову.

Я крикнул ему, чтобы он повиновался, но он начал сопротивляться, ругаться, и тогда немцы на моих глазах застрелили его. Я как одержимый замахал руками, показывая немцам, что согласен вернуться в окопы противника. Слава богу, в меня не стреляли, и я вернулся к русским, которые все слышали и видели.

Они начали утешать меня, пообещали дать мне еще продуктов на дорогу и советовали снова попытать счастья. Несколько успокоившись, я поинтересовался, в каком месте на передовой перед ними находятся мадьяры или австрийцы. Мне ответили, что боевые позиции венгерских частей расположены отсюда в нескольких сотнях километров.

Гибель бедняги Пишты Шомоша и неудачная попытка перехода так расстроили меня, что я разрыдался как ребенок.

«Однако плачь не плачь, а дело с места не сдвинешь и своего положения не улучшишь,— мысленно решил я.— Другого пути добраться до Венгрии у меня нет, остается только попробовать сделать это через территорию Финлян-

дии, но для того, чтобы попасть туда, сначала нужно добраться до Петрограда».

Распрощавшись с русскими солдатами, я снова тронулся в путь.

В памяти моей сохранились воспоминания о множестве пеших переходов, о поездках на поезде с немыслимым количеством пересадок и о других дорожных мытарствах, после которых я все же добрался до Петрограда, побывав до этого в Витебске и Новгороде.

Первое, что произвело на меня неизгладимое впечатление в этом городе, были его величина и красота. Я долго бродил по проспектам и площадям, чувствуя себя крохотным муравьем, заблудившимся в лесу величественных зданий.

Мне объяснили, что вокзал, с которого я могу уехать в Финляндию, находится на другой стороне Невы. Там же расположен и морской порт. Я пошел в указанном направлении, спрашивая чуть ли не на каждом шагу, правильно ли иду.

А поскольку русские в большинстве своем люди общительные и любознательные, то мне очень часто приходилось объяснять, кто я такой, откуда приехал и куда направляюсь. Из разговоров я узнал, что никаких поездов в сторону Скандинавии нет, а суда и пароходы в настоящее время туда тоже не ходят. Однако мне все же посоветовали добраться до порта, высказав надежду, что, быть может, я сумею попасть на какое-нибудь частное суденышко, которое отправляется в Швецию. Мне объяснили, как пройти к остановке трамвая, который довезет меня прямо до порта.

Я попытался воспользоваться полученными советами, но не преуспел в этом. Пока я шел и расспрашивал людей, куда идти, стемнело, и, как назло, на землю опустился такой густой туман, что я ничего не видел на расстоянии вытянутой руки. Мне уже хотелось, чтобы как можно скорее закончилась эта бесконечная ходьба, так как я ужасно устал, а желудок сводило от голода. Однако сознание того, что у меня имеется благородная цель, придавало мне силы.

Я упрямо шел дальше и спрашивал, где ходит такой-то трамвай. Спешащие домой прохожие говорили, что вряд ли я смогу уехать куда-нибудь на трамвае, поскольку они не ходят, так как в городе творится черт знает что. Бродить вечерами по улицам сейчас далеко не безопасно, а потому будет лучше, если я найду для себя какое-либо убежище на ночь.

Советовать было легко, но куда я мог пойти в этом мрачном и холодном огромном городе? К кому?..

Я плелся дальше, теряя надежду, как вдруг почувствовал своим замерзшим носом дурманящий запах свежего хлеба. И в тот же миг я позабыл и о трамвае, и о порте, и о Швеции; во мне росло и крепло одно-единственное страстное желание — любой ценой положить в рот кусок свежего теплого хлеба. Идя навстречу запаху, я вошел в темный двор.

Однако и на этот раз его величество случай перевернул мою судьбу. Во дворе я натолкнулся на мужчину в белом фартуке, с головы до ног обсыпанного мукой.

— Добрый вечер,— смиренно поздоровался я с ним и коротко поведал о себе.

Пекарь молча выслушал меня, а затем сказал, чтобы я шел за ним. Сначала он завел меня в пекарню, а оттуда в контору и, остановившись перед стеклянной дверью, показал на господина, сидевшего за столом.

— Войдите туда и попросите его дать вам хлеба и оставить вас на ночь: хозяин здесь не я, а он,— сказал пекарь.

Я робко постучался и, получив разрешение, вошел в контору. Отвесив почтительный поклон, я поздоровался. Господин за столом был бледен, мрачен и не особенно разговорчив. Выслушав мою просьбу, он крикнул пекарю, чтобы тот открыл для меня пустую кладовую и дал мне несколько мешков из-под муки.

При этих словах я ожил. Пока я устраивал себе подстилку из мешков, из печи вынули горячие хлебы. Я получил приличный кусок. Вскипятив себе чаю, я поужинал и улегся спать. К моему счастью, одна стена в кладовке была теплой— к ней примыкала печь. Почувствовав живительное тепло и согревшись, я погрузился в безмятежный сон, словно грудной младенец, которого только что искупали и накормили.

А когда человек хорошо выспится и отдохнет, ему, как говорится, и черт не страшен. Проснувшись поутру, я по привычке тщательно умылся, смыв с лица дорожную грязь и копоть. Посмотрев в зеркало, я увидел в нем нормальное лицо человека, а не какого-нибудь бродяги. После завтрака, сердечно поблагодарив за гостеприимство хозяина и пекаря, я вышел на улицу, чтобы продолжать испытывать свою судьбу.

И хотя уже стоял день, земля была окутана более густым туманом, чем накануне вечером. Деревья, заборы, телеграфные столбы — все покрывал иней. Прохожих на ули-

це было мало, а те из них, которые попадались на моем пути, почему-то не останавливались, когда я спрашивал, как пройти в порт, а, на ходу махнув куда-то рукой, спешили по своим делам. Все это очень не нравилось мне, и будущее не сулило ничего хорошего.

Наконец туман начал редеть, уличный шум сделался сильнее, и тут кое-что подозрительное бросилось мне в глаза: на каждом шагу стали попадаться полицейские, которые довольно грубо требовали от прохожих, чтобы те перешли на другую сторону улицы. А чуть дальше вся широкая улица была перегорожена солдатами, которые энергично махали мне, показывая, что я должен повернуть обратно.

Я быстро шмыгнул в боковую улочку, потом в другую, почувствовал, что заблудился, но затем снова уткнулся в цепочку вооруженных солдат. Постепенно город наполнялся шумом, который становился все громче, а когда я миновал еще одну улицу, то увидел, как из тумана на меня надвигается темная толпа что-то кричащих демонстрантов.

Демонстранты ругали войну, поносили хозяев и богатеев, выкрикивали лозунги: «Да здравствует рабочий класс! Мира! Хлеба! Земли! Да здравствуют большевики!..» В тот день я впервые услышал имя «Ленин». Желания разглядывать толпу у меня не было, как не было и времени, чтобы поинтересоваться причинами столь внушительной демонстрации. Мне хватало и своих забот. Беготня между демонстрантами и кордонами солдат так измотала меня, что я с трудом переставлял ноги, а тут еще, как назло, похолодало.

Незаметно наступил вечер. И снова передо мной встал вопрос, где мне провести ночь. Повезло и на этот раз: подойдя к стоявшему на улице старику извозчику, я, ничего не скрывая, попросил его устроить меня на ночлег. Он согласился и отвез меня в свою конюшню. Забравшись на кучу сена, я устроил себе нечто похожее на гнездо. Есть было нечего, да и не очень хотелось, а вот чего-либо горячего я бы с удовольствием выпил, но пришлось обойтись без этого, довольствуясь ароматом душистого сена, который подействовал на меня усыпляюще.

Разбудил меня какой-то шум. Сначала я подумал, что этот шум мне снится, что я снова нахожусь на фронте, однако звуки множества одиночных выстрелов свидетельствовали о том, что это не сон, а явь.

Позднее я узнал, что это были события того самого дня, когда крейсер «Аврора» залпом своего орудия возвестил о начале вооруженного восстания в Петрограде. Предчувст-

вуя неладное, я вылез из сена, в котором спал, и выбежал во двор, где, испуганно фыркая, нервно переступала с ноги на ногу лошадь извозчика. Оказалось, тут были и другие лошади, владельцы которых за плату снимали для них место в конюшне богатого хозяина. Во двор начали выскакивать перепуганные насмерть извозчики, считая, что мир вокруг рушится.

А грохот и стрельба тем временем нарастали. Люди гадали, где стреляли пушки, где вели огонь из стрелкового оружия. Поскольку я совсем не знал города, то называемые ими районы ни о чем мне не говорили. Послушав и погадав, извозчики ушли в теплое укрытие, продолжая делиться впечатлениями. Мое присутствие их нисколько не стесняло, они даже не поинтересовались, кто я такой и как попал сюда. Начав завтракать, они дали поесть и мне, но у меня кусок не лез в горло. Совершенно отчаявшись, я боялся, что начало революционных событий только ухудшит мое положение. Спрятав кусок колбасы и горбушку хлеба в вещмешок, я только выпил кружку горячего чая и, попрощавшись с извозчиками, вышел на улицу.

Куда мне идти, я не знал и решил податься в ту сторону, где было меньше солдат и вооруженных гражданских. Главным для меня было каким-то образом выбраться из города и уехать куда-нибудь подальше на любом транспорте. Я шел быстрым шагом, как обычно ходят люди, знающие, куда и зачем они идут. Было холодно и сыро, хотя снега еще не было и лишь деревья и провода белели от инея.

Длинная улица, по которой я шел, вывела меня на широкий и красивый проспект, на котором я наконец-то и увидел то, что искал вчера и позавчера,— венгерские трамваи, выпускаемые в Дьере. Однако ни один из них не только не звенел и не двигался, но даже не стоял на рельсах; все они были опрокинуты, чем-то завалены и напоминали околевших животных. Тут же находились и опрокинутые повозки и телеги — и все это, под обломками досок, старой мебели, листами искореженного железа и бог знает чего еще, образовало своеобразную стену, преградив путь к какому-то великолепному дворцу.

Хотя вид баррикады и не прельщал меня, я, сам не зная почему, подошел к ней поближе, не имея ни малейшего желания влипнуть в какую-нибудь историю, которая еще больше ухудшила бы мое положение. Свернув в боковую улицу и пройдя по ней, я вышел к большой площади, на которую со всех сторон как бы стекались улицы, заполнен-

ные рабочим людом. Ломами и кирками люди разбирали булыжную мостовую, передавая камни из рук в руки по цепочке. А из соседних домов люди тащили снятые с петель двери, какой-то хлам, наполненные песком мешки, матрацы и прочую рухлядь, укладывая все это на баррикады.

Так я оказался на огороженной баррикадами площади.

«Надо как можно скорее выбраться отсюда! — билась у меня в голове мысль.— Иначе по собственной глупости или по воле слепого случая попаду в такой переплет, из которого и не выкрутишься...»

Подумав так, я решил прошмыгнуть в той части баррикады, что почти вплотную подходила к высокому зданию. Мне казалось, что занятые возведением баррикады люди не обратят на меня никакого внимания. Однако я ошибся.

Ко мне подошел мужчина в гражданской одежде, с осунувшимся лицом, и, ткнув меня в грудь стволом винтовки, спросил:

— Ты куда это так спешишь?!

И в ту же минуту нас окружили несколько вооруженных человек.

Меня бросило в пот, и я испуганно пролепетал, что я военнопленный, но мне не поверили и потребовали предъявить документы. Я показал справку, полученную при уходе с шахты, и начал объяснять, что не собираюсь делать ничего плохого, единственное, чего я хочу, это поскорее вернуться в Венгрию, я искал порт, да заблудился и случайно оказался здесь, в самой гуще революционных событий.

Пока вооруженные гражданские разбирались, кто я такой, со стороны площади начали стрелять по баррикаде. Восставшие разбежались по местам и открыли огонь по тем, кто стрелял в них. Начался самый настоящий бой, в котором винтовочная пальба перемежалась пулеметными очередями. Обе стороны патронов не жалели. Мне ничего не оставалось, как залечь, чтобы не стать мишенью. Полежав несколько минут без дела, я решил, что если правительственные войска захватят баррикаду, то мне все равно не сдобровать. Никто не станет разбираться, стрелял я или нет, просто поставят к стенке да расстреляют.

Понимая, что другого выхода у меня нет, я взял винтовку, которая лежала неподалеку, возле только что убитого, и тоже начал стрелять, даже позабыв сбросить с плеч вещмешок. Целей было достаточно. Солдаты вперемежку с полицейскими шли волнами, одна за другой, на некотором удалении.

Меня охватило знакомое чувство солдата, отражающего

наступление противника. За себя я не боялся, поскольку находился за надежным укрытием да и маскироваться умел.

Защитники баррикады приняли мое участие в бою как нечто само собой разумеющееся: время от времени мне подносили патроны. Примерно через час подоспела подмога. Артиллерия восставших (а у них, как оказалось, было и несколько пушек малого калибра) доставляла наступавшим много неприятностей, вынуждая их на время отходить, но затем, собравшись с силами, они предпринимали очередную атаку. Бой прекратился лишь с наступлением темноты.

Подобрав убитых и раненых, мы положили их на подъехавшие грузовые машины. После этого нас сменили и на машине увезли на какой-то военный склад, и там мне без промедления выдали справку, что я, такой-то, «героически сражался в рядах защитников баррикады против правительственных войск».

Нас покормили горячими щами, а затем без обиняков сказали, что революционные бои продолжаются и на баррикадах нужны люди. Короче говоря, я понял, что на сон нечего было и рассчитывать.

Я предложил свои услуги. Меня вместе с другими добровольцами послали на склад, где мы отгружали оружие и боеприпасы. Этой работой пришлось заниматься двое суток, днем и вечером, с очень короткими перерывами для того, чтобы поесть, чего под руку попадется, да выпить кружку горячего чая. За день я перетаскал столько ящиков с патронами, что почти падал от усталости. Умывшись, я немного приободрился, однако не настолько, чтобы самому добраться до солдатской железной койки, на которую меня, как потом оказалось, положили товарищи. Проснувшись, я увидел, что лежу на соломенном матраце, укрытый грубым солдатским одеялом.

Подойдя к дежурному, я поинтересовался, долго ли спал. Оказалось, что проспал я около полутора суток. Приведя себя в порядок, я попросил дать мне что-нибудь поесть. Меня покормили тем, что осталось на кухне.

Когда я закончил свой нехитрый завтрак, ко мне подошел матрос с красной кокардой на фуражке и спросил:

— Чем ты собираешься заниматься дальше? Если желаешь, можешь идти куда хочешь, ты свободен.

— Важно не то, чего я сейчас хочу, а то, чего можно добиться,— ответил я.— Разумеется, хочу попасть домой к своим, в Венгрию, и чем скорее, тем лучше.

При этих словах матрос заметно растерялся и посмотрел на меня с сочувствием.

— В данный момент такое желание вряд ли осуществимо... Правда, если выберешься отсюда в Москву, где нет такого столпотворения, как здесь, в Питере, то, быть может, тебе и удастся оттуда уехать домой... Кроме уже имеющейся у тебя справки выдадим тебе еще такой документ, по которому ты сможешь бесплатно ездить поездом в любом направлении.

Матрос выполнил обещание — вручил мне литер, с которым я и направился в Москву. Не стану утомлять вас рассказом о том, что со мной случилось, пока я ехал от старой столицы до новой, сколько раз мне приходилось пересаживаться, как мерз я на холодных станциях, ожидая попутного состава, как избегал встреч с ворами и бандитами, как страдал от холода и голода. Короче говоря, мне снова пришлось пережить все невзгоды, которые уже не раз выпадали на мою долю, пока я находился в плену.

Из Петрограда я выехал 14 ноября, а в Москву попал только в начале декабря, но и это было хорошо, поскольку мое путешествие, тяжелое и опасное, могло закончиться иначе.

Уставший и разбитый, я наконец-то оказался в знаменитой Москве. Вышел на огромную привокзальную площадь и задумался, куда же теперь идти? Я спрашивал себя, но не мог ответить на этот мучительный вопрос.

«Но ведь я жив! — мысленно утешал я себя.— Жив, а это самое главное!» Эта мысль несколько взбодрила меня.

Подойдя к первому встреченному мною железнодорожнику, я спросил, как мне попасть в ближайший лагерь для военнопленных. Железнодорожник принялся что-то объяснять мне, но из его слов я так ничего толком и не понял.

Тогда я уговорил его пройти со мной в здание вокзала, где в одном из залов я видел большую схему города. Я попросил его показать мне расположение лагеря на ней.

— Толковая мысль! — похвалил меня железнодорожник, и мы направились в здание вокзала.

Мой новый знакомый ткнул пальцем в нижний правый угол схемы, где уже не было никаких улиц, а виднелось неяркое пятно неопределенной формы.

— Вот тут, возле станции Угрешская,— пояснил мне железнодорожник.— Это уже почти за городом... в юго-восточной его части. Там и найдешь этот самый лагерь. Доедешь на нескольких трамваях... Только учти: путь долгий. А как

доберешься до конечной остановки, сойдешь и дальше пройдешь пешком с полчаса по чистому полю.

На этот раз поиски мои были недолгими, поскольку я предусмотрительно записал номера трамваев, а в топографии я вообще был силен. За городской чертой, в чистом поле, я без труда разыскал невзрачного вида барачный городок.

Подойдя к проходной, я заглянул в окошко и объяснил находившемуся там дежурному, что я пленный мадьяр и потому прошу принять меня в лагерь.

Дежурный, ничего не сказав в ответ, нажал кнопку звонка, на звук которого через несколько минут на проходной появился солдат в полушубке и с винтовкой в руках. Кивком он дал мне понять, что я должен следовать за ним.

Меня привели в помещение дежурного офицера по лагерю. Записав мои данные, он отвел меня в самый большой барак для рядовых и, ничего мне не объяснив и не посоветовав, впустил внутрь, а сам ушел.

Тут же меня обступили пленные, засыпали вопросами о том, что творится на воле, держатся ли еще большевики, вернулся ли царь или в Москву вошли немцы? Вопросам не было ни конца ни края.

Эти несчастные, голодные люди, как я понял, ничего не знали о том, что творится в мире. Что ожидало их самих? И что ожидало здесь меня? Совсем напрасно я считал себя опытным, все повидавшим и многое узнавшим человеком. Все то, что я видел и пережил, было, как говорит русская пословица, цветочками по сравнению с этими ягодками — настоящим адом, в который я добровольно попал.

Пленных в бараке набилось столько, что они могли только сидеть, тесно прижавшись друг к другу, но не лежать. Когда на дворе светило солнце, в бараке все равно стоял холодный полумрак. На единственной печке «буржуйке» грелся чан кипятка, к которому постоянно была длиннющая очередь.

Счастливчиками считались те пленные, кого брали работать на кухню,— там они за работу получали по пригоршне сырых картофельных очисток. О более или менее человеческих условиях и достоинстве здесь давным-давно было забыто.

И как бы сильно я ни тянулся в среду своих соотечественников, но, оказавшись здесь, в Угрешской, снова решил во что бы то ни стало бежать. С тайной надеждой я сжимал в руке, не вынимая из кармана, справку, в которой говорилось о моем героическом участии в бою на стороне петро-

градского пролетариата. Когда я лежал на баррикаде сначала с винтовкой в руках, а потом, когда рядом ранило пулеметчика, за пулеметом, у меня и мысли не было о том, что я могу получить документ, который сослужил бы мне добрую службу. Но теперь я понял, что эта неказистая на вид справка может быть для меня спасением.

На следующий день, холодный и ветреный, я попросился на допрос к дежурному офицеру. Без особой охоты, так как у администрации лагеря и без меня было полно своих забот, тем более что старый режим пал, а на новый далеко не все питали надежду, меня все же вызвали на допрос.

Достав из кармана справку, полученную мною в Петрограде, и проездной литер, я протянул их дежурному, который, судя по виду, был одного со мной возраста, с той лишь разницей, что раза в три превосходил меня своей упитанностью. С красным лицом и внушительным брюшком, он так и светился довольством.

Прочитав мои документы, он любезно предложил мне сесть, по-дружески похлопал по плечу и попросил как можно подробнее рассказать о том, что я видел и слышал в Петрограде.

Я сказал, что попросился на допрос вовсе не для того, чтобы рассказывать о своих похождениях, а для того, чтобы сообщить, что пленные в лагере нуждаются в помощи, что они находятся на грани гибели.

Дежурный ответил, что он, к сожалению, в этом отношении ничем помочь не может. Лагерная администрация с началом революции потеряла всякую связь с вышестоящим начальством, в лагерь не поступает ни продовольствия, ни топлива, а имеющиеся запасы тают с каждым днем. Даже сами охранники уже не получают того, что им положено; нет мыла, табаку, сахара, сала и многого другого. У них даже нет топлива, чтобы вскипятить воды и приготовить горячий обед.

Дежурный в таких красках обрисовал положение охранников, что выходило, будто сначала надо жалеть их, а уж потом те несколько тысяч пленных, которые содержались в лагере.

Я поинтересовался, не пойдут ли в ближайшее время эшелоны с пленными в Венгрию. Дежурный ответил, что дело это пока нереальное.

Тогда я спросил, а нельзя ли каким-нибудь образом посылать пленных на работы, чтобы они могли заработать хоть немного денег и как-то улучшить свое положение.

Дежурный упрекнул меня в том, что я вмешиваюсь не

в свое дело, и сказал, что я не должен забывать о том, что я военнопленный. Мое дело — помалкивать да выполнять то, что мне приказывают. А уж если я участвовал в боях на стороне большевиков, то должен понимать, какое положение сложилось в стране. Не хватает продовольствия, топлива, медикаментов. К тому же власти просто-напросто запретили использовать военнопленных на каких-либо работах. Только Московский совет и командование Красной гвардии имеют право распоряжаться военнопленными и отдавать приказ на их вывод за пределы лагеря под усиленной охраной.

Пока дежурный объяснял мне все это, на проходной появились трое незнакомцев в кожанках. Они были молоды, уверены в себе, но одновременно с этим вежливы и сдержанны, чем заметно отличались от лагерных охранников.

Дежурный волчком закрутился возле пришедших. Они сказали, что им требуется сто рабочих из числа пленных, которых необходимо немедленно отобрать и построить.

Я оказался первым в их числе, более того, мне даже поручили составить список направляющихся на работы. Не прошло и часа, как группа из ста человек уже была готова к отправке. Колонна, которую возглавляли трое в кожанках, дошла до конечной остановки трамвая. Как только подошел трамвай с прицепным вагоном, наши руководители сказали вагоновожатому, что они занимают полностью оба вагона и чтобы он вел трамвай без остановок.

До города мы доехали довольно быстро. Москва произвела на меня более мрачное впечатление, чем Петроград: улицы грязные, дворы захламленные, одеты москвичи были намного хуже петроградцев. Женщины были совсем не такими, как в Петрограде.

Остановив трамвай на какой-то улице, наши сопровождающие приказали нам сойти и повели нас через огромный парк, обнесенный кирпичной стеной с башенками. Миновав великолепные сводчатые ворота, мы оказались среди величественных дворцов и соборов. И только тут я понял, что мы попали в Кремль, в котором в ту пору располагались и казарменные здания. В одно из таких помещений нас и ввели. Сначала всех нас накормили мясными щами. На еду мы набросились как голодные волки. Что касалось меня, то я уже забыл, когда я в последний раз ел горячее.

Затем нам показали место, где мы будем временно жить. Это было помещение, уставленное удобными железными койками, с соломенными матрацами и чистым постельным

бельем. Поняв, что хоть какое-то время можно будет пожить в человеческих условиях, люди повеселели. Когда мы ознакомились со своим новым жилищем, нам было сказано, что сегодня и завтра до завтрака мы тоже будем свободны: можем вымыться, привести себя в порядок и даже выйти в город. Бежать нам нет никакого смысла, так как лучших условий для себя мы нигде не найдем.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в город мы вышли все до единого — всем хотелось посмотреть Москву. Вечером мы в полном составе сидели за ужином, а на следующий день после завтрака приступили к работе.

Работа была тяжелой. Возле нас находились вооруженные красногвардейцы, правда, они бдительно охраняли не столько нас, сколько груз, который мы переносили. На одной из кремлевских площадей была целая гора грубо сколоченных деревянных ящиков. Нам предстояло перенести их в дальнее подвальное помещение. В каждом ящике находилось по двадцать пять винтовок американского образца. Судя по всему, это оружие было прислано буржуазному правительству от Соединенных Штатов, которые присоединились к странам Антанты, однако после свершения революции оно попало к большевикам. Ящики оказались тяжелыми, и нам приходилось часто останавливаться и отдыхать. Конвойные нас, однако, не подгоняли, а только следили за тем, чтобы посторонние люди не подходили к нам и не интересовались, чем мы занимаемся. Закончив эту работу, мы занялись уборкой территории Кремля.

Кто-то из моих соотечественников поведал красногвардейцам о том, что я сражался в Петрограде на баррикадах, и это положительно сказалось на моей дальнейшей судьбе. Через несколько часов меня перевели на работу в небольшую кремлевскую типографию, в которой красногвардейцы печатали свои официальные бланки. Хорошее знание русского языка и мои «заслуги» в Петрограде сделали свое дело — я был назначен связным между военной комендатурой Кремля и типографией. Правда, перед этим я подписал клятву о неразглашении доверенных мне тайн и защите документов вплоть до применения оружия, которое мне затем и вручили (это был пистолет девятимиллиметрового калибра).

Работая связным, я не забыл и о своих соотечественниках по лагерю в Угрешской и, как мог, помогал им, разумеется, через военного коменданта. Вскоре пленные, работавшие в Кремле, создали свою революционную организацию, где я сначала познакомился, а позднее и подружился с Вик-

тором Медве... А вот о том, что случилось с нами дальше, пусть вам расскажет сам Виктор. Я же и так вам много рассказал. К тому же, как я посмотрю, мы уже подъехали к Харькову, так что пора собираться.

5

Кузов быстро мчавшегося грузовика был заполнен красногвардейцами, которые сидели в нем, тесно прижавшись друг к другу, опираясь на винтовки с примкнутыми штыками, отчего грузовик несколько походил на ощетинившегося ежа. Свернув направо, грузовик помчался по направлению к лагерным воротам. Из кабины на землю спрыгнул Зефиров и подошел к лагерным воротам. Они оказались запертыми, и он начал бить в них сапогом.

— Открывайте! Немедленно открывайте! — громко крикнул он.— Мы представители Советской власти!

В окошечко выглянул чешский пленный в серой военной форме. Машина тем временем подавала сигналы клаксоном, а Зефиров продолжал колотить в дверь. Наконец из калитки вышел пожилой чех. Он, не говоря ни слова, с готовностью распахнул лагерные ворота, обтянутые сверху колючей проволокой.

Грузовик грозно взревел и въехал в ворота. На середине двора он остановился, и из его кузова на землю выпрыгнули вооруженные красногвардейцы. Из бараков во двор начали выходить грязные, оборванные и худые пленные.

Матьяш, находившийся среди красногвардейцев, не верил своим глазам: таких исхудавших и измученных людей он видел впервые.

Зефиров один разоружил охрану лагеря, да так быстро и умело, будто всю жизнь только этим и занимался. Правда, охранников было всего-навсего пятеро. Чешские легионеры не пытались даже протестовать. Ни один из них даже рта не раскрыл. Зефиров, обращаясь к ним, сказал:

— Надеюсь, вы не забыли, что и сами являетесь военнопленными, так что прошу все ключи от ворот и бараков передать мне! — Забрав внушительную связку ключей и оружие у охранников, Зефиров вышел из дежурки, заперев легионеров на замок.

Побросав оружие охранников в кузов, он обратился к толпившимся вокруг грузовика пленным:

— Вашему плену настал конец! Не бойтесь, мы вас в таком состоянии не бросим!.. Позаботимся о вас! — И, повернувшись к Матьяшу, сказал: — Вы здесь наводите по-

рядок, а я на машине быстро смотаюсь в казарму, посмотрю, как там поживает Майорош!

Шофер грузовика, молодой шахтер-украинец в черной форме, со светлыми, цвета свежих стружек, волосами, осторожно, чтобы не задеть пленных покатил к воротам. Ворота все это время оставались открытыми, однако шоферу пришлось притормозить и остановиться, так как пленные загородили выезд из лагеря.

— Отойдите с дороги! — громко выкрикнул Зефиров, сделав решительный жест рукой.

Однако измученные узники не расступились, а, напротив, еще плотнее окружили грузовик. Отрезанные от всего мира, они хотели узнать хоть какие-нибудь новости. Перебивая друг друга, они забросали Зефирова вопросами:

— Когда вы уберете из лагеря этих легионеров, товарищ?!

— Их не только убрать, а еще и наказать надо бы!..

— Вы ведь не собираетесь измываться над нами, как они?..

— Отойдите с дороги! Мы вам поможем! — проговорил Зефиров.— Лагерные ворота останутся открытыми! — Он был встревожен, понимая, что должен пообещать что-то этим людям, и не имея возможности надолго задерживаться здесь.— Освободите дорогу, я очень спешу!

— Если бы вы знали, как над нами тут измывались! — выкрикнул один из пленных, встав на подножку машины. Он просунул голову в открытое окошко кабины, чтобы его лучше было слышно среди поднявшегося шума и криков, и проговорил: — Каждый божий день из лагеря выносили по нескольку гробов!

— Когда десять, когда пятнадцать! — выкрикнул кто-то из стоявших рядом с кабиной.— Мы ворота эти так и называли — «ворота смерти»!

— На кладбище уже свободного места не осталось!..

— Хватит!.. Довольно над нами измываться!..

Потрясенный услышанным Зефиров дал знак шоферу, чтобы тот ехал.

Шофер медленно тронулся, а Зефиров, высунувшись из окна, громко говорил:

— Не шумите, граждане, теперь все будет по-другому! Мы не позволим никому издеваться над вами! А эти ворота,—показал он,— вы можете снести хоть сейчас!..

Грузовик выехал из лагеря и, набрав скорость, помчался по главной улице.

Шофер хорошо знал дорогу и очень быстро добрался

до другого лагеря для военнопленных, расположенного на противоположной стороне городка.

Видимо, еще до войны на этом месте строили военный госпиталь — деревянные домики под жестяными крышами были выкрашены зеленой и белой краской. Вся территория лагеря была обнесена забором, вдоль которого были разбиты цветочные клумбы. Между ними стояли удобные скамейки. Перед главным зданием виднелся колодец с длинным журавлем, а рядом — высокая жердь, на которой развевался красно-бело-голубой флаг.

Зефиров впервые в жизни видел такой флаг.

Во дворе лагеря никого не оказалось, хотя Зефиров хорошо знал, что на территории бывшего военного госпиталя расположен целый батальон чехословацкого корпуса.

Поздоровавшись с охранником у ворот, Зефиров быстрым и решительным шагом направился в канцелярию.

Войдя в канцелярию, Зефиров оказался в просторной комнате, на окнах которой висели красивые занавески, на стенах — ковры, а на красивых подставках стояли плошки с комнатными растениями. Вдоль стен стояла мебель резного дерева.

Возле чугунной печки, заложив руки за спину, сидел элегантный стройный офицер с бескровным лицом. Неподалеку от него, спиной к окну, со скучающим видом стоял Ференц Майорош.

— Представляю вам господина капитана Вацлава Хавелку, командира чешского корпуса,— бесстрастным тоном проговорил Майорош, обращаясь к Зефирову.

— Пардон,— с ехидной вежливостью поправил Хавелка Майороша,— не чешского, а чехословацкого.

Зефирову это замечание не понравилось, и он, вспылив, довольно грубо сказал, блеснув зубами:

— Вы военнопленный и потому говорить будете только тогда, когда вас спросят.

Вацлав Хавелка обиженно пожал плечами и, одернув безукоризненно сидящий на нем френч, произнес:

— Пожалуйста, спрашивайте.

— Кто вас, иностранца, уполномочил охранять лагерь военнопленных?

— По распоряжению генерала Краснова полковник Мамонтов уполномочил меня выполнять эти обязанности.

— А доводить военнопленных до полного истощения вас тоже уполномочили Краснов и Мамонтов?

— Это клевета! Мы гуманные люди, а гуманные идеи никогда не уживаются с жестокостью!

— А что вы можете сказать о «воротах смерти»?

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— О лагерных воротах, капитан! И о том самом лагере, где ежедневно умирают десять — пятнадцать пленных!

— На том питании, которое они получают, без потерь никак не обойтись.

— А вы хоть раз задумывались над тем, что умирает слишком много людей?

— Задумывался.

— А вы понимаете, что из-за вашей личной безответственности за три месяца может погибнуть тысяча пленных?!

Капитан обиделся:

— Вы ошибаетесь, если полагаете, что можете запугать меня такими вопросами. Я обращал внимание господ большевиков на то, что не несу никакой ответственности за все происходящее. Причина всего этого заключается в условиях, созданных в процессе революции. Я же являюсь офицером свободного чехословацкого корпуса, и оценивать мои действия могут лишь те лица, которые доверили мне это дело.

Серые глаза Зефирова сузились, губы исказила презрительная гримаса. Это не обещало ничего хорошего. Его так и подмывало вытащить пистолет и застрелить капитана на месте, но он все же взял себя в руки и сдержался, тем более, что, отправляясь из Киселевки сюда, пообещал Силаеву и Виктору Медве быть сдержанней.

Распахнув окошко, Зефиров высунулся и громко крикнул красногвардейцам:

— Три человека ко мне! — Не закрыв окна, он прошел мимо Майороша и, остановившись перед капитаном, строго спросил: — Когда конкретно вам была доверена охрана лагеря военнопленных?

Весь вид капитана свидетельствовал о том, что он презирает красногвардейцев и не воспринимает их всерьез.

— Я тебя спрашиваю, убийца! — громко и грозно выкрикнул Зефиров.

Капитан и на этот раз остался хладнокровным.

— С марта этого года я являюсь военным комендантом города,— спокойно ответил он.

— Пес ты паршивый, а не комендант города! Сколько пленных умерло в лагере начиная с марта?

— Я не намерен беседовать дальше в таком тоне. Либо вы будете задавать мне вопросы спокойно, либо я отказываюсь отвечать.

В комнату вошли трое красногвардейцев и замерли по стойке «смирно», уставившись на Зефирова, но он словно

не замечал их. Хладнокровие капитана, казалось, подействовало и на него.

— Слушай меня внимательно, негодяй! — уже спокойно проговорил Зефиров.— Имей в виду, что мы находимся здесь дома, а не вы, легионеры! Вы бесчинствуете в России так, как будто это ваша вотчина!.. Но в этой стране ничего вашего не было и нет! Портки на тебе, мерзавец, носовой платок и даже пуговицы на френче и те не твои!.. Все-то вы украли, разворовали... Если бы у тебя, франт паршивый, была бы хоть капля совести, ты пустил бы себе пулю в лоб!.. А раз ты этого не сделал, то отвечай точно и ясно на мои вопросы, а не то я тебе так поддам, что портки твои лопнут. Еще раз спрашиваю, сколько пленных умерло в лагере начиная с марта?

Слова Зефирова, видно, подействовали на Хавелку. Голова капитана еле заметно дернулась, и он, хватив открытым ртом побольше воздуха, пролепетал:

— Я не знаю...

— И все же?!

— Несколько сотен...

— И кто они по национальности?

— В основном венгры...

— А откуда они сюда попали?

— С донецких шахт: так распорядилось национальное военное командование, которое решило изолировать пленных от гражданского населения.

Зефиров презрительно повторил:

— «Национальное военное командование»... Так называют себя грабители и убийцы... Послушайте, Хавелка, вы можете быть подлецом, трусом, но вы не идиот, нет! Скажите, почему вы держите здесь отпущенных с шахт мадьяр вместо того, чтобы отправить их домой?

— Я не понимаю, о чем вы говорите,— надменно произнес капитан.

Зефиров на этот раз не взорвался, лишь выбрал слова погрубее:

— Ты все же дождешься, что я тебе набью морду! Ты же убийца, пойми ты наконец! Убийца сотен пленных!.. Так что не корчи из себя этакого интеллигента из Европы... Зачем понадобилось загонять в лагерь этих несчастных? Зачем изолировать их от местного населения?..

— Сами можете догадаться...

— Я не собираюсь гадать. Я знаю, что солдаты Каледина в прошлом году, в конце декабря, расстреляли из пулеметов в Ясиноватой русских шахтеров и пленных мадьяр.

А в январе этого года под той же самой Ясиноватой мадьяры сражались за дело революции до последнего. Русские, украинские, венгерские и другие рабочие всегда поймут друг друга. И никому не удастся упрятать весь народ за колючую проволоку. Вот вы венгров держали здесь под предлогом, что они пленные. А ведь сейчас пленных уже нет, так как Советское правительство объявило их свободными гражданами. По условиям Брестского мира их следует отправить к ним на родину. Что касается нас, то мы их не задерживаем. Однако западные районы, прилегающие непосредственно к государственной границе, все еще находятся в руках противника. Вы же своими действиями не только задерживаете пленных, но и вынуждаете их бороться против вас... В том самом лагере, где я только что побывал, многие пленные желают присоединиться к нам. Так и будет! А сам ты окажешься за решеткой! — Повернувшись к трем красногвардейцам, Зефиров кивнул в сторону капитана и приказал: — Уведите его! Только не вздумайте пристрелить по дороге под предлогом попытки к бегству. Этому я все равно не поверю. Пусть он вам сам покажет, где у него тут находится карцер. И охраняйте его хорошенько. Идите! Двоих назначаю для конвоирования, а третий пусть охраняет вход в здание.

Капитан и не подумал встать, и тогда красногвардейцам пришлось почти силой вывести его из комнаты.

— А ты почему все время молчал, словно воды в рот набрал? — обратился Зефиров к Майорошу, когда они остались вдвоем.

Бывший судовой механик тяжело вздохнул и, невесело улыбнувшись, ответил:

— До твоего прихода я с ним достаточно говорил. Я в курсе всего, что тебя интересует в городе.— Достав из кармана френча пачку сигарет, он щелкнул по ней пальцем и, протянув Зефирову, предложил: — Покури и успокойся.

Зефиров жестом руки отвел пачку в сторону и, объяснив, что слабых сигарет он не курит, запустил руку в карман брюк, достал клочок газеты и кисет с махоркой. Свернув козью ножку, он закурил, окутав себя клубом густого сизого дыма.

— Я тебя понимаю,— кивнул он.— То, что царское правительство издевательски относилось к военнопленным,— плохо, но еще хуже, что нечто подобное продолжается и сейчас. Если бы я был венгром, то...

Майорошу было поручено любым способом нейтрализовать деятельность чехословацкого батальона, который легко

мог скатиться на позицию белочехов, развязавших контрреволюционный мятеж в Сибири. Правда, Майорош был уверен, что этого не произойдет. Оказавшись в лагере, где жили чехи, он был поражен: условия, в которых они жили, были шикарными. Госпитальные домики вместе с территорией были превращены в нечто подобное дому отдыха, в котором они проводили время в свое удовольствие. Продукты питания и многочисленные напитки выделялись им из фонда помощи, поступавшего из-за океана контрреволюционным силам, борющимся против большевиков. Все это очень удивляло Майороша, который ожидал чего угодно, только не этого. В глубине души он мысленно готовился к жестоким боям и схваткам, а вышло все по-другому.

Когда отряд красных покидал Киселевку, их проинформировали о том, что в районе между Доном, Донцом и Днепром белые войска и прочая нечисть не имеют сплошного фронта; более того, военное положение там постоянно меняется, а поэтому необходимо вести борьбу за каждый населенный пункт и расширять фронт борьбы, стремясь продвигаться в южном направлении, все больше вытесняя белых. Бои, как правило, стали носить затяжной характер. Красногвардейцы надеялись, что их бросят на юг, на Екатеринослав, а вместо этого их, посадив на грузовики, направили против чехословацкого корпуса.

Зефиров навел порядок в лагере для военнопленных, а Майорош, о котором в чешском легионе ни одна живая душа не знала, что он венгр, тем более что по-русски он говорил намного лучше, чем сам Вацлав Хавелка, который, где только мог, выдавал себя за русского большевика,— в лагере чехов.

— Ну, давай подумаем над тем, что будем делать дальше,— предложил Майорош Зефирову.

Зефиров, все еще не успокоившийся, выпустив изо рта клуб махорочного дыма, сказал:

— Не так-то легко это сделать! Как нам поступить с этими? Послать к чертовой матери? Можем ли мы держать под охраной шестьсот бесполезных ртов, кормить их, когда наши бойцы сами недоедают?!

Майорош хорошо понимал, что положение сложилось серьезное, и тоже не знал, как поступить, однако, немного подумав, сказал:

— Я считаю, что во избежание каких бы то ни было недоразумений к чехам ни в коем случае не следует и близко подпускать венгерских пленных. Думаю, что будет разумнее всего, если чехами займутся чекисты, а мы с вами

окажем помощь пленным венграм из лагеря. Их необходимо хорошенько подкормить, вдохнуть, так сказать, в них жизнь и провести определенную разъяснительную работу. Полагаю, что, как только они немного придут в себя, многие из них добровольно вступят в отряд Красной гвардии. А это уже неплохо, верно, Кузьма?

— Умный ты мужик, братишка,— похвалил Зефиров Майороша.— Мы так и сделаем.

Майорош поручил Матьяшу заняться вопросами снабжения продовольствием венгерских пленных, так как те срочно нуждались в усиленном питании. Времени на раскачку не оставалось, а работы было по горло. В первые дни после того, как в лагере было объявлено, что согласно одному из пунктов Брестского мирного договора пленные считаются свободными гражданами, там царила атмосфера счастливой неразберихи.

Русские бабы и мужики, отличающиеся особой душевной добротой и незлобивостью, узнав об этом, буквально наводнили лагерь. Каких только продуктов они не принесли туда! Молоко, яйца, сметана, хлеб, пирожки и бог знает что еще появилось здесь. Тех пленных, которые могли самостоятельно передвигаться, они охотно приглашали к себе в гости. Об остальных позаботились красногвардейцы. В первую очередь на полную мощность заработала лагерная кухня.

Матьяшу удалось найти в городе несколько русских врачей и медсестер, которые добровольно вызвались ухаживать и лечить больных пленных. В лагерь завезли большое количество различных овощей — капусту, картошку, лук, огурцы и прочие продукты, так необходимые ослабленным людям.

Первые дни все внимание было сосредоточено на питании пленных, а затем очередь дошла и до вопросов санитарии и гигиены: нужно было провести тщательную дезинфекцию и дезинсекцию, организовать мытье пленных в бане, по возможности заменить их белье и одежду.

Однако в первую неделю еще было несколько случаев смерти пленных. На третий день от пеллагры умерло пять человек, на четвертый — уже только два, а все остальные постепенно пошли на поправку.

Вскоре по просьбе Майороша из Харькова прибыл специальный санитарный поезд. Матьяш выстроил пленных побарачно и в колонне повел на железнодорожную станцию. Там, пока они мылись, их одежда прошла специаль-

ную обработку. Тут же орудовали и мобилизованные на день помывки городские парикмахеры. Они побрили всех пленных и постригли наголо. Не обошлось, конечно, без шуток, поскольку пленные в таком виде выглядели несколько необычно и порой не узнавали друг друга.

И тут случилось чудо — к санитарному поезду неожиданно подкатил грузовик с бельем и одеждой, которую где-то раздобыл проворный Зефиров. Началась раздача белья и одежды пленным. Получив одежду, каждый с удивлением разглядывал на ней красное клеймо — опознавательный знак Международного Красного Креста. Из каких только стран не было тут вещей — из Голландии, из Швеции, из Австро-Венгрии.

— Откуда все это добро? — с удивлением спросил Матьяш у Зефирова.

Наслаждаясь произведенным эффектом, Кузьма Зефиров с улыбкой смотрел на надевающих чистое и новое белье пленных, а затем сказал:

— «Откуда, откуда»! Из вещевого склада чехов. Эти мерзавцы заграбастали себе все вещи, которые Международный Красный Крест прислал для раздачи в лагерях военнопленных.

От санитарного поезда шел запах карболки, нафталина и еще каких-то дезинфицирующих средств.

От вагона к вагону ходил Майорош, поторапливая одевающихся соотечественников:

— Пошевеливайтесь, товарищи, пошевеливайтесь! Разбирайте свои вещички, и в строй, а то на кухне приготовленный для вас мясной суп остынет!..

Большинство пленных не обратили внимания на то, что Майорош назвал их «товарищами», а те, кто заметил это, удивленно переглянулись. Однако все зашевелились, разыскивая свои вещи, только что полученные из дезинфекционной камеры, которую пленные попросту называли вошебойкой.

— Ну и дураки же мы с тобой, Кузьма! — вдруг сказал Матьяш Зефирову.

— Это почему же? — удивился тот.

— Да потому, что мы сначала вымыли людей, переодели во все чистое, как господ каких, а теперь поведем обратно в грязные завшивленные бараки!

— Так оно и случилось бы,— с хитрой улыбкой ответил Зефиров, лихо подкручивая свои усы,— если бы у всех ума в голове было столько сколько у тебя, Митя.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Матьяш.

— А то, что все эти люди уже не вернутся в свои старые бараки! И поведем мы их в шикарные домики, которые до этого занимали белочехи.

— А куда же денутся чехи?

— Я же говорю, что умишко у тебя короткий! Я распорядился, чтобы их перевели в лагерь военнопленных, где им и положено быть и где они уже не смогут больше вредить Советской власти и делу революции. Больше у меня ничего не спрашивай, а лучше занимайся своими делами.

Матьяш, обрадованный этим известием, побежал к Майорошу, чтобы порадовать его, но Ференц лишь пожал плечами и спокойно сказал:

— Это нас с тобой не касается. Мы с тобой чешскими легионерами не занимаемся. Наша обязанность заключается в том, чтобы спасти от гибели наших военнопленных.

В этот момент среди одевавшихся пленных послышался шум: одни ругались, другие хохотали, третьи громко выражали свое удивление. Оказалось, что в дезкамере их видавшие виды френчи и брюки от высокой температуры либо разошлись по швам, либо чуть-чуть прогорели, а когда люди попытались надеть их на себя, одежда вообще расползалась по швам или лопнула, и к тому же в самых неподходящих местах. Пленные в таком виде показывались друг другу и тут же начинали хохотать. На их громкий смех сбежались красногвардейцы и тоже расхохотались — уж очень потешной была картина.

Стоя в кузове грузовика, Зефиров не сразу понял, что же, собственно, случилось. Разобравшись, в чем дело, он тоже рассмеялся, а потом смачно, но беззлобно выругался. Убрав со лба упавшие на глаза кудри, он поднял руку вверх, требуя тишины, и сказал:

— Товарищи мои дорогие, не расстраивайтесь, я вас всех заново одену, да так, что все примут вас за настоящих красногвардейцев, которых не стыдно будет пустить маршировать по Красной площади. А пока вам придется в таком виде дойти до казармы чехов. Я сам вас поведу, пройду во главе колонны. Только чтобы с песней, так как Кузьма Зефиров обожает пение!

Каково же было удивление жителей небольшого городка, когда они, высунувшись из окон или выйдя из ворот своих дворов, увидели длинную колонну пленных, одетых во что попало. Многие из них шли босиком, зато все дружно пели:

На иву залезла лягушка,
На самую высокую ветку...

В казарме пленных ожидал прямо-таки царский обед: на столах, расставленных под открытым небом, стояли горшки с мясным супом, жареной свининой и сырниками с вареньем.

Всем пленным выдали по комплекту суконной формы. Каждый получил по пятьдесят сигарет на человека, и это было особенно радостное событие — ведь они так соскучились по куреву, что даже не верили, что в их руках находится такое богатство.

После трех суток безделья, бесцельного брожения по территории нового лагеря, так не похожего на прежний, отдыха и хорошего питания всех пленных пригласили на медицинский осмотр.

Наиболее ослабленных поместили в лазарет, а тем, кто чувствовал себя вполне сносно, предложили, если они хотят, вступить в отряд Красной гвардии.

Такие люди нашлись, и для них тут же были организованы двухнедельные курсы политграмоты, которые возглавил Ференц Майорош. Учеба шла успешно, но незадолго до ее окончания пришло известие о новом наступлении белых. Оказалось, что генерал Краснов со своими кавалеристами вместе с частями белочехов заняли Екатеринослав, а затем двинулись в направлении Донбасса. Из Харькова был получен приказ на немедленный отход, так как красные части не были еще готовы к отражению столь мощного наступления.

6

Степь заметно опустела, улетели на юг перелетные птицы, даже жуки и букашки уже не ползали по засохшей траве на залитом частыми дождями лугу. Если бы жуки и букашки еще были, Виктор обязательно заметил бы их, потому что уже не первый день вместе с бойцами своей роты лежал в окопе, на бруствере которого виднелись небольшие островки травы, перепачканные грязью.

За прошедшее время рота изменилась, особенно после того, как попала в число находящихся в районе Царицына частей и подразделений, командование которыми было сосредоточено в едином центре. Теперь самостоятельным действиям пришел конец; лошадей и единственный броневичок тоже пришлось отдать в распоряжение вышестоящего командования. Бойцы роты превратились в самых настоящих пехотинцев и залегли в окопах, получив приказ держать оборону.

Части генерала Мамонтова неоднократно предпринимали наступление на оборонявшихся, и каждый раз этим попыткам предшествовали артиллерийские обстрелы позиции красных. Тогда красноармейцам ничего не оставалось, как залечь на дно окопа, вжаться в землю, чтобы укрыться от осколков и пуль. Погода, как назло, тоже не радовала. Шли частые мелкие дожди, сопровождавшиеся холодным пронзительным ветром. Все было пропитано влагой. Как-никак стояла середина октября. Чувствовалось приближение зимы, которая в этих степных краях могла иметь свои причуды.

Царицын! Мог ли Виктор знать, что ему придется перенести столько тягот и трудностей из-за этого города?! В самом конце лета красным удалось отбить наступление частей генерала Краснова и отбросить их к Дону, но через некоторое время, заметно приумножив свои силы, красновцы снова появились в этих краях.

И вот теперь красным приходилось отсиживаться в мокром окопе, не имея возможности даже поднять головы, так как вражеская артиллерия продолжала вести интенсивный обстрел их позиций.

На этот же участок фронта прибыл и отряд венгерских интернационалистов, которых сагитировали Майорош и Зефиров. Виктору от души было жаль своих соотечественников, многим из которых пришлось кровью заплатить за свое освобождение, а некоторым из них — даже своей жизнью. Многие венгры навеки остались лежать в Царицынской степи вместе с погибшими русскими красноармейцами.

В позиционной обороне у командира роты дел не так уж много: обойдешь или, вернее говоря, обползешь где на животе, а где на четвереньках ротный участок, посмотришь, кто из бойцов как расположился, перекинешься кое с кем из них парой фраз — и обратно на то место, где положено быть командиру роты. А бойцы и без его указаний хорошо знают, что им надлежит делать.

Правда, забот у ротного и здесь было достаточно, а вот возможностей избавиться от них — почти никаких: не хватало хлеба и других продуктов, с патронами тоже было трудно, не было теплой одежды для бойцов, негде было отдохнуть, не было медикаментов. Оставалось одно — набраться терпения и ждать, лежа в грязи, на холоде, прислушиваясь к завыванию вражеских снарядов, стараясь определить по звуку, где они упадут и разорвутся.

Иногда охватывала такая тоска и апатия, что хотелось умереть. Жизнь казалась бессмысленной и ненужной. Все

тело болело, поясницу ломило, а в почках при малейшем движении начинались колики. Руки тряслись, как у старика.

Противников разделяла не очень широкая полоса ничейной земли, поэтому приходилось зарываться глубже, соблюдая все меры предосторожности, дабы не оказаться подстреленным. Любое перемещение на местности вызывало стрельбу с обеих сторон, подчас охота за человеком продолжалась долго-долго. Как только противник получал очередное пополнение, он предпринимал очередную атаку. Тогда красным, если не удавалось отбить ее из окопов, приходилось либо вступать в рукопашный бой, либо отходить.

Иногда, но, к сожалению, очень редко получали подкрепление и красные: взвод пехоты или по нескольку десятков снарядов на орудие.

Когда красные наступали, стояло еще лето, было жарко, и только ночь приносила прохладу. Снабжение тогда было неплохим, и все это, естественно, вселяло в бойцов и уверенность в победе. Потом белые перехватили инициативу и начали теснить красных к Волге. Позиции, отрытые с таким трудом, были заняты белыми. И все-таки, находясь среди бойцов своей роты, Виктор считал себя в какой-то степени счастливым.

Если бы генерал Мамонтов вдруг решился бы немедленно предпринять очередное наступление, оно наверняка увенчалось бы успехом. Однако противник не решался на такое — его истрепанные и уставшие от многочисленных атак солдаты потеряли веру в свои силы, а если их и поднимали в атаку, то они охотно залегали, едва натолкнувшись на огонь красных частей.

Лежа в окопе, Виктор думал: «Где-то теперь Матьяш?» По последним сведениям, брат должен был находиться в Царицыне, куда он вернулся с Украины вместе с шестьюстами венгерскими пленными. Говорили, что сам Матьяш якобы работал ружейным мастером в одной из мастерских, так как сражаться на фронте с оружием в руках он не хотел ни на стороне красных, ни на стороне белых.

С одной стороны, Виктору было стыдно за младшего брата, а с другой — он в глубине души радовался за него, надеясь, что, быть может, Матьяшу удастся остаться в живых, а затем каким-нибудь чудом вернуться домой, чтобы рассказать обо всем, что с ними произошло.

Сам Виктор уже не надеялся, что ему повезет и он уцелеет в этой страшной мясорубке. У него на глазах погибло столько знакомых мадьяр. Но Виктор не хотел погибать. Он был готов сражаться ради того, чтобы его соотечественники

остались живы. Была у него одна мысль, которую он старался гнать от себя: он не очень-то верил в возможность победы. До Царицына, ставшего важным стратегическим пунктом на Волге, оставалось не более пятнадцати верст. И чем теснее белые прижимали их, красноармейцев, к Волге, тем безнадежнее казалось положение. Временами Виктору приходила мысль, что о них просто-напросто позабыли, ведь пошли уже третьи сутки, а им мало того что не подбрасывали пополнения, но и не присылали ни боеприпасов, ни хлеба...

Командир батальона Егор Силаев куда-то исчез, а ведь он был для Виктора самым близким человеком. Быть может, и его уже нет в живых? Такой сорвиголова всегда лезет в самое пекло боя.

Однако ни физическая усталость, ни опасности не действовали на Виктора столь пагубно, как отсутствие всяких вестей о положении на фронте вообще и на их участке в особенности.

Под вечер пошел дождь, но и его шум не смог заглушить звуков артиллерийской канонады. Этот обстрел не обещал ничего хорошего. Значит, бой шел за Райгород, расположенный почти на самом берегу Волги. Следовательно, белым удалось приблизиться к единственной железнодорожной линии, по которой можно было доставлять продовольствие и боеприпасы. Если белые перережут ее, то не будет смысла держать здесь оборону. Быть может, именно поэтому белые и не предпринимали энергичных действий на центральном участке, а сосредоточили основные усилия на флангах, надеясь позднее взять Царицын в клещи. Падение города означало бы для красных катастрофу, а командование белых войск достигло бы своей цели: части генерала Краснова соединились бы с частями адмирала Колчака, что дало бы им возможность продолжать душить молодую Советскую республику.

К Виктору подполз какой-то боец. Вид у него был ужасный — грязная оборванная одежда, в бороде и усах комочки грязи, по лицу струится пот. На голове у солдата была шапка, по которой Виктор сразу же определил, что это мадьяр — такие головные уборы носили только в венгерской королевской армии. Такую шапку носил и сам Виктор, когда принял свое первое крещение в Восточной Галиции. В ней же он попал спустя три недели в лагерь, в котором пережил такие ужасы, что потерял надежду на что-либо хорошее.

— Командир... — еле слышно прошептал боец, — пока еще не поздно, прикажи нам отступить...

Виктор коснулся лбом земли, а затем, подняв голову, ответил:

— Не могу. Мы все давали клятву, что выстоим, но не отойдем...

— Скоро белые снова пойдут на нас в атаку, и тогда нам конец.

— У нас еще остались боеприпасы, есть три пулемета. Отобьемся. Огонь будем вести выборочно, экономя патроны. На каждого бойца приходится не менее тридцати патронов, а ведь нас семьдесят человек... Вот и посчитай, скольких мы можем уложить. Только целиться надо поточнее... Ничего другого я тебе сказать не могу...

Боец, немного отдышавшись, проговорил:

— Если не уйдем отсюда, то так все здесь и останемся навсегда. Пока еще не поздно, командир, прикажи отойти!

— Не могу.

— Мы свое и так сделали, совесть наша чиста...

В этот момент артиллерия белых усилила огонь. К счастью, он был неприцельным и снаряды ложились с большим рассеиванием. Виктор, казалось, не обращал внимания на канонаду. Он смотрел на оборванного, измученного бойца и никак не мог вспомнить, кто же это. До сих пор Виктор полагал, что хорошо знает каждого бойца своей роты, но оказалось, что он ошибается.

— Не сердись, дружище... Скажи, кто ты такой?

— Брось дурачиться, командир! Как это — кто такой? Я Йожеф Фаддьяш, бывший печатник из Лече... Был унтером в сводном полку.

— Как мы все изменились за это время... Нас с тобой сейчас и родная мать не узнала бы. Знаешь, Йошка, если ты так боишься, отправляйся в тыл... Но я и все остальные не уйдем. Я лично буду держаться до последнего... Нас поддерживают с флангов: справа — матросы из Севастополя, слева — бакинские нефтяники... А они не побегут. Вот так-то, Йошка.

Своей горячей рукой Виктор намеревался пожать исхудалую руку бывшего печатника, но пожатия почему-то не получилось — он лишь слегка коснулся руки Йошки, который, не проговорив больше ни слова, отполз от командира.

В душе Виктор был уверен, что ни Йожеф Фаддьяш, ни другие венгры не оставят его и в тыл не отойдут. Да и куда отходить-то? Если белые победят, то Виктору и его товарищам в любом случае придется умереть, а если военное счастье улыбнется красным, тогда они окажутся в рядах победителей.

В этот мокрый и холодный день, когда вокруг все пропиталось сыростью от затяжных дождей, а низкое свинцовое небо не сулило ничего хорошего, Виктор невольно вспомнил родной дом, и улицу Чанго, и улицу Петнехази, и улицу Гемб, где летом сладко пахнет медом и цветами, где весело щебечут птицы, а кошки греются на солнышке, лениво потягиваясь, выгибая дугой спину.

Ему вдруг захотелось натянуть на себя старый, местами вытертый пуловер, который он носил когда-то давным-давно и который потом за ненадобностью лежал на нижней полке платяного шкафа, где мать обычно хранила старые ненужные вещи.

«Вот сейчас надеть бы тот теплый старый пуловер, который так плотно облегал шею... — продолжал мечтать Виктор. — Пожалуй, могло бы случиться и чудо: я бы поднялся во весь рост, ничего не боясь, пошел бы вперед на противника и, быть может, один решил исход этого боя...»

Однажды воспоминания о том старом пуловере уже выручили его. Было это в конце августа 1914 года, в Восточной Галиции, неподалеку от Лемберга. Виктор вот так же промок тогда до костей, дрожал от холода и был готов даже заплакать от охватившего его чувства одиночества... Ему очень хотелось вернуться домой из ада, в который он попал. Он проклинал судьбу, считая, что она слишком жестока к нему, и ничего не мог с собой поделать. В душе его не осталось ни искры надежды. Его начали беспокоить слуховые галлюцинации. Чьи-то голоса нашептывали ему, что скоро он погибнет. Там, в Восточной Галиции, он впервые узнал, что такое страх смерти. С тех пор смерть своим крылом частенько задевала его, но, сумев однажды перебороть страх, он не впадал в отчаяние.

Он вспомнил, как в августе 1914-го они с ужасом ожидали боевого крещения. Вот уже несколько дней подряд среди солдат шли разговоры о том, что не сегодня завтра им придется принять бой с царскими войсками. Потом полк перебрасывали с одного места на другое. Солдаты так измотались, что с трудом волочили ноги. Шли, еле передвигаясь, сгорбившись под тяжестью ранцев. Измученный организм настойчиво требовал воды. Пить воду из колодцев, которые попадались на их пути, было строго-настрого запрещено, так как существовала опасность, что противник заранее отравил воду. Собственные водовозы, сбитые с толку постоянными переходами частей и подразделений, не могли их найти. Вся надежда оставалась на господа бога, который мог послать страждущим живительную влагу.

Верующие и неверующие поглядывали на небо, молили бога, чтобы небеса наконец-то разверзлись и послали им ливень, или ругались.

И вот 27 августа, где-то между Бутаней и Волка-Мазовецкой, их наконец-то настиг страшный вихрь, примчавшийся с северо-запада, сопровождавшийся ливнем. По запыленным лицам солдат потекли грязные струи дождя, и солдаты жадно слизывали их. За несколько минут температура с тридцати градусов снизилась до четырнадцати, и дождь так охладил еще недавно разгоряченных солдат, что они начали дрожать. Обмундирование и ранцы сделались вдвое тяжелее, а сухая почва быстро превратилась в грязное месиво.

Вскоре настали сумерки. Сотни солдат, с трудом переставляя ноги, брели по лужам, наталкиваясь друг на друга, падая в ямы, заполненные водой. Словно слепые, они ощупывали землю, поднимались и тащились дальше без всякой цели и без надежды.

Глухой таинственный голос нашептывал Виктору ужасы, предрекал смерть. Мысль о смерти лишала его всякой надежды, и должно было возникнуть нечто такое, что отвлекло бы его от этих мрачных дум.

Вот тогда-то Виктор впервые и вспомнил о своем старом вязаном шерстяном пуловере. Захотелось надеть его, согреться. Ему казалось, что, сделав это, он как бы сбросит с себя проклятую кожу, которая не сулила ему ничего, кроме гибели. Постепенно страх прошел, и на смену ему пришла убежденность, что все это не так ужасно и зависит чаще всего от настроения. Позднее, и в лагере для военнопленных, и в страшном бою под Кинелью, и в других местах, где смерть действительно ходила за ним по пятам, он уже мог справиться со страхом и даже иногда смеялся, вспоминая о прежних своих терзаниях и муках...

К селу Волка-Мазовецка, вспоминал Виктор, они подошли к вечеру. Почти со всех сторон в этот населенный пункт втягивались колонны частей, тесня друг друга, меся десятками сотен, тысячами ног жирную грязь. Каждая часть, каждая колонна требовала для себя каких-то льгот и поблажек. На единственной широкой улице польского села начался настоящий хаос. Части и подразделения, двигавшиеся из тыла, начали перемешиваться с фронтовыми частями. Венгерские гонведы, горные австрийские стрелки, чешские артиллеристы — все старались пробить себе путь, завладев единственной более или менее приличной дорогой. Отовсюду доносилась ругань, слышались сетования, угрозы, мольбы и просьбы на языках всех народов и народностей, какие

только входили в тогдашнюю лоскутную Австро-Венгерскую монархию. В толчее и неразберихе невозможно было двигаться, тем более что уже стемнело и проливной ливень не прекращался. Невозможно было определить, где какая часть находится. Многие повозки опрокинулись, лошади нервно ржали и лягались. Кто-то из командиров попытался сначала по-немецки, а затем по-венгерски восстановить порядок, но это не возымело никакого действия. Несколько озлобленных возничих погнали лошадей прямо на толпу.

Какие-то солдаты, в руках которых оказались фонари, попытались осветить место основного затора, но ничего хорошего из этого не вышло: они только ослепили людей, которые и без того тыкались в темноте как слепые котята.

Оказавшись в этом страшном хаосе, Виктор с ужасом подумал, что они попали в безвыходное положение. Какие бредовые иллюзии обуревали тех, кто послал их на эту войну? Куда подевались лихие вояки из генерального штаба и высокопоставленные офицеры с золотым шитьем на воротниках мундиров? И почему солдаты должны подчиняться командирам, которые распоряжаются их жизнями по собственному усмотрению, но не могут распорядиться действиями трех-четырех полков, столкнувшихся ночью под дождем на улице крохотного галицийского села?

Там, в Волка-Мазовецкой, Виктор понял, что Австро-Венгерская монархия проиграла эту войну. Проиграла еще до того, как начались серьезные военные действия. Быть может, именно поэтому в душу его и закрался страх смерти. Что могло ждать всех их в будущем? Что ждало их родину? Виктору было стыдно за тех командиров, которые мало чего смыслили в том, что делали. Правда, не все они были бездарны и трусливы.

Постепенно солдаты навели порядок. Части и подразделения получили возможность спокойно пройти через этот населенный пункт. Во многом солдатам помогли командиры подразделений, о которых позже попавшие в плен солдаты, и в том числе те из них, что перешли на сторону русской революции, говорили почему-то с неприязнью, однако Виктор отнюдь не разделял их мнения, так как хорошо знал, что и среди офицеров-фронтовиков есть немало смелых и толковых ребят.

Одним из таких офицеров был их командир роты поручик Деши. Во время бесцельного марша под Лембергом, на коротком привале, Виктор случайно выстрелил из винтовки, к счастью, никому не причинив вреда. Уставшие солдаты

сразу же окружили возмутителя спокойствия, начали ругаться — ведь он нечаянно мог бы попасть в любого из них.

Однако поручик Деши не потерял хладнокровия, не стал оскорблять виновника, а лишь с печалью в голосе спросил:

— Ну, как тебя наказать за твою опасную оплошность?

— Подвесить вниз головой, — спокойно ответил Виктор.

Он сам определил себе наказание. Виктора на несколько минут подвесили на старой яблоне, связав ему руки за спиной, как это было предписано дисциплинарным уставом. Но всего лишь на несколько минут, а затем быстро сняли и развязали.

Этот же самый поручик Деши прекрасно повел себя в ходе ночного столпотворения в селе. И только он один утром следующего дня накормил личный состав роты горячим завтраком. Каким образом ему удалось достать в том хаосе полевую кухню и продукты для нее, для всех так и осталось тайной.

Утром все части, вымотавшиеся за ночь, расположились на промокших полях, а когда совсем рассвело, все выглядело так, будто никакой паники и хаоса и не было. Командование уже полностью держало войска в своих руках. Из штаба дивизии на красавце-жеребце прискакал связной офицер. Он привез приказ генерала, согласно которому дивизия должна была подготовиться к наступлению.

Засуетились командиры полков и батальонов, стараясь как можно лучше подготовиться к наступлению. Наступать предстояло в северном направлении. Чтобы десяти — двенадцати тысячам солдат развернуться па местности и подготовиться к бою, нужно было время.

В мирных условиях, на учениях и маневрах, необходимые приготовления обычно разыгрываются на топографических картах и проходят гладко, однако в боевой обстановке дело обстоит намного сложнее: тут уж не обойдешься одним азартом — для руководства подразделениями и частями на поле боя нужен еще и особый талант, не говоря уже о смелости и решительности.

За целый день они с трудом продвинулись километров на пять-шесть. Вытянувшаяся походная колонна с повозками, лошадьми и артиллерией медленно ползла в северо-восточном направлении по слабо пересеченной местности, где зеленые поля сменялись густыми рощами.

Пройдя шагов десять — двадцать, шедшие впереди солдаты вдруг ни с того ни с сего останавливались, когда на полминуты, а когда и на четверть часа, однако случалось и такое, что задержка продолжалась целый час, а то и боль-

ше. Солдаты, обремененные полной походной выкладкой, садились на землю, чтобы хоть немного отдохнуть, но стоило им растянуться на траве, как приходилось снова вставать и идти дальше, так что эти короткие остановки утомляли больше, чем само движение.

Несмотря ни на что, Виктор и его товарищи стойко переносили все трудности. И лишь чахленький ефрейтор из запасных не вынес этого марша. Один из всей роты. С бледным восковым лицом, он был очень похож на страждущего Иисуса Христа. Во время одной из таких вынужденных остановок ефрейтор сел на землю, а встать уже не смог.

Поручик Деши, подойдя к нему, разрешил ефрейтору остаться на месте и дождаться фельдшера, который и отправит его в полевой лазарет, однако ефрейтор умолял поручика не бросать его здесь, потому что считал это для себя большим позором — ведь он еще не участвовал ни в одном бою.

Командир роты, не скрывая своего раздражения и даже злости, все же распорядился, чтобы беднягу посадили на лафет орудия, на котором его повезут дальше, а там видно будет.

Позднее, после несколько запоздавшего обеда, растянувшаяся на несколько километров дивизионная колонна поползла быстрее. Запасные подразделения было приказано расположить в лесу на противоположном склоне одного из холмов, а подразделения первого эшелона заняли указанные им места.

Подразделения вытянулись длинной-предлинной цепью. Солдаты расположились лицом к северо-восточному склону гряды холмов. Боевые позиции прошли по полям и лугам.

Постепенно в душе Виктора улеглась злость и неприязнь к командованию.

«Кто знает, — думал он, — может быть, наши командиры и разбираются в своем деле, просто они еще не имеют боевого опыта, но это и неудивительно, ведь война только началась, и ни офицеры, ни солдаты еще не нюхали пороху...»

Картина боевых позиций, которая развернулась перед ним, почти убедила его в том, что сильная империя должна иметь и сильную армию. Постепенно он начал терпимее относиться к приказам, которые отдавали командиры.

Солдатам было приказано окопаться, и они с усердием принялись копать землю, обезображивая прекрасный луг. Лезвия лопат все глубже и глубже уходили в податливую землю, превращая стрелковую ячейку сначала в неглубокий окопчик, а затем и в окоп полного профиля, который соеди-

нялся с точно таким же другим, третьим, четвертым окопом ходом сообщения.

Так вот как выглядела фронтовая полоса — место будущего боя!

Противник пока не давал о себе знать, как будто его и вовсе не существовало. Все эти приготовления настолько надоели солдатам, что они почувствовали апатию, и даже офицеры не придирались к ним, решив дать им поспать под открытым звездным небом.

Однако на рассвете на позициях снова появился офицер связи из вышестоящего штаба. Пройдя по окопам, он передал командирам рот распоряжение начальника штаба немедленно построить роты и переместиться в сторону противника, который находится дальше, чем предполагало командование.

Это известие разбудило в Викторе новое чувство недоверия к своему командованию. Ему казалось, что если бы судьбы стольких солдат находились в руках подростков, те проявили бы больше серьезности.

И снова начался долгий и трудный марш. Подразделения и части двигались по равнине по расходящимся направлениям в надежде разыскать противника.

Рота, в которой служил Виктор, двигалась вдоль небольшой речки. В полдень солдаты пообедали. За рекой виднелся густой смешанный лес. Откуда-то появилась полевая артиллерия, которая заняла огневые позиции неподалеку от расположившейся на обед роты и открыла огонь по противоположному берегу реки. Над густым лесом начала рваться шрапнель, обозначая места разрывов белыми облачками. В ответ с противоположного берега энергично замахали желтыми флажками: оказалось, что наша артиллерия обстреляла не солдат русской царской армии, а знаменитые егерские тирольские подразделения императора Франца-Иосифа, которые находились в лесу на другом берегу реки. Артиллеристам стало стыдно, они ругали на чем свет стоит своих разведчиков, которые ввели их в заблуждение. Артиллеристы быстро снялись с позиций и скрылись в неизвестном направлении.

Виктору, понюхавшему терпкий сладковатый запах пороха, стало стыдно, будто он был артиллеристом, обстрелявшим своих же солдат.

В тот же день Виктор сам принял боевое крещение, когда после тяжелого изнурительного марша их рота попала, можно сказать, в пасть смерти.

Возле села Корцов рота форсировала речку. Из штаба батальона пришел приказ выйти к железнодорожной станции, далее повернуть вправо и, заняв позицию вдоль железнодорожной насыпи, которая вела в южном направлении, ждать приказа на атаку.

Командир роты поручик Деши находился в цепи солдат. Переходя от одного солдата к другому, он подбадривал их, а встретившись с Виктором, даже угостил его сигаретой, чтобы хоть как-то сгладить впечатление от того наказания, которому он подверг Виктора за нечаянный выстрел на привале.

Лежа у железнодорожной насыпи, они внимательно следили за местностью, ожидая, не покажется ли противник. И противник показался. До него было тысячи полторы шагов. Русские солдаты появились из-за овсяного поля, расположенного на полукруглой опушке леса. Оказалось, что они окопались там. Позицию русские выбрали удобную, так как атакующим их солдатам противника придется наступать по склону снизу вверх, и русские могли видеть их как на ладони.

Слева, на соседнем участке, уже шел бой. Австро-венгерская конница перешла в атаку, а русская артиллерия расстреливала конников шрапнелью.

Виктор судорожно курил сигарету, которую ему дал ротный. От волнения рука слегка дрожала.

Едва Виктор докурил сигарету до конца, поручик Деши, будто он только того и ждал, скомандовал:

— Рота, приготовиться к атаке!

Солдаты мгновенно передали его приказ по цепочке. Виктор машинально поправил на плечах ремни ранца, заполненного немудреными, но столь необходимыми солдатам вещицами, а затем сделал то же самое и с патронной сумкой, которая оттягивала его поясной ремень. Он ждал следующей команды.

До трех часов оставалось несколько минут. Светило солнце, но день был прохладным. Виктор подтянул правую ногу, согнул ее в колене, чтобы по команде: «В атаку, вперед!» как можно быстрее выскочить на железнодорожное полотно.

Голос ротного, отдававшего следующую команду, показался ему почти незнакомым.

— Направление атаки — опушка леса! Третий взвод — в запасе, первый, второй и четвертый — в атаку, вперед! За мной!

При последних словах поручик Деши выхватил палаш из ножен и, держа его высоко над головой, первым бросил-

ся вперед, к овсяному полю, увлекая за собой солдат. Виктор бежал в центре своего отделения. Рота наступала на участке шириной метров триста. Опьяненный волнением, Виктор старался бежать так, чтобы не оказаться впереди всех. К счастью для атакующих, овес в тот год в тех местах выдался на славу и доходил солдатам до плеч. Пули противника сначала редко посвистывали над головами наступавших. Но чем дальше солдаты вклинивались в посевы, тем чаще свистели пули русских, залегших на опушке леса.

Атакующие пока что только бежали, но не сделали еще ни одного выстрела.

Виктор чувствовал, что с каждым шагом бежать становится все труднее, а легким, казалось, не хватает воздуха, и он так судорожно хватал его ртом, что горло сжимали спазмы. Сердце Виктора уже не билось, а бешено колотилось в груди. А нужно было все еще бежать вперед за сверкающим на солнце палашом поручика Деши.

В конце концов они миновали овсяное поле и оказались на широком жнивье, на котором чуть впереди тут и там возвышались небольшие копенки сжатого овса, а чуть дальше за ними, в кустах, предшествующих мелколесью, появлялись частые клубочки дыма от выстрелов.

Поручик все бежал вперед. Командиру явно везло: ни одна пуля пока не коснулась его.

Виктор, машинально переставляя ноги, тоже бежал вперед, изредка поглядывая то вправо, то влево, чтобы убедиться, что его товарищи бегут навстречу верной гибели. Лица их раскраснелись, и, несмотря на частую ружейную стрельбу, Виктор слышал, как тяжело и сипло дышали люди. От быстрого бега позвякивали их котелки, фляжки, саперные лопатки.

Поручик Деши продолжал бежать к опушке леса, но выглядел он при этом как-то странно. Пробежав несколько шагов, он споткнулся и упал ничком на землю, но тут же поспешно выкрикнул, стараясь перекричать шум стрельбы:

— Ребята, я жив! Только выдохся совсем!.. Вперед!

Припав к земле, он сунул палаш в ножны. Движимые порывом солдаты еще некоторое время продолжали бежать вперед, затем залегли и они. Команду «Окопаться!» им отдавать не понадобилось, так как они и сами хорошо понимали, что могут остаться в живых только углубившись в землю, если, конечно, им повезет.

Виктор споро работал лопаткой, выкидывая землю перед собой, чтобы соорудить хоть небольшой бруствер, из-за которого он мог бы вести огонь, чувствуя себя в какой-то сте-

пепи защищенным. До опушки леса оставалось метров триста.

Поскольку русские заранее хорошо окопались, их практически не было видно и стрелять по ним можно было только наугад. Видя, что рота довольно бойко открыла огонь по противнику, Виктор немного успокоился, но тут же испугался, что ячейка, которую он наспех отрыл, оказалась неглубокой и он, вероятно, виден противнику. И он снова налег на лопатку, стараясь зарыться поглубже в землю.

Очень скоро характер боя изменился. Внимание Виктора обострилось. Несмотря на густые заросли, в которых располагались русские, он уже видел маленькие желтые холмики земли, из-за которых противник вел огонь.

Виктор почувствовал себя увереннее. Теперь ему казалось, что на расстоянии трехсот метров он попадет не то что в человека, а даже в монету. Его уверенность поколебалась только тогда, когда он заметил, как пуля противника продырявила каблук башмака его соседа справа, простого доброго парня из Кишпешта, а в следующий момент три вражеские пули почти одновременно впились в землю перед ним.

Виктор еще плотнее прижался к земле и, не поднимая головы, а лишь повернув ее влево, увидел далекий луг, где соседняя рота завязала с противником рукопашный бой. Он видел, как падали на землю солдаты; слышал, как сосредоточенно бил русский пулемет. А еще дальше, за лесом, рвались снаряды и дымные хвосты поднимались к небу. Судя по всему, бой разрастался, ожесточался, и Виктор не мог не принимать участия в этом кровавом поединке.

Страха он уже не чувствовал, а бдительность его заметно возросла. Замаскировавшись, насколько позволяли условия, он целился в противника и стрелял. Целился и стрелял. Стрелял без передышки.

Вскоре он услышал, как ротный командир выкрикнул:

— Всем экономить патроны! Подносчики боеприпасов что-то запаздывают!..

Однако Виктор не обратил внимания на предупреждение ротного, мысленно решив, что раз уже он принимает участие в этом бою, то делать это надо толково. Но постепенно помимо воли и желания Виктора в голове его начало зреть какое-то безразличие. Сначала оно проявилось в том, что он мысленно спросил себя: «А какой смысл имеет все это?» И сам же ответил: «Никакого! Абсолютно никакого!..»

Но стрелять он все же продолжал, хотя безразличие и апатия охватили его. Чувства и мысли его начали давать

сбой, как бы требуя отдыха. Он как бы превратился в заведенную кем-то машину с вхолостую действующим мотором, которую сначала запустили и про которую затем забыли. И в таком состоянии Виктор находился до тех пор, пока у него не кончились патроны. Пошарив в патронной сумке, он убедился, что она пуста, и это как-то отрезвило его. Он вспомнил, что справа от него, метрах в пяти, лежит его знакомый — парень из Кишпешта.

— Брось-ка мне пачку патронов! — крикнул Виктор, не поворачивая головы и продолжая внимательно наблюдать за опушкой леса, но в то же время прислушиваясь, что ответит ему сосед и куда упадет пачка патронов, которую он бросит.

Однако Виктор напрасно ждал ответа. Тогда он повернул голову направо. Парень из Кишпешта лежал тихо и неподвижно, в такой позе, в какой обычно лежат люди, привыкшие спать на животе. Винтовка сдвинулась несколько вбок, рука, державшая ее, разжалась. Лица парня не было видно — оно уткнулось в землю. Вокруг валялись стреляные гильзы. Ни следов крови, ни других признаков того, что его убили или ранили, Виктор не увидел.

— Эй, дружище! — громко крикнул он. — Ты что, заснул? Как ты можешь спать при таком шуме?

Однако ответа не последовало. Парень упрямо молчал, и Виктор понял, что он мертв.

Тогда Виктор повернулся к соседу слева. Сделал он это неохотно, можно сказать, помимо своей воли, поскольку был сердит на этого прижимистого парня из Дунахарасти за то, что тот, когда их отправляли на фронт, из жадности утаил от всех бутылку палинки и пирожки, которые ему напекли, провожая из дому.

— Эй, Валентич! А Лаци-то Кертес из Кишпешта убит!

Здоровый крестьянский парень приподнял голову и в упор уставился на Виктора. Он открыл рот, чтобы что-то ответить Виктору, как вдруг из его шеи, оттуда, где проходит сонная артерия, фонтанчиком толщиной с карандаш забила кровь. Парень, казалось, не понял, что с ним случилось. Сначала он удивленно потянулся, а затем сразу как-то обмяк. Бившая из шеи струйка крови быстро ослабла, как будто кто-то завернул водопроводный кран.

Виктор понял, что находится между двумя убитыми. Что делать? На какое-то мгновение его охватило безумие. Но капля здравого смысла, оставшаяся в тот миг в его мозгу, не позволяла ему выскочить из окопчика, замахать руками

и заорать на всю округу: «Перестаньте! Немедленно прекратите, вы, звери, глупые убийцы!..»

Дрожа всем телом, он лег на дно окопчика и, несмотря на непрекращавшуюся стрельбу, постепенно успокоился. Дрожь прекратилась. Словно неведомые птички, с коротким свистом пролетали над ним пули, впивались в бруствер окопчика, на дне которого лежал Виктор.

Страх исчез, и теперь Виктор испытывал совсем другие чувства. Им постепенно овладела печаль, словно в жилах его вместо крови начала циркулировать холодная скорбь, такая бесполезная в этой обстановке. Это была скорбь человека, который на поле боя чувствует себя менее счастливым, свободным и благородным, чем, например, муравей, который не испытывает таких чувств, и все же земля, несмотря ни на что, принадлежит ему, муравью, в большей степени, чем человеку, который, обладая разумом, убивает себе подобных. Только что в быстротечном припадке безумия Виктор хотел выскочить из своего окопчика, замахать руками, закричать, чтобы стрелявшие в него солдаты прекратили огонь. Однако он не сделал этого. Ему вдруг стало безразлично, убьют ли его или он останется жить. «Мне уже все равно! — подумал он. — Моя жизнь мне не дорога. Все во мне навсегда как бы продырявлено ливнем пуль...»

И хотя с головы Виктора не упал ни единый волос, он почувствовал себя раненым. Он знал, что эта душевная рана более серьезна, чем любая рана телесная. Скорбь проникла в его организм, пронизала каждую клетку тела и, словно ужасный яд, начала отравлять всю его молодую кровь. За какой-нибудь час с небольшим Виктор состарился на четверть столетия. Однако в этот момент он не знал да и не мог знать, хотя это как-то утешило бы его, что за это же время он стал и умнее.

После этого с Виктором могло произойти что угодно, однако его душевное поражение было гораздо страшнее, чем поражение на поле боя. Переживет ли он этот шквал огня, поднесут ли им боеприпасы, победят ли они или попадут в русский плен — все это уже нисколько не волновало Виктора. Он доверил свою судьбу, а следовательно, и свою жизнь слепому случаю. Он пребывал в состоянии полного безразличия, и все происходящее вокруг казалось ему каким-то сном. В этом сне унтер-офицер Гуллер вдруг выехал на пароконной повозке, груженной ящиками с патронами, на жнивье. Едва повозка показалась, унтера убило, а испуган-

ные лошади рванули назад и скрылись на овсяном поле. Унтер Гуллер лежал на земле, широко раскинув ноги и руки. Виктор понял, что это не сон, а самая настоящая реальность.

Потом на поле боя появились тирольские егеря. Кто знает, откуда они взялись и по чьему приказу, но факт был фактом — егеря оказались на позиции роты. Они разбежались по жнивью, подкинули солдатам по нескольку пачек патронов, которые они принесли с собой.

Виктору досталось восемь пачек, в каждой из которой было по десятку патронов. Целых восемьдесят штук! И он снова начал стрелять, хотя уже не был уверен, что это необходимо.

Егеря же, вытащив убитых из окопчиков, заняли их места и открыли беглый огонь по противнику. Правда, пока дело дошло до этого, они сами понесли потери убитыми и ранеными.

Восьмидесяти патронов Виктору хватило до заката солнца, он расстрелял их до последнего, а затем от нечего делать стал наблюдать, как вокруг него вражеские пули рыхлят землю. Он не чувствовал ни усталости, ни голода, даже жажда не мучила его. Правда, он начал мерзнуть, так как с заходом солнца заметно похолодало. С обеих сторон не прекращалась довольно оживленная перестрелка, которая с наступлением темноты постепенно начала утихать.

Прошло еще минут десять, и стрельба прекратилась. Установилась непривычно глухая тишина, а над полем недавнего боя раскинулось чистое, усыпанное мириадами звезд небо. Вдруг из темноты возникла фигура поручика Деши. Приблизившись к Виктору настолько, что тот рассмотрел даже пыль на сапогах офицера, Деше сказал:

— Мой боевой друг Медве, вы сегодня хорошо воевали. Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, господин поручик. Превосходно.

— Теперь вы можете встать и немного размяться, русские все равно нас сейчас уже не видят.

Виктор поднялся, но тут же вынужден был сесть на бруствер окопа, так как ноги от долгого лежания задеревенели и не держали его.

Командир роты пошел по цепи дальше, а Виктор прилег на край бруствера возле своей винтовки и решил немного отдохнуть в таком положении. Однако отдохнуть как следует ему не удалось, поскольку вскоре было объявлено построение роты. На этом построении были объявлены короткие приказы, заслушаны донесения и доклады; солдаты тихим

шепотом обменялись между собой новостями. Выяснилось, что за время боя рота понесла внушительные потери: двадцать два человека убиты и тридцать один ранен.

Молоденький командир взвода, которому по виду не было и двадцати лет, попросил Виктора помочь собрать раненых на участке роты. К счастью, раненые вели себя на удивление спокойно — не кричали и не плакали. Лишь когда их переносили в одно место, те, которым было особенно трудно и больно, тихо кряхтели или едва слышно постанывали.

При виде этих несчастных Виктор почувствовал угрызения совести, ему стало от души жаль их, а свое собственное состояние показалось ему уже не таким безнадежным и печальным, как прежде.

Каждого раненого переносили двое солдат, предварительно уложив несчастного на плащ-палатку. Несли в тыл по овсяному полю, истоптанному сотнями солдатских ног. Пунктом сбора раненых по распоряжению ротного командира оказалось то самое место, с которого рота поручика Деши пошла в атаку, — на противоположной стороне железнодорожного полотна, неподалеку от станции. Там они передали раненых наконец-то появившимся санитарам из санитарного взвода.

За железнодорожной насыпью бесцельно слонялись солдаты из второго эшелона полка.

Поручик Деши отдал своим солдатам распоряжение отдыхать каждому в своем окопчике: ни на что не обращать внимания, лечь и постараться поскорее уснуть. В царившей на том участке фронта неразберихе это был, пожалуй, самый умный приказ.

Спать Виктору, как ни странно, не хотелось. Даже на мертвых он смотрел с каким-то равнодушием. Из разговоров офицеров он понял, что в других ротах раненых вообще не собирали и они остались лежать на передовой. Офицеры разговаривали, спорили. Кто-то из них сказал, что раненых вряд ли целесообразно собирать, ведь тех, кого за ними пришлют, русские по дороге либо убьют, либо захватят в плен. Какой-то офицер возразил, что раненые находятся под защитой Женевской конвенции, а потому к ним надо относиться по-человечески. Большинство поддержали этого офицера, и тут же был отдан приказ солдатам обойти все позиции и собрать всех раненых в одно место.

Сказано — сделано. Солдаты с лампами «летучая мышь» ходили в кромешной тьме, собирая раненых. Противник, слава богу, не стал обстреливать их, и они благополучно справились с порученным делом.

Когда с передовой исчезла последняя «летучая мышь», Виктор побрел к солдатам, расположившимся в блиндаже, и, отыскав для себя местечко, завернулся в плащ-палатку и скоро заснул.

Разбудили солдат роты на рассвете. Не отдохнувшие и плохо выспавшиеся, они, бормоча и ругаясь, разбрелись по своим окопам и ячейкам. Были среди них и такие, кто встал на ноги и, покачавшись несколько секунд, снова лег и заснул мертвецким сном. Чтобы разбудить, их приходилось слегка похлестать по щекам.

Солдаты еще не умылись, не привели себя в более или менее божеский вид, а командир роты уже объявил о построении.

Когда их куда-то повели, Виктор заметил, что они идут на место вчерашнего боя.

«К чему бы это? — мысленно спрашивал он сам себя.— Наверное, разведчики за ночь установили, что русские отошли на новые позиции...»

Вместо того чтобы идти цепью, как это обычно принято вблизи передовой, они двигались в колонне по четыре. Миновав железнодорожную насыпь, они снова вошли в посевы овса. В посевах стояла повозка унтер-офицера Гуллера с боеприпасами, и лошади аппетитно жевали овес. Лошадей с повозкой солдаты, разумеется, забрали себе в роту.

Как только колонна вышла из овсов, солдаты увидели убитого унтер-офицера Гуллера, который лежал на спине, уставившись неподвижным взором в синее небо.

Дойдя до стрелковых ячеек, в некоторых из них солдаты обнаружили трупы убитых товарищей, которых никто не удосужился похоронить.

Командир роты приказал собрать оружие убитых, однако предать земле несчастных солдаты не смогли, так как им было приказано выйти на рубеж опушки леса, откуда их накануне встретили уничтожающим огнем русские.

Виктор успел опознать одного убитого: им оказался Акош Варга, работавший до войны столяром на лесопилке Поннера в Андьялфельде. Рука Акоша сжимала саперную лопату, воткнутую в землю, — видать, в тот самый момент пуля и настигла его.

Остановившись перед убитым, Виктор снял шапку и сжал ее в руке. Он так и комкал ее до тех пор, пока они не вышли к опушке леса.

То, что увидел Виктор потом, произвело на него жуткое впечатление — вокруг лежали трупы, очень много трупов, чужих солдат, не похожих ни на немцев, ни на венгров, в

незнакомой форме; даже усы и бороды, которые он увидел кое у кого из погибших, имели совсем другую форму. Большая часть убитых была в форме серого цвета.

Виктор бродил между мертвыми, а в голове невольно бился вопрос: «Кого же из них убил я?..»

И вдруг тишину раннего утра разорвал какой-то страшный крик — полузвериный, получеловеческий. У всех, кто его услышал, по спине пошли мурашки. А спустя несколько минут появился и человек — простой русский солдат, без оружия, с безумным взглядом. Он попросту сошел с ума.

Дрожащей рукой Виктор напялил шапку. Ему вдруг показалось, что это не русский солдат, а сам он кричит нечеловеческим голосом, тревожа просыпающийся утром лес...

Дождь кончился, зато подул сильный ветер. Виктор тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Он всем телом дрожал от холода, но не имел больше ни времени, ни возможности думать о теплом домашнем пуловере, одна мысль о котором согревала его, или подумать о том бедственном положении, в котором оказался: на роту наступали пехотинцы противника — в серых, с лиловым отливом, шинелях, фуражках с козырьком. Они продвигались осторожно, без особой спешки. До них оставалось метров шестьсот.

Виктор не без труда унял дрожь и громко крикнул:

— Подпустить их поближе! Без моей команды не стрелять! Мой выстрел — первый! Приказ передать по цепи!

С этими словами он положил на бруствер винтовку и машинально заметил при этом, что местами на ней желтеют ржавые пятна. Виктор начал наводить винтовку на первую попавшуюся цель, но мушка так ходила от дрожи в руках, что он остановился: в таком состоянии вряд ли можно попасть в цель. Вся надежда оставалась на то, что другие солдаты чувствовали себя спокойнее и не могли промахнуться.

Наступавшие открыли огонь издалека, так как, помня о предыдущих боях, ждали ожесточенного сопротивления.

Виктор знал, что белые будут драться отчаянно, но был твердо уверен в мужестве и отваге своих людей, хотя по численности белые превосходили их в несколько раз.

«Если их подпустить еще ближе, то они могут заметить, что у нас нет сплошной линии обороны, — думал Виктор, — и тогда они легко прорвут ее...»

Однако патронов в его роте было очень мало, а потому

открывать огонь с большого расстояния было равносильно пальбе в белый свет.

Молчание красных воодушевило мамонтовцев. Держа винтовки с примкнутыми штыками наперевес, они быстрым шагом приближались к позиции красных.

Виктор с трудом сдержался, чтобы не выстрелить раньше времени и тем самым дать сигнал на открытие огня всей роте. Плотнее прижавшись к земле и расставив пошире локти, он заставил себя успокоиться и прицелился в пояс одного из наступающих офицеров, мысленно решив во что бы то ни стало уложить его на месте.

— Целиться лучше! — выкрикнул он и выстрелил первым.

И в тот же миг он с радостью заметил, что руки его перестали дрожать. Он поймал на мушку следующую цель, которая росла с каждой секундой. Покрепче прижав приклад к плечу, Виктор, затаив на миг дыхание, нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел, и офицер с золотыми погонами на плечах повалился на землю.

Красные встретили приблизившихся атакующих массированным огнем. Мамонтовцы на миг растерялись, а затем дрогнули и начали падать на землю, как скошенные серпом колосья. До их сильно поредевшей цепи осталось не более двухсот метров. Оставшиеся в живых белые вынуждены были залечь и начать отстреливаться.

— Окопаться!.. Быстро окопаться! — донесся до Виктора приказ белого офицера. — Пулемет к бою!..

Виктор понимал, что первую атаку мамонтовцев им удалось сорвать. Но за первой последует вторая. Виктор выбрал новую цель — рослого, видного казака.

— Стрелять метко! — крикнул Виктор, чувствуя, как спокойствие разливается по всему его телу. — Беречь патроны! Бить только наверняка!..

С этой минуты он уже обрел уверенность и не боялся смерти, твердо зная, что она минует его.

Бой продолжался недолго, так как мамонтовцы, не выдержав меткого огня красных, постепенно начали отходить, отстреливаясь на ходу. Правда, своих раненых они успели забрать с собой.

Виктор понимал, что преследовать белых бессмысленно и опасно: патроны и ручные гранаты у бойцов были на исходе. Приказав подобрать винтовки и пистолеты убитых, он отошел в сторонку и присел на бруствер окопа. «Опять пронесло, — невольно подумал он, — а ведь могли убить. Значит, не судьба... Все вышло, как я предполагал, но самое

трудное впереди. Это уж точно... Хорошо, когда чувствуешь себя уверенно, тогда и страх куда-то пропадает. А с ним воевать ох как трудно, да и жить нелегко... Вот только ребят жалко, что полегли в бою. Скольких еще недосчитаемся!..»

— Фу ты, черт бы меня побрал, — выругался он вслух, — нашел время философствовать!

Крикнув посыльного, он приказал ему обойти позицию и созвать командиров взводов.

Между тем начало смеркаться. Из-за горизонта медленно наползали темные тучи, не предвещавшие ничего хорошего, кроме ливня, а то и затяжного дождя, от которого на этой ровной как ладонь местности некуда было спрятаться.

Измученные бойцы с тревогой посматривали то на небо, то на глинистые стенки окопчиков, в которых они сидели, ожидая приказов командира. Откуда им было знать, что Виктор, созвав взводных, распорядился под прикрытием темноты войти в брошенное жителями село и расположиться там на ночлег, выставив у околицы усиленные посты дозорных.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДОМОЙ, ДОМОЙ!..

1

Большая, громоздкая печка, облицованная коричневой изразцовой плиткой, была такой теплой, что в комнате с низким потолком, где она стояла, можно было ходить полураздетым. Эту комнату Осип Кузьмич Лебедев любил больше других и, когда бывал в Черново, располагался именно в ней.

Сейчас дом Лебедева заняли под постой красные, а в любимой комнате хозяина расположился Егор Силаев. Он подошел к окну и остановился возле него. Мимо спешили по своим делам бабы в платках, по дороге проезжали повозки.

Настроение у командира батальона было хорошее, так как он наконец-то постригся наголо (исполнилась его заветная мечта) и теперь наслаждался тем, что голове было легко и прохладно. Единственное, что портило доброе расположение духа — это все еще продолжавшийся кашель Виктора, лежавшего на железной кровати около печки.

— Вставай на ноги, братишка! Комиссару батальона негоже долго болеть! — по-дружески обратился Силаев к Виктору.

И, словно желая сделать Егору приятное, Виктор ненадолго перестал кашлять. Смущенно улыбнувшись, он подумал, что вместо него в Москву следовало бы послать политкомиссара другого батальона.

— Ничего страшного. Вот хорошенько пропотею несколько раз, и всю хворь как рукой снимет.

— А брата твоего надо бы поощрить перед строем батальона. Я уже сообщил о его подвиге в штаб дивизии.

Виктор протестующе замахал исхудавшей рукой и затряс бородатой головой с бледными щеками.

— На каком основании? Ведь он не состоит у нас в штате!.. Не надо этого делать!..

— На самом законном основании, — прервал его Силаев, энергично жестикулируя. — Ведь он один уничтожил из пулемета не менее взвода белых, а самое главное — сделал он это в тот момент, когда кое-кто из наших уже намеревался отойти. Смело можно сказать, что твой брат спас не только положение, но и честь всего нашего батальона!

Виктор промолчал. Лежа на мягкой чистой постели, он мысленно возвращался к последнему бою. Не без труда красным удалось тогда остановить наступавших мамонтовцев, которые вскоре после этого получили свежее подкрепление — несколько офицерских рот, которые дрались отчаянно и храбро. Они пошли в психическую атаку, все сметая на своем пути.

Но в самый опасный момент на помощь Виктору подоспел Силаев с двумя ротами из резерва, в одной из которых пулеметчиком и числился Матьяш Медве, которого товарищи чаще называли на русский манер просто Митей. Вот он-то со своим пулеметом и сыграл в этом бою решающую роль. Под кинжальным огнем пулемета белые дрогнули, а красные, воспользовавшись их замешательством, воспрянули духом и довели бой до победного конца.

Виктор понимал, что, если бы не брат, он вряд ли остался бы в живых. Что же касается исхода боя, то здесь большую роль сыграла так называемая Железная дивизия под командованием ее легендарного командира Жлобы, вовремя прибывшая на подмогу с Северного Кавказа.

И, как говорится, кроме мужества на поле боя нужно еще и военное счастье. И такое счастье, можно сказать, привалило Матьяшу...

— Согласен, что брат проявил себя с самой лучшей стороны, — продолжал спорить с Силаевым Виктор, — но ведь он не красноармеец, да и действовал он не из убеждений, а из чувства мести: решил отомстить за Надю, за издевательства над ней. У нас же в батальоне он оставаться вовсе не намерен.

— Ты, как я посмотрю, такой же упрямый, как и твой братец! Одного поля ягода, сразу видно! — не успокаивался

Силаев. — Тебя только что назначили политкомиссаром, а ты, еще как следует не поговорив со мной, уперся на своем, и все! Говорю тебе, мы обязательно добьемся, чтобы твоего брата поощрили. Не исключено, что он будет награжден революционным орденом, хотя и не является официально бойцом Красной Армии! Ты же поскорей выздоравливай!

Виктор опять закашлялся, отчего его бледное лицо сделалось синюшного цвета.

— Говори что хочешь, сирота ты казанская! Все, что ты мог сделать для моего брата, ты и так уже сделал. Даже в эту деревеньку специально затащил нас на отдых, и все потому, что так пообещал Матьяшу.

В этот момент тяжелая входная дверь со скрипом отворилась. На пороге появился верзила Бабушкин. Растерянно поморгав своими совиными глазами, он робко проговорил:

— Командир, а меня вы наставить на путь истинный разве не желаете?

— А тебе-то чего нужно? — удивился Силаев.

Бабушкин сначала осторожно закрыл за собой дверь и только потом ответил:

— Я скорее с самим сатаной договорюсь, чем с попом, можешь мне поверить. Но этот толстопузый тунеядец так донял меня, что я даже в хату его пустил.

— Что-о? — удивился Силаев. — Что ты сделал с попом? Уж не хочешь ли ты, чтобы я расчесывал ему бороду? Гони его вон!

Виктор снова закашлялся, потом, приподнявшись на кровати, сказал:

— А может, все же сначала стоит с ним поговорить? В этом селе народ настроен по-своему: как-никак основное население здесь казаки, а они стараются держаться от нас подальше. Если же мы обидим их священника, то этим только больше озлобим их, настроим против себя и Советской власти.

Бабушкин в знак согласия с командиром сначала закивал, а затем промолвил:

— Можете мне поверить, народ тут действительно странный. За глаза поносят нас, словно мы разбойники какие.

— Приведи попа сюда! — тихо, но настойчиво произнес комиссар.

— Слава богу! — обрадовался Бабушкин. — Наконец-то я от него освобожусь. — Не закрыв за собой двери, он быстро вышел из комнаты.

Через несколько минут, с достоинством неся свое грузное тело, появился священник. На вид ему было лет шестьдесят,

однако седина лишь слегка тронула его волосы. Это был красивый мужчина — высокого роста, с гордо поднятой головой, украшенной слегка вьющимися длинными волосами, которые волнами спадали ему на плечи, с пышной бородой и усами. Единственное, что несколько портило его фигуру, был выпуклый животик.

Остановившись у порога, он немного подождал, ожидая, что с ним заговорят, но, так и не дождавшись, поздоровался сам на церковный манер:

— Благослови вас бог, господа начальники...

Егор, пересилив себя, в тон священнику ответил:

— Покорнейше благодарим.

Священник без обиняков заговорил:

— Наши мужики да и казаки предостерегали меня от визита к вам, говорили, беды, мол, не оберешься, но я страха не боюсь.

Виктор, подложив себе подушку под спину, сел на кровати и миролюбивым тоном предложил священнику:

— Садитесь, пожалуйста, святой отец. Бояться нас не следует. Чему обязаны вашим приходом?

Священник степенно опустился на стул, и тут взгляд его упал на большой, овальной формы стол, на котором лежали пистолеты, патронные сумки, ручные гранаты и стояли пустые стаканы. Он насторожился.

Силаев, чтобы не смущать его, набросил на стол розовую скатерть. Это успокоило попа, он уселся на стуле поудобнее и, глубоко вздохнув, положил свои холеные руки на большой крест, висевший у него на груди.

— Я скромный слуга господа бога, который соблаговолил ниспослать на нас свою благодать в виде мира, прославляю деяния его и ниспосланный нам мир в меру сил своих.

Силаеву пришлись по душе и эти слова, и сама поза священника. В глазах командира появились хитрые искорки, как будто он хотел сказать: «Черт побери, батюшка, ну и мастак же ты говорить красивые слова!»

Повернувшись к больному комиссару, Силаев шутливо произнес:

— Ну, что ты скажешь на это, Виктор? Комиссар самого господа бога лично обращается к тебе! Как-никак вы в каком-то смысле коллеги!

Больной хмыкнул, но тут же посерьезнел и сказал:

— Что верно, то верно, господин священник говорит превосходно, как по-писаному.

— Я священнослужитель бедного прихода. Прихожане мои — люди небогатые, не всегда хлебушка до нового уро-

жая хватает, вот я и молю господа бога, чтобы он смилостивился над ними.

Виктора вряд ли можно было сбить с толку красивыми фразами.

— Сначала вы сказали, что на земле воцарился мир. Откуда вам это известно? — спросил он.

— Один мой друг уведомил меня об этой божьей милости.

Бритоголовый Силаев спросил:

— И вы, святой отец, явились сюда именно для того, чтобы сообщить нам это?

— Не совсем так, однако не стану лукавить: моей душе приятно сообщить вам эту святую новость...

В глазах Силаева блеснули злые искры.

— Незачем вам совать нос в политику! — грубо оборвал он священника.

Несмотря на оскорбительный тон, каким были произнесены эти слова, священник даже не вздрогнул. По его спокойному лицу расплылась безмятежная улыбка.

Виктор, желая загладить грубость Силаева, начал торопливо объяснять:

— Вы не удивляйтесь, батюшка... Видите ли, моего друга долгое время подвергали жестоким истязаниям в городе Казани. Посмотрите на шрамы, что имеются на его голове, это все оттуда...

— К делу они не имеют никакого отношения! — запротестовал командир батальона.

Однако Виктор не дал сбить себя с толку и продолжал, глядя на священника:

— Скажите, пожалуйста, святой отец, почему вы все же соизволили навестить нас, несмотря на предостережение ваших прихожан?

— Господин начальник, ведь, слава богу, настал мир, и было бы большим грехом продолжать беспокоить мирян, тревожить и нарушать их покой.

Склонив бритую голову набок, Силаев спросил:

— Вы что, святой отец, решили посмеяться над нами?

— Быть может, я не точно выразил свою мысль? — испугался священник.

— Вам вообще не пристало вмешиваться в военные дела!

Священник прижал обе ладони к груди и сказал:

— Я всего лишь защищаю интересы моих прихожан. Это моя двойная обязанность: с одной стороны — по призванию, а с другой — потому что они мне верят.

— Постарайтесь говорить попроще, чтобы понятно бы-

ло! — В голосе Виктора прозвучали нотки строгости. — Как я понимаю, вам, служителю господа бога, не нравится, что солдаты выпросили у местных жителей несколько кусков хлеба? Вам не по душе, что уставшие и измученные люди расположились немного отдохнуть в хлевах, предназначенных для скота? Вам не нравится, что некоторые из них обратились к местным женщинам с просьбой дать им каких-нибудь тряпок, чтобы перевязать свои растертые до крови ноги? Скажите мне, святой отец, именно это вам не нравится?

— Солдаты просят не только хлеба, чтобы утолить голод. — Голос священника тоже постепенно начал крепнуть. — И не только тряпок, чтобы перевязать раны. Они забирают у жителей корм, припасенный для содержания домашнего скота, более того, они силой отбирают у них лошадей. Ничего подобного в нашем селе до сих пор не было.

— А теперь будет! — с угрозой в голосе выпалил вдруг Силаев. — Я лично приказал солдатам, чтобы они заменили уставших лошадей свежими и заготовили бы для них корм. И они выполняют этот приказ, но забирают они то и другое не у бедных мужиков, а у богатых казаков! И не ради своей выгоды, а ради интересов России! И только потому, что в России мира пока нет!

Однако священник не побоялся возразить рассерженному командиру батальона:

— Мир у нас был, пока вы здесь не появились. Мои добрые прихожане до вашего прихода даже не слышали винтовочных выстрелов.

При этих словах Виктор не мог не улыбнуться язвительно — весь Дон, Кубань и Терек были охвачены огнем мятежа, направленного против Советской России.

— Короче говоря, вы хотите сказать, что мы во всем виноваты? — не без ехидства спросил он.

— Я никого ни в чем не обвиняю, — осторожно проговорил священник. — Я всего-навсего хотел бы довести до вашего сведения сами факты.

— Правильно! — Силаев кивнул. — Только ваши сведения неверны, они подобраны предвзято. Вы, святой отец, подтасовываете факты. Вам прекрасно известно, что на ваше село напали белые, к тому же вооруженные иностранным оружием, и напали с преступной целью — чтобы свергнуть установленную тут законную власть рабочих и крестьян!

— Ни один житель Черново не поверит вам, — продолжал священник, как бы не слыша слов Силаева. — Мои при-

хожане — верные подданные царя-батюшки и чтят господа бога...

— И, само собой разумеется, царских солдат! — перебив попа, не без иронии заметил Виктор.

Однако священник всем своим видом показывал, что он не относится к трусливым служителям церкви.

— Да, потому что они принесли в наши края мир и не обидели ни одного человека. Они жалели все живое, и не только людей, но и скотину, более того, они оказывали помощь тем, кто в этом нуждался. Они ходили в храм божий, ставили свечки перед иконами, пели псалмы и молились перед ликами святых. Вы же отлучили своих солдат от церкви, начали оскорблять веру и верующих, обкрадывать наш бедный, страждущий народ...

Измученный воспалением легких Виктор (а тут, как назло, он почувствовал колики в почках) откинулся на подушку и закашлялся, а когда кашель улегся, перебил попа словами:

— Следовательно, по-вашему, нам ничего не остается, как без промедления уступить село белым.

— Простите, но и они нам не нужны, — спокойно возразил святой отец. — Поймите же вы наконец, что настал мир. Крестьянам до невозможности надоела какая бы то ни была военная форма. Вы тоже можете разойтись по домам, где вас ждут ваши близкие. Германия сдалась союзным державам. Теперь повсюду в мире вместо оружия заговорили, затрезвонили колокола, а вы в то же самое время распространяете по всей России ненависть, страдания, как это когда-то давным-давно делали монгольские орды. Уйдите, ради Христа, с миром из нашего села! И да благословит вас господь бог!

Есть люди, которые лезут в драку, ведут себя шумно и угрожающе, когда они на самом деле разозлены, но больше всего следует бояться таких, которые кажутся на первый взгляд спокойными и серьезными, а говорят негромко и терпеливо. Ярость кипит у них в душе, готовая выплеснуться и сжечь все на своем пути. К такому типу людей относился и Силаев.

Не говоря ни слова, он рывком сорвал со стола розовую скатерть, и взгляду священника снова предстали пистолеты, патроны и гранаты.

Глаза Силаева горели мрачной решимостью.

— Поскольку говорить вы великий мастер, мне хотелось бы предупредить вас, преподобный отец, что если вы будете восстанавливать народ против красноармейцев, то я твердо

обещаю, что вам осталось совсем недолго ходить в комиссарах вашего господа бога. Я все сказал, святой отец! Идите с богом!

Священник понял, что, если он не выполнит пожелания командира, жизни его грозит серьезная опасность. Прощаясь, он опять прижал руки к груди и сказал:

— Я понял, чего от меня требует господь и чего хотят мои прихожане. Пусть небо сделает вас более человечными. Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что я испугался ваших угроз. Да благословит вас господь!

Закончив фразу, он встал и вышел из комнаты с таким важным видом, будто возглавлял в праздник крестный ход.

Как только дверь за попом захлопнулась, Силаев не сдержался и в сердцах выругался:

— Грязная тварь! Отрастил брюхо и строит из себя черт знает кого! — Он скрипнул зубами от возмущения. — За время царского режима самый захудалый попик привык вести себя словно патриарх, зато настоящие патриархи порой вели себя как грубые и безграмотные мужики.

— Не злись, Егор, успокойся! — попросил Силаева Виктор.

— Да, ты прав, — согласился Егор и, подсев к горячей печке, подбросил в нее несколько сосновых поленьев.

Виктор лежал на спине, уставившись неподвижным взглядом в потолок, по которому бродили отблески огня от горевшей печки.

— Видишь, и эти уже знают... — проговорил он. — Все знают. Вся Европа в курсе событий и теперь может как следует отоспаться. В первый раз после четырех лет войны. Счастливая Европа! И бедная Россия!

Подойдя к столу, Силаев начал сворачивать козью ножку.

— Ну что, Виктор Матвеевич? Размяк?

После всего того, что произошло с Виктором за истекшее время, когда он пережил три года плена, переболел тифом, оспой, а теперь вот еще заболел и воспалением легких, он, быть может, как никто другой, был рад в душе тому, что великие державы и страны Антанты наконец-то закончили эту проклятую войну.

Сейчас он больше всего переживал за судьбу своей родины. Ему захотелось как можно скорее попасть домой, хотя он понимал, что сейчас такое невозможно. Он вытянулся на железной койке и до подбородка укрылся одеялом.

Силаев молча смотрел на него.

— Пойми меня правильно, — после паузы заговорил

Виктор. — Мы уже давно воюем вместе с тобой, ты должен понимать... Этого попа мне очень хотелось послушать...

— Я тебя понимаю, — тихо заметил Виктор.

— Устал я сильно, браток...

— И это я понимаю. Но только рано еще тебе жаловаться на усталость. Лишь позавчера тебя из командира роты сделали политкомиссаром батальона. Ты лежишь в мягкой чистой постели, как какой-нибудь князь, а все жалуешься!

— Ясно. Ты хотел пошутить, но шутка не получилась. Ты ведь тоже очень устал, Егор, хотя живешь на родине и ходишь по родной земле.

— В данный момент я не хожу, а сижу вот тут и никак не могу сообразить, зачем ты мне об этом говоришь.

— Не притворяйся, что ты поглупел. Когда ты вел бойцов в бой, я завидовал тебе. Ты ведь на своей земле и за свою родину борешься.

— Я вижу, этот проклятый поп повлиял на тебя не самым лучшим образом. — Силаев опустил тяжелый кулак на стол. — Если ты, комиссар, такое говоришь, то чего же мне ждать от остальных?

— Хитрить вздумал? Боишься чего-то. А ведь ты и сам должен знать, чего тебе бояться. При известии о заключении мира многие плачут от умиления, Егор. Так уж ты не удивляйся, дружище, что твой комиссар тоже несколько расчувствовался.

— Черт бы тебя побрал! — махнул рукой командир. — Пойми же ты наконец, что это очень нехорошо, когда сердце живет в разладе с долгом, обязанностями.

— Послушай, Егор! — Больной немного приподнялся. — Все время руку в кулаке не продержишь, иногда ой как хочется разжать кулак, чтобы пальцы немного отдохнули. Вот тебе и все объяснение. Тоска по родине меня одолевает; по-ученому это называется красивым словом — ностальгия... Так ты уж на меня за это, пожалуйста, не сердись. Иначе я, видимо, жить не могу.

Силаев опустил голову, грустно улыбнулся:

— Я бы, окажись на твоем месте, тоже не смог бы иначе... Пойду-ка я лучше схожу к бойцам, поговорю с ними, и мне сразу же полегчает. А тебя, дорогой друже, я прекрасно понимаю...

— Ну вот видишь, Егор, ты тоже расчувствовался, верно?

— И правда! — Силаев рассмеялся. — Я тебя пытался понять как венгра, но для этого хорошо бы самому стать венгром. Знаешь, до сих пор мы мало что знали о других

народах. Но Россия — это такая огромная страна, и живет в ней столько разных народов...

— Думаю, и тебе приятнее было бы сейчас в родном Ташкенте, — перебил его Виктор. Ему казалось странным, что обычно немногословный Силаев так разговорился.

А Силаев, передвинув цигарку в уголок рта, зашагал по комнате, горячо заговорил:

— Не скрою, насчет Ташкента ты угадал. Мой отец, родившийся под Тулой в крестьянской семье, рано попал к узбекам, но прижился там и чувствовал себя у них как дома. Но стоило только ему выпить хоть одну стопку водки, как он сразу же начинал вспоминать о родных просторах. И хотя он за узбеков горой стоял, все же чаще пел песни, что пели в Тульской губернии, и все время рвался на родную землю. Вот тогда-то я и понял, что это за чувство такое — тоска по родине. И со мной точно такое же сейчас творится: вот уже сколько времени мотаюсь я с вами по донским и волжским степям, а тянет меня на родину, в далекий Ташкент. Здесь, особенно в дождливую осеннюю пору, мне становится так тошно, что у меня даже кости начинают ныть, будто меня завернули во что-то очень холодное. Иногда я даже чувствую себя старым-престарым человеком. Если бы я сейчас бродил по залитым горячим солнцем улицам Ташкента, то смеялся бы и радовался!.. Повел бы я тебя сейчас на базар, где торговцы в стеганых халатах предлагают свои товары, громко торгуются... Заказал бы я нам по шашлычку из баранины, после которого захотелось бы нам попить, и тогда подошли бы мы к торговцам дынями. Выбрали бы огромную полосатую красавицу-дыню, которая с треском лопается, когда начинаешь ее резать. Съели бы мы эту дыню, перепачкав свои рожи душистым сладким соком, а потом начали бы насвистывать веселые песенки. Вот было бы здорово!

Виктор попытался было представить себе Ташкент, в котором никогда не бывал, узбеков в стеганых халатах, а перед глазами почему-то вставали совсем другие картины: Андьялфельд, улица Гемб...

Закрыв глаза, он проговорил:

— Черт знает, что постоянно лезет в голову, но мне все время кажется, что домой я вернусь обязательно в субботний день. Да еще в разгар лета, в июне. Мама сварит настоящий фасолевый суп и подаст молодой картошечки; разумеется, не обойдется обед и без хорошей порции салата, а на большом расписном блюде будет красоваться слоеный торт с черешней. Родные начнут расспрашивать меня, зада-

вать кучу самых разных вопросов, а я, не отвечая на них, буду сидеть и улыбаться, с жадностью поглощая все, что стоит на столе. Отец, конечно, принесет фреч, так у нас называется вино, разбавленное содовой водой, в бордовом кувшине из корчмы Вайса... Постепенно я, разумеется, привыкну ко всему домашнему. Приведу себя в божеский вид, сбрею эту дурацкую бороду, а вот усы оставлю — их я трогать не стану...

— В таком случае тебе только и остается, как двинуть до дому, — заметил с горькой улыбкой Силаев. — Да и мне тоже, если последовать твоему примеру.

— Давай, дорогой друг, не будем шутить такими вещами, — серьезно проговорил Виктор. — Разговор разговором, а дело делом...

— Я не против. В таком случае будем считать, что мы с тобой только что прибыли из отпуска.

— Ты так думаешь? Нет, это нам не подходит. Из какого отпуска мы прибыли, если заключен мир? — Виктор лениво зевнул. — Черт бы побрал все! Давай-ка лучше не будем больше говорить на эту тему.

Командир батальона испугался такого поворота, поняв, что он тут, видимо, несколько переборщил.

— Нет, все-таки давай поговорим, комиссар. Сейчас самое время об этом погутарить, как выражаются местные казаки. Вся Европа радуется этому миру, а что он означает для нас, ты прекрасно понимаешь. Скажи-ка, сколько «ворот» открывается сейчас из России в большой мир? И через каждые такие «ворота» на нас хлынут враги, противники или даже просто недоброжелатели. Одесса, Севастополь, Мурманск, Архангельск, Владивосток — все эти приморские города находятся в руках Антанты. В настоящее время через эти порты в молодую Советскую Россию завозят, вернее говоря, забрасывают огромное количество оружия, боеприпасов и, разумеется, солдат, которые освободились на других фронтах. С территории Румынии и Польши все это поступает по суше. Все это брошено сейчас против нас. Я уж не говорю о Колчаке, Юдениче, Краснове, Деникине, Мамонтове и им подобных. С ними мы давно познакомились. В их руках находится большая часть территории Сибири, Украины, Кубани и Дона; их части имеются и в центральных районах, а Прибалтика полностью занята ими. Образовался своеобразный фронт в форме полукруга протяженностью во много тысяч километров — и все это против нас. Этот фронт протянулся от Кольского полуострова до Оренбурга... Враги уже не одну неделю угрожают колыбели революции Петро-

граду, стягивая вокруг него кольцо, чтобы задушить город. А в Туркестане у нас свои заботы. Не исключено, что со стороны Афганистана и Персии на нас могут напасть англичане. Ты хорошо понимаешь, что это значит?

— Все я понимаю... — спокойно ответил Виктор. — Не понимаю я только одного: с какой стати ты решил запугивать меня?..

— Я просто хотел напомнить тебе о серьезности положения...

— Ты думаешь, что мне нужно напоминать об этом?

— Тебе лично, пожалуй, напоминать не следовало, а вот твоим бойцам — просто необходимо. В нашем интернациональном батальоне, так уж получилось, почти каждый третий красноармеец — мадьяр, правда, есть и немцы, и поляки, попадаются болгары, сербы и татары. Все они тоже знают о заключении мира, и если они вдруг скажут, что не хотят воевать, то наш с тобой батальон мигом превратится в роту. Не забывай и о том, что мы с тобой не имеем права заставлять их воевать силой, и о том, что многие из них для того в свое время и перешли на нашу сторону, чтобы приблизить конец войны... Я с тобой, Виктор, говорю вполне откровенно. Если ты не поможешь, батальона в полном составе, в каком он сейчас находится, мне не сохранить.

Виктор понимал опасения командира батальона, но все же сказал ему:

— Выходит, плохо ты знаешь своих бойцов...

Командир, казалось, забыл, что его комиссар болен, и продолжал:

— Речь идет о самом существовании Советской власти. Правда, под Царицыном мы дважды разбили белых, дорога с Кавказа на Москву, можно сказать, открыта, а потому кавказская нефть и продовольствие из южных районов пока что могут поступать в столицу, но где гарантия того, что контрреволюция не сплотит свои силы в третий раз? Я понимаю, что ты сейчас больше, чем когда бы ни было, думаешь о своем возвращении домой... Но коли тебя взволновал вопрос о заключении этого мира, то как о нем могут не думать бойцы? Хватит ли у тебя сил объяснить им действительную обстановку, в которой оказалось наше молодое государство? Способен ли ты убедить их в необходимости продолжать борьбу, от которой ты и сам устал?..

Командир замолчал, ожидая, что скажет комиссар. Однако никакого ответа почему-то не последовало. Егор повернул голову в сторону кровати, на которой лежал больной, и к своему удивлению обнаружил, что Виктор спит безмятеж-

ным сном. Выражение лица больного было спокойным, дыхание ровным.

«Ну и ну, — усмехнулся командир. — Я тут перед ним разговорился... Небось ему уже снится, что он уже у себя на родине, дома...»

2

Виктор выздоравливал. Батальонный фельдшер до тех пор пичкал комиссара хинином, пока не сбил у него температуру, правда от этого горького лекарства у Виктора начались головные боли. В один из дней к Виктору должен был прийти младший брат, и Бабушкин навел идеальный порядок в комнате, которая служила бывшим хозяевам гостиной.

В день встречи с Матьяшем Виктор выглядел молодцом. Он сидел за столом и с улыбкой смотрел на брата, который с таинственным видом поставил на стол зеленый глиняный горшок. Запахло чем-то вкусным, и Виктор почувствовал, что хочет есть. Умытый и чисто выбритый, в белоснежной рубашке, он не сводил глаз с брата.

— Ну, ешь же, — только и сказал Матьяш.

— Где ты все это достал?

— Это для тебя Надя приготовила, сказала, чтобы поскорее поправлялся.

— Спасибо... — растерянно пробормотал Виктор и начал есть.

В горшочке был мясной бульон, заправленный яйцами, клецками и еще чем-то очень вкусным.

— А ты?.. — спросил Виктор, зная, что с продовольствием в этих местах трудно.

— За меня не беспокойся, я не голодаю. А ты пока больной, и тебе требуется усиленное питание.

На столе лежали четыре небольших свертка, завернутые в чистые полотенца. Перехватив недоуменный взгляд брата, Матьяш сказал:

— Я жду Силаева.

Продолжая с аппетитом есть, Виктор сказал:

— Он и сам хотел поговорить с тобой...

— Я знаю, — ответил Матьяш и, взяв один из свертков, вышел в соседнюю комнату, где Бабушкин и Силаев были заняты необычным для них делом.

Посреди комнаты была расстелена чистая простыня, на которой высилась кучка зерна — пшеница, рожь и овес вперемешку. Стоя на коленях, Бабушкин и Силаев выбирали из кучки целые зернышки, отбрасывая в сторону плевела, мусор и мышиный помет.

— Хорошо, что ты зашел, — заговорил Силаев. — Присоединяйся к нам, будешь отбирать зерно, а потом сварим из него кашу, выпьем чаю и сразу же после этого начнем толстеть.

— А за работой споем «Интернационал», — пошутил Матьяш.

— И когда ты перестанешь ехидничать? — строго спросил парня Силаев.

Не говоря ни слова, Матьяш протянул ему сверток.

— Что это такое? — спросил Бабушкин.

— Вареная картошка. Пока горячая — очень вкусная. Поешьте, не пожалеете. Надя передала. Она ведь знает, как вы тут питаетесь. А она это у родного батюшки взяла из его запасов. Я много принес да раздал бойцам, ну и вам по паре картошек на нос достанется. — С этими словами он положил сверток на кучку зерна и развернул.

— Спасибо, Митя, твоей картошкой мы и позавтракаем, а может, заодно и пообедаем.

Со времени обороны Царицына Бабушкин питался не очень хорошо и потому заметно похудел. С приездом в Черново он несколько наладил питание и сам лично заботился о Силаеве и Викторе. Это зерно он разыскал в подвале дома Лебедева. Оно хоть и было кормовым, но оказалось весьма кстати.

Полюбовавшись крупными, с кулак величиной, картофелинами, Бабушкин заметил:

— В таком случае делим все по-братски, потом едим, и наши дела пойдут почти как у Ленина.

Матьяш поинтересовался:

— А почему «почти как»?

— Да потому, что среди народа ходит молва, что Владимир Ильич съедает за день по три картофелины. И этого ему вполне хватает для того, чтобы руководить делом революции.

— Охотно верю, только возникает вопрос, как велики те картофелины и не подается ли к ним гусиная печенка, — не удержался от шутки парень.

Силаев так сузил глаза, что они превратились в узкие щелочки, и положил картофелины обратно на тряпицу.

— Такими вещами не шутят, Митя! Ленин не такой человек!

— Ты так говоришь о нем, будто в Ташкенте не раз играл с ним в картишки. Может, ты лично с ним знаком?

Силаев несколько остыл, да и желание закусить оказалось

сильнее его минутной злости. Взяв в руки одну картофелину и начав ее чистить, он примирительным тоном ответил:

— Знаком. Я ведь тоже принимал участие в революции. Мне хорошо известно, как питается наша армия, что едят ее командиры, каково в настоящее время положение с продовольствием в Москве. А оно таково, что и Ленину вряд ли перепадает больше трех картошек. И все же я еще раз вполне серьезно спрашиваю тебя: хочешь ли ты стать бойцом Красной Армии?

«Опять за старое принялся, — подумал Матьяш. — Во что бы то ни стало хочет сделать из меня красноармейца...»

— Не терзай ты меня на каждом шагу, — просительно проговорил он.

— А ты не тяни с ответом!

— Скажи, почему тебе хочется, чтобы я стал красноармейцем?

— Это не мне нужно, а батальону, в котором твой старший брат назначен политкомиссаром. Стыдно даже, что ты увиливаешь.

— Если вам со мной стыдно... — Матьяш не договорил фразы и, встав, вышел в соседнюю комнату к брату.

Виктор уже закончил есть. Улыбнувшись Матьяшу, он заметил:

— Извини, все было очень вкусно, но что я ел, я, ей-богу, не понял.

— Вот и хорошо.

— А что случилось? — удивленно поинтересовался Виктор, увидев его хмурое лицо.

— Силаев ко мне пристал как банный лист. Поговори ты с ним, чтобы он ко мне не привязывался больше.

— Попроси чего-нибудь полегче.

— Попросил бы, если бы мы не были с ним так тесно связаны.

— В том-то и дело.

— Поймите же вы наконец, что оба вы тащите меня черт знает куда! Уж если из меня в казарме на проспекте Юллеи не сделали настоящего солдата, то чего уж об этом и толковать?!

Виктор не понимал брата, не понимал потому, что Матьяш временами сам добровольно брал в руки оружие и помогал им, красным. При этом проявлял и героизм и даже самопожертвование. Ференц Майорош, оставшийся в Царицыне в политотделе дивизии, тоже считал, что место Матьяша в Красной Армии. И вдруг такое упрямство, а быть может, и упорство.

— Не упрямься, Митя. Твое вступление — всего лишь формальность: ты ведь и так давно прирос к нам, — сказал вошедший в этот момент в комнату Силаев, который, по-видимому, слышал разговор братьев.

— Ошибаетесь, Егор Иванович, — возразил Матьяш.

— До сих пор я вроде бы не ошибался в таких вопросах, а уж если теперь ошибаюсь, то ты, будь добр, просвети меня.

— Я уже сотни раз говорил вам, что свое дело сделал. У меня в этой стране больше врагов нет.

Виктор осторожно подошел к креслу и сел.

— Думаешь, если ты отомстил кому-то за личную обиду, то этим все и решил? — спокойно спросил он брата.

— Думаю, да.

— Выходит, для тебя важна только твоя месть и больше ничего? — возмутился Силаев.

— Ошибаетесь! — огрызнулся парень. Он хотел было еще что-то добавить, но вовремя остановился, боясь, что этим только обострит отношения с Силаевым. — Что вам от меня надо? Я был пленным, революция освободила меня из плена, значит, теперь я гражданский человек. Правда, несмотря на это, я дважды ложился за пулемет и стрелял: в первый раз под Ремонтной, во второй раз — под Царицыном, недалеко от Сарепты. Ну, Ремонтную можно и забыть, не брать, так сказать, во внимание. А вот под Сарептой — совсем другое дело. Когда я увидел, как шли в атаку белые офицеры, а красноармейцы перепугались, тут уж я не мог усидеть спокойно... Ничего подобного я ведь никогда в жизни не видел. Белые, в новеньких офицерских шинелях, с винтовками со штыками наперевес, шли плечом к плечу, как на параде, под бой барабанов. От одного их вида можно было остолбенеть...

Силаев и Виктор внимательно слушали Матьяша, который своим неожиданным рассказом напомнил им о тех тяжелых днях.

— Знаем, знаем, ты тогда отличился, — похвалил парня Силаев.

— Знаете, да не все, — продолжал как ни в чем не бывало Матьяш. — Если хотите, за все четыре года, которые я провел на войне, те несколько минут и были для меня настоящей войной, моей войной. В первые минуты, когда я открыл огонь из пулемета, я стрелял для того, чтобы мой брат остался в живых, а остальное время мстил за Надю, за то, что избили ее кнутом на хуторе Лебедева... Вот когда я насмотрелся на падающих на землю офицеров. Бедный Бабушкин едва поспевал подавать мне ленты с патронами. За

себя я не беспокоился, не боялся, хотя вполне мог погибнуть в этом бою... Вдруг смотрю и глазам своим не верю — офицерики замешкались, строй их разомкнулся. Барабаны уже не били, а чистенькие такие, спесивые офицерики падали на грязную землю. Вот тогда-то я и почувствовал, что такое победа. Да, я мстил, и этим сказано все. А теперь мир заключен...

— Белые на этот счет придерживаются совершенно иного мнения, — заметил Виктор.

— Меня это уже не интересует, — тихо, но твердо выговорил Матьяш. — Я хочу вернуться домой...

— Ну, хватит об этом, — перебил парня Силаев. — Ты опять запел свою старую песенку.

— Если вам так нравится это слово, то запел, — упорствовал Матьяш. — Я хочу, чтобы моя совесть осталась чистой, Егор Иванович. Все, что не имеет отношения к самообороне и законной мести, — это уже убийство, я, по крайней мере, так думаю. У нас и так бед хватает: вмешались в эту кровавую мясорубку. Правда, я этого не хотел. Но уж если судьба меня в это втянула, то я вам откровенно скажу: если бы каждый ваш боец мстил белым так, как я, то их давно бы не было на свете, а революция одержала бы окончательную победу!..

Последние слова Матьяша окончательно вывели Силаева из себя. Он отодвинул парня со своего пути и, сделав два шага, сказал:

— В таком случае позволь и мне быть до конца откровенным! Ты или хвастун, или глуп! Тебе для приведения в исполнение своей мести понадобилось всего-навсего несколько минут из четырех лет этой ужасной войны? А ты прикинь-ка, сколько минут содержится только в одном годе!.. В царской России было, пожалуй, не менее ста миллионов бедных и обездоленных, и им было за что мстить царскому режиму, но если бы каждый из этих обездоленных посвятил своей личной мести всего только две минуты, гражданская война продолжалась бы в стране сотню лет!

От этого шумного разговора, который скорее можно было назвать спором, Виктор устал. Встав из кресла, он добрел до своей кровати, стоявшей возле печки, и лег. Закрыв глаза, он продолжал внимательно слушать, следя за ходом спора.

Возбужденный Матьяш хотел бы ошеломить командира более серьезными доводами, но не сделал этого. Он вспомнил, как ему стало стыдно и совестно, когда он, работая в Царицыне в ружейной мастерской, узнал о том, что были

отправлены на фронт пленные мадьяры, которых он же вызволил из лагеря и которые вступили в Красную Армию. Большинства из них уже нет в живых: они погибли в боях под Царицыном.

Матьяш понимал, что здесь он оказался не только ради Виктора и Нади. Он просто не мог долго оставаться в мастерской, совесть не позволяла ему этого, и потому он попросился на передовую. А разве не с его помощью Ференцу Майорошу удалось привести пленных мадьяр с Украины под Царицын? И гибель их потрясла Матьяша гораздо сильнее, чем психическая атака белых офицеров. Вот, собственно, почему он и не хотел больше попасть в подобное положение...

Он мог говорить о чем угодно, но только не об этом, поскольку не хотел, чтобы белые и прочая контрреволюционная нечисть могли бы обвинить его родного брата в том, что большевики посылают пленных воевать за их дело. Кто там будет разбираться, добровольно они это делали или же в силу каких-то обстоятельств?

— Сейчас настало мирное время, Егор Иванович! — продолжал Матьяш. — Война, которую вы ведете сейчас,— не что иное, как гражданская война, то есть ваше внутреннее дело. Неужели вы этого не понимаете, а еще профессиональный большевик!

Назидательный тон, каким парень сказал эти слова, обидели Силаева, он готов был снова взорваться, но все-таки сдержался.

— Ты не замечаешь, что самый непонятливый из нас ты сам и есть. Потому что все-таки не понимаешь, что эта война — вовсе не внутреннее дело России. Если ты слеп, то открой пошире глаза. И пойми наконец, что англичане, французы, американцы, немцы, японцы, белочехи, румыны и еще многие другие вовсе не случайно, не без причины вмешиваются в него. Точно так же как не без причины на нашей стороне сражаются представители других национальностей, включая тех же англичан и французов. А контрреволюционные шакалы вышли на свою кровавую охоту! Можно сказать, до сих пор это была еще не война, а вот теперь начнется настоящая война, которой мы вовсе не хотели, но к которой нас принудили! Русский народ вынужден вступить в нее, даже если она будет продолжаться и год, и два, и три!

— Однако в Будапеште ваша стрельба не слышна, а для меня это очень важно.

Силаев с шумом вобрал в себя воздух и сухо спросил:

— Я тебя еще раз спрашиваю, хочешь ли ты стать бойцом Красной Армии? Отвечай. Теперь ты гражданский человек и вправе сам распоряжаться собственной судьбой.

— А моего брата вы здесь оставите? — спросил вдруг Матьяш.

— Твой брат назначен политкомиссаром моего батальона, и потому я им не распоряжаюсь. Мне подчинены рядовые бойцы, а не политкомиссары.

— Ну, и хитрец же вы, Егор Силаев!

— Выбирай выражения! Если ты уйдешь от нас, мне бы хотелось распрощаться с тобой по-дружески.

Однако строгость Силаева нисколько не напугала парня, и он не мог не съязвить снова:

— А вы еще и великодушны! Один из братьев Медве может, выходит, уйти или уехать, но только в том случае, если останется другой!

— Ты ошибаешься, братишка, — вдруг заговорил Виктор, который так и не уснул. — Я должен остаться в России. Я, как и Ференц Майорош, объехал не один лагерь для военнопленных, в которых призывал пленных вступить в армию для защиты дела революции. Неужели ты думаешь, что я теперь брошу их, а сам уеду? За одну только мысль об этом меня и то следовало бы казнить.

Эти слова задели Матьяша за живое. Это признание Виктора пришлось ему по душе.

Матьяш снова заговорил, но в голосе его уже не было и тени иронии, а только одно понимание и сочувствие:

— Это и есть тот самый приказ, о котором ты говорил мне раньше, когда мы встретились на хуторе Лебедева? Скажи, братишка, встречался ли на твоем пути такой строгий унтер, который отдал бы тебе более жестокий приказ, чем ты сам себе отдал, оставаясь здесь?

Виктор зашевелился и сел на кровати, затем медленно встал и подошел к столу.

— Знаешь, Митя, давай не будем начинать все сначала. Мы с тобой много и долго говорили на эту тему. Дошли, можно сказать, до конца, до самого главного. Раз уж ты так решил, езжай домой!

— Ты должен поехать вместе со мной! — после долгой паузы сказал Матьяш.

На бледном лице Виктора промелькнула слабая улыбка.

— В этом случае вместе с нами должны бы были поехать десятки тысяч мадьяр.

— Они не приходятся мне родственниками, а ты мой родной старший брат...

— Не сердись... и пойми: для меня они как родные.
— Неужели ты у нас самый упрямый в семье?
— Это не упрямство... Просто я хочу распоряжаться своими желаниями.
— Нет, это упрямство! — не отставал от брата Матьяш. — Да еще такое, от которого сдохнуть можно!
Комиссар казался спокойным, однако лицо его сделалось очень строгим.
— Егор Федорович, очень прошу тебя, оформи как можно скорее документы моему брату!
— Хорошо, сделаю. Двое суток — более мне для этого не потребуется.
— Вот как вы решили поступить со мной! — Матьяш переводил взгляд с Виктора на Егора и обратно. — Хотите, чтобы я явился домой, к матери, без брата?.. Хотите, чтобы, оказавшись дома, я не знал ни одной спокойной минуты из-за того, что оставил брата в этой неразберихе?!
Виктор повернулся так, чтобы брат не увидел его глаз, и Матьяш не понял, то ли он хочет подойти к окну, то ли хочет вернуться к кровати и лечь на нее.
— Знаешь, Мати, — проговорил Виктор, — ведь это так хорошо, что мы с тобой встретились. Не сердись на меня, но на прощание мне, как старшему брату, хотелось бы дать тебе разрешение на женитьбу с Надей. Вы с ней вдвоем поедете к нам домой, в Венгрию. Что же касается меня, то я, как только позволят обстоятельства, поспешу вслед за вами.

3

В доме Сергея Ивановича Павликова пахло старой трухлявой древесиной, хотя везде царили порядок и чистота. Вернувшись в дом отца с хутора Лебедева, Надя навела всюду порядок, добровольно взвалив на себя ряд нелегких обязанностей. С возвращением Мити она еще больше расцвела и вся так и светилась от счастья. Правда, свои отношения с Митей она хранила в строгой тайне, и об этом никто не догадывался. Самое главное, что о них не знал и сам Сергей Иванович. Хотя, увлекайся Павликов поменьше водкой, после распития которой он погружался обычно в сон, беспокоивший его странными и страшными сновидениями, он вполне мог застать двух влюбленных голубков в каком-нибудь укромном месте.
Большую часть свободного времени, а его у Павликова имелось предостаточно, Сергей Иванович проводил в обществе старого попа, который тихо жил в браке с сестрой Лебе-

дева. Священник не без умысла навещал Павликова, самого бедного прихожанина села. Этим он хотел показать красным, что он настоящий слуга господний и печется о благе бедных. Немалую роль в этой показной привязанности сыграло и то, что Павликов обрабатывал землю священника, который решил почаще навещать старика, чтобы тот, не дай бог, не взбаламутился, как это начали делать другие мужики, поддавшиеся на агитацию большевиков. Бесстыжие безбожники много болтали о свободе, демократии, возможности хорошей жизни без господ и других подобных глупостях. А поскольку число наглых охальников заметно росло, батюшке приходилось чаще наведываться к верующим.

Недалеко от маленького окна в углу мерцала лампадка перед темной иконой. Комната освещалась самодельными свечами. Еще стоя на пороге, священник уставился мутными глазами на изображение лика святого и почти торжественно произнес:

— Давай-ка вместе помолимся за упокой души бедного Осипа Кузьмича!..

При этих словах Павликов, подойдя шага на два к иконе, бухнулся перед ней на колени. Заметив краем глаза, что дочь его по-прежнему сидит возле печки и прядет, отец резким кивком головы и строгим взглядом приказал ей занять место рядом с собой. От словесных приказаний он воздержался, так как мысленно уже предался молитве. А когда Надя опустилась рядом с ним на колени, он и вовсе успокоился.

За их спиной стоял священник. Когда хозяин дома и его дочка подобострастно положили первый поклон, батюшка с важностью, какую он обычно напускал на себя только в церкви, пробасил:

— Всемогущий боже, не обойди своей милостью душу твоего верного раба Осипа, не скупившегося на благолепие храма божьего, благодетеля всех страждущих. Жизнь его была примерна, а смерть вызвала скорбь нашу.

Поспешно сотворив крестное знамение, словно он отмахивался от назойливых комаров, Сергей Иванович встал с колен:

— Бедный Осип Кузьмич! Он поистине заслуживает, чтобы мы с вами каждый божий день молились за упокой кристально чистой души его!.. Она теперь наверняка уже в раю. А каким добрым он был, когда я привел к нему свою дочку!.. Он ее даже щами угостил: приказал кухарке налить побольше и погуще, а мне поднес полный стакан водки...

— Чтоб его убийцы в аду мучились! — сумрачно произнес священник.

— Так оно и будет, святой отец, — поспешно забормотал старик Павликов. — Но их еще здесь, на земле нашей, неплохо бы как следует проучить!..

Надя тем временем снова уселась на скамеечку у печки и взялась за пряжу.

— Расскажи нам что-нибудь. Ведь ты там была в то время, — обратился священник к девушке. — А то ты все молчишь да молчишь. Неужто ужас лишил тебя речи?..

— Я ничего не знаю, — покорно проговорила Надя, распутывая клубок шерсти. — Все, что знала, сразу же рассказала, как вернулась домой.

— И ты не попыталась спасти несчастного?..

— Стреляли сильно. Что я могла сделать? Я только смотрела...

Сжав кулаки, разгневанный отец набросился на дочь с руганью:

— Несчастная! И ты еще смотрела, как мучают твоего благодетеля? Смотрела и пальцем не пошевелила?! В ад угодишь за такое! В геенну огненную!

— Не расстраивайся так, Сергей Иванович, — начал успокаивать старика священник. — Весь день ты работал, и на завтра у тебя дел немало накопилось, а когда на душе неспокойно, ни отдых, ни работа на лад не идут.

Несмотря на слова священника, старик продолжал ругать Надю:

— Какой стыд! Позор!.. Он нам зерна дал, землю мне доверил, ей дал работу, а она и слезинки не пролила за своего благодетеля... Молиться и то не хочет...

— Не ругай ты дочь свою. Она еще глупая! Господь определил ей судьбу, и она будет покорно нести крест свой...

— Это уже моя забота, моя печаль, — печально вздохнул старик. — Господь ниспослал мне одних дочерей, а какой от них толк: за бабью работу вполовину меньше платят, чем за мужицкую. Две мои старшие дочери и не заходят ко мне вовсе, как замуж повыскакивали, а тут еще, как назло, женка померла, оставив меня доживать век вдовцом...

— Землица у меня хорошая, кормит меня, — заговорил вдруг священник. — Ты же, Сергей Иванович, исправно мне служишь, за долгих двадцать лет я, почитай, и не жаловался на тебя, разве что когда за выпивку. От пристрастия к этому проклятому зелью ты и в бедность-то впал.

— Мое приданое тоже все пропил! — не удержалась Надя.

— Замолчи, паршивка! — прикрикнул на нее отец. — Ты теперь здесь, а хозяина твоего убили, значит, ты мой хлеб ешь!

— Как бы не так! Я сама работаю не покладая рук, — не уступала Надя, — и сама постараюсь побеспокоиться о своем пропитании! Как-нибудь проживу!

Отец, не поверив своим ушам, закричал, придя в ярость:

— Ты слышал, батюшка? Так говорит, будто сама большевичкой стала! Ей-богу, так и говорит!

— Мы только что господу молились, Сергей Иванович, не забывай этого! — пытался остудить старика священник.— Не говори о своей дочери таких слов и не оскорбляй ее подозрением!

— Но ты же видишь, что она от рук отбилась? Что бы ты сказал, если бы я так разговаривал с тобой, с моим-то кормильцем?! Что будет со всеми нами, если родные дети нас слушаться перестанут?..

— Не перестанут, — убежденно вымолвил священник.— Ты и дальше будешь обрабатывать мою землю, а Надю я возьму к себе по дому помогать... плату хорошую положу. Дом у меня большой, а она девушка серьезная, экономная... Ну, дочь моя, ты, я думаю, с радостью пойдешь ко мне?

Услышав такое предложение, девушка даже вздрогнула:

— Спасибо, батюшка, но только... не могу я работать у вас в доме.

Отец Нади остолбенел и подозрительно спросил:

— Это еще почему? Целуй руку батюшке да благодари его за доброту!

— Мне надо подумать. Я много работала и хочу несколько дней отдохнуть, побыть одной.

Павликов вспыхнул и снова забушевал:

— Отдохнуть?! Что это еще за отдых такой?! Принцесса какая нашлась!.. Ах ты бесстыдница, безбожница... что придумала! Завтра же выгоню тебя в поле: работать будешь!..

— А вы не кричите на меня, как на собаку.

— Да как ты... как ты смеешь говорить такое родному отцу?! Боже мой; что сталось с миром!.. Родные дети совсем озверели, родителей не почитают... Разве я не по-отечески говорю с тобой? Разве я рукоприкладством занимаюсь?..

— Послушай меня, Сергей Иванович. Ни к чему эти распри не приведут. Нужно быть более терпимым к родному дитяти. — Священник решил успокоить мужика. — Ее тоже понять нужно. Такое вокруг творится... Ты же своими глазами видел, чего наделали эти безбожники... Радуйся, что твоя дочь осталась жива!

— Этому я радуюсь, батюшка, как не радоваться... Но что ждет меня в будущем? Единственный сын погиб на фронте. Две старшие дочери безразличны и холодны ко мне. А как ведет себя эта упрямица, как противится родному отцу! Что ожидает меня? Кто скрасит мою старость, когда я, быть может, ослепну или лишусь сил?.. Недалек тот день, когда я уже не смогу идти за плугом... Хватает у меня бед, ох как хватает... — Поскулив, старик неожиданно замолчал и прислушался. — Кажись, идет кто-то. Сейчас по селу красные шатаются. Задумывают что-то неладное. Я уже из дому боюсь выходить...

Надя, набравшись смелости, решила выглянуть и посмотреть, кто же там ходит возле дома, но, прежде чем сделать это, повернулась к отцу и сказала:

— По-вашему, папаша, все люди грешники, один вы без греха: Что вам плохого сделали эти красные? Разве они обидели хоть одного бедного мужика? — И, гордо выпрямившись, она вышла из комнаты, довольная собой.

Оставшись вдвоем, священник и Павликов немного помолчали. Затем поп растерянно посмотрел на старика и произнес:

— Теперь и я вижу, что дочка твоя что-то утаивает, Сергей Иванович.

— Неспокойна моя душа, — промолвил старик. — Недоброе чует мое сердце, ох недоброе...

— Тогда молись побольше, а пока проводи меня домой, по пути и облегчишь передо мной свою душу.

Старик послушно натянул на голову старую ушанку, но в этот момент в комнату вернулась Надя.

— Кто там?.. — спросил Павликов.

— Красные... — с некоторым злорадством ответила девушка и отошла от порога, чтобы впустить шедших за ней Виктора и Митю.

— Опять побираться пришли?! Нет у меня ничего! — визгливо выкрикнул старый Павликов, хотя вошедшие еще и рта не раскрыли.

Услышав слова старика, Матьяш готов был убежать. В этом доме он до этого не раз уже бывал, только не в этой комнате. Он боялся отца Нади, как это обычно в подобных случаях бывает с женихами. Однако Виктор не позволил брату выйти, более того, он подтолкнул его в спину и сдержанно поздоровался:

— Добрый вечер всем присутствующим. Пришли мы вовсе не побираться, а для мирного, спокойного разговора.

— Уходите! Нет у меня времени разговаривать с ва-

ми! — оборвал Виктора старик. — Я должен проводить батюшку домой!

— Ничего, Сергей Иванович, мы и подождать можем; у нас времени хоть отбавляй!

Изумленный священник зашаркал ногами, направляясь к выходу и стараясь не смотреть на красноармейцев.

— Пойдемте, Сергей Иванович, а по дороге и поговорим, — поторопил он Павликова.

— С ними-то я как раз и не чувствую себя беззащитной, — осмелилась заметить Надя.

Священник вздрогнул, услышав эти слова, но виду не подал и неожиданно предложил Наде:

— Прошу тебя, дочка, пойди и ты с нами.

Виктор, сделав неопределенный жест, тихо произнес:

— Идите спокойно домой, батюшка. А Надя пусть остается с нами.

— Я в своем доме нахожусь или нет?! — возмутился отец Нади. — Здесь никто, кроме меня, распоряжаться не может, даже если он и с оружием в руках!

— Согласен. Мы пришли к вам, Сергей Иванович, и к вашей дочке, а с батюшкой нам не о чем разговаривать ни сейчас, ни позже.

— Тогда ждите, если вам не надоест, пока я вернусь.

Священник с чувством собственного достоинства взял шубу, и в тот же миг хозяин подскочил к нему, чтобы помочь одеться.

— Мне, если хотите знать, — надменно проговорил священник, — не о чем разговаривать с красными! Ни сейчас, ни позже. Пошли, сын мой. — И, гордо подняв голову, он вышел из дома.

Все еще не успокоившийся Павликов, дойдя до двери, бросил дочери:

— А ты у меня еще получишь за свои шашни с красными! Не вздумай угощать их моим хлебом!.. — И, пробормотав еще что-то неразборчивое, он вышел вслед за священником, продолжая на ходу ругаться.

Виктор добродушно рассмеялся, а Матьяш весь как-то напрягся.

— Надя... неужели твой отец такой жестокий человек?.. — тихо спросил он.

— Сладу с ним никакого не стало, особенно после смерти Лебедева, — тяжело вздохнув, призналась девушка.

— А он знает, что...

— Если бы знал, меня бы уже в живых не было. Однако мне и без того трудно носить в душе нашу тайну. А этот

батюшка заходит к нам чуть ли не каждый день и заставляет вместе с ним молиться за упокой души моего бывшего хозяина вот перед этой иконой... Я себя каждый вечер проклинаю в душе.

Виктор, словно он был у себя дома, расстегнул ремень.

— Не обращай внимания; все это одно суеверие, — сказал он, чтобы успокоить Надю.

— Но я же верю в бога, — с детской наивностью призналась девушка.

Матьяш, казалось, уже несколько пришел в себя после столь недоброжелательного приема. Засмеявшись, он сказал Наде:

— Я не против, верь, пожалуйста, но тогда надейся и на то, что господь поможет нам. Поехали ко мне домой! Ты слышишь? Домой, в Венгрию! Теперь уже никто не встанет на нашем пути! Ты слышишь, Надя, о чем я говорю?

Девушка все хорошо слышала и понимала. Постояв немного в нерешительности, она быстро перекрестилась, уставившись на икону:

— Господи, не оставь меня! Помоги мне, господи!.. А то я ушам своим не верю...

Виктор не выдержал и громко засмеялся. У него было хорошее настроение. Дела его пошли на поправку. К тому же было получено известие о том, что им наконец-то выслали из штаба дивизии продукты и боеприпасы, короче говоря, все шло к лучшему. И теперь эта радость Нади...

— Может, бог и поможет вам, — по-дружески обратился Виктор к девушке, — но вам действительно пора собираться в дорогу. Все необходимые документы мы вам выправили. Забирай свои вещички и пошли, а завтра утром я сам отвезу вас на станцию в Киселевку, откуда доберетесь сначала до Воронежа, затем до Москвы, потом до Петрограда, а там сядете на пароход и с помощью Международного Красного Креста попадете в Германию. Потом снова на поезд и под стук колес докатите до Венгрии! Ох и красивая же у вас будет дорога! Просто замечательная! Ну, быстро собирай свои вещички в узелок!

Но девушка, охваченная нежданно свалившейся на нее радостью, никак не могла прийти в себя: она растерянно посматривала то на Виктора, то на Матьяша.

— Милые вы мои!.. Родненькие!.. Я никогда не верила... никогда... только мечтала об этом... А теперь... Скажите же мне, что вы не пошутили!..

— Что ты, Надя, разве такими серьезными вещами шутят?

До девушки наконец, видимо, дошло, что это не шутка, и она воспрянула духом.

— Вот теперь верю... Я уже давно тянусь сердцем к вашей далекой родине. Ты, Митя, столько рассказывал мне о своем доме... Как ребенок рассказывал, а я только все слушала да слушала... Пойдем отсюда, Митенька!.. Уйдем поскорее! Мне кажется, что если я останусь в этом доме еще хотя бы на одну ночь, то больше никогда не увижу рассвета... и никогда не сяду ни на какой поезд...

— Собирайся, Надюша, собирайся побыстрее! — торопил Матьяш девушку. — До рассвета переждем в штабе: уснуть сегодня мы с тобой все равно не сможем. Путь нас ждет долгий, так что силы нам ой как нужны.

— Спасибо тебе, Митенька, за все спасибо большое... Я во всем стану тебя слушаться. Ну, я пошла собираться. — И она быстрым и легким шагом выбежала из комнаты.

Виктор вдруг почувствовал, как что-то сжало его горло.

— Трудно решить, кто из вас сейчас самый счастливый, — заметил он.

— Хорошо, если какая-нибудь неожиданность не омрачит нашей радости, — проговорил Матьяш.

— Все будет в полном порядке, братишка.

— Не сглазить бы...

— Ты, может, жалеешь, что не удалось, как полагается порядочному жениху, попросить руки Нади? Так мы можем помочь вам. Если хочешь, я и священника могу привлечь к этому делу.

Матьяшу эта мысль не понравилась.

— Когда ты мудрить начинаешь, мне всегда подозрительно что-то становится. А не хочешь ли и ты поехать с нами?

Виктор сел на скамейку у печки, взял в руки клубок шерсти.

— Сейчас ты задал мне самый глупый вопрос, — улыбнулся он. — За меня ты можешь не беспокоиться, но попрошу я тебя только об одном. На Западном вокзале в Будапеште уже жарят каштаны. Купи жареных каштанов, съешь их и подумай обо мне...

— Ты безжалостен к себе самому, да и ко мне тоже. Как ты думаешь, могу ли я чувствовать себя спокойно дома, когда знаю, что ты тут страдаешь?

— Я храню у себя в кармане две монетки по двадцать крон. Возьми их себе. На них и купишь немного каштанов.

— Не мучай меня, Виктор, я ведь не в соседнее село еду и не на полчаса!

— Думаешь, будет лучше, если мы сейчас положим друг другу головы на плечо и начнем рыдать? Этого не стоит делать даже завтра, когда я буду провожать тебя в Киселевке на железнодорожной станции. В конце концов, оба мы делаем то, что хотим, и поступаем так, как желаем. Разве я не прав?

— Ты, конечно, прав, — согласился с братом Матьяш.— Но без тебя я все равно не буду по-настоящему счастлив. Что мне сказать о тебе дома, когда спросят? Что ответить маме, когда она будет смотреть мне в глаза?

Виктор встал со скамейки, подошел к брату. Лицо его было печальным.

— Я вижу, ты так и не понял, почему я заговорил о Западном вокзале. Поверь, я бы очень хотел с вами поехать. Но от вокзала до дома путь длинный. У тебя будет достаточно времени, чтобы многое понять.

— Я давно все понял...

— Ты же знаешь, что такое война: сегодня удача к тебе повернулась, а завтра, напротив, отвернется. Дома никто не знает, чем я тут занимаюсь, поэтому очень прошу тебя не говорить об этом. Пусть уж лучше поплачут по мне, потом постепенно успокоятся, да и тебе в этом случае больше обрадуются. Ну, понял ли ты, наконец, что-нибудь?

Настала долгая пауза, которую нарушил хозяин, ввалившийся в комнату. Он тяжело дышал.

— Вы все еще тут?

— Ненадолго, сейчас уйдем, — успокоил его Виктор. — Жаль только, что вы на священника столько времени потратили. Вот нам и пришлось здесь принимать решение без вас, Сергей Иванович.

Не глядя ни на кого, Павликов подошел к иконе и поправил горевшую перед ней лампаду.

— Что еще за решение такое? Чтобы обобрать нас, что ли? Бедности у нас и так хватает. Я же вам и так все отдал, что имею.

— Мы не об этом тут говорили, — жестко вступил в разговор Виктор. — Скажите-ка мне лучше, отец, за что вы нас так ненавидите?

— За то, что там, где вы появляетесь, льется кровь и полыхает пламя.

— Все это вы небось от попа услышали?

— Я и сам не слепой.

— Тогда поверили, значит, ему. Скажите лучше, когда и кого мы обидели или чей дом подожгли?

— За примером далеко ходить не надобно. Кто сжег

дом Лебедева? Как вы там появились, оттуда даже птицы все прочь улетели. Кругом одни головешки и зола...

— И из-за этого вы каждый вечер стоите перед иконой и просите бога покарать красных?

— Если бы он услышал мои молитвы! — откровенно признался старик, но тут же, спохватившись, осторожно спросил: — А вы откуда это знаете?..

— От Нади! — неосторожно выпалил Матьяш.

Отец бросил удивленный взгляд на дочь.

— Если ты не соврал, то, клянусь богом, я ее выгоню из дому.

— Этого не нужно делать, — сказал парень. — Она сейчас соберется и сама с нами уйдет.

От этих слов Павликов пришел в ярость:

— Я говорил, что вы воры! Убирайтесь из моего дома, негодяи! Немедленно! Чтоб ноги вашей тут не было!.. Надя! Надя!.. Куда ты запропастилась, чертова девка?! — С этими словами он бодро выскочил из комнаты, словно был моложе лет на двадцать.

— Об этом, пожалуй, не следовало говорить ему. Он и без того как сумасшедший,— сказал Виктор брату.

— Ты же видишь, что с ним невозможно спокойно разговаривать. Лучше поскорее уйти отсюда.

— Не торопись. Уж если начали говорить, то следует высказать ему все.

Подталкивая перед собой Надю, в комнату вошел старик.

— С нехристями сговорилась?! Доносишь им обо всем! Отца родного предаешь! Священника позоришь...

Надя с трудом вырвалась из рук отца:

— Мне до вашего священника никакого дела нет!

— Ах ты!.. Такие слова говоришь!.. Вот чему красные тебя научили!

Виктор, сделав шаг вперед, встал перед стариком, заслонив собой девушку.

— А повежливей нельзя, Сергей Иванович? — с легкой иронией спросил он.— Ну а если кто думает не так, как вы, так что, это уже грех, что ли? Что плохого вам сделали красные? Может, вам не нравится, что они разделили землю между крестьянами?

— Пусть свою делят, а не чужую! Или землю тех, кого они поубивали! Несчастного Лебедева, например...

— Уж не жалеете ли вы Лебедева?

— Ко мне он был добр. Я бы собственными руками задушил того, кто его погубил!

— Напрасно вы пальцы сжимаете, я свою шею не подставлю.

— Это ты его убил?..— Старик отступил на шаг.

— Что вы знаете о Лебедеве и о том, что творилось на его хуторе? Ничего! Вы и смотрели-то на Лебедева не своими глазами, а глазами попа, а ведь Лебедев и поп, как известно, родственники. Шумите вот тут, ругаетесь с нами, и только потому, что уверены — мы вам ничего плохого не сделаем. А попробовали бы вы так горлопанить перед хозяином! Ведете себя как жалкий раб! И счастливы-то вы бывали лишь в тот день, когда не получали пинка в зад и, заикаясь от подобострастия, лепетали слова благодарности, когда вам в руку клали несколько жалких копеек! Вы с нами, Павликов, по-честному, откровенно говорите, не такой уж вы дурак, чтобы не понимать, что мы помогаем людям, в особенности беднякам.

— Что правда, то правда! — забормотал старик.— Я всегда кланялся господам, если они мне встречались... Однако вас сюда никто не звал. Куда вы хотите увести мою дочь?

— Я женюсь на ней, Сергей Иванович! — смело заявил Матьяш.— Женюсь и увезу ее с собой!

Старик, услышав это, почувствовал себя обиженным. Он ощетинился, засопел, а затем решительно заявил:

— Не разрешаю! Не отпущу мое кровное дидятко! Да я и не знаю вовсе, что ты за человек такой!.. Да и вы друг друга не знаете...

— Мы вместе батрачили на хуторе,— заговорила и Надя.— Он и есть тот самый венгерский Митя, о котором ты от меня слышал.

— Тогда чего ему надобно у красных?—удивленно спросил старик.

— Я не красный,— ответил парень.

— Как же не красный, когда ты заявился ко мне с их красным командиром? — с еще большим удивлением спросил Павликов.

— Я его старший брат! — сказал Виктор старику.

— Как это брат?..— удивился Павликов.— Тогда выходит, что и ты не русский?

— Национальность тут не имеет никакого значения.

Старик затрясся от гнева:

— Ненавижу! Ненавижу вас больше, чем русских! Мало нам своих убивцев и поджигателей, так еще и вы тут?! Теперь мне все понятно! Что для вас русская кровушка? Можно нас всех поубивать, мы же вам не родственники... Ну а если и тебя настигнет смерть на нашей земле, как ты пред-

станешь перед всемогущим, что скажешь ему в свое оправдание?!

На лбу у Виктора выступил пот, и не столько от криков старика, сколько от растерянного вида брата, на которого было жалко смотреть.

— Хорошо, Сергей Иванович, живите долго при Советской власти, и у вас будет время убедиться в том, что вы ошибались. Я же займусь своим делом.

— Ехал бы ты к себе домой. Нечего вмешиваться в дела русских!

— Говорите, не нужно мне вмешиваться в ваши дела?.. Об этом мне и еще кое-кто говорил, но тут вот что получается... Если мне когда-нибудь придется держать ответ перед отцом небесным, я, не скрывая, скажу, что помогал ему уничтожать на земле господ-кровопийц, садистов-офицеров и прочую нечисть. Но мне любопытно, что скажут отцу небесному белые, о которых так печется ваш знакомый священник? Что они уничтожали мужиков, рабочих, советских солдат и мадьяр. Жаль, Сергей Иванович, что не видите вы тут никакой разницы.

— Пора установить мир на этой земле, а не продолжать убивать дальше. Уезжайте-ка вы все отсюда!..

— Я как раз и собрался домой,— перебил старика Матьяш.— А за Надю вы не бойтесь...

— Ты что задумал, басурман?! — с еще большим остервенением набросился старик на Матьяша.— Моя дочка не скотина, чтобы ее вот так уводить!.. Взял за поводок и увел из хлева?.. Вы уж лучше сначала заколите ее, да только я и мертвую вам ее не отдам!

Стоявшая до сих пор спокойно Надя вдруг покраснела и, нисколько не боясь гнева отца, почти выкрикнула ему в лицо:

— Мы давно порешили, что будем жить вместе! Здесь я жить не хочу! Я уезжаю с Митей!

— «С Митей», «с Митей»! — передразнил ее отец, гордо подбочепясь.— Кто он для тебя, этот Митя? Что он тебе даст в чужой стране?

— Я уеду с ним, а здесь ни за что на свете не останусь!

— Думаешь, с убивцами Лебедева тебе хорошо будет?

— Я лучше вас знаю, кто убивец, а кто нет. Я была на хуторе и все знаю, но вам об этом и рассказывать-то нельзя, так как вы живете не своим умом, а поповским.

— Не гневи господа!

— А Лебедеву вашему я чем обязана? Шрамами на спине, что остались от кнута? Ваш Лебедев-то как раз и счи-

тал меня скотиной, если хотел отдать белоказакам на глумление!..

— Врешь, стерва!..— Голос старика сорвался на визг.

— Тогда я вам еще кое о чем скажу,— решительно заговорила девушка.— Это я сама, слышите, сама подожгла амбар Лебедева!

Старик испуганно замахал руками, будто отгоняя от себя привидение.

— Неправда!.. Не может этого быть!.. Моя дочь не может убить... поджечь...

— Это никакое не убийство,— остановил истерические выкрики старика Виктор.— За смерть четырех красных матросов Лебедева все равно повесили бы, а ваш поп еще молится за него...

Старик упал на колени и пополз к иконе. Остановившись, он стал отвешивать поклоны, каждый раз ударяясь лбом об пол.

— Господи! Боже ты мой милостивый!.. Пощади ты мое дитятко несмышленое! Пощади!.. Помилуй!..

Старик причитал и ныл как испуганный ребенок, потом выскочил из дому и куда-то побежал.

Совершенно растерявшийся Матьяш закрыл за ним дверь и сказал брату:

— С ним, наверное, как-то иначе нужно было говорить...

— Вы уж простите его,— заволновалась Надя.— От водки он совсем одурел. А тут еще батюшка вертит им, как хочет...

— А ты чего такой перепуганный, братишка? — спросил Виктор Матьяша.

— Перепуганный?.. — задумчиво повторил парень. — Старик подтвердил правильность моих взглядов. Чего ты здесь забыл, Виктор? Кто тебя уполномочил воевать здесь? Твое место дома. Воспользуйся случаем и поезжай с нами.

— Я это сделаю, только не сейчас,— сухо заметил комиссар.— Я живу так, как велит мне моя совесть. И давай не будем все начинать сначала.

— Мне стало не по себе, когда этот русский старик так грубо сказал тебе, чтобы ты убирался отсюда домой. Яснее не скажешь. А дома нас ждут с распростертыми объятиями. Неужели ты этого не понимаешь?

Постепенно все успокоились. Обрел душевное равновесие и Виктор.

— Все, что я должен знать, я знаю. Сейчас простые люди говорят, что жизнь человека и копейки не стоит, но за копейку ничего не купишь. Завтра, грубо говоря, нашу

жизнь начнут оценивать в две копейки, а позже она так вырастет в цене, что ни один человек даже не осмелится оценивать ее на деньги. Тот, кто верит в это, знает, за что он борется. За меня ты не беспокойся. Я уже не раз говорил тебе, что обязательно вернусь домой, но только мой поезд пойдет несколько позже.

— Надюша, скажи ты хоть ему, что я прав,— обратился Матьяш к девушке, надеясь, что она поддержит его.— Ты ведь рада, что я увезу тебя из войны в мирную жизнь?

— Я тоже остаюсь! — неожиданно для обоих братьев вдруг заявила Надя.

— Что ты сказала?! — Матьяш растерялся, ничего не понимая.

— Я должна остаться.

— Но ты же давно говорила мне, что хочешь уехать отсюда как можно дальше!

— Виктор сказал, что он тоже вернется домой, но только попозже. Давай и мы подождем. А если ты не согласен ждать, то уезжай один. Не бойся, я тебя пойму. Поезжай первым, а я потом приеду.

— И это ты говоришь мне как раз тогда, когда нас никто не задерживает?

— Я передумала. Какой бы глупой я была, если бы покинула родину в такое время! Нет, Митя, я остаюсь. Работа для меня и здесь найдется. Да и старик отец, как он ни груб со мной, но он мне все-таки отец, и я не могу оставить его без поддержки...

— За какую-то минуту все так разрушить... Столько говорили... клялись даже... и вдруг?..

Надя еле заметно покачала головой, и губы ее дрогнули.

— Ты же хорошо знаешь, как ты мне дорог. А если и в Венгрии жизнь человеческая копейку стоит, приедешь ли ты оттуда за мной?

Матьяш не мог соврать Наде и сказать, что обязательно приедет за ней. Горько улыбнувшись, он сказал брату:

— Ну и устроил же ты мне помолвку, Виктор... Дай мне мои документы!

Брат хотел было сказать Матьяшу что-то в утешение, успокоить его, но, не найдя нужных слов, молча полез в карман гимнастерки и, достав документы, протянул их парню со словами:

— Поезд отправляется в половине седьмого утра.

Взяв документы, Матьяш просмотрел их и, подойдя к иконе, перед которой горела лампадка, сжег.

— Поедем все вместе, когда у всех будут билеты,— с горькой усмешкой пошутил он.

С темной иконы на них смотрел скорбно-удивленный лик святой Марии с блестящим нимбом вокруг головы.

4

Посещение дома Павликова оставило в душе Виктора неизгладимое впечатление. Теперь он немного растерялся. Сначала Виктор был просто раздосадован, даже разозлен грубой откровенностью старика, потом постепенно в душу его закралось сомнение, которое росло и не давало ему покоя.

«А правда, на каком основании я вмешиваюсь в дела русских?» — спрашивал он себя. Этот назойливый вопрос словно заноза сидел в голове Виктора. Он попробовал было посмеяться над происшедшим, но смеха не получалось; попытался забыть всю эту историю, но она почему-то не забывалась. Все чаще и чаще он вспоминал о ней, и ему становилось не по себе. Теперь Виктор чувствовал себя намного хуже — сказывалась моральная подавленность. Напрасно он старался убеждать себя в том, что выполняет свои обязанности, свой долг. До сих пор его не мучили сомнения в отношении того, по какому праву он сражается на земле России, поскольку он был твердо уверен в том, что выполняет свой интернациональный долг. И следовательно, стоит ли обращать внимание на гнев какого-то полузабитого, полуграмотного Павликова, если за дело революции в России сражаются миллионы людей, которые симпатизируют ей и, как могут, стараются помочь.

И все-таки ему было не по себе. Быть может, потому, что главный упрек он услышал от родного брата. Но брат — это брат, он тоже венгр, а Павликов — русский, и говорил он не о чем-нибудь, а о своей родной земле. Тут было над чем поразмыслить, благо, время у Виктора сейчас было, так как он еще полностью не выздоровел и был свободен от службы.

Виктор никогда прежде не собирался ехать в Россию и уж тем более не собирался оставаться в ней. И вот теперь он познакомился с этой страной, понял ее заботы, страдания, помыслы; понял ее, быть может, лучше, чем свою собственную родину. Он поверил в ее идеи, в ее будущее. Но разве все это можно рассказать Павликову? Да и не ему одному, а многим другим таким же Павликовым.

Думая об этом, Виктор невольно вспомнил, как он попал в русский плен. Случилось это 29 августа 1914 года, в шесть часов сорок три минуты. Виктор хорошо запомнил, как это было. Их взвод был послан на разведку в район села Андреевка, и там они совершенно неожиданно, выйдя из лесу, столкнулись, как говорится, носом к носу с разведкой русских, которых было значительно больше, примерно до роты, а самое главное — все они были на лошадях.

Увидев венгров, казаки остановились и начали, видимо, советоваться, что делать дальше.

А унтер-офицер Мольнар, помощник командира взвода венгров, сказал своим:

— Русских намного больше, чем нас. В бессмысленную рубку я вас, ребята, не пошлю. Отступить мы уже не успеем, к тому же русские на конях: они нас в два счета догонят и изрубят. У кого из вас есть часы, посмотрите на них и запомните точное время, когда вы попали в плен.

И тут же по приказу унтер-офицера Мольнара они побросали свое оружие, показывая казакам, что добровольно сдаются в плен.

Казаки приблизились к ним, спешились, о чем-то весело разговаривая и даже смеясь. На брошенное оружие они даже не посмотрели. Началось нечто подобное братанию: венгры угощали казаков хлебом и сахаром, а казаки венгров — махоркой. Вот когда Виктор впервые в жизни увидел, как выглядит эта знаменитая русская махорка и как из нее сворачивают козьи ножки. И хотя им не очень-то понравился крепкий русский табачок, они все же закурили, кашляя и громко и весело смеясь.

В то раннее августовское утро война для них неожиданно превратилась в этакую приятную лесную прогулку, правда, в сопровождении казаков. Казаки обращались с пленными по-дружески. Не желая, видимо, ничем выделяться, они шли рядом с пленными, ведя своих лошадей в поводу.

Венгров привели в село Андреевку, и там они узнали, что их часть отступила, хотя еще вчера Андреевка находилась в руках австро-венгерских солдат. Вышло так, что, когда их ночью послали в разведку, высшее командование по какой-то причине изменило свои планы, забыв про посланный в разведку взвод, продемонстрировав тем самым, с каким легкомыслием офицеры императорской и королевской армии относились к выполнению своих служебных обязанностей.

И если для венгров сама процедура сдачи в плен была такой простой и, можно сказать, даже приятной, то сам плен

оказался серьезным и даже тяжелым. Пришлось испытать и голод, и холод, и тесноту, и длительные переезды. После многих мытарств пленные оказались в Самарской губернии. Разумеется, они этого не хотели бы, но их никто и не спрашивал. Как бы то ни было, царский режим привязал венгров к русской земле.

Тоцк — такое необычное, но незабываемое название было у той деревни, куда их завезли. Находилась она в двухстах верстах от Самары, между Волгой и Уральскими горами, на слегка всхолмленной местности. Прибыв на это место, пленные обрадовались, надеясь, что здесь они смогут отдохнуть от долгой дороги в тюремном вагоне-клетке, где они, кроме бесконечной тряски, тесноты и духоты, ничего не чувствовали. Распрямиться по-человечески и то не было никакой возможности. И вот теперь Тоцк — место далекое и глухое, край света, конечный пункт их путешествия.

Но оказалось, однако, что Тоцк—это еще далеко не край земли русской. В нескольких десятках верст от Тоцка находился барачный поселок, состоявший из сорока пяти деревянных бараков, в которых располагались в летнюю пору военные лагеря. Но только в летнюю пору, поскольку бараки были такими ветхими, а морозы зимой такими крепкими, что жить здесь зимой не могли даже привычные к холодам царские солдаты.

Виктор, разумеется, мечтал поскорее попасть домой, на родину, и, если бы тогда кто-нибудь сказал ему: «Убирайся из России, беги до самого дома бегом и не останавливайся!», он, не задумываясь, побежал бы. Но надежда на возвращение домой еще не брезжила.

Довольно быстро Виктор научился говорить по-русски; по-немецки он уже умел немного говорить. В их лагере тогда кого только не было: и боснийцы, и хорваты, и сербы, и представители некоторых других народов Европы.

Неизвестно каким образом, но скоро пленные узнали препренеприятнейшую новость: незадолго до их появления здесь побывала специальная комиссия, которая установила, что настоящий лагерь не пригоден для содержания в нём слишком большого количества людей. И не столько по причине ветхости, сколько потому, что все без исключения барачные здания были заражены тифозными бациллами.

Комиссия единогласно пришла к заключению, что уж если военные власти так настаивают на размещении военнопленных именно здесь, в лагере под Тоцком, то все старые бараки необходимо сжечь, а на их месте построить новые.

Царское военное командование не пожелало прислушаться к мнению комиссии, и потому в конце октября, когда погода уже была плохой, семнадцать тысяч военнопленных прибыли в лагерь и оказались за колючей проволокой в зараженных тифозными бациллами бараках.

В ноябре вспыхнула эпидемия тифа. Лагерное начальство и пальцем не пошевелило для того, чтобы хоть как-то облегчить участь пленных. Уже в ноябре люди умирали десятками и даже сотнями.

Лагерный врач Туберозов заботился только о том, чтобы эпидемия не вышла за пределы лагеря, но это было очень трудно сделать в тех условиях.

Виктор готовил себя к самому худшему. Мечтать о побеге было делом безнадежным хотя бы потому, что побег в тех условиях был равнозначен смерти. Да и кто тогда думал о возвращении домой, если человек даже до двери барака добирался с трудом.

О, эти лагерные бараки! Двухэтажные длинные нары, голые, отполированные до блеска доски, на которых ни клочка соломы, ни рваного одеяла.

Одежду пленные никогда не снимали из-за холода. Была, правда, в бараке печка, однако ее почему-то так ни разу и не затопили. Вскоре начались случаи обморожения. Умершего от тифа сразу же выносили на мороз, и через каких-нибудь полчаса он превращался в сосульку. Считалось, что умершим еще повезло.

Виктор не жаловался. Отправляя их в разведку, командир заставил каждого взять с собой полную выкладку, так что помимо шинели все они имели по плащ-палатке и по солдатскому одеялу. Эти вещи в лагере помогли разведчикам уберечься от обморожения.

Доктор Туберозов мало чем мог помочь несчастным пленным. Всех обмороженных он каким-то образом умудрялся отправить кого в самаринский, кого в оренбургский лазареты или госпитали, где беднягам ампутировали обмороженные конечности.

Расчетливая супруга доктора Туберозова открыла в лагере небольшую лавку, чтобы пленные, у которых водились денежки или остались ценные вещи, покупали продукты.

Вскоре доктор и его супруга разбогатели, однако полученное таким путем богатство не пошло им на пользу: мадам Туберозова скончалась от тифа, а деньги достались ее супругу — доктору, но далеко не все, так как большую часть нажитого капитала присвоил себе здоровенный унтер Миша,

которого даже доктор боялся. Кроме всего прочего, Миша, по сути дела, безбожно обворовывал пленных.

В бараке вокруг Виктора лежали больные люди. Согласно порядку доктор Туберозов был обязан ежедневно осматривать всех больных, но поскольку больны были почти все, то, естественно, бедняга Туберозов физически не мог этого сделать, да он и не старался. И больные, словно понимая затруднения доктора, безропотно умирали, уменьшая таким образом общее число пациентов.

Виктор тоже не хотел обременять доктора своими недугами, хотя у него часто поднималась температура, и ему очень нужна была помощь.

Множество пленных умерло от тифа. Доктор Туберозов ежедневно заходил в каждый из сорока пяти бараков и, остановившись на пороге, громко интересовался, есть ли в бараке больные. Того, кто был болен, сразу же отправляли в барак номер 45, официально именовавшийся лагерным лазаретом, но бывший, по сути дела, мертвецкой. Из этого барака можно было попасть только на кладбище.

Пленные, которые во что бы то ни стало хотели выжить, как бы они себя ни чувствовали, предпочитали оставаться на своем месте в жилом бараке и не признаваться в том, что заболели. В лазарет отправляли только тех, кто потерял сознание.

Виктор, как бы ни хотелось ему выжить, понимал, что и его ожидает та же участь, что и других. Правда, разговаривать об этом считалось лишним и ненужным. Да и вообще на разговоры у них не было сил. В иные недели они не обмолвились ни единым словом.

Ошалевшие от работы охранники, так как таскать трупы часто приходилось и им, обычно выбирали более или менее здоровых пленных, способных унести товарища на последнюю «квартиру». В число таких пленных нередко попадал и Виктор. Ему не раз приходилось бывать в бараке номер 45, видеть там умирающих, слышать их стоны. С умерших снимали одежду, что считалось обыденным делом, затем сносили их на кладбище, где укладывали в большие ямы — братские могилы.

Когда же была заполнена трупами последняя яма, начальник лагеря приказал складывать умерших в своеобразные «поленницы»: пять трупов — вдоль, на них пять трупов — поперек. За декабрь и январь количество таких «поленниц» значительно увеличилось.

Лагерь к тому времени уже почти не охранялся, поскольку в этом не было никакой необходимости. Желающие бе-

жать могли спокойно сделать это. Несколько человек, понадеявшись, видимо, на чудо, покинули лагерь. Однако чуда не случилось — их трупы были найдены в окрестностях Тоцка.

В лагере среди пленных находилось человек двадцать врачей, от помощи которых лагерное начальство почему-то отказалось, а доктор Туберозов о них и слышать не желал. Однако судьба не была благосклонной и к нему — он умер через некоторое время после своей супруги от тифа, так и не дожив до приближающейся весны.

Виктор тоже попал в барак номер 45, но остался жив. Правда, он долгое время был без сознания. Случилось это как раз в то самое время, когда начальника лагеря и всю охрану заменили. В себя Виктор пришел только в самарском госпитале.

После земного ада, в котором Виктор оказался при царском режиме, в судьбу его вмешалась какая-то добрая сила. Там, в самарском госпитале, за его жизнь шла настоящая борьба. Сестры милосердия постоянно дежурили у его кровати, выполняя все назначения докторов. Непривычная белизна, чистота, тишина и тепло помещения создавали атмосферу какого-то праздника.

Врачи и сестры обращались с ним осторожно, бережно, впрочем, как и с другими больными. Когда его мыли в ванной, то старались тереть мочалкой так, чтобы ему не было больно. Внимательные глаза сестер наблюдали за ним, их нежные заботливые руки осторожно касались его лба, а когда Виктора кормили, то сначала сестра, делавшая это, пробовала пищу, не горячо ли. Ему осторожно подрезали отросшие за время болезни ногти, а потом, когда Виктор мог уже самостоятельно сидеть, к нему пришел парикмахер, побрил его и постриг.

И ни разу никто из русских в белых халатах не сказал ему, чтобы он убирался домой, никто из них ни разу не спросил у него, сколько русских он убил на фронте. Они простонапросто поставили его на ноги, вылечили, спасли от верной смерти, а когда настало время прощаться, все врачи и сестры проводили его до ворот госпиталя.

Оставшихся в живых пленных вскоре после выздоровления направили на работы в калмыцкие степи. Оказался там и Виктор. Правда, он неплохо чувствовал себя в этих бесконечных степях, прилежно работал, продолжал учиться русскому языку и терпеливо ожидал, когда же кончится война.

Лагерные ужасы постепенно забывались, и он начал еще больше ценить жизнь. На всю жизнь в его душе сохранилась признательность врачам и сестрам самарского госпиталя, которые так старались, выхаживая его, что, право, было бы просто глупо свести все их старания на нет. И он начал беречь себя. Правда, уберечься ему не удалось — однажды он заразился оспой от четырехлетней девочки-калмычки и попал в больницу. В больнице он пробыл с девочкой довольно долго.

Русские врачи вторично спасли ему жизнь, причем с таким же бескорыстием и самоотверженностью, как и в первый раз в Самаре. Виктор уже начал думать, что больше его в России не постигнет ни одно горе, так как свою чашу страданий он, по его мнению, испил до дна. И если бы тогда Виктору кто-нибудь сказал, что он станет большевиком и примет самое активное участие в русской революции, Виктор этому ни за что бы не поверил.

В марте 1916 года Виктор оказался в астраханском лагере, где тогда все бурлило. Не сразу он смог включиться в лагерную жизнь и осмотреться. Через какое-то время местное начальство приказало разделить всех обитателей бараков на сотни. Затем людей хорошо накормили. Среди пленных распространились слухи о том, что война наконец кончилась и их, видимо, отправят домой. С этой радостной мыслью три тысячи пленных и шли на железнодорожную станцию. Они даже запели. Правда, каждая группа пела свою песню, и можно было подумать, что по улицам Астрахани идут три тысячи пьяных мадьяр.

Виктор не пел, но с его лица не сходила улыбка. Он даже не жалел, что его одежда осталась у калмыка. В больнице Виктору подобрали кое-какую одежонку, в которой он вполне мог доехать до дома.

«Об одежде ли теперь беспокоиться?» — думал он.

Потом восемь суток они ехали в телячьем вагоне, и никто не сомневался в том, что их везут на родину, домой. Однако постепенно в душе у Виктора появилось какое-то сомнение. А эшелон с пленными тем временем продолжал ехать на север, временами меняя направление на северо-запад.

Выходило, что их везут в Петроград. Но зачем? Быть может, для того, чтобы потом на корабле через Данию и Германию доставить на родину?

Пленные все еще не теряли надежды. С часу на час они

ждали, что эшелон остановится и им предложат пересесть на пароход. Однако проходило время, а никакой остановки и пересадки не было. Поезд шел в неизвестном направлении, почти без остановок, а если и останавливался на какой-нибудь станции, то охрана эшелона даже не открывала вагонных дверей. Ни пищи, ни воды пленным не давали. Вскоре стало ясно, что они едут все дальше и дальше на север — в вагоне становилось все холоднее.

В летней одежде, полученной в больнице, Виктор сильно страдал от холода. Иногда поезд останавливался. На каждой станции из эшелона снимали группу пленных, а остальные ехали дальше.

И вот когда пленных осталось всего четыреста человек, поезд остановился на маленьком полустанке со странным названием Цванка. От нее они целых пять часов шли пешком по шпалам узкоколейки по просеке старого соснового бора.

Всех оставшихся пленных разбили на четыре рабочие роты и приставили к каждой из них по старшему охраннику-унтеру с несколькими солдатами. Роту, в которой оказался Виктор, возглавил Янош Коболок, помощник мельника из Галанты.

Когда рота Коболока наконец-то добралась до вырубки посреди первозданного векового леса, охранники-казаки загнали всех пленных в единственный барак, рядом с которым находилось еще несколько деревянных зданий, только значительно меньшего размера. Это были контора, склад, домик, в котором жили охранники.

Начальство этого лагеря жило в селе Звапка, в лагере же постоянно находились лишь восемь охранников, вооруженных карабинами и саблями, но самым страшным оружием казаков были ременные плети — нагайки, с вплетенной в середину металлической проволокой. Этими плетями казаки пользовались по поводу и без всякого повода, нанося удары по спинам пленных, когда вели их в барак.

За несколько минут атмосфера между пленными и охраной сделалась враждебной. Янош Коболок заскрежетал зубами и с ненавистью посмотрел на охранника, который ни с того ни с сего ударил его нагайкой по спине.

Неподалеку от лагеря находился длинный карьер, в котором добывали гравий, а кругом, словно безмолвные часовые, стояли огромные строевые сосны.

В карьере пленным предстояло грузить гравий в товарные вагоны. Настроение у пленных было хуже некуда, и все же они старались выполнять дневную норму.

Там, куда их привезли, солнце в летнее время никогда не заходило за горизонт, а, лишь спустившись к нему, двигалось по кругу. Ночью темноты не было, и только легкий полумрак окутывал землю.

Венграм трудно было привыкать к северным условиям. Пленные стали мрачными, раздражительными, а некоторые из них вообще пали духом. Их старший, Янош Коболок, с большим трудом переносил это рабство. Он так ушел в себя, что никто из роты так и не смог сблизиться с ним, хотя, откровенности ради следует сказать, что сам он пленных не обижал, разве что порой не сдерживался и кричал что-нибудь грубое.

Виктор, как мог, старался экономить силы, все больше и больше дорожа жизнью.

«Раз уж я столько пережил, прошел через столько тяжелых испытаний, дважды, можно сказать, почувствовал дыхание смерти и все же выжил, то было бы глупо сдаться сейчас и не вернуться домой». Он старался не нервничать, особенно не тосковать и, разумеется, без толку не расходовать свои силы.

Вскоре пленным, чтобы они не заболели и не перестали работать, выдали кое-какую одежонку, обувку. Кормили их так, чтобы они были в состоянии выполнять тяжелую работу. Однако постоянное недоедание, северный климат и отсутствие элементарных человеческих условий все-таки сделали свое дело — люди начали умирать.

Труднее всего переносили пленные избиение плетью. Во всей рабочей роте не было ни одного человека, по чьей спине не погуляла бы казачья нагайка, независимо от того, провинился ли несчастный в чем-нибудь или же вообще ничего дурного не сделал. Так или иначе, одежда пленных вскоре порвалась от ударов и, зашитая и заштопанная, напоминала замысловатую топографическую карту.

Настроение пленных ухудшалось день от дня. Люди теряли силы, а охранники становились все более жестокими. Для поддержания дисциплины и безоговорочной покорности пленных восьми охранников оказалось недостаточно, и начальство увеличило их число до двенадцати.

Количество добываемого гравия между тем постепенно сокращалось, что никак не устраивало лагерное начальство. Вместо того чтобы улучшить питание и по-человечески относиться к пленным, охранники все чаще и чаще прибегали к наказаниям, однако это не только не помогало, а, напротив, снижало производительность.

И тогда лагерное командование для большего устрашения несчастных пленных прислало в лагерь в качестве начальника охраны бывшего фронтовика, унтер-офицера Алибека-Дьердя. Появление этого садиста принесло свои результаты. Алибек, безудержно вспыльчивый и жестокий, был зол, казалось, на весь мир. Лицом он был похож на разбойника-горца. Шрам, проходивший от левого виска до самого подбородка, еще больше обезображивал его. Этот шрам, как стало известно пленным, был следом удара, который нанес Алибеку в Галиции в бою венгерский гусар по имени Дьердь. С тех пор унтер-офицера и прозвали Алибеком-Дьердем.

После госпиталя Алибека определили годным лишь к тыловой службе. Попав в лагерную охрану, кровожадный кавказец никому не давал спуска, мстя за шрам всем, кто попадался под его горячую руку.

Венгр, австриец, немец, чех, румын или хорват — ему было все равно. Он хлестал нагайкой всех одинаково, долго и с остервенением. Несколько раз прогулялся Алибек-Дьердь и по спине Яноша Коболока.

Пленные работали, что называется, из-под кнута, лениво и плохо, потому что были сильно ослаблены. От трудностей и лишений многие пленные умирали. Хоронили их в самой дальней части карьера, а то, что лагерное начальство дало согласие хоронить умерших в гробах, вообще рассматривалось как особая милость. Один из пленных, бывший столяр, оказался предусмотрительным и несколько гробов заготовлял, как говорится, впрок, так что в случае надобности они всегда оказывались под рукой.

Коротко северное лето, и проходит оно незаметно. В сентябре в тех широтах уже начинает порошить первый снежок, а как только солнце скроется на долгое время за небосклон, крепчают морозы — наступает долгая и темная полярная ночь. Зима полностью вступает в свои права. Снега выпадает много — наносит сугробы до двух метров высотой. Чтобы можно было передвигаться при таких заносах, от барака до карьера прорывали в снегу узкий длинный коридорчик. Идти по такому проходу было нелегко, а пронести на плечах гроб с очередным умершим и того труднее.

Однажды на рассвете Алибек зашел в барак и застал одного очень спокойного, тихого чеха за утренним чаем. Алибек рассвирепел и начал кричать на чеха, который негромко оправдывался, объясняя, что ему сегодня раньше других идти на работу, вот он и решил сначала попить чаю,

Разъяренный унтер, не желая ничего слушать, начал избивать чеха, нанося своей нагайкой такие сильные удары, что располосовал ею не только френч и исподнюю рубаху несчастного, но и тело. Через минуту вся одежда на спине пленного пропиталась кровью. А возбужденный видом крови Алибек разошелся настолько, что начал лупить нагайкой каждого, кто оказался поблизости.

К палачу подскочил Коболок и, перехватив его руку с нагайкой, потребовал, чтобы он утихомирился, пока дело не дошло до беды. Но Алибек вырвал свою руку и ударил Яноша. Быстро отпрянув от начальника охраны, Коболок выхватил из-под нар лежавшую там лопату и одним движением рассек Алибеку голову.

Казак замертво свалился на пол, а пленные, оказавшиеся невольными свидетелями этой сцены, зашевелились, зашумели.

— Пошли, ребята, перебьем их всех до одного! — выкрикнул кто-то из них.

Виктор, как и другие, схватил лопату и вместе со всеми бросился к домику, в котором размещались охранники. Не прошло и нескольких минут, как с ненавистными казаками-охранниками было покончено.

Из окошка соседнего барака — канцелярии — за происходящим наблюдал гражданский чиновник. Улучив минуту, он выбрался из канцелярии и, вскочив на первого попавшегося коня, ускакал по дороге в лес прежде, чем его заметили пленные.

В этот же день, еще до полудня, в лагерь по узкоколейке прибыла из Сорок усиленная рота солдат. На площадке перед паровозиком был установлен станковый пулемет.

Пленные, захватившие оружие перебитых ими охранников, все до одного покинули барак и залегли на опушке леса, за стволами вековых деревьев. Они были полны решимости биться до последнего, если их попытаются арестовать.

Однако прибывшие офицеры повели себя необычно. Они начали переговоры с пленными; ругали казаков-охранников, которые, по их словам, грубо нарушали указания вышестоящих властей.

Затем офицеры сказали, что понимают поведение пленных, которые расправились со своими мучителями, что уважают труд бывших противников и незамедлительно побеспокоятся об их дальнейшей судьбе.

Пленным предложили побыстрее собрать свои вещички, поскольку их должны перевести в другой лагерь, где работа значительно легче и условия лучше — там их разместят в

теплых бараках, будут хорошо кормить, выдадут приличную одежду, а помимо всего этого выплатят деньги за проделанную работу за последние шесть месяцев.

Наивные, как малые дети, пленные, поверив обещаниям, побросали карабины, захваченные у охранников, и свои лопаты, которыми они пользовались как холодным оружием, и поспешили в барак, чтобы забрать свое барахлишко и сразу же двинуться на поезде в Сороки.

Офицеры, которые вели переговоры с пленными, говорили так спокойно и убедительно, что ни Виктор, ни его товарищи не усомнились в их искренности. Но стоило пленным войти в барак, как солдаты, приехавшие на поезде, быстро окружили строение, направив на него заряженные винтовки, и заколотили снаружи окна и двери барака. Пленные оказались в западне.

Просидев трое суток в заколоченном бараке без пищи, без воды, а главное — без свежего воздуха, мятежные пленные сдались, так сказать, на милость победителя. Им сообщили, что все они предстанут перед полевым судом за мятеж и убийство должностных лиц.

Первым забрали Яноша Коболока. Виктор больше никогда не видел его и даже не слышал о том, что с ним стало.

Самого Виктора и еще пятерых пленных сразу же отделили от других, решив, вероятно, что они, как и Коболок, руководители мятежа. Вполне возможно, что эти арестованные выглядели покрепче других пленных, потому каратели и решили, что именно они возглавили мятеж и первыми бросились на охранников.

Виктор и его товарищи по несчастью в наручниках под конвоем были отправлены в Петроград. Их привезли в Петропавловскую крепость и временно посадили в камеру недалеко от ворот крепости. Сопровождавший пленных поручик встретился с комендантом крепости и выяснил, что ему придется везти мятежников в Москву, так как согласно уставу Петропавловской крепости содержаться в ней могут лишь осужденные.

В московской центральной тюрьме мятежников из-под Мурманска развели по разным камерам, и больше никого из своих товарищей Виктор не увидел.

Он оказался в камере размером пять метров на пять, в которой содержались военные и гражданские лица. Всего их там было двенадцать человек. Всех заключенных очень заинтересовали события, произошедшие в лагере военно-

пленных под Званкой. Очень скоро Виктор понял, почему этих людей так тронула судьба мятежных пленных. Оказалось, что все эти заключенные — политические, или, как тогда говорили, большевики.

Все они должны были предстать перед судом военного трибунала. Одиннадцать человек ожидал суровый приговор. Виктор был двенадцатым по счету. Заключенные большевики, попавшие в руки царских палачей, рассчитывать на пощаду не могли.

Эти много испытавшие на своем веку люди уже давно пришли к выводу, что самая крепкая дружба зарождается либо в армии, либо в тюрьме. Политических заключенных объединяли общие идеи и цели. Они понимали друг друга с полуслова и были готовы в любой момент оказать поддержку и помощь товарищу.

Виктор сразу же почувствовал себя в атмосфере человеческого внимания и сочувствия. Примерно такое же чувство он испытал в самарской больнице.

Арестованные, у которых хватало своих забот и бед, отнеслись к нему с интересом и участием: они предложили ему приличное лежачее место, на равных делились с ним тюремным пайком, обращались к нему уважительно. Они не боялись в его присутствии откровенно высказывать свое отношение к царскому режиму. Они критически оценивали этот режим и высказывали мысли относительно того, каким образом изменить существующий строй. По всему чувствовалось, что они не боялись опасностей, которые ожидали их на этом очень нелегком пути.

Виктор очень скоро понял, почему царское правительство так боялось их. В тюрьме, поближе познакомившись с большевиками, Виктор как бы заново пробудился к жизни, стал чаще и глубже задумываться над вопросами, которые прежде ему и в голову не приходили.

Именно там, в тюрьме, он и созрел как большевик, хотя никто из узников по камере не ставил перед собой цель сагитировать его.

Однако все узники ждали решения своей судьбы. Они понимали, что их ожидает либо виселица, либо пуля.

Виктор не сомневался, что и его ожидает смертная казнь. Удивляло только то, что его товарищи по камере, несмотря на близкую смерть, продолжали обсуждать планы свержения царизма, строили организационные планы и мечтали о свершении социалистической революции.

«К чему эти умные и толковые разговоры,— думал он про себя,— когда все сказанное каждый скоро унесет с со-

бой в могилу или в лучшем случае в пожизненную ссылку?..»

Однако развитие событий пошло по другому пути. Никого из них не вызывали на допросы, они сидели, рассуждали, спорили, а ими почему-то никто не интересовался.

И вот в одно раннее февральское утро люди в камере проснулись от непонятного шума. Такого в тюрьме прежде никогда не было — слышались радостные восторженные выкрики, громкий, почти беспрерывный топот, более того, в этот шум как бы вклинивались обрывки каких-то песен. Через некоторое время удалось понять, что весь этот шум и гвалт подняли не арестованные, а сами конвойные вместе со всем персоналом, обслуживающим тюрьму.

Во время раздачи завтрака арестованным Виктор и его товарищи по камере узнали о том, что царя скинули, царское правительство свергнуто, а господин Керенский, юрист по образованию, как член Думы провозгласил Россию республикой. А все это означало, что войне скоро наступит конец, смертные приговоры как форма наказания в худшем случае будут заменены для большевиков ссылкой.

Все узники камеры наперебой заговорили о том, что наконец-то настало время для «жатвы», понимая под этим словом расплату с ненавистным режимом. Политические с радостью говорили, что теперь не может быть и речи о том, что их будет судить трибунал. Что даже если их и осудят, то в результате победы буржуазной революции власть в государстве попадет в руки либерального правительства, которое в любом случае обойдется с ними более мягко, чем царские деспоты.

Однако дни шли, а положение арестованных не менялось. Они жили по тюремному распорядку, установленному ранее, с той лишь разницей, что тюремные надзиратели стали относиться к ним значительно мягче, сделались более разговорчивыми.

Не прошло и недели со дня провозглашения Февральской буржуазной революции, как Виктора вызвали из камеры. Товарищи, расставаясь с ним, по очереди обняли его и пожелали счастливого пути. А один из большевиков сказал ему на прощание:

— Думаю, мы с тобой больше не встретимся, так как ты уедешь домой. Желаем тебе счастья. Мы тебя тут будем вспоминать, но и ты дома не забывай о нас, а главное — о том, что здесь услышал.

Из камеры Виктора повели в здание тюремной канцелярии. Он оказался в великолепно отделанной и шикарно об-

ставленной комнате, в которой кроме начальника тюрьмы находился какой-то элегантно одетый господин с лихо закрученными усиками.

Элегантный господин спросил Виктора о том, правда ли, что он по профессии механик, к тому же еще по автомобильной части. Получив утвердительный ответ, начальник тюрьмы поинтересовался, не остались ли у него в камере какие-нибудь вещи.

— Все мои вещи на мне,— ответил Виктор.

Тогда начальник тюрьмы и шикарный господин вполголоса о чем-то переговорили, после чего господин с усиками угостил Виктора дорогой папиросой. Виктор не отказался и с удовольствием выкурил ее.

Затем его отвели в отдельную комнату, в которой находились какие-то люди. Они, как выяснилось, были венграми и все до одного либо механиками, либо слесарями, либо монтажниками. Всего в комнате собралось восемь человек. Из разговоров стало понятно, что все они находились в разных лагерях и приезд в Москву был для них неожиданным.

Взволнованный своей дальнейшей участью, кто-то из них разговорился с надзирателем, и тот по секрету шепнул, что все они попадут в очень хорошее место, а усатый господин, разговаривающий с ними по очереди, не кто иной, как богатый владелец одного завода, очень нуждающийся в квалифицированных специалистах, так как своих у него забрали на фронт.

Через каких-нибудь полчаса в комнату вошел сам владелец завода и весело сказал:

— Ну, ребята, мои дорогие мадьяры, у меня на заводе и в мастерских уже работают несколько ваших земляков! Скучать вам у меня не придется!

Так Виктор Медве снова нашел применение своим силам. На заводе трудились несколько десятков пленных венгров. С первых же минут своего пребывания на новом месте Виктор познакомился с людьми, которые являли собой цвет русского рабочего класса.

Главный инженер, тихий доброжелательный человек, взялся опекать новеньких.

Сначала их повели в баню, потом всем выдали чистое нижнее белье и приличную верхнюю одежду. Затем их сытно накормили и только после этого завели разговор о работе. Главный инженер разговаривал с ними не начальническим тоном, а по-дружески, как рабочий человек с рабочими.

Он сказал им, что торопиться не следует, сначала им нужно как следует осмотреться на новом месте, познакомиться с заводом и его рабочими, а только после этого они договорятся о том, кто где будет работать.

Виктор был удивлен и отношением к ним, и той откровенностью, с какой с ними говорили: как-никак они были военнопленными, оказавшимися в стране противника.

Кормили пленных по тем условиям хорошо, так что жаловаться на питание было бы грешно, обращались с ними по-человечески. Работая, люди вообще не чувствовали себя пленными. И только вечерами, после окончания рабочего дня, когда их уводили за огромные здания мастерских в специальный барак, обнесенный забором из колючей проволоки, охранявшийся вооруженными часовыми, они снова становились военнопленными.

Виктор Медве работал в маленькой бригаде, состоявшей, не считая его, из четырех русских. Все они были высококвалифицированными рабочими и просто хорошими, отзывчивыми людьми. Сами прекрасно разбираясь в своем деле, они ценили и Виктора за его умение работать.

Постепенно они познакомились с ним поближе, прониклись к нему доверием. Он отвечал русским тем же и как-то даже рассказал о своих мытарствах в плену. Особый интерес русские рабочие проявили к тому, как развивается рабочее движение в Венгрии; а когда они узнали, что Виктор сидел в московской тюрьме в одной камере с большевиками, сдружились с ним еще больше. Потом они признались, что все четверо состоят в партии большевиков.

Через некоторое время Виктору стало известно, что на заводе создана подпольная организация большевиков, члены которой работают в каждом цехе, в каждой мастерской. Более того, даже среди часовых, которые охраняли барак пленных, оказались большевики. Когда барак охраняли эти люди, по вечерам туда спокойно могли приходить венгры из других мест. И тогда они вместе устраивали политические собрания. Постепенно такие собрания привлекали к себе все большее количество людей и стали проводиться все чаще.

Назревала новая революция, и рабочие готовились к боям против правительства Керенского, который, прикрываясь политическими лозунгами буржуазной революции, по сути дела продолжал политику царского правительства — такой же эксплуатации подвергался рабочий класс, так же преследовались представители революционного движения, а самое главное — продолжалась война на стороне Антанты.

Обо всем этом и о многом другом Виктор Медве услышал на этих собраниях. Сам он, правда, никогда не выступал, но горячие споры и революционные речи производили на него такое сильное впечатление, что он стал плохо спать по ночам.

На рассвете 8 ноября 1917 года, когда было еще совсем темно, тишину неожиданно разорвал могучий заводской гудок. Пленные быстро оделись и побежали на завод, не представляя, что там могло случиться. Не знали этого и другие рабочие. Всеобщее беспокойство нарастало. Кто-то посмотрел на часы и сказал, что время еще слишком раннее — четыре часа утра.

Рабочие все прибывали и прибывали, а гудок по-прежнему тревожно и требовательно гудел. Все побежали па площадь перед длинным цехом, где уже собралась довольно большая толпа.

Оказалось, что людей созвали большевики. Их агитаторы залезали на крыши грузовых вагонов и выступали, выступали... Главная новость заключалась в том, что в Петрограде произошла социалистическая революция и пролетариат взял власть в свои руки.

Большевики призывали рабочих сделать то же самое и в Москве, и во всей России, а немного погодя и во всем мире. Выступали ораторы с жаром, проклинали войну и буржуазию, выкрикивали лозунги: «Да здравствует Ленин!.. Да здравствуют большевики!..» Клялись отомстить империалистам за все и одержать над ними победу.

Еще не рассвело, когда на заводской двор прикатили два грузовика с вооруженными матросами. Они привезли оружие и патроны.

Матросы подтвердили известие о свершении революции в Петрограде, предупредив, что враги пролетариата ни в коем случае не отдадут ему власть мирным путем. Власть придется брать силой, а для этого они и привезли рабочим оружие.

Революционные матросы обратились к венгерским пленным с призывом принять участие в вооруженной защите завода, если до этого дойдет дело.

Десять революционных матросов остались на заводе, а остальные уехали на пустых грузовиках. Конвоиры, которые охраняли в бараке пленных, куда-то исчезли, остались только те из них, которые были большевиками.

Под вечер к заводу подкатили юнкера. Оставив грузовики, на которых они приехали, в переулке, юнкера начали приближаться к заводу. Основные силы юнкера бросили на

штурм заводских ворот. Они шли с винтовками наперевес, готовые пролить кровь рабочих. Судя по их беспечному поведению, на серьезное сопротивление они, по-видимому, не рассчитывали. Первая волна атакующих приблизилась к заводу, но была встречена и остановлена дружным огнем рабочих.

Революционные матросы руководили боевыми действиями. Виктора не пришлось инструктировать. Он из-за какого-то железного блока стрелял в атакующих. Бой продолжался несколько часов подряд, юнкера понесли большие потери убитыми и были вынуждены отойти.

Опьяненные первой победой над противником, возбужденные рабочие обнимались, что-то выкрикивали, пели. Однако революционные матросы предупредили их, что радоваться рано, бой еще не кончился и им еще предстоит преодолеть вооруженное сопротивление противника в городе.

Рабочие попросили венгров не уходить с завода и помочь им в будущем оборонять его.

Разве могли Виктор и его товарищи ответить на такую просьбу отказом? И венгры остались. Было их двадцать два человека. Вечером того же дня всех их посадили в грузовики и повезли на штурм кадетского корпуса — Московского офицерского училища, в зданиях которого забаррикадировались части, верные правительству Керенского.

Штурм казарм кадетского корпуса продолжался четверо суток. Четверо суток шла перестрелка с небольшими передышками...

Виктор всегда хотел мирной жизни, покоя, и вот теперь ему надо объяснять, по какому праву он сражается в России. Горько было слышать разные обидные слова. Он не мог ни оправдаться, ни защищаться, хотя был человеком твердым и решительным, из числа тех, кого называют людьми действия.

5

Сергей Иванович Павликов, выбежав в порыве возбуждения из дома следом за священником, домой не вернулся, а подался в соседнее село Широкое, к своему младшему брату, и остался у него.

Узнав об этом, Виктор решил на время переселиться в дом к Наде, чтобы как-то успокоить ее и не оставлять одну в столь нелегкое время.

Ранней весной старик Павликов нежданно-негаданно вернулся домой. Его появление удивило и вовсе не обрадовало

Виктора. Он весьма сдержанно поздоровался со стариком и занялся своими делами.

Правда, и сам Павликов не рвался к разговору. Он молча побродил по дому, потом затопил печку и снова заходил взад и вперед по комнате, делая круги вокруг молчавшего комиссара, который отошел к маленькому подслеповатому окошку, пропускавшему не так уж много света, и начал что-то писать на помятом листе бумаги.

Когда в доме заметно потеплело, старик сбросил с плеч видавшую виды драпую шубейку и, усевшись на скамейку у печки, долго ерзал на ней, желая то ли сосредоточиться для предстоящего разговора с красным командиром, то ли просто устроиться поудобнее.

Помолчав еще некоторое время, старик осторожно заговорил:

— Ох и люди же вы, должен вам заметить. Живете в моем доме как в своем собственном и делаете вид, что не видите меня, как будто меня тут и нету совсем. А ведь я человек, не пустое место. Вот я и спрашиваю: кто я здесь такой? Хозяин или нет?! Или, может, нищий?

То, что Павликов первым начал этот разговор, намного облегчило положение Виктора. Свернув свои бумажки, он спокойно произнес:

— Не сердись, Сергей Иванович... А то я и без того побаиваюсь тебя: ты так накричал тогда на нас, хотя мы тебя ничем не обидели...

Услышав слова Виктора, старик стянул с головы свою старую ушанку. Вид у него при этом был обиженный.

— Ты даже не спросил, где я жил всю зиму?

Виктор отошел от окошка к маленькому столику у стены. Худой и бледный, еще полностью не оправившийся от болезни, Виктор был похож на привидение. Худое лицо его, испещренное оспинками, обросло густой бородой.

— Сергей Иванович, мне хорошо известно, где ты жил и как... Вот Надюша обрадуется, когда придет!..

— А где она? — поинтересовался старик.

— Надя у нас в батальоне как бы курьер. Недавно уехала в Киселевку, в штаб дивизии.— Понимая, что старик не будет долго сердиться, Виктор пошутил: — Побоялась небось, как бы ты ее опять как-нибудь не обозвал. Ты уж, отец, не обижай ее понапрасну!..

Старик явно не собирался ссориться. Это чувствовалось и по его поведению, и по тону.

— Выходит, что она все же к вам прилепилась,— засмеялся он.— Ну и девка! Да где же такое видано, а?..

— Эх, Сергей Иванович, ты уж, будь добр, не начинай старую песню. Нет у меня никакого желания спорить с тобой.— С этими словами Виктор, почувствовав слабость в ногах, сел к столу и снова взялся за свои бумажки.

Старик сделал вид, что обиделся. Он присел поближе к печке и мрачно сказал:

— Так уж и быть, слова не скажу, подержу язык за зубами, раз уж так угодно красному комиссару. Это в своем-то собственном доме! — Тут он замолчал, ожидая, что Виктор начнет что-то говорить, разубеждать его, но, так и не дождавшись, продолжал: — Вот тебе и на: и красные не успели еще как следует взять власть в руки, а уже ведут себя как господа. Ты, комиссар, видать, человек шибко грамотный, так вот и объясни мне, дураку, кое-что...

— Спрашивай, отец! — Виктор повернулся лицом к старику.

— Да брось ты эту свою работу! Не будь таким важным, будто наш прежний староста. Отойди от стола-то, иди сюда, к печке, тут и побалакаем...

Комиссар охотно выполнил просьбу Павликова. Подойдя к старику, он сел на скамейку, прислонившись худой спиной к теплому боку горячей печки.

— Может, тебе хочется узнать, дадут ли тебе землицы?

— Если захотите, то дадите. Да только что может сделать человек с землей, если у него нет детей, чтобы эту самую землю обрабатывать?

— А Надя?

— Вот о ней-то и хотел тебя спросить. Что там за слухи ходят? Поизмывались над ней белые или болтовня все это?..

Вопрос этот привел Виктора в некоторое замешательство. Он опять встал и отошел к окну.

— Все, что тебе рассказывали, отец, правда, и не спрашивай меня больше ни о чем.

— Ну ладно! — Старик покряхтел.— А тебя не интересует, где я был?..

— Я ведь знаю... Ты жил у родного брата...

— Брата моего теперь нету...

Виктор удивленно посмотрел на Павликова.

Старик тихо заплакал.

— Да, погиб, бедняга...— кивнул он как бы в подтверждение своих слов и, уронив голову на грудь, добавил: — Потому-то я домой и вернулся...

Виктор не верил своим ушам.

— Мы знали, что ты в Широком,— сказал он наконец.—

Вспоминали тебя, но... Думали, когда будем уходить из села, позовем...

— Если бы я с вами был, то и беды, может, никакой не было бы. И Федор бы жив остался...

— Мы слышали, что белые там бесчинствовали... Неужели же...

Сергей Иванович кивнул и рукавом рубахи вытер слезы с покрасневших глаз.

— Вот они-то Федора и убили.

— Нужно было сообщить нам, отец,— скорее прошептал, чем проговорил Виктор, искренне сочувствуя старику.

— Да мы ведь и не боялись их, белых-то. Они здесь, в Черново, вроде никого не обижали... Все было так, как говорил нам батюшка...

— Ты уж хоть нас-то не вини в том, что мы не заняли Широкое... Не могли мы этого сделать, ну никак не могли...

— А чего вас винить-то? — со вздохом вымолвил Павликов.— Мы даже радовались, когда ваши хлопцы оставили Широкое. Во всем тут я, один я виноват. Когда деникинцы вошли в Широкое, они сразу же направились в имение Громова, где красные открыли школу для детишек бедняков. Детвору они стали выгонять на улицу, а тут учительница как птица на них и налетела. Я возьми да и скажи Федору, чтобы он заступился за нее да за детей... Мол, попроси братьев Громовых — они как раз и возвернулись в свое имение вместе с белыми,— чтобы защитили ее. Федор, конечно, пошел... Бедняга даже не успел рассказать, что в селе все уважают и жалеют Александру Петровну, как его на месте и застрелили, словно пса какого... Они и учительницу расстреляли... только поперед его... Ох, господи, господи, и куда ты только смотришь, как терпишь такое?..

Виктор в волнении заходил взад и вперед по комнате.

— Хорошо, что ты мне обо всем этом рассказал, Сергей Иванович. Обещаю тебе, с белыми мы рассчитаемся, рано или поздно им придется за все расплатиться сполна.

— Что-то конца тому не видно... Сколько кровушки людской уже пролилось... Вы отомстите белым, а они потом начнут мстить вам. Око за око, зуб за зуб...

— Как бы то ни было, а за преступления им придется ответить.

— Бросьте-ка вы мстить-то... Лучше расскажи, как жить дальше, комиссар!

— Успокойся, Сергей Иванович...

— Но как, как это сделать, браток? Как?.. Души у людей очерствели. Да и не у одних людей! Нет теперь души ни у

человека, ни у земли... Народ гибнет, посевы пропадают, милосердие уже куда-то кануло, надежды не осталось... Мора только вселенского не хватает... Но и он на нас рано или поздно навалится, вот как солнышко-то начнет пожарче пригревать...

— Все живое на свете радуется приходу весны, а ты меня мором каким-то пугаешь... А вот послушай... Знаешь ли ты, что Митя весь твой инвентарь в порядок привел?..

Это известие несколько утешило старика.

— Неужто твой братец такой мастак? — оживился он.— Смотри-ка, и он, значит, о работе думает. Я бы к вам обоим с открытой душой, если бы не беда на хуторе Лебедева... В округе всякое говорят. И еще болтают, что вы якобы всех детей Громовых...

— Поверь, старина, мы ни за что ни про что никого жизни не лишаем. Хорошо бы, конечно, всех словами убеждать, но, к сожалению, иногда и власть употребить приходится, так что ты успокойся...

Слезы на глазах старика уже высохли, и он заговорил спокойнее:

— Я теперича, комиссар, уже никогда не успокоюсь. Страх мне в кости так и въелся. Страх этот и в тебе имеется, хотя ты и молод еще. Я знаю: все, что вы делаете, вы делаете ради добра и верите в это, но время от времени оглянитесь да посмотрите, что делается, да вспомните, сколько вокруг мертвых... Не завидую я тебе, если ты вспоминать начнешь.

Последние слова старика огорчили Виктора не меньше, чем известие о смерти Федора Павликова.

— Спасибо тебе, старина, что ты так обо мне думаешь. В какой-то мере ты, безусловно, прав. Хоть так, хоть этак прикинь, а безвинными нас не назовешь. Но без этого мир стал бы еще хуже. Непорочные девицы детей, как ты знаешь, не рожают. А от нас дети обязательно родятся. Вот дети наши, возможно, и будут безгрешными, как говорит наш батюшка, а мы уж, видать, так и помрем со своими прегрешениями. Помрем и оставим людям золу и пепел. Но для меня, отец, это очень, очень важно. Надеюсь, что после нас на свете будут жить люди, которым не придется смывать с себя ни грязь, ни копоть, ни кровь, а потомкам своим они оставят такой огонь, который не жжет и не сжигает никого и ничего, а только светит. И светить он будет долго-долго...

Старый Павликов внимательно слушал длинное и немного заумное для его простого мужицкого ума высказывание комиссара, но в то же время в душе дивился тому,

что все-то он понял, более того, вроде бы даже был согласен с комиссаром.

— Ну-ну, комиссар. Плохо ты, видать, знаешь наших людей. Среди них всегда найдутся такие, кто накинет мокрую полость на твой огонь и притушит его.

Виктор содрогнулся при этих словах старика и сам удивился тому, что не знает, как ответить ему.

6

И вот наконец-то настала запоздалая для того года и потому такая долгожданная весна. Снова появились перелетные птицы, потеплело, началось обновление жизни. Солнце ласкало теплыми лучами уставшую за зиму землю.

С приходом весны заметно улучшилась и жизнь красноармейцев: им стали выдавать больше продовольствия, и не только хлеба, но и мяса, и других продуктов. Откуда были эти продукты, ни Виктор, ни кто другой точно не знали. Было известно только, что их присылают тыловики-снабженцы из штаба дивизии.

А однажды утром к выздоравливавшему Виктору пришли Зефиров и Бабушкин. Бабушкин несколько дней назад был назначен командиром роты, а Зефиров в той же роте — его заместителем. Оба они приехали в приподнятом настроении. В доме Павликова они появились в новом, с иголочки, обмундировании, которое еще пахло складом, а ремни скрипели при каждом движении. На руке у Зефирова висела новенькая шинель.

— Посмотри, комиссар, в какую форму нас товарищ Ленин приодел! — широко улыбаясь, проговорил Зефиров.

— Хорошо, если гражданская война закончится раньше, чем мы износим эту красивую форму,— заметил Бабушкин.

Зефиров держал большой сверток. Он протянул его Виктору:

— А вот твоя форма. Ну-ка примерь, а мы полюбуемся на тебя! Второй комплект для Мити! А куда он запропастился, что-то я его не вижу!

— Готовится с хозяином к весеннему севу,— ответил Виктор.— По специальности он слесарь, а тут вот превратился в самого настоящего крестьянина. И виноваты в этом, если это, конечно, вина, мы с вами.

Бабушкин возразил:

— Митя — не слесарь и не крестьянин, а красноармеец моей роты! Поедет вместе с нами под Петроград, где мы

должны будем защищать колыбель нашей революции от белых частей.

— Что за разговор ты сейчас ведешь! Петроград и без нашей помощи обойдется, его, можно сказать, вся страна защищает и не ждет, когда Бабушкин туда прибудет со своей ротой. А не хочешь ли ты проехать в Сибирь и там воевать против Колчака?..

— Ничего-то ты не понимаешь в стратегии! Оборона Петрограда в настоящее время намного важнее Сибири! — оборвал его Бабушкин.— Петроград — это, можно сказать, сердце революции! И наше с тобой тоже! Разве можно этот город отдавать в руки врага?!

Зефиров по привычке подкрутил усы и не без иронии проговорил:

— Разумеется, Петроград — это Петроград, но не только потому, что сам Бабушкин, великий стратег нашего времени,— питерский. Можно сказать, Суворов, только из большевиков. Стоит Бабушкину сказать только одно слово, как все части Красной Армии сразу же помчатся под Петроград, лишь бы только угодить ему.

Виктор, обрадованный приездом боевых друзей, не стал вмешиваться в их спор. Он начал переодеваться, краешком уха прислушиваясь к беседе друзей.

— Такие глупости, какие ты говоришь, могут родиться только в голове сибиряка,— решил не уступать другу Бабушкин.— Что нам делать сейчас в Сибири, когда основные силы Колчака сосредоточены в настоящее время в районе между Уралом и Волгой? А Петроград, повторяю еще раз,— это сердце нашей революции!..

Зефиров при этих словах несколько сник, но полностью все же не успокоился.

— Извини меня, друг Бабушкин, но я думаю, зря тебя назначили командиром роты, если ты так плохо разбираешься в военном деле. Направление частей Красной Армии в Сибирь даст нам возможность отрезать армию Колчака от его тылов. Я, конечно, не предсказатель, но готов поспорить с тобой на что угодно, что по Колчаку будет нанесен одновременный удар с двух сторон: Туркестанской армией с юга и нами с запада через Урал. Вот тогда-то белая армия и окажется в мешке.— Говоря, Зефиров размахивал правой рукой, будто показывая, как все это будет происходить.— В Сибири мы и уничтожим армию Колчака, но перед этим ее необходимо расчленить на мелкие части... А уничтожение Колчака...

— И как раз на Иртыше,— не выдержал Бабушкин.

— Может, и на Иртыше,— не сдавался разгорячившийся Зефиров.— Таким образом, перед нами откроется путь до самого Владивостока! До берегов Тихого океана! А когда армия Колчака будет полностью уничтожена, мы, так сказать, с развязанными руками перемолотим и остальных белых бандитов!..

Широко улыбаясь белозубым ртом, Виктор примирительно сказал:

— Вы мне лучше скажите по секрету, куда именно направляется наш батальон. Я ведь этого не знаю, а мне, как политкомиссару, надлежит выступить перед бойцами с речью.

— Ты же слышал,— пожал плечами Бабушкин,— направление — Сибирь. Кузьме сообщили об этом в штабе.

— Ты напрасно ехидничаешь,— обиделся Зефиров.— Вот когда мы будем на Урале, так сказать, на пороге Сибири, тогда и до тебя дойдет, кто же из нас был прав.

— Конечно, конечно, иначе и быть не может! Представляю, Кузьма, какой у тебя тогда вид будет!..

— Да не щиплите вы, ради бога, друг друга,— попытался примирить друзей Виктор.— Один Силаев точно знает, куда нас с вами пошлют. Подождите немного, и вам это станет известно...

— Дорогой ты наш комиссар! — перебил Виктора Бабушкин.— Уважаемый ты наш Медведь! Мы давно воюем вместе с тобой, можно сказать, плечом к плечу, и ты вполне заслужил, чтобы мы поговорили с тобой откровенно. Давай без шуток... Скажи, мы правда направляемся в Петроград?

— Этого я не знаю.

— Быть того не может! — Бабушкин, как бы ища поддержки, посмотрел на Зефирова.— Политкомиссару положено знать то, что известно командиру.

— Ну а я точно ничего не знаю.

— Да не темни... Нам-то уж ты можешь сказать,— не отступал Зефиров.— Клянусь тебе, мы никому не проговоримся! В Сибирь нас перебрасывают, да? На Колчака, верно? Ведь сначала надо сокрушить его...

Комиссар не знал, что и делать. Как успокоить расшумевшихся друзей?

— Вы как дети, честное слово! Я вовсе не против: спорьте себе на здоровье. А я, будь на то моя воля, поехал бы не в Сибирь и не в Петроград, а в родную Венгрию. Но поскольку для этого в настоящее время да еще при создавшейся ситуации нет никакой возможности, то я поеду туда,

куда мне прикажут. Так что перестаньте спорить и дайте мне возможность написать мою речь, с которой я обращусь к бойцам...

Разговор был прерван неожиданным появлением Егора Силаева — командира интернационального батальона.

Вместо того чтобы поздороваться с присутствующими, Силаев, что называется, с ходу набросился на Бабушкина:

— Чем занимается твоя рота, Бабушкин?!

— Переодевается в новое обмундирование, товарищ командир! — доложил Бабушкин, встав по стойке «смирно».

— А приказ по батальону? Я же приказал подготовиться к маршу! Сегодня вечером я провожу смотр первой роты. Если найду хоть какой-нибудь беспорядок, всю роту накажу: будете нести караульную службу! Иди и немедленно наведи в роте порядок! Чтобы боевая готовность была на высоте! Ясно?

Бабушкин попятился:

— Так точно, товарищ командир! В роте будет полный порядок. Зефирова первого проверю.

Бабушкин быстрыми шагами вышел из дома, а Зефиров неохотно последовал за ним.

— Ребята беспокоятся очень.— Силаев сочувственно посмотрел на комиссара.— Я их понимаю. Каждый из них хочет попасть в родные края.

— Я тоже понимаю,— заметил Силаев.— В Ташкенте в эту пору яблони цветут, а на Каме сейчас морозец и снег еще лежит. Надеюсь, ты им ничего не сказал?

— А я знаю только, что мы должны прибыть в небольшой городок на Каме.

Силаев явно волновался и потому перевел разговор на другую тему:

— Надя скоро приедет. Может, привезет нам что-нибудь интересное. Митя уже знает о решении командования?

Виктор отрицательно покачал головой, потом сказал:

— С ним бы поговорить надо, но будет лучше, если это сделаешь ты сам.

— Нет, давай вместе. Надя к нам привыкла, а это много значит.

— Война всем осточертела, все ее ненавидят, проклинают, так что не удивляйся, если Матьяш откажется.

— К его отказам я уже привык.

— Вот увидишь, как только начнет сходить снег с полей, крестьяне побегут от нас: для них земля, по которой они так соскучились за годы войны, это все. Для них это сама жизнь.

— Хорошо, что приказ уже получен,— сказал Силаев, но в голосе его не было радости.— А без этого нам вообще трудно было бы поддерживать дисциплину.

— Нужно не просто зачитать приказ, а как-то объяснить бойцам, чем он вызван,— посоветовал командиру комиссар.— Ты зачитаешь приказ перед строем, а я постараюсь разъяснить, зачем он нужен. Надеюсь, что бойцы поймут меня.

Силаев немного повеселел и заметил:

— Заранее уверен в том, что речь твоя будет великолепной, однако вряд ли даже она зажжет бойцов...

И тут в комнату вошел Матьяш. Он увидел на постели аккуратно разложенную военную форму, и глаза его весело блеснули.

— Прошу разрешения присутствовать! — полусерьезно сказал он.

— Оставим формальности, Митя,— махнул рукой Силаев.— Ты все еще наполовину гражданский.

— Что есть, то и ношу, — ответил Матьяш.

— Вон новая форма — она твоя, — сказал Виктор.

— Могу надеть ее?..

— Пожалуйста, если хочешь.

— Ну и хорошо!

— Подожди, Митя, — остановил Матьяша Силаев. — Не торопись.

— Командир, не ехать же мне домой к родной матери вот в этих лохмотьях! Она бы разрыдалась...

— Не об этом сейчас разговор! — Силаев нехотя почесал в затылке. — Ты лучше скажи, готов ли ты, надев новую форму, сознательно выполнять обязанности красноармейца?

— Но ведь с лета прошлого года я и так с вами нахожусь, делаю то же самое, что и любой другой боец. В боях участвовал, все тяготы переносил, только что присяги не принимал.

— Послушай меня, Митя, — начал командир. — То, о чем я тебе сейчас скажу, нужно будет выполнить завтра утром. И выполнить непременно.

— Хочу заранее предупредить тебя, — заговорил и Виктор. — Ты сам вправе распоряжаться собственной судьбой. Но если надумаешь остаться с нами, тогда перестань упрекать нас. До утра подумай, а завтра скажешь.

— А о чем думать-то? Вы меня так пугаете, как под Царицыном белые офицеры не пугали. Да говорите вы наконец яснее!

— Надев новую военную форму, Митя, ты перестанешь быть добровольцем и будешь бойцом регулярной Красной Армии. Интересы революции требуют строгой воинской дисциплины, никакого разгильдяйства не будет. Приказ — вот основа всей деятельности армии. А приказы — закон для подчиненных, даже и такие, какие, быть может, кому-то не нравятся. С завтрашнего дня бойцы уже не будут выбирать себе командиров, как делали это раньше. Командиры будут назначаться руководством сверху.

Матьяш растерянно поглядывал то на брата, то на Силаева.

— А с вами теперь что будет? — неуверенно спросил он.

— Нас высшее начальство утвердило на этих должностях, — сказал командир. — Сейчас речь идет о тебе. Мы знаем, что ты рвешься уехать домой. С нашей стороны было бы нечестно обещать, что здесь тебя ждет легкая жизнь, если ты останешься. Сейчас нет ни одного человека на свете, который мог бы сказать, до каких пор будет продолжаться эта война и как она закончится. Знаешь, Митя, мы с тобой, если так можно сказать, стоим на разных ступенях, но если ты с нами останешься, то, разумеется, будешь пользоваться нашим полным расположением. Сам понимаешь, жизнь у нас нелегкая. С каждым может произойти что угодно. Убьют нас, или мы останемся в живых — этого никто не знает. От нас многие ушли — те, кто боялся за свою шкуру и ничем не хотел рисковать. Ушли, вернее сказать — сбежали русские люди, а ведь в настоящее время как раз и решается судьба их родины. Судьба твоей родины пока что от тебя не зависит, а стало быть, тебе не нужно бежать — ты просто можешь отойти в сторону...

— И зачем ты мне все это говоришь? — недоуменно спросил Матьяш. — Да и вообще вы оба будто отговорить меня хотите.

Силаев подошел к Матьяшу вплотную и, положив ему на плечо руку, сказал:

— Я, как и Виктор, тоже не могу не предупредить тебя о серьезности этого шага. Если ты официально вступишь в Красную Армию, никакой самодеятельности! Беспрекословное выполнение всех приказов и распоряжений — вот святая обязанность каждого бойца. Ты фронтовик и хорошо знаешь, что это значит.

Матьяш пошевелился, и командир убрал руку с его плеча.

— Что-то от ваших слов на душе невесело становится. — Матьяш поежился.

— Неужели ты не понимаешь, что мы не имеем права обманывать тебя или что-то приукрашивать? — спросил Виктор.

— Но нельзя же беспрестанно говорить только об опасностях и трудностях! А почему вы ни словом не обмолвились, например, о возможных успехах и победах?

— Потому что за них еще предстоит бороться, — спокойно ответил парню Силаев.

— А если мы победим? Если переживем все трудности? Что тогда?

Такого вопроса, видимо, не ожидали ни командир, ни комиссар. Да и могли разве они ответить сейчас на него?

— Ты уже не первый день находишься среди нас, так что должен бы и сам догадаться, что будет, — уклончиво ответил Силаев.

— Конечно, я могу предположить, что произойдет потом, — спокойно, рассуждая вслух, сказал Матьяш. — Над этим задумывается сейчас вся Россия. Если победит рабочий класс, весь народ, то на русской земле возникнет первое в мире пролетарское государство. Фабрики, заводы, земля, шахты — все перейдет в руки трудового народа. Но меня лично интересует совершенно другое. Какая мне польза будет от этого? Вы вот тут сейчас ждете моего решения, а я в свою очередь интересуюсь, что мне лично даст победа пролетариата. Могу спросить об этом и иначе: с чем я уеду в Венгрию после вашей победы? Что я увезу туда не для себя, а для венгерских рабочих? Начну там такую же заваруху, которую пережил здесь? Еще раз буду рисковать собственной шкурой? Но ведь это же не детская игра!.. Вот о чем вы мне скажите. А то, что вы тут наговорили, я все прекрасно знаю... — Матьяш так разволновался, что Виктору пришлось успокаивать его.

— Не горячись ты! — сказал он брату. — Ты ничего у нас не просишь, мы тебе ничего не обещаем. Разве человек, который вытащил из горящего дома детишек и женщин, сделал это ради награды?.. Мы ведь не просим заплатить за хлеб тех, с кем мы делимся своим хлебом. Ведь Йожеф Бем ничего не просил у Лайоша Кошута, когда тот встал во главе венгерских гонведов, обороняя Трансильванию. Венгерские революционеры тоже ничего не просили у Гарибальди, когда надели красные рубашки. Нам и после победы еще придется сражаться, и, быть может, долго...

— Хорошо, хорошо! Только не говори так, будто ты находишься на собрании, — попросил Матьяш. — Я с тобой сейчас говорю как брат с братом, а не как с комиссаром.

Если я правильно понял, вы просите меня решиться на будущие бои. Хорошенькое будущее! Но скажите, вы хоть знаете, за что будете драться в ближайшее время?

— Да, мы знаем, — ответил Силаев.

— И конечно, это военная тайна?

— Да.

— Я так и думал, — с иронией проговорил Матьяш. — Вы, конечно, для того и существуете, чтобы беспокоиться обо мне. А может, лучше было бы прямо сказать, что за приказ вы получили?

— Завтра узнаешь, — коротко ответил Виктор.

— Путь у нас будет далекий, Митя, — сказал Силаев. — И не в сторону Венгрии, а совсем в другом направлении. Больше я тебе пока ничего не могу сказать...

— Вы тут мне все о высоких целях говорили, а для меня самое главное заключается в том, что здесь находится мой брат и Надя. Получается так, что я должен пополам разорваться. С одной стороны, мне уже давно пора бы быть дома, чтобы порадовать родственников, пожить на родине, а с другой — я вроде бы должен оставаться с вами, чтобы вас не потерять... Вот что хочешь, то и делай...

— Что касается лично меня, братишка, то я охотнее всего поехал бы с тобой домой. Побродили бы мы по родным улицам, порадовались тому, что мы наконец-то дома...

— Знаешь, брат, со мной разговаривать о таких вещах опасно: мы с тобой так далеко забрались от родного дома... Как подумаю, что нужно ехать еще дальше, да еще неизвестно на какое время...

— Ладно, Митя, успокойся, — перебил парня Силаев, — один раз я уже выписывал тебе проездные документы, ничего, выпишу и в другой раз. Доберешься до Венгрии, до родного дома, так что нет тебе никакой надобности разрываться на две части. Мы же тут постараемся остаться в живых, а Виктор, как ты понимаешь, и без тебя не пропадет.

Матьяш почувствовал себя неловко и, чтобы не встречаться взглядом ни с Виктором, ни с Егором, начал смотреть в небольшое окно, как будто для него сейчас это было самое главное.

И вдруг он увидел Надю. На ней была солдатская шинель, за спиной — карабин.

Ничего не объяснив товарищам, парень выскочил из дома и сломя голову помчался к Наде, забыв закрыть и входную дверь, и калитку.

— Надюша!.. Ты?! Все в порядке?..

Надя расцеловалась с ним, поправила съехавший с головы платок, потом карабин и сумку, висевшую у нее на боку, и только после этого заговорила:

— Конечно, в порядке! Меня провожали такие же храбрые парни, как ты... — Она зарделась. — Подожди-ка, я тебе тут кое-что принесла! — Повозившись немного с замком сумки, она открыла ее и достала кусок душистого туалетного мыла. Поднеся его к самому носу Матьяша, спросила:— Ну, что ты скажешь? Хорошо пахнет?..

Матьяш с удовольствием вдохнул приятный, освежающий запах. Мыла он, пожалуй, не держал в руках с тех пор, как уехал из родного дома. Он понимал, что достать на пятом году войны кусок дорогого мыла было для Нади героическим поступком. Парень обнял девушку и несколько раз поцеловал ее в губы и в обе щеки.

— Дорогая моя... Ну, пойдем, а то начальство уже заждалось тебя.

На душе у обоих было легко, как бывает у молодых и влюбленных людей.

— Добрый вечер, — поздоровалась Надя, первой войдя в дом. — Вот я наконец-то и дома... Ох, какие же вы все красивые в новой форме! — воскликнула она, оглядывая Виктора и командира. — А мой Митя почему не в новой форме?

Матьяш лишь пожал плечами. Выручил его Силаев, который перевел разговор на другую тему:

— Сначала о деле. Что сказали в Киселевке, получив мое донесение?

— Передали, чтобы вы действовали строго по приказу.

— А письма не дали?

Надя достала из сумки серый конверт и протянула Силаеву со словами:

— Вот это передал комдив, сказал, чтобы лично вам отдала.

Силаев вскрыл пакет и, достав бумагу, начал было читать, но тут же перестал и каким-то странным голосом попросил:

— Зажгите лампу... Я что-то плохо вижу...

Виктор вместо лампы зажег свечу и, поставив ее на стол, отошел в сторону. Силаев немного подождал, пока успокоится пламя свечки, и начал было снова читать бумагу, но вдруг протянул ее Виктору:

— Читай ты!

Комиссар, наклонившись к бумаге, начал читать. Глаза его сначала сузились, затем расширились, на лице отрази-

лось удивление. Дрожащей рукой он протянул листок Матьяшу и спросил:

— А на это ты что скажешь?..

Удивленный их поведением, Матьяш взял бумагу, попробовал читать, но спустя несколько секунд отказался:

— Я не могу разобрать почерк. Но что вас обоих так расстроило?

Обведя взглядом всех троих, Надя взволнованно потребовала:

— Дай-ка сюда! — Она взяла у Матьяша бумагу, подошла к столу и, немного наклонившись над ним, чтобы было лучше видно, начала монотонно и невыразительно читать:— «Товарищ командир батальона! На торжественном построении всего личного состава батальона приказываю сообщить бойцам о том, что в Венгрии родилось второе в мире пролетарское государство. 21 марта 1919 года венгерский рабочий класс взял власть в свои руки! Революция там свершилась, по сути дела, без вооруженной борьбы, и эта замечательная победа избавила венгерский народ от страданий гражданской войны. Таким образом, славная Советская Россия приобрела в лице Венгерской советской республики первого союзника— братский пролетариат Венгрии! В самом сердце Европы победоносно реют красные знамена, которые воодушевят наших бойцов на окончательную победу над врагами!..»

Все радостно переглянулись.

— Чудеса, да и только! — первым нарушил тишину Виктор. — Неужели это правда? Неужели?!

Матьяш, словно ребенок, радостно рассмеялся и торопливо заговорил:

— Видишь, Надюша! Вот в каком городе я живу! Представляю, что теперь творится в Будапеште: все ликуют, радуются!.. И я очень рад этому! По такому случаю не грех надеть новую форму, чтобы не портить общий строй батальона своими отрепьями... Вот теперь совсем другое дело! Теперь я с вами готов идти хоть на край света!..

И Матьяш, словно одержимый, начал так энергично стаскивать с себя свои лохмотья, что все рассмеялись.

— Этой минуты я никогда не забуду, — перестав смеяться, первым проговорил Силаев. — У меня сейчас такое состояние, как будто и я мадьяр.

— Спасибо, товарищ командир... — смущенно сказал Виктор.

Надя, сама по натуре очень чувствительная, терпеть не могла, когда чересчур чувствительными становились мужчины. Передав письмо командиру, она сказала:

— Пойду-ка я лучше приготовлю вам ужин.

Матьяш тем временем уже переоделся в новую форму и, пройдясь по комнате взад и вперед несколько раз, радостно заулыбался, а потом даже захохотал.

— Что с тобой, Митя? — удивленно спросила Надя.

— А ты разве не видишь? Командир, видно, позабыл выдать к новой форме ботинки. Любопытно, в чем бойцы утром выйдут на построение: в старых рваных башмаках или босиком?

— Сегодня же всем будет выдана новая обувь, — твердо пообещал Силаев.

7

С юго-востока дул сильный резкий ветер, который старожилы этих мест называли афганцем. Он сдувал гребни барханов, снося верхний слой светлого песка и постепенно перемещая его в лощинки, заставлял нервно трепетать пустынные растения. В Каракумах еще не кончилась весна, и коегде можно было заметить небольшие островки зелени и чахлые растеньица, которые отчаянно боролись с ветром и песком.

Ветер крепчал, яростно полоща брезентом палаток. Солнце безжалостно палило, раскаляя песок и воздух. Многие искали убежище под покровом палаток, но и там было не лучше: нечем было дышать.

А подразделения все подходили и подходили со стороны железнодорожной станции. Бойцы интернационального батальона Силаева разбивали новые палатки, и палаточный лагерь рос буквально на глазах. Бойцы держались относительно спокойно, но лошади, завезенные из Европы, грызли удила, нервно крутили головами и хвостами, будто их кусали оводы. Слышалась разноязычная речь бойцов—русская, венгерская, немецкая, болгарская и сербская.

Матьяш, раздевшись до трусов и обливаясь потом, чистил в палатке свою винтовку. Жара стояла такая, что пот заливал лицо и капал с кончика носа. За пологом палатки кто-то разговаривал по-венгерски, и Матьяшу казалось, что он находится не в песках Каракумов, а где-то в Венгрии.

В палатку вошел Ференц Майорош. Его потное лицо раскраснелось, будто он только что плотно пообедал. Ференц тоже был без рубашки, его загорелое тело блестело от пота.

— Ну, как ты себя чувствуешь здесь? — по-дружески спросил он Матьяша.

— Спасибо, хорошо, только все время хочется пить, как и остальным бойцам.

Майорош сел на землю, по-азиатски поджав под себя ноги.

— А ты помнишь, как мы купались с тобой в Доние? — спросил он.

— Сейчас бы так...

— А ведь тогда я не думал, что судьба еще раз занесет меня в Каракумы.

— А вообще, на кой черт нас сюда перебросили, хотел бы я знать?! Ведь говорили, что мы будто бы направляемся на Каму.

Майорош, словно ребенок, зачерпнув одной ладонью песок, начал не спеша тонкой струйкой пересыпать его в другую руку.

— Да, дружище, здесь сейчас наше слабое место, дыра, можно сказать, и, если мы ее не залатаем, Советская власть в Туркестане может пасть.

Матьяш вставил затвор в ствольную коробку и как бы нехотя заметил:

— Уж больно много дыр, там — одна, здесь — другая, где-нибудь — третья...

— Мы должны отбить у белых Кушку. Пока она находится в их руках, это одновременно и крепость, и «ворота», через которые на территорию Туркестана проникают подрывные элементы из Персии и Афганистана. Наша задача в том и заключается, чтобы закрыть эти «ворота» и тем самым обезопасить весь Советский Туркестан, территория которого равна трем Франциям.

— Не спорю, чтобы повидать столько песка сразу, стоило приехать в Каракумы, — по обыкновению пошутил Матьяш.

Майорош встал и, выходя из палатки, шутливо щелкнул парня по голове.

— Ты, парень, все шутишь, а это уже хорошо!

Матьяш сильно хотел пить, но его фляжка была пуста. «Неужели здесь нигде нельзя достать воды? — подумал он и, положив винтовку на землю, накрыл ее куском брезента, а сам пошел искать воду. Он спрашивал о воде у всех, кого встречал, — русских и венгров, но и у них воды не было. Возле повозки с пустой цистерной толпились бойцы, недоумевая, почему до сих пор сюда не подвезли из Теджена воду. Лошади, переминаясь с ноги на ногу, широко раздувая ноздри, нюхали горячий песок. Легче всего переносили жару местные жители, служившие проводниками, и их неказистые маленькие лошадки. Узкоглазые проводники в тюрбанах, не слезая с лошадок, спокойно беседовали между собой, погля-

дывая сверху вниз на европейцев. Однако у Матьяша не было времени долго рассматривать их. Он хотел разыскать помпохова батальона — на эту должность Силаев назначил Кузьму Зефирова. В конце концов Матьяш нашел его в палатке, где тот копался в каких-то вещах.

— Скажи, Кузьма, совесть у тебя есть? А если есть, то тревожит ли она тебя?! — не поздоровавшись, набросился Матьяш на Зефирова.

Кузьма, прежде чем ответить на этот не очень-то тактичный вопрос, со злостью пнул пустую жестянку из-под патронов.

— Чего ты добиваешься? Уж не хочешь ли ты меня обвинить в том, что тебе пришлось оставить дома свою Надю? Пошли ей депешу: скучаю, мол, очень. А она, как получит ее, сразу же примчится к тебе!

— О Наде ты лучше не вспоминай. А вот то, что мы скоро начнем здесь околезать от жажды, — это просто возмутительно!

— Можешь пожаловаться своему брательнику, а не то самому Силаеву. Вот попадешь в Теджен, там и прохладишься. Ты спрашиваешь, почему нам не подвозят воды? Это я и сам хотел бы знать, поскольку тоже чертовски хочу пить!

— Ладно, ладно, только ты не обижайся, если бойцы выпьют воду, предназначенную для охлаждения пулеметов!

— Попробуйте только! Кто посмеет до нее дотронуться, пристрелю на месте!

Пока Матьяш препирался с Кузьмой в палатке помпохоза батальона, снаружи послышались какие-то крики и шум, слившиеся скоро в сплошной гвалт. Матьяш и Кузьма выбежали из палатки и бросились туда, где толпились бойцы, отправившиеся, как оказалось, навстречу двигавшемуся к лагерю обозу. Со стороны горизонта медленно змеилась длинная колонна, сопровождаемая с обеих сторон вооруженными всадниками. Тут и там среди колонны виднелись цистерны с водой, а рядом с ними темнели полевые кухни, над которыми струился дым. И хотя и колонна и толпа бойцов двигались навстречу друг другу, исстрадавшимся по воде красноармейцам казалось, что расстояние между ними вовсе не сокращается. А когда они все же сблизились, то охранявшие обоз часовые не разрешили бойцам приблизиться к повозкам. Но вот в голове обоза, верхом на лошадях, показались Егор Силаев и Виктор Медве. Матьяш и Зефиров с трудом узнали их — такими уставшими и запыленными они были,

Когда обоз въехал в центр палаточного лагеря и остановился, раздался зычный голос комбата:

— На каждую роту выделено по цистерне воды! Ротные командиры несут ответственность за ее раздачу! Вечером ротных командиров и комиссаров прошу явиться в мою палатку!

Совещание в палатке командира батальона началось при тусклом свете карбидной лампы. Кроме командиров и комиссаров вокруг стола, покрытого красной кошмой, сидел никому не известный человек. Это был мужчина лет тридцати, с курчавыми волосами и волевым лицом с выпуклым лбом.

Когда все расселись и в палатке установилась относительная тишина, незнакомец встал и, окинув внимательным и цепким взглядом собравшихся, заговорил так, как будто со всеми он был давным-давно знаком:

— Товарищи, приветствую вас от имени и по поручению командования фронта. Фамилия моя Соколов, зовут — Евгением. Прибыл я к вам из Ташкента, чтобы на месте ознакомиться с положением дел и одновременно поставить задачу, которую вам надлежит выполнить. От вас до Ташкента более тысячи верст, а вот до противника — значительно меньше. Его части крепко удерживают крупный населенный пункт Байрам-Али, до которого отсюда верст тридцать. Командование фронта возлагает на нас, товарищи, очень ответственную задачу. — С этими словами представитель командования фронта достал из кармана френча какую-то бумагу. — Освобождение южной части Каракумов от белых — задача, можно сказать, стратегического значения. Карты сейчас у меня под рукой, к сожалению, нет, но вы, надеюсь, и без нее понимаете, о каком районе идет у нас с вами разговор. Нижняя точка этого треугольника — Кушка, железнодорожная конечная станция, самый южный населенный пункт бывшей царской империи, являющийся воротами в Персию и Афганистан, а далее в Западную Азию и Индию. В настоящее время этот важный опорный пункт находится в руках белых, которые, как вам всем хорошо известно, отстаивают интересы Антанты. Владея Кушкой, они контролируют всю южную часть Каракумов. С точки зрения противника, они захватили территорию, с которой, как с трамплина, могут наступать на Чарджуй, затем выйти на сибирское направление, а через Ашхабад и Красноводск — в европейскую часть России. Как говорят старики тут, на Востоке, тигренка лучше всего задушить тогда, когда он только появил-

ся на свет. Верхними точками названного мною треугольника являются Ашхабад и Чарджуй.

В данный момент наше положение критическим не назовешь, поскольку мост через Амударью под Чарджуем и сам город находятся в наших руках. Ашхабад — тоже наш, и это препятствует движению белых в направлении Красноводска и далее через Каспийское море и не дает им вторгнуться в южную часть России. Белые упорно удерживают в своих руках Байрам-Али, осуществляя из него связь и с неблизкой Кушкой. И, выражаясь образно, хотя у нас с вами не связаны руки и ноги, горло наше как раз и сдавлено белыми. Пока Байрам-Али у них в руках, они в любой момент могут задушить нас. А значит, и наше положение в Кушке, скажем, ничем не лучше, чем положение англичан в Гибралтаре. Все крупные оазисы — у белых, вся вода — в Байрам-Али и к югу от него. Они получают из Кушки английское оружие, боеприпасы, продовольствие, обмундирование, снаряжение. Нам же остается сидеть в пустыне, и это будет продолжаться до тех пор, пока мы не захватим оазисы и источники воды.

На минуту Соколов остановился и, набив трубку табаком, раскурил ее. Сделав несколько глубоких затяжек, он продолжал:

— Белые приятно проводят время на шикарных виллах, а мы вынуждены тайком собираться в безводных местах. Напряженность с водой ухудшает наше общее положение, но с сегодняшнего дня вода будет доставляться частям и подразделениям бесперебойно. Теджен в наших руках, мы могли бы обосноваться и в Дху-Дху-Кхане и в Сагар-Чаге, но не делаем этого только для того, чтобы белое командование думало, что к востоку от Теджена до самой Амударьи красных нет и в помине. И они верят этому, так как предполагать, что мы с вами находимся вот здесь, просто непостижимо. С Каспийского фронта мы можем снять лишь отдельные подразделения, пополнив их туркменами, которые решили примкнуть к нам. Единственной самостоятельной частью на вашем участке является отдельный интернациональный батальон под командованием Силаева, переброшенный по приказу главковерха с Дона в Туркестан. Учитывая ваш богатый боевой опыт, командование фронта возлагает на вас большие надежды. Все остальные подразделения и небольшие группы поступают в ваше распоряжение.

Комиссаром объединенной группы назначен Виктор Медведев, а его заместителем товарищ Бабушкин, который одновременно является еще и командиром роты. В тесном взаи-

модействии с вами будет действовать из района Чарджуя Казанский интернациональный полк, получивший боевую закалку еще в декабре 1917 года в боях под Самарой и Оренбургом, а затем переброшенный в Туркестан. В составе этого полка — две трети венгров и одна треть русских. Завтра вы встретитесь с ними при штурме Байрам-Али. Мы надеемся на их успешные действия, а они в свою очередь не сомневаются в том, что вы будете на высоте и не подведете.

Представитель командования фронта замолчал и сделал еще несколько затяжек, переводя внимательный взгляд с одного командира на другого.

— Что же касается меня, то мы с вами будем встречаться частенько, — продолжал он после небольшой паузы. — В районе Кушки я тоже постараюсь быть, когда вы ее будете брать. И теперь самое главное. Завтра я уеду в Ташкент, где доложу командованию о положении на вашем участке. Вы же, товарищи, расходитесь по своим подразделениям и готовьте бойцов к маршу, но постарайтесь сделать так, чтобы бойцы немного поспали бы, отдохнули. Всего хорошего!

Пока шло совещание, Зефиров приготовил чай для его участников, а поскольку было уже темно, то пить чай решили под открытым небом: в палатке все еще было душно.

— Видишь, Кузьма, напрасно ты в свое время спорил с Бабушкиным о том, куда нас направят: в Сибирь или под Петроград, — шутливо проговорил Виктор, наслаждаясь душистым зеленым чаем.

Ни Зефиров, ни Бабушкин не промолвили ни слова. Молчали и другие командиры, упиваясь редкими минутами отдыха, овеваемые вечерней прохладой после жаркого дня.

Первым нарушил молчание Виктор.

— Но и желание Егора тоже не исполнилось, — заметил он. — Отсюда до Ташкента добрая тысяча верст, и мы находимся в Туркестане. А как же полосатые дыни, дружище?

— О них пока можно только мечтать, но мечта эта скоро осуществится, — тихо пообещал Силаев.

Соколов снова принялся набивать табаком свою трубку. Он так низко наклонил голову, что густые пряди волос упали ему на лоб.

— Жаль, конечно, что до Ташкента тысяча верст, измотаюсь я, пока доберусь до него. Но если до Ташкента вам далеко, то до Байрам-Али, можно сказать, рукой подать. Возьмете его, а дыни и там есть... Ну да ладно, пора спать...

Не сердитесь, товарищи, а я уже сплю сидя. Вы же, если хотите, беседуйте...

Сказав это, Соколов растянулся на теплом еще песке и, вынув изо рта трубку и зажав ее в правой руке, тотчас же уснул.

Разговор прекратился сам собой. Вставать всем нужно было очень рано, еще до рассвета.

«Что-то ждет нас завтра, — подумал Ференц Майорош.— Кого победа, а кого и смерть... В бою всякое возможно...»

Повернув голову в сторону Виктора, который сидел рядом с ним, он увидел, что тот уже спит сном праведника.

После полуночи на небе появилась луна, и пустыня осветилась ее призрачным светом. Перед рассветом бойцов подняли по тревоге. Они начали седлать и запрягать лошадей и верблюдов, готовясь к нелегкому переходу. Впереди колонны шли проводники, для которых эта безбрежная равнина была что раскрытая книга, которую они читали безошибочно. Перед рассветом стало прохладно, потому что ночью в пустыне быстро падает температура. Дышалось легко. Караван сильно растянулся и стал походить на пеструю длинную змею, которая медленно ползла по барханам.

Матьяш шел в середине колонны и слышал вокруг себя лишь одну венгерскую речь, сильно приглушенную, поскольку говорить разрешалось только шепотом. В пулеметном взводе, в котором состоял и Матьяш, почти все пулеметчики были венграми. Только один хороший парень из Таганрога был русский, по фамилии Шишкин. Бойцы шли пешим порядком, а пулеметы и боеприпасы к ним везли конные повозки.

Ференц Майорош заметил, что Матьяш с вечера что-то загрустил, ушел в себя и почти все время молчал. Подойдя к парню, Ференц некоторое время шел молча рядом с ним, а потом тихо поинтересовался:

— Ты что, Матьяш, устал?

— Нисколько, — ответил Матьяш.

— Или настроение неважное?

Настроение у Мити было действительно скверным. Он едва переставлял ноги. С каждой верстой он все больше удалялся от дома. Когда-то он мечтал вернуться домой из Галиции, чуть позже — с берегов Дона, дождавшись конца войны. Ближе всего к дому он был тогда, когда попал на Украину, но военная судьба распорядилась иначе и забросила его вместе с батальоном Виктора на фронт под Цари-

цын. Сражаясь на берегах Волги, Матьяш был почти уверен, что останется в живых и вернется в Венгрию хотя бы с Волги. А теперь вот и до Царицына далеко. Отсюда, из Каракумов, до дома такое расстояние, что даже подумать страшно. Расстояние до родины увеличилось вдвое, если не больше.

Однако Матьяш не привык жаловаться. Тем более не хотелось показывать перед Майорошем, что ему тяжело.

— Настроение, не скрою, скверное, — откровенно признался парень.

— Ничего, злее будешь палить по белякам, — сказал Ференц.

— Что верно, то верно. Дам им прикурить, как и под Царицыном.

— По мне, так можешь стрелять и с улыбочкой, — заметил Ференц. — А я понаблюдаю, рядом буду.

— Под Царицыном что-то я тебя рядом с собой не видел.

— Дался тебе этот Царицын. А сказать тебе, почему не видел?

— Скажешь после, когда настроение у меня еще хуже станет, а сейчас лучше о чем-нибудь другом расскажи.

— Например, о чем?

— Например, о том, что отсюда, как ты сам знаешь, есть и другая дорожка, и ведет она домой только через Персию и Турцию.

Майорош молча отошел от парня, словно и не слышал его слов. Не захотел слушать дальше, попусту травить душу, потому что ему и самому хотелось домой не меньше, а скорее больше Матьяша — дома его ждали жена и двое ребятишек.

Постепенно начало светать, из-за горизонта выплыл диск солнца, казавшийся здесь, в пустыне, особенно большим, окруженным какой-то короной. И чем дальше шли люди, тем выше поднималось над горизонтом солнце, с каждой минутой все сильнее накалялся воздух.

Через час колонна остановилась на небольшой привал, бойцы получили сухой паек и по фляжке воды. А затем снова тронулись в путь. Желания разговаривать ни у кого не было. Шли молча, с трудом вытаскивая ноги из песка. Лошади устали. На солнце блестели их потные крупы. Чтобы не видеть бесконечного простора пустыни, бойцы старались смотреть себе под ноги, так вроде бы легче было идти.

Командир, идущий во главе колонны, громко скомандовал:

— Стой!

Однако это распоряжение, казалось, никого уже не обрадовало.

Колонна согласно приказу расчленилась на несколько самостоятельных, но связанных единым приказом подразделений, каждое из которых двигалось в заданном ему направлении. Байрам-Али еще не было видно.

Матьяша нервировала неопределенность. Их пулеметный взвод двигался в юго-восточном направлении. Пулеметы с повозок не снимали, хотя лошади уже измучились и шли медленно, роняя на раскаленный песок обильную пену с губ.

Местные проводники в стеганых халатах и чалмах показывали дорогу, если так можно было назвать бесконечные сыпучие пески. На их невозмутимых лицах нельзя было прочесть ничего. Неторопливо добравшись до склона большого бархана, который тянулся с запада на восток, караван остановился.

Проводники, воздев руки к небу, пробормотали себе под нос молитву и, повернув лошадей, поехали в обратном направлении, а красноармейцы остались на раскаленном песке — тридцать семь венгров и один русский.

— Кто не боится обгореть, может снять гимнастерку, — спокойно произнес Майорош и, словно желая подать личный пример, снял с себя гимнастерку и бросил ее на песок рядом с собой. — Здесь пока и окопаемся. Белые вряд ли находятся поблизости, но мы пока поостережемся им показываться.

Пулеметы поставили в ряд на расстоянии метров двадцати пяти один от другого.

Сам Ференц, как и обещал Матьяшу, расположился неподалеку от него:

— Ну, скоро попотеем, — бросил он как бы в шутку.

— Ничего, — коротко ответил Матьяш, вытирая пот с лица.

Помощником у Матьяша был парень из Чонграда. Звали его Янош Торнаи. Оба молча начали искать подходящее место для огневой позиции. У Торнаи была толстая шея и маленькие уши. Оказалось, что он неплохо разбирается в своем деле. Он правильно выбрал место для пулемета, и это успокоило Матьяша.

Когда пулемет был установлен и даже приведен в боевое положение, Матьяш предложил:

— Если хочешь, будешь наводчиком.

Но Янош, бывалый фронтовик, сказал:

— Лучше ты, а я помогать тебе буду.

— Ладно.

И тут откуда-то издалека донеслись звуки артиллерийских разрывов.

— Вроде бы с севера палят, — заметил Матьяш.

— А у тебя хороший слух, — соглашаясь с ним, сказал Лайош. — Оттуда наши гонят на нас беляков.

— Откуда ты это знаешь?

— Слухом земля полнится.

— Байрам-Али, Байрам-Али! Сколько дней подряд только о нем и говорим!.. — произнес Матьяш. — Я ни одной юрты пока не вижу.

— А ты, случайно, не близорукий? Посмотри вправо и увидишь Байрам-Али. Вот он перед нами... Фиговых деревьев в нем много, базар богатый, чайханы, а самое главное — есть холодная кипяченая вода. Вон туда смотри! Видишь, там воздух как бы струится? — И Лайош показал рукой в ту сторону, откуда доносилась стрельба.

Приглядевшись повнимательней, Матьяш действительно различил на самом горизонте туманную полоску, которая как бы колебалась между небом и землей.

Теперь издалека в перерывах пушечной стрельбы доносился шум настоящего боя с ружейно-пулеметной стрельбой.

Матьяш весь напрягся, превратившись в слух.

Из соседнего пулеметного гнезда кто-то крикнул:

— Эй ты, Баклажан! Дай папироску или махорочки!

— Вот открою в Бухаре собственную табачную фабрику, тогда и дам! — ответил Торнаи.

— Ну, ты еще не так загорел, чтобы обзывать тебя Баклажаном, — заметил Матьяш.

— Конечно! Правда, моя мама торгует в Чонграде зеленью, но это вовсе не значит, что надо мной можно потешаться, — проговорил Лайош. Достав фляжку, он, к удивлению Матьяша, выпил из нее всю воду.

— Ты что, с ума сошел?!

— Помолчи лучше, а то еще ротный услышит.

— До вечера без воды свихнешься.

— Ну, до вечера еще надо дожить. А в животе у меня ей будет надежнее, да и я спокойнее буду, зная, что фляжка моя пуста. Я, как верблюд, трое суток без воды могу выдержать, а вот четверо — не пробовал.

Матьяша тоже мучила жажда, однако он решил пока потерпеть и воды не пить.

Ференц Майорош, лежавший неподалеку, тоже истекал потом, но, несмотря на это, старался быть веселым: ему, как командиру, нужно было показывать личный пример. Крас-

ное от пота лицо его было тщательно выбрито (побриться он умудрился еще ночью), а усы лихо закручены.

Проверяя позицию Матьяша и Торнаи, Майорош не удержался и похвалил их:

— Молодцы, так держать! У вас на позиции порядок, как на корабле. Эх, корабли, корабли! Какие они белые и чистые — залюбуешься! Ходишь, бывало, по палубе как кавалер. К слову, сегодня воскресенье, а в воскресенье каждый порядочный мужчина до синевы выбрит...

Тем временем ружейно-пулеметный огонь заметно усилился.

— А я и не знал, что сегодня воскресенье, спасибо за напоминание, — усмехнулся Матьяш. — Но не объясните ли вы мне, дорогой командир, зачем мы тут без дела торчим, когда на северном направлении идет бой?

— Объясню, почему же не объяснить, — понимающе кивнул Майорош. — Только давай договоримся, что мы, как и раньше, будем называть друг друга на «ты», хотя я и старше тебя на шестнадцать лет.

— Ладно, тогда, будь добр, объясни мне, зачем мы тут торчим. Мой брат где-то поблизости ведет бой, а я, как ты знаешь, без него скучаю, особенно когда нет дела.

— Вопрос вполне законный, — поддержал Матьяша Торнаи.

Ференц Майорош лег на песок и спокойно сказал:

— Вот посмотрите сюда!—Он пальцем начал чертить на песке какую-то замысловатую схему. — Здесь, в самом центре, Байрам-Али, а вот здесь, правее, идет на Чарджуй караванная дорога и рядом железнодорожная ветка. Вот тут, к югу от города, находимся мы. По звукам боя, которые мы с вами слышим, можно вполне определенно предположить, что наши ребята наступают со стороны Чарджуя, там как раз и действует Казанский интернациональный полк. Белые, находящиеся в Байрам-Али, обороняясь, залегли в сухом арыке, но конные дозоры из местных жителей, чтобы выкурить оттуда беляков, пустили в арык воду из Мургаба. Вот и пришлось белым покинуть свою удобную позицию, а то ведь этак и захлебнуться можно. Рано или поздно, теснимые казанцами, они начнут отступать к югу, надеясь, что там никого нет, а там-то их и поджидает твой брат с частью бойцов батальона, но, разумеется, не для того, чтобы обтереть их мокрые морды полотенцами. С запада им путь отхода отрезан, с востока, со стороны реки Мургаб, — тоже. Остается один-единственный путь — прямо на юг, тем более что это самый короткий путь на Кушку, а тут мы их и

встретим огнем всех пулеметов. О том, что мы здесь, белые не имеют ни малейшего представления. Вот здесь мы их и уложим на песочек... А теперь слушайте приказ: огня без моей команды не открывать! Все ясно, ребята?

— Ну и хитрый же ты, командир, как все моряки! — рассмеялся Лайош.

— Приятно слышать такое, — проговорил Майорош, стирая нарисованную им на песке схему.

Часа два спустя все произошло так, как предполагал командир. По его команде пулеметчики открыли огонь и скосили много белых. Часть белых залегла, часть была обращена в бегство. Особенно много убитых оказалось перед позициями самого Майороша, Матьяша и русского бойца по фамилии Шишкин. Трупы людей смешались с трупами лошадей. Раскаленные от непрерывной стрельбы стволы пулеметов то и дело заклинивало, и они замолкали, и тотчас же в эти места бросались наступавшие, стараясь спастись от огня тех, кто еще мог стрелять. Бешено погоняя лошадей, припав к их шеям, белые мчались дальше к югу. Однако кое-кто из них не только бежал, но еще и норовил полоснуть какого-нибудь пулеметчика шашкой по голове. Восемь пулеметчиков были сражены наповал, а трое ранены.

Вскоре показались красные подразделения, которым удалось выбить белых из Байрам-Али. С темными от пороховой гари лицами, в мокрых гимнастерках с большими белыми пятнами от пота, красноармейцы были похожи на чертей. Они едва держались на ногах от усталости, руки у них дрожали, но были они по-настоящему счастливы, как могут быть счастливы только победители.

Виктор, с ввалившимися глазами и перепачканной гарью бородой, быстрым шагом шел вдоль позиций пулеметчиков, разыскивая Матьяша. Увидев его, он радостно рассмеялся, затем шутливо толкнул на песок:

— Братишка!.. Дорогой!.. Жив-таки!.. — Улыбка расползлась по его лицу, и Виктор, усевшись рядом с Матьяшем на землю, крепко обнял его.

Когда опьянение победой немного прошло, все принялись за дела. Первым делом перевязали раненых, оказав им посильную медицинскую помощь; затем похоронили убитых. Больше всего сил ушло на захоронение трупов белых. Их закопали в общих могилах.

Трофеи оказались довольно богатыми — набралось много различного оружия, одеял, шинелей, сапог и ботинок. С убитых лошадей сняли седла и упряжь. А в самом Байрам-Али трофеи оказались еще богаче — пушки, повозки с цис-

тернами для воды, много продовольствия, табаку, чая, конных повозок и боеприпасов.

Когда с основными делами, не терпящими отлагательства, было покончено, Силаев приказал построить батальон. На скорую руку приведя себя в порядок, подтянув ремни и стерев с лиц копоть и грязь, красноармейцы встали в строй.

— Товарищи бойцы! Красноармейцы! — громким, хриплым голосом начал Силаев. — В сегодняшнем бою вы на деле доказали, что способны творить чудеса! Поздравляю вас с победой! Сейчас мы немного отдохнем, поедим, выпьем горячего чайку и снова в дорогу — нам предстоит нелегкий марш в южном направлении. А когда отобьем у белых Кушку, по-настоящему отпразднуем победу!..

Располагаясь на отдых, бойцы отрывали для себя в песке ямы поглубже. Там, в глубине, песок не был таким горячим, как на поверхности. Бросив на дно шинель или одеяло, люди приспосабливали над этим временным убежищем простыню или кусок брезента, чтобы хоть немного спастись от жгучих лучей палящего солнца. Все с нетерпением ожидали, когда подвезут питьевую воду. Пошли уже четвертые сутки, а воды все не было.

Лошади, завезенные сюда из европейской части России, пали, не выдержав неимоверной жары и отсутствия воды. Местные проводники покинули лагеря, в которых остались только русские, татары, венгры и несколько немцев и болгар.

Накануне, после захода солнца, на последнем верблюде уехал в северном направлении Ференц Майорош. Вся надежда оставалась только на него: либо он привезет подмогу и воду, либо всем придется умереть. Майорош отправился в северном направлении, поскольку справа и слева можно было встретить конные дозоры белых, охотившиеся за красноармейцами.

Люди нетерпеливо ожидали возвращения Майороша. Несколько человек выползли на гребень бархана, чтобы встретить его первыми и первыми утолить жажду. Среди них оказались Матьяш и Торнаи. Прошло более суток, как уехал Ференц. Время было ему вернуться, но Майороша все не было.

Виктор держался молодцом и, хотя сам чувствовал себя очень скверно, старался поддерживать дух бойцов. Выгля-

дел он не лучше других — щеки ввалились, седые волосы перепутались, борода свалялась, усы уныло отвисли, потрескавшиеся от жары губы не закрывали зубов. А ведь совсем недавно он выглядел молодцевато, зычным голосом отдавал команды, заразительно смеялся; грудь выпирала колесом, ремень еще больше подчеркивал статность фигуры. Сейчас Виктор даже не знал, куда делся тот самый ремень, с которым он не расставался с ноября 1917 года, когда в отряде красногвардейцев участвовал в боях против левых эсеров на московских улицах. Теперь Виктору было уже не до воспоминаний. Только мучила мысль о том, что надо во что бы то ни стало разыскать Матьяша, который находился в группе Ференца Майороша.

— Комиссар, что теперь с нами будет?.. — увидев Виктора, прошептал пересохшими губами лежавший на песке боец.

И только тут до Виктора дошло, что он ведь и на самом деле комиссар. Он не смог ничего ответить бойцу, потому что губы и язык уже не повиновались ему, а хватать открытым ртом горячий воздух не хотелось — это причиняло сильную боль легким. На то, что открытые участки кожи оказались обожжены, Виктор уже не обращал внимания.

Немного посидев на песке и отдохнув, Виктор, собрав последние силы, встал и направился в палатку командира батальона, в которой они размещались вместе. Силаев лежал на раскинутой на песке шинели. Щеки его заросли густой щетиной.

— Если я пущу себе пулю в лоб... не обессудь и никого не вини... Я этого вполне заслуживаю... — тихим хриплым голосом сказал он Виктору.

Виктор лег на свое место, даже не обратив внимания на слова Силаева. Он уже был не в состоянии ни думать, ни чувствовать. Единственное, что еще держалось в голове Виктора, — это мысль о Матьяше, которого он не видел со дня взятия Кушки красными...

Кушка! Брать этот город они шли лихо, с пением. Но прежде чем добраться до него, им нужно было совершить восьмидневный марш через пустыню. После взятия Байрам-Али бойцы прошли более двухсот километров, а когда наконец увидели вдали горный хребет, находившийся уже по ту сторону границы, они сразу же воодушевились, почувствовав, что близки к долгожданной цели. Кушку они намеревались взять с первого приступа. У наступающих было много оружия, боеприпасов, питьевой воды и вьючных животных. Не хватало одного — точных данных о группировке

противника. Командование фронта предполагало, что в Кушке сосредоточены значительные силы белых. Разведка деятельно собирала свежие сведения. Однако для взятия города нужна была тщательная подготовка.

Командование белых, понимая всю важность Кушки как опорного пункта, сосредоточило в городе значительные силы, костяком которых стали ударные офицерские роты. К ним примыкали готовые на все добровольцы из числа богачей, которых революция лишила их владений и привилегий, за что они с самого начала гражданской войны жестоко мстили Советской власти. Хорошо зная, что в случае своего поражения они не могут рассчитывать на милость победителя, они были готовы сражаться до последней капли крови. Пехотным подразделениям были приданы кавалерийские отряды, а англичане не поскупились даже на тяжелую артиллерию.

Разумеется, идти на штурм города одним особым батальоном, насчитывающим восемьсот штыков, без тщательной подготовки было равносильно безумию, хотя у Силаева и было достаточное количество боеприпасов, захваченных в Байрам-Али. Но чем дольше красные выжидали, тем скорее таяли запасы продовольствия и питьевой воды, тем более что и то и другое в условиях пустыни быстро портилось. Теперь бойцам ежедневно доставляли воду, на каждого приходилось только по одной фляжке, но затем и эта скудная норма была уменьшена, поскольку полностью контролировать железнодорожную ветку протяженностью двести с лишним километров не было никакой возможности и белые перерезали ее то в одном месте, то в другом. В бои с крупными силами красных белые предпочитали не ввязываться, полагая, что жара сама сделает свое дело.

Наступавшие на Кушку подразделения красных остановились километрах в тридцати от города и, сразу же оказавшись перед лицом противника, превосходившего их как в живой силе, так и технике, превратились из наступающих в обороняющихся.

Силаев не имел постоянной связи со штабом фронта. Он даже не рассчитывал получить пополнение. Однако хуже всего дело обстояло с питьевой водой. Можно было ругать за это вышестоящее начальство, но Силаев понимал, что дело не в недосмотре или нерасторопности снабженцев. Причина была гораздо серьезнее — белые блокировали пути подвоза воды.

Командир батальона и политкомиссар обсудили с командирами рот и взводов создавшееся положение, ничего не

скрывая и не приукрашивая. Сообща решили обо всем откровенно рассказать бойцам, чтобы те знали правду. Большую разъяснительную работу предстояло провести с венгерскими бойцами, которые составляли две трети личного состава батальона. Эту задачу Виктор взял на себя, а Силаев решил сам побеседовать с русскими красноармейцами.

В таких условиях началась подготовка к первому штурму Кушки.

Целую неделю Ференц Майорош мотался по пустыне в поисках декхан, у которых он покупал верблюдов за золотые рубли. С трудом пополам удалось собрать целый караван, состоявший из верблюдов и туркменских лошадок, которых можно было запрячь в повозки.

Забрав все самое необходимое, бойцы с наступлением темноты двинулись на Кушку. Проводником был декханин, ехавший на белом осле.

Командир батальона Силаев намеревался на рассвете нанести по белым неожиданный удар и занять Кушку.

Проводник-туркмен, ехавший на белом осле, поведал бойцам о том, что белый осел — это не только очень и очень большая редкость, которую аллах посылает в подарок лишь тем людям, которых особенно любит, но еще и священное животное.

Вот это-то священное животное едва не погубило весь батальон. Еще не рассвело, когда наступавшие незаметно приблизились к окраине города. Бойцы бесшумно развернулись в цепь в готовности перейти в атаку, как вдруг предрассветную тишину огласил дикий крик белого осла. Хозяин, как ни старался, не смог заставить замолчать животное, примеру которого последовали верблюды-дромадеры, которые принялись громко и долго кричать на всю округу.

Встревоженные белые сразу же сообразили, в чем тут дело, и, быстро подняв свои подразделения по тревоге, открыли ураганный огонь.

Красным пришлось отступить, ведя огонь на ходу. Проводник-туркмен на белом осле пал первым на поле боя. А верблюды, перепуганные стрельбой, начали разбегаться кто куда, унося на себе тюки с продуктами, боеприпасами и драгоценной водой.

Батальон Силаева отошел на исходную позицию — в лагерь. Хорошо еще, что белые не решились преследовать красных.

Немного отдохнув, бойцы начали готовиться к новому наступлению. К счастью, на помощь им подошли подразде-

ления Казанского интернационального полка, вместе с которым бойцы Силаева участвовали в захвате Байрам-Али.

Спустя две недели командир батальона Силаев предпринял новое наступление на Кушку, уверенный в своем успехе. Главные усилия нужно было направить на штурм крепости, позади которой располагалась железнодорожная станция. Без захвата этой станции нельзя было и надеяться на полный успех.

Бой начался утром и продолжался два часа. Ценою больших усилий крепость была взята, но на флангах продвижение красных застопорилось. Стоило бойцам, взяв крепость, увидеть здание железнодорожного вокзала, как никакая сила уже не могла остановить их.

Однако командование белых, не растерявшись, предприняло контратаку по флангам вклинившихся красных, тем более что на станцию прибыли два бронепоезда, вооруженные пушками и пулеметами. Это и решило исход боя в пользу белых.

Силаеву пришлось отойти и на этот раз, унося с собой убитых и раненых. Положение осложнялось еще и тем, что начались перебои в поступлении медикаментов и перевязочного материала. Над батальоном Силаева и остатками Казанского полка нависла угроза полного уничтожения. Однако бойцы твердо решили не отступать ни на шаг.

В самый критический момент прибыл наконец-то Ференц Майорош с подмогой, а самое главное — он привез питьевую воду. Впереди небольшого каравана ехали проводники-дехкане, а вслед за ними — лошади, мулы и верблюды с продовольствием и спасительной водой. Первым делом всех бойцов напоили водой. Постепенно все пришли в себя, оживились. К вечеру лагерь заметно ожил.

Особую заботу Виктор проявил к пулеметчикам. Их он обошел по очереди, снабдил наполненными водой фляжками.

Только после этого он отыскал Зефирова, который один лежал возле пулемета с открытыми глазами. Губы Кузьмы искажала гримаса. Казалось, он едва заметно улыбается.

— Кузьма!.. Ты слышишь меня, Кузьма? Я принес тебе воды...

Но Зефиров даже не пошевелился — он либо спал, либо был в обмороке. Виктор подошел ближе и понял, что Кузьма уже мертв.

Виктор плеснул из фляжки на ладонь немного воды и обмыл ею лицо умершего. Потом, словно вспомнив о чем-то, побежал к лагерю, громко крича:

— Ребята!.. Зефиров умер!..

Однако Виктору только казалось, что он громко кричит, на самом же деле он едва слышно шептал.

На следующий день, к полудню, из Чарджуя прибыло пополнение: три усиленные роты общей численностью семьсот человек. Прибывший с ними Евгений Соколов передал распоряжение штаба фронта — удерживать позиции до подхода новых подразделений, чтобы подготовиться к очередному штурму Кушки.

Соколов уверенно заявил, что впредь снабжение всем необходимым не будет прерываться, так как положение красных частей, захвативших ряд новых населенных пунктов, значительно укрепилось. Теперь их основные силы будут брошены на овладение Кушкой. Было приказано больных и раненых отправить в тыл, а в Чарджуй — группу венгров силой до роты. Соколов сообщил, что венгров якобы перебросят на Украину, но с какой целью, этого он не знал.

В тот же день начали отбирать группу венгров для отправки. В число их попали Матьяш, Майорош, Торнаи. Командовал этой группой Бабушкин.

8

Рассветало. Ранние птахи порхали по кустам, растущим на берегах Днестра, и коротко переговаривались на своем птичьем языке, выражая, видимо, радость по поводу начинающегося дня, который сулил много приятного и интересного. Вокруг стояла первозданная тишина. Такой покой и такая свежесть бывают только летом перед самым восходом солнца. На правом берегу реки кое-где росли плакучие ивы, длинные гибкие ветви которых склонялись до самой воды. Зеленели густые заросли кустарника.

В этих зарослях на крохотном пригорке замаскировались Матьяш и Торнаи. Ночью их переправили сюда с левого берега, где Бабушкин со своей ротой дожидался подручных средств. Он с бойцами должен был переправиться на противоположный берег, а затем, установив связь и наладив взаимодействие с соседними подразделениями и частями, вошедшими в только что сформированную новую дивизию, развивать наступление на запад, в направлении Венгрии. Там они, по предположению высшего командования, должны были соединиться с частями венгерской Красной армии, отстаивавшими молодую Венгерскую советскую республику, объединить свои усилия в интересах венгерского и русского пролетариата. У венгров и русских, как выяснилось, были и

общие цели, и общие враги — мировой империализм, который никак не хотел смириться с появлением первой в мире Советской республики. Возникновение Венгерской советской республики в самом центре Европы, под боком у империалистов, вызвало у них ярость. Противники русской и венгерской революций восприняли их как очень сильный и опасный пожар, который мог перекинуться и на другие страны. Его нужно было любыми силами, не жалея никаких средств, потушить, и чем быстрее, тем лучше.

Яноша Торнаи познабливало. Его полные красивые губы посинели. Небольшие глаза парня превратились в узкие щелочки. Он сильно хотел спать. Время от времени Янош поглядывал то на будку перевозчика, то на Матьяша, который перебинтовывал раненую левую ногу. Рана Матьяша еще полностью не зарубцевалась и болела, и он при ходьбе заметно прихрамывал.

— Наши почему-то запаздывают. Еще немного, и взойдет солнце, а их все нет и нет...

Не в пример Яношу Матьяш совсем не хотел спать. Он нервничал, по старой привычке покусывал нижнюю губу.

— Да, нигде никого... ни впереди, ни сзади...

— Ничего не понимаю! — добродушно пробормотал полусонный Торнаи. — Всей роте давно пора быть на берегу. Потерять такую темную ночь... У меня такое чувство, что нам с тобой неплохо было бы отойти назад.

Матьяш пошевелил ногой и, поморщившись от боли, резко бросил:

— Ни на шаг! Не для того мы десять суток наступали, чтобы теперь ни с того ни с сего отойти, да еще самовольно...

— Подозрительна мне эта мертвая тишина... Как бы не быть беде...

Матьяшу не понравилось, что такой смелый парень (а в смелости Торнаи он уже имел возможность убедиться в предыдущих боях в Каракумах) вдруг забеспокоился и даже захандрил.

— Брось дурака валять и чепуху молоть, — сказал Матьяш другу. — Лучше наблюдай за местностью. Глаз не спускай с хижины перевозчика. Ну, видишь ты там чего-нибудь?

Зябко передернув могучими плечами, парень односложно ответил:

— Нет...

Для переправы на другой берег реки Бабушкин облюбовал именно этот участок. И не без причин: во-первых, за-

росшая подлеском и кустарником прибрежная полоса позволяла приблизиться к реке незаметно для белых, расположившихся на противоположном, более высоком берегу, а во-вторых, сама переправа находилась напротив местности, по которой было удобно продолжать наступление. Да и правый берег, тоже заросший кустами, позволял сосредоточить силы незаметно для противника. Справа находилась полузаброшенная хижина перевозчика. Форсировав реку на этом участке и выдвинувшись на пригорок, рота оказывалась в очень выгодном положении — отсюда можно было держать под обстрелом всю впередилежащую местность. Но переправиться на другой берег и взобраться на пригорок удобнее всего было под покровом темноты, однако это почему-то не было сделано.

Вдвоем же, вооруженные только винтовками, Матьяш и Торнаи не отважились добраться до хижины перевозчика, которая находилась не на самом берегу, а на значительном расстоянии от воды. В случае встречи с противником им было бы трудно отойти на исходную позицию, не говоря уж о том, чтобы добраться до своих.

Теперь же предполагаемый первоначальный план рушился сам собою. Ночь уже миновала, а бойцы не получили никакого известия от своих. Они не знали, что им делать. Временами обоим казалось, что они остались вдвоем на всей Украине.

Чувство неопределенности мучило их до тех пор, пока Матьяш не заметил на краю посадок подсолнечника какое-то движение. Там будто кто-то осторожно пробирался, раздвигая стебли с крупными круглыми шапками.

— Эй ты, сонный Баклажан, протри глаза и посмотри!..

— Ты тоже решил меня так называть, хотя знаешь, что я терпеть не могу этого прозвища? Откровенно говоря, я ни черта там не вижу.

— Ты на поле подсолнечника посмотри! Немного левее от хижины перевозчика. Видишь, стебли шевелятся? Как будто кто-то пробирается к хижине...

Янош Торнаи, стряхнув с себя полудрему, внимательно присмотрелся, куда показывал Матьяш, и действительно заметил, что стебли растений шевелятся, хотя ветра не было совсем.

— Черт возьми! Теперь и я вижу!..

Оба мгновенно насторожились.

— Давай-ка проверим, что это за люди, — предложил Матьяш. — Нас они пока видеть не могут.

Посылая патрон в патронник, Торнаи сочувственно спросил Матьяша:

— Нога очень болит?

— Не отвлекайся, смотри внимательнее!

— А я это и делаю. Тебе же, как я погляжу, надо бы поскорее в больницу.

— Вот доберусь до Венгрии, до дому, заявлюсь в военный госпиталь, что на проспекте Роберта Кароя, там меня и перевяжут.

Среди подсолнечника ясно обозначились две мужские фигуры.

— Возьми на мушку правого! — распорядился Матьяш.

Он ясно видел, как, осторожно ступая, к хижине перевозчика пробирались двое: один в гражданской шапчонке, другой — в фуражке.

— Подожди! Спешить не будем, а то можем выдать себя. Давай понаблюдаем за ними, выясним, чего они хотят. Кажется, это украинские националисты.

Торнаи замер, как охотник, который обнаружил долгожданную дичь.

— Эх, будь у нас сейчас наш пулемет! — с сожалением выдохнул он. — Давай пальнем, пока они не ушли!

— Дыши глубже и не психуй! Готов поклясться, что они сейчас заберутся на крышу хибары и устроят там себе наблюдательный пункт. Да и стрелять в сторону реки они могут только оттуда, ведь с земли берега не видно. А о нас с тобой они не имеют ни малейшего представления. Они и не предполагают, что кто-то мог переправиться с того берега Днестра на этот...

— Тогда зачем им так осторожничать? Давай уложим их, и точка, дружище! А то опоздаем!

Накануне вечером Бабушкин, направляя Матьяша и Торнаи на другой берег, просил их быть очень осторожными.

Переправлялись они на лодке. Когда уже все было готово, к самой воде подошел Ференц Майорош и тоже попросил Матьяша и Яноша быть предельно осторожными и действовать в зависимости от обстановки.

— Давай не будем торопиться, — тихо проговорил Матьяш. — Я же говорю тебе, они и не догадываются, что мы здесь. Пусть думают, что тут нет ни одной живой души, а у них впереди уйма времени.

— Если они установят пулемет на крыше хижины, то тебе никогда не видать родного дома, а я не увижу свою родную мамашу, не полюбуюсь, как она торгует баклажанами на рынке в Чонграде. А мне, как и тебе, хочется поско-

рее попасть домой, увидеть мать, обнять ее, поцеловать и попросить несколько крон, на которые я смог бы выпить бокалов десять винца.

Матьяш, внимательно наблюдая за приближавшимися к хижине незнакомцами, решительно сказал:

— Не болтай попусту! Возьми на мушку того, что повыше, и замри. Подождем, пока они подойдут к домику, а там видно будет.

Выйдя из зарослей подсолнечника, мужчины, словно жулики, боязливо смотрели по сторонам.

— Тьфу ты! — шепотом выругался Торнаи. — Этот длинный и не догадывается, что я его держу на мушке. Смотри-ка, закрутился на месте, в нашу сторону смотрит, словно чувствует что-то неладное.

Матьяш прицелился в другого мужчину, а когда тот приблизился к хижине, спросил у Торнаи:

— Ну, ты готов?

— Еще как, дружище!..

— Тогда — огонь!..

Раздались два выстрела. Мужчина в шапчонке как-то странно вздрогнул и повалился на землю. Рядом с ним упал и другой.

— Не промахнулись! Выходит, не разучились мы с тобой метко стрелять, — равнодушно произнес Торнаи. — А что теперь?

— Посидим здесь, в засаде. Вот сейчас мы с тобой и узнаем, насколько важна для них хижина перевозчика.

— Чем она для них важнее, тем хуже наши дела. Вот возьмут да и прочешут весь берег, а наши сейчас, наверное, сидят себе да чаек попивают на том берегу...

Матьяш, конечно, понимал, что друг его так вовсе не думает, а сказал это ради шутки.

— Дурные они, что ли? — серьезно отозвался на его слова Матьяш. — Здесь такая обстановка, а они там все чешутся...

— Ну, уж это ты напрасно, дружище! — не согласился с ним Баклажан. — Раз не подошли, значит, есть какая-то важная причина. Может, в штабе дивизии передумали...

— Уж больно осторожные в штабе сидят, как я погляжу. Порой мне кажется, что они намеренно сдерживают наше продвижение вперед.

— Это меня и бесит. И все же, возможно, какая-то причина для этого имеется. Что-то такое происходит...

Матьяш сжал в руке горсть мягкой земли.

— А разве в Венгрии в настоящее время ничего не происходит? — раздраженно спросил он и, не дожидаясь ответа на свой вопрос, продолжал: — Прут интервенты почти со всех сторон: с севера, юга и востока. А ведь это моя родина...

— Твоя и моя тоже...

— Тем более! Контрреволюционеры перебьют там всех наших родных, а мы с тобой тут в кустах на зеленой травке отсиживаемся.

Торнаи опять заметил какое-то движение в подсолнухах. Он плотнее прижался к земле, приподнял голову, внимательно вглядываясь вперед.

— Смотри-ка!.. Еще двое появились...

— Но эти ведут себя осторожнее,— заметил Матьяш.— Вот и выходит, что им действительно очень нужна хижина перевозчика. Но нам она еще нужнее. Эти уже не идут в рост, а ползут... Ты попадешь в лежачего?

— Должен попасть! Ведь если мы их не пристрелим, они пристрелят нас,— прошептал Торнаи.— Сейчас я его возьму на мушку.

— Смотри не торопись! Пусть они немного успокоятся, тогда и об осторожности позабудут.

— Как бы нам самим не пришлось расплачиваться за свою осторожность. Чем быстрее мы их уложим, тем лучше нам будет! — уверенно проговорил Янош.

— Ни в коем случае,— возразил Матьяш.— Если я дома расскажу, что ты мне советовал, твои знакомые смеяться станут. Ни шагу назад, только вперед, к дому!

— Но ты забыл, что Бабушкин приказал нам не ввязываться в бой. Подождем, пока подойдут наши главные силы.

— Ну хватит! — возмутился Матьяш.— «Бабушкин», «Бабушкин»! Он говорил, что на рассвете они тут будут, а где они?

— Значит, что-то у них там произошло,— стоял на своем Торнаи.— Тем более нам надо идти, пока не поздно.

— Пусть меня лучше белые тут на куски порубают, но назад я не пойду! — со злостью прошептал Матьяш.— Если ты так хочешь, иди один, а я останусь здесь!

— Хорошенькое дело,— недовольно пробормотал Янош.— Неужели ты думаешь, что я смогу оставить тебя тут одного?

— Иди. Я совсем не против, честно тебе говорю.

— Не то ты говоришь, дружище, не то. Уж не решил ли ты сдержать здесь белых одной своей винтовкой? Да и нога у тебя...

— Оставь в покое мою ногу! Ты так ноешь, что я вот-вот взвою от боли. Смотри-ка лучше туда, что-то они опять зашевелились.

Друзья припали к своим винтовкам, поправили их, наводя на цель.

— Ты какого берешь? — спросил Матьяш у Торнаи.

— А вон того, бородатого!.. Смотри-ка, они словно слышат наш разговор, опять прижались к земле.

— Ничего, мы с них глаз не спускаем. Может, для нас с тобой это будет последним препятствием перед тем, как попасть домой? А Тису и Дунай я даже в одежде переплыву.

— А мне и одной Тисы довольно, и я уже дома... Посмотри-ка вперед! Твой-то с пулеметом!

— Целься в бородатого! А другого я возьму на себя. Огонь!

Два выстрела слились в один звук.

Матьяш попал точно, а Торнаи, видимо, промахнулся.

— Смотри-ка, он бросился к пулемету!..

Торнаи не верил своим глазам: бородатый, в которого он так тщательно целился, действительно подполз к пулемету и утащил его в заросли.

— Черт бы меня побрал! — со злостью прошептал парень.— Я же хорошо в него целился! Его и пуля не берет, что ли?..

— Он, пожалуй, не понял, с какой стороны мы стреляли.

И тут длинная пулеметная очередь разорвала утреннюю тишину.

— Прижмись к земле и не поднимай головы! — посоветовал другу Матьяш.

— Он стреляет наугад,— заметил Торнаи.— Как только он высунется чуток, я его уложу!

Матьяш положил свою руку на плечо Баклажана и сказал:

— Спокойно! Отдай его мне! У меня глаз позорче. Я их так ненавижу, что наверняка не промахнусь. Зачем они попадаются на моем пути, если я домой хочу?! — С этими словами он поймал в прорезь прицела бородатого и нажал на спусковой крючок. Бородатый сразу же исчез из поля зрения, будто его вовсе не было. Матьяш опустил винтовку и как-то вяло сказал: — А все-таки это довольно противное занятие.

— Не думай об этом, друг,— начал утешать его Торнаи.— Одним гадом меньше стало на твоем пути к дому.

Однако эти слова не утешили Матьяша. Он знал, что ни те трудности, которые он перенес на хуторе Лебедева, ни бои под Ремонтной и Царицыном, ни мучения, пережитые им в пустыне Каракум, не были, как ни странно, для него такими испытаниями, которым подвергла его судьба под Киевом в Дарнице, где его ранило в ногу.

Да, да, в той самой Дарнице, где он в первый раз побывал вскоре после того, как попал в плен и оказался в лагере для военнопленных. И вот, попав туда вторично, он снова участвовал в бою, от исхода которого зависело его приближение к дому. Там его и ранило, и это ранение что-то изменило в нем. Он стал каким-то иным...

Именно тогда Матьяш решил, что враги не дождутся от него пощады, что с этой минуты он, даже раненный, будет воевать, считая своим смертельным врагом каждого, кто встанет на его пути домой и захочет силой оружия остановить его. Чтобы не волновать Надю и брата, Матьяш даже не написал им о том, что его ранило.

«Ну, а где же другие гады? — мысленно спросил он себя, желая этим хоть как-то отвлечься от грустных мыслей.— Боитесь, проклятые! Наверняка струсили!..»

— Было время, и я их боялся, но теперь это прошло... Не так страшен черт, как его малюют. Да и я теперь не тот безобидный парень, которого можно было не бояться. Теперь я далеко не тот! Сейчас, когда я стреляю в человека, я твердо знаю, что это мой враг, и не только лично мой. Видишь, браток, как быстро я усвоил науку классовой ненависти...

Янош Торнаи, не найдя подходящих слов, решил промолчать. И почти сразу же он услышал какой-то шорох за своей спиной. Янош прислушался, затем быстро оглянулся и увидел в кустах приближавшихся к ним Бабушкина и Майороша.

— Ребята, быстро назад! — проговорил Бабушкин, даже не поприветствовав их.

— Ты что, с ума спятил? — удивился Матьяш.— Мы с полуночи торчим здесь, ожидая, когда же переправится рота, а ты...

— Не спорь! Получен приказ отходить! Какие еще могут быть разговоры?..

Майорош приблизился к бойцам. Всегда розовощекий, на этот раз он был почему-то бледен, но, как обычно, до синевы выбрит.

— Из штаба полка прибыл посыльный: роте приказано отойти с позиции назад!

После боев в среднеазиатской пустыне Матьяш испытывал чувство признательности к Майорошу, который, можно сказать, спас ему, да и не только ему одному, жизнь. Однако сейчас Матьяш не сдержался и шепотом, полным возмущения, бросил:

— Какой позор! Это предательство! Перед нами очень слабый противник!..

— Митя, дорогой, приказ есть приказ, и его нужно выполнять,— совсем по-отечески проговорил Бабушкин, хотя сам был всего лет на пять старше Матьяша.

— Нас обманули! Разве так нужно сражаться за идеи революции?! Я хочу домой! Вчера, когда было безоблачно, я уже видел на горизонте Карпаты! Поймите же вы наконец, я видел Карпаты!..

Ференц Майорош молчал, не зная, что сказать этому храброму парню.

— Я тоже пытался убедить его, но не смог...— вздохнув, заметил Торнаи.— Приказывай, Бабушкин, тебя он послушает.

— Марш к лодке! — строго сказал Бабушкин.— Здесь не место для споров!..

— Я не спорить собрался, а воевать за Советскую власть!

— Командование решает, где и как нам надлежит воевать. Быстро в лодку!..

— Вы не можете или не хотите понять, что отсюда до нашей границы осталось совсем немного?..

— А ну-ка дай сюда свою винтовку! — потребовал Бабушкин.

— Получишь винтовку, если я ее тебе сам отдам: я по доброй воле взял оружие в руки.

— Ты что надумал? — Бабушкин разозлился.— Смотри, Митя, это может плохо кончиться!..

— Угрожаешь?!

— Слишком много умничаешь! Облака принял за горы! Отсюда никаких Карпат не видно! Лучше бы подумал о том, что брат за тебя ответственность несет. Но для тебя это, видать, чепуха! Ты все время без приказа суешься в самое пекло! Когда ты наконец поймешь, что в армии так делать нельзя?!

— Никто из вас даже не поинтересовался, чего я хочу,— тихо, словно оправдываясь, сказал Матьяш.

— Ты несправедлив к нам, Мати,— по-дружески заметил Майорош.— Думаешь, мне хочется отступать? Иногда бывает, что мне все хочется бросить и бежать домой... А если откровенно, то я даже как-то попытался сделать это. Ведь

у меня дома жена и двое детишек. К чему я тебе сейчас говорю об этом? Иди, ради бога, в лодку. Тебе в госпиталь нужно прежде всего. Глупо было посылать тебя в разведку... Но ты так просился, умолял, что мы не смогли отказать тебе в этом. Ты с трудом ходишь, и тебе нужно к врачу.

— До родного дома я отсюда и на одной ноге доскакал бы. Вы мне хоть что говорите, а я собственными глазами видел на горизонте Карпаты. А нога моя пусть вас не беспокоит, мне ее быстро вылечат в госпитале в Будапеште.

— В Москве тебе ее еще лучше вылечат,— сочувственно проговорил Бабушкин.— Ну, пошли!

Пока продолжался этот разговор, за местностью наблюдал один Торнаи.

— Смотрите, беляки снова зашевелились! — встревожился он.— Кончаем собрание! Если они установят свой пулемет на крыше домика перевозчика, нам всем не сдобровать!

Матьяш тоже посмотрел в сторону подсолнухов, но, взволнованный, ничего не увидел.

— Ты пока продолжай наблюдать за ними! — сказал он парню и, переведя сердитый взгляд на Бабушкина, уже спокойнее спросил: — Объясни мне, пожалуйста, почему мы должны отойти? И это в то время, когда мы в состоянии продолжить наступление?! Я не вижу никакой необходимости отходить...

— Ну скажи ты ему правду...— проговорил Бабушкин, посмотрев на Майороша.

— Если бы я мог... Я не имею права разглашать...— начал было Майорош.

— Я не об этом прошу тебя! Просто хочу, чтобы ты его образумил. Пусть сам поймет...

— Я уже говорил... Большего и я не могу рассказать.

— Конечно, правду ты сказать не можешь, а вот распоряжаться нашими жизнями имеешь право! — не выдержал Матьяш.

И тут Бабушкин схватил Матьяша за плечи, сильно потряс его и выпалил:

— Ну, тогда слушай! Белые перешли в наступление по всему фронту, по всей Украине. Части Красной Армии повсеместно отходят, только одна наша дивизия пока еще ни с места. Ты хочешь, чтобы мы еще раз попали в такое положение, как под Кушкой? Если мы выдвинемся хоть на несколько километров вперед, белые отрежут нас, окружат и по частям уничтожат всю дивизию. Ты этого хочешь? Скажи, этого?..

— Вы все тут с ума посходили! Спорите у противника под самым носом! — неожиданно вмешался в спор притихший было Янош Торнаи.— Беляки вон в цепь рассыпались...

Все четверо залегли, перезарядили винтовки и, казалось, забыли обо всем на свете, кроме того, что перед ними противник, который приближается.

Наблюдая за белыми, показавшимися из подсолнухов, Майорош спокойно, но требовательно прошептал:

— Все трое быстро отползайте к лодке, а я прикрою вас огнем.

Однако никто и не подумал это сделать. Матьяш искал подходящую для себя цель, но мысли его были заняты совсем другим.

— Вам хорошо, а вот мне...— спокойно начал Матьяш, как будто они сидели где-то за чашкой чая.— Мой брат остался в Туркестане, родители — в Пеште, Надя — в Черново, а я застрял здесь, на берегу Днестра... А известно ли вам, что у Нади от меня ребенок будет? И я пообещал ей, что родить она будет в Венгрии...

Бабушкин, не переставая следить за противником, спокойно заметил:

— Именно поэтому ты и должен образумиться! А ребенка она и здесь родит...

— Лучше смотрите за домиком перевозчика! — прервал их разговор Торнаи.— Они все-таки хотят установить пулемет на крыше!

— Ну, этого удовольствия мы им и не доставим! — сердито бросил Бабушкин.— Огонь!..

Все четверо выстрелили почти одновременно. Белые сделали несколько выстрелов в ответ, но спустя минуту прекратили огонь и затаились.

— Ну, теперь можно отходить! — проговорил Бабушкин.— Давай, Митя, скорее к лодке! Пока эти мерзавцы залегли...

Матьяшу казалось, что он не сможет сделать и одного шага назад.

— Я уж лучше здесь околею, назад меня ноги не несут...

Торнаи не принимал участия в разговоре, однако мысленно он был на стороне Бабушкина, и поэтому, воспользовавшись передышкой в стрельбе, он, прежде чем спуститься к реке, толкнул Матьяша в бок и сказал:

— Ну, ты как хочешь, а я подчиняюсь приказу! — И он пополз назад к реке.

— Ты, командир, тоже иди!..— предложил Бабушкину Майорош.— У тебя и в роте дел по горло.

— И чего только мы возимся столько времени с этим сопляком? — зло заметил Бабушкин.— Надавать бы ему, сразу поумнел бы...

— Хорошо говоришь, Бабушкин! — В голосе Матьяша не было и тени обиды.— Что ты обо мне знаешь? Надавать, расстрелять — это ты можешь. Для другого я вам, видимо, и не нужен вовсе... От Петрограда красные опасность отвели — белых отбили. А что будет с Будапештом? Это, тебя, видимо, не интересует... А у меня там родная мать, отец, сестренка...

— Замолчи! — оборвал парня Бабушкин.

— Сам замолчи, если тебе не нравится слушать меня. Пойми же ты наконец, что для меня лично революция только тогда приобретет смысл, когда она что-то даст и моему народу!..

— Беляки снова полезли,— перебил их Майорош.— Быстро вниз, и не забывайте, что патронов у нас мало!..— Он тут же начал стрелять.

Бабушкин, а вслед за ним и Матьяш тоже открыли огонь по противнику. Однако после нескольких выстрелов Матьяш растерянно произнес:

— У меня кончились патроны... Дайте мне скорее патроны!..

— Ни одного не получишь! — прошептал Бабушкин, все еще ведя огонь по белым, которые, судя по всему, осмелели.— За свой глупый риск ты вполне заслуживаешь пули!..

К счастью для красных, им и на этот раз удалось заставить белых залечь и прекратить огонь.

Когда стрельба стихла, Матьяш сказал:

— Ребята, оставьте меня здесь! Я вас буду прикрывать огнем, а потом по кустам как-нибудь убегу. Днем спать буду, а по ночам продвигаться вперед. До фронта отсюда рукой подать. Лучше кору да лягушек есть буду, но до дому доберусь. Направление мне известно — все время на юго-запад. За неделю доберусь до Карпат. А как приду домой, сразу же за оружие: у нас ведь теперь тоже республика, так что буду защищать ее! Если мы победим, вернусь за Надюшей и сыном. А уж вы ей передайте, что...

И тут Майорош схватил его за руку:

— Ты, парень! В Венгрии нет революции! Ее подавили!.. Потопили в крови! Понимаешь? Продержалась она, к сожалению, всего-навсего 133 дня!.. Уже вторая неделя пошла, как по всей стране бушует белый террор. Венгерской Красной армии больше нет... А если и есть, то это мы с тобой да такие же, как мы, мадьяры, которые сражаются в

рядах Красной Армии не только за Советскую власть в России, но и в Венгрии тоже! В Будапеште сейчас контрреволюция... Можешь идти туда, если не передумал. Но только зачем?..— Сказав это, Майорош отпустил руку парня.

Бабушкин бросил взгляд на Матьяша и, увидев, как вздрагивают его плечи, понял, что тот плачет. Забрав у Матьяша винтовку, он наклонился над ним и почти нежно проговорил:

— Пойдем, Митя, тебя жена ждет.

Матьяш неохотно поднялся и медленно поплелся вслед за ним и Торнаи.

Майорош, приподнявшись на локтях, продолжал наблюдать за белыми. И тут он увидел, что на крыше домика перевозчика белые установили пулемет. Забыв об осторожности, он крикнул товарищам, спускавшимся к реке:

— Будьте осторожны! Пошевеливайтесь!..

И в тот же миг раздалась короткая пулеметная очередь. На голову Майороша посыпались листья с деревьев. Он повернулся на бок, а затем, широко открыв рот, будто хотел крикнуть товарищам еще что-то, захрипел. На груди его быстро расплывалось красное пятно.

Бабушкин, спускавшийся к реке последним, повернул назад и побежал к Ференцу. За ним, не обращая внимания на боль в раненой ноге, бросился и Матьяш.

— Фери, дорогой!.. Дружище, не надо... Не уходи... Брось дурачиться!.. — в отчаянии закричал Матьяш.

Белые дали еще одну очередь, на этот раз более длинную, чем первую.

— Так я еще никогда не дурачился...—хрипло прошептал Ференц.— Заберите меня отсюда... Не хочу, чтобы надо мной надругались беляки...

Матьяш, казалось, обезумел. Забыв обо всем на свете, он закричал:

— Это из-за меня!.. Это я виноват!.. Фери! Скажи что-нибудь, не молчи!..

Но Майорош уже не слышал его слов. Подбежавший к ним Торнаи взвалил себе на плечи тело Майороша и быстрым шагом зашагал вниз, к реке. Бабушкин силой тащил за собой Матьяша, держа парня одной рукой. На локте другой руки у него болтались три винтовки...

Им удалось довольно спокойно погрузиться на лодку. Когда они были примерно на середине реки, белые начали по ним стрелять. И не уйти бы друзьям от верной гибели, если бы ребята из роты Бабушкина, наблюдавшие за этой

трагедией, не открыли по домику с пулеметом белых на крыше массированный огонь, который и заставил противника замолчать.

9

Ущелье было таким глубоким и узким, что с его дна небо казалось с клочок бараньей овчины. Со всех сторон поднимались к небу высокие и острые пики гор, у подножий которых, словно муравьи, копошились люди, вытянувшиеся в длинную тонкую цепочку, отдельные звенья которой то пропадали за уступом скалы, то появлялись вновь, но уже чуть дальше и выше.

От непривычной высоты у Виктора слегка кружилась голова. Вот уже двое суток, как они шли среди гор, а он никак не мог привыкнуть к необычной для него горной местности. Путь этот, нелегкий и трудный, они выбрали для того, чтобы подойти к Кушке с другой стороны, откуда их не ждали.

Сил и средств для выполнения этой серьезной задачи у них было вполне достаточно. Да и отдохнуть они немного успели, когда Ференц Майорош прибыл к ним в лагерь с водой и пополнением. Одной живой силы в общей сложности прибыло до полутора полков.

Соколов привел с собой не только венгерских интернационалистов, русских пехотинцев и матросов, которые как бы цементировали собой разнородную массу бойцов; помимо них прибыли татарские, туркменские и узбекские конники. Первая неделя ушла на то, чтобы поднять на ноги измученных отсутствием воды бойцов, три другие недели ушли на подготовку к походу. К тому же ожидался подход легкой артиллерии, без которой, как показал опыт предыдущих боев, Кушку было не взять. За это время удалось тщательно разработать план наступления, а перед самым началом похода в батальон прибыли бойцы из роты Бабушкина, правда, не все, а всего лишь около взвода: остальные либо погибли в бою, либо оказались в других частях.

С Бабушкиным изъявили желание уехать только те, кто по-настоящему дорожил честью служить в интернациональном батальоне под командованием Силаева.

Янош Торнаи тоже вернулся, хотя в батальоне Силаева он прежде прослужил совсем немного. Парень шутил, уверяя, что без него красным мадьярам Кушки не взять. Он-то и сообщил бойцам печальное известие о гибели Ференца Майороша. Ференца жалели все, а венгры в особенности.

На рассвете сводный отряд двинулся в путь в западном направлении, решив сделать большой крюк, чтобы подойти к Кушке с другой стороны, со стороны Афганистана.

Однако у афганской границы пришлось остановиться, так как афганские пограничники наотрез отказались пропустить части Красной Армии через свою территорию. И тут добрую службу сослужили каракумские кочевники, которые говорили не только по-туркменски, по-таджикски, по-узбекски, но еще и на языке пушту, на каком разговаривали и многие афганцы.

Правда, попытки как-то уговорить пограничников, ссылаясь на политическое положение и революционные принципы, ни к каким результатам не привели. А вот золотые рубли царской чеканки, патроны и подарки в виде пистолетов сделали свое дело.

Пограничников словно подменили, и они горячо заговорили о том, что стерегут границу вовсе не от русских, с которыми они всегда дружили и понимали друг друга, а от персов.

Они показали красноармейцам горную тропу, змеившуюся между скал, по которой можно было подойти незамеченными к самой Кушке. После этого объяснения пограничники исчезли и уже больше не появлялись. Проводниками красным вызвались служить местные жители — афганцы, которые хорошо знали, куда идти.

Бойцы двигались медленно. Вокруг высились остроконечные горы, защищавшие их и от ветров, и от врагов. Постепенно с западного направления колонна свернула на восток, чтобы подойти к Кушке с юга и ударить по белым с тыла.

И хотя командирам хотелось провести бойцов по более доступным горным тропам, проводники, знавшие свое дело, вели колонну не самым легким путем. Местами бойцам и лошадям с техникой приходилось карабкаться на крутые обрывистые склоны гор, чтобы затем спускаться в глубокие ущелья. Спуск порой оказывался не менее труден и опасен, чем подъем.

Виктор, еще полностью не оправившийся после боев за Царицын, сильно исхудал и плохо выглядел, однако, собравшись с силами, шел впереди колонны, своим примером подбадривая уставших бойцов.

Силаев и Соколов, как и все красноармейцы, шли пешком, хотя, как командиры, имели право воспользоваться горными верховыми лошадьми. Чтобы преодолеть узкие расселины и ущелья, кое-где приходилось разбирать повозки, ору-

дия и перетаскивать их по частям, а затем снова собирать, чтобы через несколько верст повторить все сначала. А поклажи бойцы несли немало — в горах все могло пригодиться. Самые большие трудности создавали зарядные ящики. Тяжелые и неудобные для переноски, они буквально обрывали руки.

Порой приходилось останавливаться, чтобы дать передышку лошадям, которые в условиях высокогорья быстро утомлялись и еле переставляли ноги, не поспевая даже за людьми. Однако бойцы терпеливо переносили все, уверенные, что теперь-то уж им удастся одолеть белых и взять Кушку.

Основная ставка делалась на внезапность и удар с тыла. Но где она, эта Кушка? И кого еще можно встретить на этом трудном пути? Этого не знал никто. И более двух тысяч бойцов, крепко стиснув зубы, шли все дальше и дальше.

Видя, что бойцы выбиваются из сил, командование решило сделать небольшой привал. В горах, как известно, рано темнеет, а в темноте, среди нагромождения скал, не всегда можно выбрать удачное место для отдыха людей и животных. Поэтому было решено на этот раз остановится на привал засветло, тем более что поблизости, па склоне горы, били кристально чистые ключи. Раздали хлеб — по буханке на четверых бойцов. В обычных условиях четверки, как правило, сами готовили себе и горячую пищу, но здесь, в горах, об этом можно было только мечтать, поскольку горы были безлесые, даже кустарник здесь не рос. Пришлось бойцам есть хлеб с салом и луком или вяленой рыбой. Правда, в походной кухне, работавшей на нефти, удалось вскипятить воду, чтобы бойцы могли получить хотя бы по кружке горячего чая.

Командиры подразделений остались среди бойцов, чтобы хоть как-то подбодрить их, развеселить соленой солдатской шуткой, себе облегчить душу или выслушать бойцов. Все старались не говорить ни о предстоящем бое, ни о его возможных последствиях.

Виктор, уставший от повседневного общения с бойцами и бесконечных разговоров, искал уединения, чтобы хоть на несколько минут остаться наедине с самим собой. Поужинал он куском хлеба с вяленой рыбой, запил еду кружкой горячего чая и решил подыскать себе удобное место, чтобы можно было лечь и уснуть. Найдя небольшое продолговатое углубление в скале, он бросил в него свою старую шинельку и улегся. Виктор надеялся сразу же уснуть, но он настолько устал, что натянутые до предела нервы не давали ему сде-

лать это. Вокруг расположились бойцы, которые о чем-то негромко разговаривали. Закрыв глаза, Виктор слушал многоязычный говор, но, разумеется, приятнее всего ему было слышать родную венгерскую речь.

Виктора мучили мысли о доме, о Венгрии, где сейчас шла своя война. Ему было горько, что интервенты рвут на части его родину, а он ничего не может сделать.

«Что они там творят? До каких пор будут бесчинствовать, убивать, грабить, насиловать?.. Что стало с моей бедной родиной?..»

Если бы горы вдруг обрушились на него, он, пожалуй, чувствовал бы себя лучше, чем в том положении, в котором оказался,— он не мог ответить на все эти вопросы. Утешало только то, что его соотечественники, сидящие рядом с ним, думают об отдыхе, а не терзают себя теми вопросами, которые мучают его. Люди сильно устали, а впереди их ожидал долгий и трудный путь. Не думать же о родном доме они не могли, а по ночам им часто снились родные места, близкие и дорогие люди.

Постепенно сон одолел Виктора, и он заснул на своем каменном ложе.

На следующее утро бойцы продолжили свой путь на восток. Шли они по тропе между двух высоких гор, приближаясь к древнему караванному пути, которым обычно пользовались путники, идущие из Туркмении в древний богатый город Герат.

Именно этим караванным путем пользовались и защитники Кушки для связи с англичанами.

Части красных скрытно приблизились к этому пути, оставив позади почти двести километров труднейшего пути, а впереди — всего каких-нибудь пятнадцать километров — относительно удобный участок оставшегося отрезка пути. Дороги обратно для красных не существовало. Но могло произойти и самое худшее, если их обнаружат раньше времени. Желая избежать неприятных неожиданностей, Силаев выслал к северу и югу конные дозоры.

Было еще темно, когда он разбудил Виктора.

— Ну, мы пошли, дружище,— шепотом проговорил командир батальона, чтобы не разбудить спавших рядом бойцов.— Пока все идет так, как мы задумали. Едва начнет рассветать, все должны быть в боевом положении. Командиры подразделений свои задания знают. Встретимся в долине, самое позднее — после победы.

Первое, что пришло Виктору в голову, это мысль о том, что вряд ли разумно было Силаеву идти самому в голове

колонны полка да еще рядом с представителем штаба фронта Соколовым. Виктор хотел было переговорить об этом с Силаевым, но потом передумал, опасаясь, что тот может не так понять его.

— Будьте предельно осторожны! — предупредил Виктор Силаева.— Желаю удачи!

Силаев крепко пожал протянутую ему руку и удалился. Нужно было спешить — ведь его ждали Соколов и восемь красноармейцев, которые по распоряжению Бабушкина должны были сопровождать и охранять командиров. Среди красноармейцев был один местный большевик, который показал им тропу, ведущую по склону горы к городу. Тропа шла по краю обрыва. Шли в темноте, не столько видя, сколько чувствуя друг друга. У подножия горы начался молодой лесок, а в самой долине росли уже высокие деревья.

Немного отдохнув, пошли вдоль зеленой посадки, за которой проходила изгородь из колючей проволоки. Правда, разведчики заранее предупредили командира об этом препятствии, поэтому один из бойцов захватил с собой ножницы для разрезания проволоки. В изгороди был проделан небольшой проход. Люди по очереди пролезли в него и собрались вокруг Соколова.

Медленно начало светать. Когда совсем рассвело, бойцы рассмотрели своего проводника. Это был железнодорожник из Кушки, на вид лет пятидесяти, круглоголовый, с припухшими губами. Из всей группы он выглядел самым невозмутимым. Фамилия его была Кирсанов. По выражению его лица было невозможно понять, о чем он думает. Соколов, правда, тоже казался непроницаемым и загадочным. Оглядев по очереди бойцов, он сунул в рот незажженную трубочку и, пососав ее, будто она горела, поправил на голове фуражку.

— Ну, пошли! Только осторожно! Быстро! И чтобы ни звука!..

На небольшой полянке в долине белел дом. Современный такой, в два этажа, построенный не в европейском, но и не в восточном стиле. Это было необыкновенно красивое сочетание разных стилей. Никакой охраны возле дома не было видно. Красноармейцы не знали, живет ли там кто-нибудь. По рассказам проводника, в этом доме жил начальник гарнизона. Поверить в это было трудно, так как в этом случае дом обязательно охранялся бы и не выглядел покинутым.

— Давай, Андрей,— тихо шепнул Силаев, кивнув в сторону дома.— Да не забудь взять с собой троих бойцов.

Бабушкин, не сказав ни слова, взглядом выбрал себе тро-

их солдат. Скрываясь за кустами и деревьями, они приблизились к зданию. В руке у каждого было по пистолету. Никого. Бесшумно вошли в здание. В холле нижнего этажа слышался храп. Оказалось, там спят белые офицеры. Одни спали прямо в креслах, другие на кушетке и диванах, а двое или трое растянулись на пушистом персидском ковре. Бабушкин насчитал человек пятнадцать, не больше. Судя по их позам и запаху винного перегара, стоявшего в помещении, все они были мертвецки пьяны. Некоторые, прежде чем заснуть, успели снять френчи. На столе в беспорядке стояли грязные тарелки, бокалы, лежали остатки еды. В углу валялись сабли, карабины и несколько поясов с кобурами. Сильно пахло табаком, хотя окна были распахнуты настежь, а входная дверь полуоткрыта.

Бабушкин сделал знак бойцам остановиться. Неслышно ступая, они вернулись к своим товарищам, которые с нетерпением ожидали их возвращения.

— Судя по количеству офицеров, там чуть ли не весь штаб,— сказал Бабушкин.— Но все они в стельку пьяны. Храпят так, что дом трясется.

Соколов переглянулся с Силаевым.

— Выходит, товарищ Кирсанов был прав,— проговорил Соколов.— Значит, эти мерзавцы на самом деле не ожидают нашего удара с этой стороны. В таком случае нам легче будет справиться с ними. Еще раз повторяю: действовать только холодным оружием и ни в коем случае не стрелять, иначе поднимем на ноги весь гарнизон... За мной, товарищи!

Одиннадцать человек бесшумно приблизились к дому. Впереди шел Соколов, сжимая зубами пустую трубку. Поднявшись по ступенькам, он вошел в холл, держа в руке пистолет, остальные — за ним.

— Подъем! Встать! — громко выкрикнул Соколов.

Пьяные офицеры просыпались неохотно и не сразу: они никак не могли сообразить, где находятся и что с ними происходит... Когда с офицерами было покончено, бойцы обыскали весь дом. В других комнатах обнаружили еще нескольких офицеров, с которыми тоже быстро расправились.

— На выход! — распорядился Соколов. Оказавшись в саду, он закурил и спросил: — Ну, кто из вас самый быстрый на ноги?

Все молчали.

— Нужно сообщить обо всем Виктору Медведеву. Пусть наши товарищи начинают операцию. Как только противнику станет известно, что штаб уничтожен, среди офицеров начнется паника... Пусть наши действуют строго по плану!..

Взяв с собой двух бойцов, Бабушкин направился в батальон.

— Можно сказать, нынешний денек начался неплохо,— проговорил, попыхивая трубочкой, Соколов, обращаясь к Силаеву.

Проводник был невозмутим, как и прежде. Потерев щеки, он сказал:

— Тут неподалеку есть один домишко, в котором располагается охрана. Может, заглянем туда?

— В таком случае что же мы тут стоим и прохлаждаемся? — удивленно спросил Соколов.

В домике для охраны оказалось трое спящих безмятежным сном солдат. Ничего удивительного в этом не было — это был самый тихий уголок во всем городе, куда не доносились даже звуки стрельбы со стороны пустыни. К тому же белое командование было твердо уверено в том, что красных поблизости нет и вряд ли они после двух поражений рискнут еще раз атаковать город.

Не посвящая Виктора в детали, Бабушкин передал ему приказ на наступление, а сам направился в свою роту. Виктор начал действовать согласно разработанному плану.

Один батальон в полном составе он направил в долину реки Кушки, отведя ему главную роль. По две усиленные роты он направил на левый и правый фланги, а другой батальон оставил в резерве. Полевые пушки выдвинулись на огневые позиции, которые были им определены заранее. Основной огонь они должны были сосредоточить по крепости и по железнодорожной станции.

Смешанному конному отряду, состоявшему из красных казаков, местных жителей и венгерских гусар, было приказано как можно скорее прорваться к железнодорожному мосту через Кушку, взорвать его и в двух местах железнодорожное полотно. Взрыв моста должен был послужить сигналом к началу общего штурма. От успеха кавалерийской группы во многом зависели действия артиллерии. А огонь артиллерии, в свою очередь, был условным знаком для начала наступления подразделений, которые атаковали город с северного направления.

Виктор отдал распоряжения, и ему ничего не оставалось, как только ждать. Удобно усевшись на обломок скалы, он приложил к глазам бинокль и начал внимательно осматривать город. Жители города еще спали, и его узкие улочки были пустынными. Лишь по территории железнодорожной

станции расхаживали какие-то люди. Как только раздался первый взрыв, они бросились врассыпную. Над северо-восточной окраиной города высоко в небо поднялся столб грязного дыма. Это означало, что конники успешно выполнили свою задачу. Горное эхо повторило звук взрыва, и сразу же заухали пушки, которые открыли огонь по станции с ее многочисленными складами и по самой крепости. Выстрелы следовали один за другим. В тех местах, где рвались снаряды, появились клубы густого темного дыма. В основном снаряды падали точно в центр города.

И вдруг взрывы стали более сильными и частыми — оказалось, что в результате прямых попаданий в центральный склад боеприпасов противника снаряды в нем начали детонировать один за другим.

Эти склады находились в непосредственной близости от железнодорожной станции, и, едва начали рваться боеприпасы, стоявшие па путях паровозы тревожно загудели и заскользили по рельсам, таща за собой горящие вагоны, которые некому было отцепить, поскольку все сцепщики разбежались, как только началась стрельба. Дойдя до взорванного моста, паровозы сдавали назад, но сзади на них наступали следующие. Началась невообразимая паника.

Обезумевшие и ничего не понимающие белые офицеры бежали по улицам, а красные конники рубили их сплеча. В разных концах города слышалась ружейно-пулеметная стрельба — бой достиг своего апогея.

Как только стало ясно, что успех обеспечен, Виктор, передав свои полномочия командиру резервного батальона, двинулся в город, взяв с собой ручной пулемет с тремя запасными дисками. Пока он спускался вниз, артиллерия перенесла огонь на пехоту. По звукам боя и нервозности противника стало ясно, что красные, наступающие на город с севера, тоже перешли в наступление.

И все же белые, несмотря на неожиданность и сильный огонь красных, не растерялись. Они не только не начали отступать, но, напротив, попытались перейти в контратаку под прикрытием своих пулеметов и при поддержке артиллерии.

Добравшись до перекрестка двух улиц, где огонь противника был особенно силен, Виктор решил не рисковать. Установив пулемет за углом дома, он открыл прицельный огонь короткими очередями. Справа и слева от Виктора стреляли красноармейцы — русские и мадьяры, а татарские парни, ловкие и быстрые, как рыси, подносили им патроны.

Временами, буквально на две-три минуты, огневой бой словно по приказу смолкал. И тогда Виктор пытался выяс-

нить, чей взвод или рота находится слева от него, а чей — справа. На противоположном углу улицы он увидел Яноша Торнаи, который лежал в неглубоком арыке и вел огонь из своего пулемета. Рядом с Торнаи лежал Шишкин, судя по позе, наповал сраженный пулей.

— Что с Шишкиным? — крикнул Виктор, когда стрельба на миг стихла.

— Убит!.. — послышалось в ответ. — Прямо в голову!

Стрельба возобновилась. Небольшие группы офицеров попытались пойти в контратаку, но были встречены ураганным огнем. Многие так больше и не поднялись с земли, сраженные пулями наступающих бойцов.

Виктор вел огонь короткими очередями, экономя боеприпасы, но скоро расстрелял все три диска. Тогда он начал жестами подзывать к себе подносчика патронов, но тот не рискнул перебежать через ровную как ладонь и потому открытую для огня белых площадь. В арыке, где засел подносчик, он чувствовал себя намного надежнее.

Виктору ничего не оставалось, как отползти за угол дома, а затем перебежать к стене соседнего дома, где его уже ожидал другой подносчик с патронами.

Задержав подносчика, Виктор написал Силаеву короткую записочку: «Егор, как раз напротив нас офицерская рота, которая упорно старается нас потеснить. Хотя они понесли большие потери убитыми и ранеными, к ним все время подбрасывают новых офицеров. Очень прошу тебя: поддержи нас артиллерией, сосредоточив ее огонь по позициям белых. Нам же подбрось бойцов из резерва и побольше патронов. Виктор».

Передав эту записку подносчику патронов, Виктор сказал ему:

— Беги прямо к Силаеву! — Вставив диск в пулемет, он снова начал поливать осмелевшего было противника метким огнем.

Прямо на него бежали четверо беляков, которых он уложил на месте. Справа от Виктора лежал матрос, который стрелял из карабина. Через минуту матрос заохал — видно, его ранило, но Виктор ничем не мог помочь — отойти от пулемета не было возможности. Выпустив несколько длинных очередей, Виктор крикнул очередному подносчику патронов, показав рукой на матроса:

— Унеси его отсюда!.. Его надо перевязать!..

К раненому подбежали два бойца и отнесли его за угол дома, оставив карабин.

Среди красных тоже становилось все больше раненых.

Однако минут через десять артиллерия красных открыла огонь по позициям белых, и в рядах противника началась паника.

Минут через пять Виктору поднесли ящик ручных гранат. Положив несколько «лимонок» в карман, он продолжал вести огонь из пулемета. Краем глаза он заметил, что слева и справа от него появились новые бойцы, которые сразу же начали стрелять. Пододвинув к себе карабин раненого матроса, Виктор снова прильнул к пулемету.

Постепенно огонь противника начал стихать, а по цепи бойцов от одного к другому передали команду:

— Приготовиться к атаке!..

Откуда-то сбоку вдруг словно из-под земли появился Соколов. Рукава гимнастерки засучены по локоть, пряди волос спадают на лоб, скулы на худом лице обозначились еще резче.

Плюхнувшись на землю рядом с Торнаи, Соколов громко скомандовал:

— Приготовиться к атаке!..

Виктор выпускал одну очередь за другой, стреляя почти наугад.

— Примкнуть штыки!.. Гранаты к бою!.. В атаку — вперед!..

Соколов поднялся первым и, не оглядываясь, твердо уверенный в том, что бойцы тоже поднялись, побежал в сторону позиции белых. Бойцы бросились за ним, и через несколько секунд многие из них обогнали командира.

Виктор, схватив карабин раненого матроса, тоже бросился вместе со всеми. Он бежал, замечая, как то справа, то слева от него кто-то из бойцов вдруг спотыкался и падал. Но в атаке останавливаться ни в коем случае нельзя. Только вперед!..

Через минуту бойцы ворвались на позицию белых, предварительно забросав ее гранатами... Стрельба почти прекратилась, лишь кое-где звучали негромкие хлопки пистолетных выстрелов. Огневой бой явно шел на убыль, зато рукопашная схватка продолжалась.

Несколько офицеров попытались было вырваться из кольца окружения, но их на бегу настигли красные конники...

Кушка была взята.

Тяжело дыша, Соколов приблизился к горящему зданию вокзала. Повсюду лежали трупы белых. Бойцы уносили своих убитых и раненых, а те, кому нечего было делать в наступившей тишине, искали убежища от палящего солнца в спасительной тени деревьев.

Соколов растерянно шарил по карманам, ища свою трубку, но она осталась в кармане френча в доме начальника гарнизона.

Подойдя к коннику, который, удобно устроившись в тенечке, тряпкой обтирал шашку, Соколов полусердито-полушутливо проговорил:

— Зря вы всех офицеров порубали! Они у нас сейчас своих дружков хоронили бы... Ну да ладно. Молодцы!.. Дай-ка мне махорочки закурить!

Виктор бродил по путям между вагонами, разыскивая своих друзей и бойцов. Вдруг он услышал голос командира батальона, который радостно позвал его:

— Медведев!.. Виктор!.. Дорогой ты мой, жив?

Левая рука Силаева была на перевязи, гимнастерка порвана во многих местах, с лысой головы градом катил пот, лицо было перепачкано копотью и пылью. Но командир радостно смеялся, открывая два ряда белых зубов.

Подойдя к Виктору, Силаев обнял его одной рукой. Виктор тоже хотел улыбнуться, но не смог.

— Рана серьезная?.. — только и спросил он.

— Касательное ранение, ничего страшного...

К командирам, слегка пошатываясь, подошел Янош Торнаи. Вид у него был измученный: глаза ввалились, губы потрескались, а маленькие глаза, казалось, стали еще меньше.

— Дайте глотнуть водички, — попросил Торнаи. — У меня не осталось ни глотка! — С этими словами он поднял вверх свою фляжку с дыркой от пули в боку.

Виктор сразу же узнал эту зеленую фляжку: в первый раз он увидел ее в Москве, потом — в Самаре; видел он ее и в Кинели, и под Царицыном, а в последний раз она попалась ему на глаза в Каракумах, в лагере. Именно из нее он отпаивал тогда впавшего от жажды в беспамятство Матьяша. Принадлежала эта фляжка Ференцу Майорошу.

— Дай ее мне, все равно она пробита, — попросил Виктор парня.

— Не могу! Я ее в Комаром отвезу и передам родителям Майороша, — твердо ответил Янош Торнаи.

Тут к ним подошел матрос-посыльный и сообщил, что Соколов вызывает командира и комиссара батальона на совещание.

10

После успешного овладения Кушкой командование фронта расформировало группу, участвующую во взятии города. Приданные группе части и подразделения были направлены

в места своего прежнего расположения: одни — на Кавказ, другие — в Фергану, третьи — в Москву и другие места.

Силаеву очень хотелось попасть в родной Ташкент, тем более что до него от Кушки было не так уж далеко.

Соколов же, напротив, хотел было забрать батальон в Фергану, чтобы там вместе с ним продолжать борьбу с остатками белых банд и басмачей.

Однако командование распорядилось иначе, направив остатки интернационального батальона туда, где он, по сути дела, был сформирован, — в небольшое село под Царицыном. При этом учитывалось то обстоятельство, что батальон был сильно измотан в боях, а его личный состав нуждался в отдыхе и пополнении. Штаб дивизии, в состав которой и входил интернациональный батальон, до сих пор находился в Киселевке. Командир батальона Силаев принял этот приказ скрепя сердце — его желание побыть хоть немного в родном Ташкенте, к сожалению, оказалось несбыточным. Однако он не только не стал возражать, но в душе даже порадовался за своего политкомиссара Виктора Медведева, которому не терпелось попасть на Дон, где, как Виктор надеялся, он сможет встретиться со своим братом Матьяшем.

Силаев понимал, что Виктора беспокоила судьба брата. Виктор в душе даже боялся, что Матьяша уже нет в живых.

Командир батальона решил утешить своего комиссара, убедить его в том, что Матьяш не погиб в боях за Днестр. Однако слова Силаева нисколько не успокоили Виктора.

И лишь прибыв в Черново, Виктор узнал, что брат его действительно жив, но только ранен, и настолько серьезно, что его отправили в Москву, в госпиталь. Это известие несколько успокоило Виктора, однако полностью не сняло тревоги.

В штабе дивизии, в Киселевке, узнав о крупных потерях батальона, было принято другое решение — распределить оставшихся в живых бойцов и командиров по другим подразделениям дивизии, тем более что интернациональным этот батальон уже нельзя было назвать.

Бойцам сказали, чтобы они пока спокойно отдыхали, набирали бы сил для будущих боев. Придет время — им скажут, кто из них и где будет служить дальше.

Шел ноябрь 1919 года. Осень выдалась скверная, дождливая, как и год назад под Царицыном, когда Виктор в минуту слабости сам желал себе смерти.

В доме Лебедева из большой комнаты исчезла железная кровать, на которой во время прежней болезни спал Виктор,

Не было ни круглого стола, ни шикарных старинных стульев. Одна лишь печь, выложенная изразцами, стояла на своем месте. В сырой осенний день приятно было погреться у огня.

Виктор присел на корточки перед печкой, бросая в ее открытую пасть скомканные листки бумаги. С его уставшего лица еще не сошел среднеазиатский загар. Виктор, как и прежде, был строен, лишь в волосах его заметно прибавилось серебряных нитей.

Бабушкин раскладывал вдоль стены набитые соломой матрасы. В глазах этого обычно веселого парня застыла тоска.

— Один дым останется от твоих секретных бумаг, как и от всего нашего батальона, — с упреком, будто Виктор был виноват в расформировании батальона, заметил Бабушкин.

— Не совсем так, — спокойно ответил Виктор, глядя, как огонь пожирает батальонную документацию.

— Препаршиво все кончилось. Или, быть может, ты это предвидел?

— Нет, конечно! Однако вздохами тут не поможешь. Батальона больше не существует, но остались его бойцы, которые будут продолжать сражаться и дальше.

— Остались... но сколько их осталось... Ты все еще рассуждаешь как политкомиссар...

— Что сделано, то сделано! Приказ есть приказ! — Виктор захлопнул дверцу печки.

Тяжело и медленно ступая, Бабушкин подошел к Виктору:

— Если быть откровенным, то сегодня ты показал себя трусом. В первый раз за всю свою жизнь я видел тебя таким. Ты, можно сказать, спрятался от бойцов, не посмел выйти к ним проститься, когда они уезжали.

— Не мог, боялся, что расчувствуюсь, что, чего доброго, еще слезу пущу, — словно защищаясь, сказал Виктор и приложил слегка дрожавшую ладонь к теплому боку печки. — Оставь меня в покое, не береди попусту душу!..

— Быть может, больше мы уже никогда не увидим их...

— Одни мы не останемся. Появятся новые друзья-товарищи.

— Другого такого интернационального батальона уже не будет... С зимы семнадцатого года мы во всех боях участвовали вместе. До самой смерти буду вспоминать их, как только про революцию зайдет речь...

— Да ты что, замучить меня решил, что ли, своими похоронными разговорами!.. — оборвал его Виктор.

— Не сердись, но мне очень нужно перед кем-то выговориться, — словно оправдываясь, сказал Бабушкин. — Знаю, что с тобой об этом лучше не говорить, но почему ты все-таки не вышел к бойцам? Ты, который, можно сказать, стоял у истока формирования нашего батальона! Во скольких лагерях ты побывал, сколько людей уговорил вступить сначала в Красную гвардию, а позже — в Красную Армию!..

Виктор разволновался. Он вообще-то не курил, но сейчас не смог не закурить и попросил у Бабушкина папиросу.

— Тебе это будет трудно понять, но я все же постараюсь как-то объяснить... Видишь ли, в нашей семье с давних пор установилась такая традиция, что ли... Мой отец, например, не пошел на похороны собственной матери. Вся семья ужаснулась тогда. Спустя несколько лет, в минуту откровения, отец признался, что он не мог видеть свою мать в гробу, чтобы навсегда сохранить в своей душе ее живой образ. Не хотел он ее видеть в гробу, и все.

Это объяснение несколько смягчило Бабушкина.

— Ну что ж, тогда тебя можно понять... У каждого из нас бывают серьезные причины для скорби и уныния. Только ты не вешай носа — мы с тобой вместе поедем в твою Венгрию.

— Знаешь, дружище Андрей, я буду очень рад, когда в России наконец закончится эта что-то слишком затянувшаяся война... Устал я очень.

— А что слышно о Мите? — полюбопытствовал Бабушкин.

— Ничего нового. — Виктор выпустил изо рта клуб табачного дыма. — В московском госпитале ему, конечно, неплохо, в этом я уверен, тем более что Надя тоже там и не отходит от него ни на шаг. А вот что будет с нами, этого я не знаю.

— Об этом лучше не думать. Сидим здесь как суслики, ничего не делаем, как будто о нас забыли все на свете и мы никому не нужны. Уж скорее бы приезжал Силаев! Тогда хоть что-нибудь прояснится.

— Силаеву сейчас нелегко приходится. А ты заметил, как он состарился за последние месяцы?.. Хотя я и не удивляюсь. Вчера ночью он по секрету сказал мне, что чувствует себя одиноким и жалким каким-то. Сказал, что более пяти лет не видел жены, не обнимал ее, не касался ее тела... А потом сказал, что даже как-то побаивается встречи с ней, поскольку не знает, как к ней и подойти... Слова-то ласковые за годы войны позабыл, теперь, мол, заново нужно их учить и привыкать к ним. Бедный наш Егор...

— Ничего нового этим он ни мне, ни тебе не сказал.

— Разумеется, не сказал, — согласился Виктор и пошел к столу, чтобы зажечь керосиновую лампу, так как сумерки сгущались и в комнате воцарился полумрак. — Тем-то и плоха наша жизнь... Когда мы бродили по пескам в Каракумах, я многое передумал о жизни... «Вот возьмем мы Кушку, — думал я, — и поедем домой, в Венгрию. Там нам уже не нужно будет ни с кем воевать... А будем мы только обнимать друг друга. И заживем мы в мире и полном спокойствии. По очереди будем ходить в гости к своим родным и знакомым, к девушкам, которых знали с детских лет...» Вот так-то, дружище Андрей! Но, как говорится в русской пословице, человек предполагает, а бог располагает... Я вот сейчас вспоминаю о доме, но никак не могу представить, как выглядят березки в Уйпеште, на нашем крохотном островке. Тебе, конечно, это название ничего не говорит, ведь ты не был ни в Уйпеште, ни на нашем Комарином островке посреди Дуная. А я, стоит мне только закрыть глаза, все живо себе представляю... Знаешь, когда я мечтаю о возвращении в родные места, то думаю: хорошо было бы появиться там на закате солнца, когда на том островке нет ни единой души. И одному побродить среди березок. Поцеловать девушку, которой у меня в Будапеште, к сожалению, не осталось. А знаешь, Бабушкин, я уже позабыл, как и целуются-то. И разве это не печально? А ведь мне всего-навсего тридцать четвертый год пошел.

Бросив беглый взгляд на Бабушкина, Виктор отвернулся к коптившей керосиновой лампе.

— Знаешь, комиссар, а ты самый странный человек из всех, с кем я когда-либо встречался.

Казалось, в этой полутемной комнате сгустилась атмосфера печали.

Виктор подошел к куче соломенных матрасов, улегся на один из них и только потом с горечью сказал:

— Теперь я, можно сказать, никто. Правда, есть у меня младший брат, но и тот находится в двух тысячах километров отсюда... Было у меня четыреста двадцать боевых товарищей, но многих из них уже нет в живых... Ты, конечно, прав, я действительно, можно сказать, сбежал от них, но ведь бывают минуты, когда легче умереть, чем проститься с друзьями. А скольких товарищей мы похоронили! Вспомни хотя бы старого Прокопа Кузьмича, которого мы потеряли в бою под Царицыном. А сколько он рассказывал нам о своей жене Елизавете или о дочке Варе. Любопытно, женился ли на ней ее ухажер-учитель?.. А Кузьма Зефиров... Мне до сих

пор кажется, что я вижу, как по его лицу ползет муравей... А Ференц Майорош, который не добрался ни до Кушки, ни до родного Комарома... Сколько людей мы потеряли из батальона! А сейчас возле меня многих нет — ни живых, ни мертвых. До этого я никогда не думал об одиночестве, а теперь... — Виктор поворочался на матрасе, словно его что-то беспокоило. — А я лежу тут и еще не знаю, военный я или гражданский. Свое прошлое я только что сжег вот в этой печке, а о будущем пока нам с тобой говорить еще рано.

— Давай и не будем о нем говорить! — подхватил Бабушкин. — Чего ты себя терзаешь? Несколько недель безделья тебя окончательно измучили! Не трави ты себе душу, Виктор Матвеевич!..

— Наказать меня надо за такое безделье!

— Поспи лучше, может, во сне увидишь своих будапештских девушек! Красивые они там, наверное...

— А ты какие сны видишь, Бабушкин?

— Плохие. И во сне меня девушки почему-то не любят. Наверное, за мой дурной глаз...

Послышался скрип входной двери, и на пороге появился старик Павликов.

— Сергей Иванович! — обрадованно воскликнул Виктор, увидев его.

Павликов, шумно сопя, вышел на середину комнаты, остановился, переступая с ноги на ногу.

— Виктор Медведев, а ведь я тебе привет принес! — почти торжественно произнес он.

— Да ну! — удивился Бабушкин. — Уж не от своего ли батюшки-священника?

— К нему я никакого отношения не имею, — сухо произнес старик. — Я, как был, так и остался верным рабом божьим, но батюшка рассердился на меня за то, что мне от его земли отрезали семь десятин. Он до сих пор на меня сердит, а я что могу поделать? Письмо я получил от Нади с Митей, но ведь ты знаешь, человек я неграмотный, сам прочитать не могу... Раньше я всякую писанину носил читать батюшке, а теперь я к нему не пошел, а отправился к писарю. — С этими словами старик запустил руку в карман и достал помятый листок бумаги, крепко зажав его узловатыми пальцами. — Мне письмецо-то! Прямиком из Москвы прислано!.. Да только тут так написано, что даже писарь не смог прочесть...

Виктор осторожно взял письмо и, подойдя к коптившей лампе, поправил фитиль и начал про себя читать.

— Митиной рукой писано, — заметил он, прервав чтение. Несколько минут он молчал, а потом продолжал: — Сообщает, что теперь самое страшное у него уже позади. Нога постепенно заживает. Просит он, чтобы я, если по каким-нибудь делам мне придется бывать в Москве, не забыл навестить его. Правда, он пишет, что не очень-то надеется, что это письмишко дойдет до адресата.

Бабушкин, слушая Виктора, так и светился от радости, как будто это письмо пришло ему из Петрограда от семьи.

Павликов, однако, попыхтел немного, переступая с ноги на ногу, а затем сказал:

— Ты уж тогда и об остальном рассказывай! Чего ж ты не говоришь, что Митя меня отцом назвал, а? Меня, Сергея Ивановича Павликова, назвал родным отцом! Вот оно как!.. А окромя того он еще прописал в этом письме, что отныне он мне завсегда мой инвентарь чинить станет... Да и не только мой, но и всех сельских мужиков-батраков... А еще он спрашивает, сколько пшенички можно собрать с семи десятин... Ну и дочка у меня — не промах девка!.. Если бы я умел писать, написал бы я Митеньке, сынку моему дорогому, что засеял я только три десятины, а взял с них восемьсот снопов... Правда, восемьдесят снопов, как и положено истинному христианину, я отдал попу-батюшке. Человек я богобоязненный и от господа бога отказываться не собираюсь...

— Но не нужно забывать и о налоге для Советской власти! — Бабушкин поднял вверх указательный палец.

Старик рассерженно набросился на него:

— Меня не в чем обвинить! Я отдал двадцать копен! И не забудьте, что председатель сельсовета назвал меня опорой Советской власти!

Виктор, занятый собственными мыслями, не следил за их разговором.

— Письмо было отправлено три недели назад, Сергей Иванович, — вдруг проговорил он. — За это время с Митей много чего могло произойти. Может, он снова в армии. Сейчас трудно представить, куда судьба забросит бойца в этой огромной стране.

— Рядом с Митей находится Надя, а она тяжелая, — снова заговорил старик. — И родить может со дня на день. Но в таком виде она не сможет ездить за мужем. Да еще в такое время, когда зима на носу. Так что вряд ли куда он денется. Помилуются там вместе в Москве, а потом вернутся сюда, домой. Хватит, Митя послужил и без того достаточно.

И хотя про командира батальона Егора Силаева говорили, что если он куда идет, то его еще издали узнают, на этот раз он вошел в хату незаметно. Вид у комбата был очень усталый. Шинель грязная, измятая, сапоги в грязи, фуражка и полевая сумка в каплях дождя.

— Добрый вечер. Дайте стул, а то я с ног валюсь! — А так как ни одного стула или табурета в комнате не было, он сел на матрас и, обратившись к хозяину, попросил: — Отец, не сердись на меня, но, если можно, оставь нас одних, поговорить нужно.

— А мне и здесь хорошо: я, почитай, у себя дома, — заупрямился старик.

— Все равно, иди, старина, к себе домой да приготовь нам какой-никакой ужин!

— Нечего мною командовать! — запетушился Сергей Иванович. — Я с японской войны солдатом не был.

Силаев, не вставая с матраса, снял с головы фуражку и стряхнул с нее дождевые капли, потом открыл полевую сумку и сказал:

— Ну, ладно, тогда я тебе скажу: дома тебя ждут дочка и Митя. Они только что приехали.

— Ну и шутки у тебя, командир! — воскликнул Виктор.

Силаев тяжело поднялся и, лениво потянувшись, спокойно ответил:

— Шутить я давно разучился. Беги скорее домой, старина! Да об ужине для нас не забудь!..

Поняв, что с ним вовсе не шутят, Павликов радостно заулыбался и, наскоро перекрестившись, пробормотал:

— Матерь божья! Святой Николай-угодник!.. Не забыли вы старика... не обошли радостью... Я старый, слабый человек, переживу ли я такую радость?..

Бабушкин подошел к нему и, по-дружески подтолкнув его в бок, сказал:

— А ну, сгинь поскорее с глаз моих!..

Дважды повторять эти слова Павликову не пришлось: он в мгновение ока выскочил из дома.

— Я сейчас приду! — крикнул вслед старику Виктор.

— Пока задержись! — строго проговорил комиссару Силаев.

— Я должен немедленно увидеть брата!

Командир батальона подошел к комиссару и, взяв его под локоть, тихо, но настойчиво произнес:

— Возьми себя в руки! Успеешь еще повидать брата! — Повернувшись к Бабушкину, Силаев продолжал: — Андрей,

можешь радоваться! Тебя направляют на север, будешь воевать недалеко от Петрограда.

— Небось опять шутишь? — неуверенно спросил Бабушкин.

— Что мне, побожиться, что ли?!

— Егор, что с тобой? Ты еще никогда так со мной не говорил!

Силаев улыбнулся, но улыбка эта получилась какой-то жалкой, вымученной. У него и своих бед хватало, а тут еще нужно было что-то доказывать друзьям. Силаев, как и Виктор, сильно похудел за последнее время, на лице появились глубокие морщины, а глаза из-под лохматых бровей смотрели не так приветливо и задорно, как прежде.

— Не приставайте вы ко мне с вашими глупыми расспросами, — продолжал Силаев. — Я сам предложил командованию расформировать наш батальон! Такое сейчас происходит на всех фронтах. Не мы первые, не мы последние! Командование фронта и даже сам главковерх объявили всем нам благодарность за храбрость и самоотверженность. Ну, что вам еще от меня хочется услышать?

— Уж больно коротко ты нам все это объяснил, — проговорил Виктор.

— Тебе лично или бойцам?

— Бойцы знают, что их ждет, а что будет с нами?

Силаев, снова опустившись на соломенный матрас, порылся в полевой сумке и, вынув из нее какой-то конверт, протянул Бабушкину:

— Держи, Андрей! Это твои документы! Но я пришел не прощаться, для этого у нас еще будет время.

Бабушкин взял конверт и вымолвил:

— Значит, мне остается только стиснуть зубы. Ладно, так и быть. Если ты со мной так, то и я по тебе плакать не стану.

— Да ты что, спятил?.. — Силаев шутливо ткнул Бабушкина в грудь и, глубоко вздохнув, продолжал: — У меня и без тебя забот хватает. Прочти свои бумаги — тут все ясно написано — и иди. Мне нужно переговорить с Виктором с глазу на глаз.

— Хорошо, я тоже постараюсь остаться один на один с тем, что неизбежно! — С этими словами Бабушкин вышел из комнаты с таким видом, будто он вообще не собирался больше возвращаться сюда. Ему очень хотелось, чтобы его окликнули и остановили, но Силаев не сделал этого.

В комнате установилась тишина.

— По обыкновению, самое тяжелое и неприятное я оставляю напоследок, — тихо, но решительно сказал Силаев.

— Давай ближе к сути! — сухо попросил Виктор.

Силаев, удивленный таким тоном, коротко сказал:

— Сначала отдай мне свой партбилет!

— Что такое?! — воскликнул комиссар, побледнев.

— Что слышал!

Виктор поднял голову, и стало видно, что он дрожит от волнения.

— Что это значит?! Уж не исключили ли меня из партии?..

— Не мели глупости! Просто отдай мне красную книжицу!

— Такие вещи решаются на общем партийном собрании.

— А тут особый случай, так что и решать-то нечего, — миролюбиво проговорил Силаев. — Ты ведь знаешь, что я член партийного бюро дивизии.

— Я, как тебе известно, тоже член бюро! — возбужденно проговорил Виктор.

— В таком случае ты должен понимать, что в Венгрию, где сейчас, как ты знаешь, начался контрреволюционный террор, ты с партбилетом большевистской партии поехать не можешь.

— Егор, что ты сказал? Я не ослышался?!

— Положение таково, что тебе придется туда поехать.

Комиссар минуту-другую постоял на месте, а потом принялся ходить по комнате. Он молчал, не в силах произнести ни слова и, лишь немного успокоившись, промолвил:

— Наверное, было бы неплохо, если бы сначала поговорили со мной и спросили мое мнение. А вот так, с наскоку... Нельзя же так...

— Руководство венгерской секции РКП(б) приняло решение направить тебя и еще некоторых товарищей в Венгрию для практической работы по созданию там Коммунистической партии Венгрии. Ты, возможно, недоволен тем, что я сообщаю тебе об этом в недостаточно торжественной обстановке?

Виктором же владели совсем иные чувства. Он все еще не верил сказанному.

— Глупости ты говоришь! Не удивляйся, но для меня это известие явилось большой неожиданностью. К тому же оно может иметь и кое-какие последствия.

— Виктор, ты же знаешь, что я всегда был с тобой предельно откровенен, тем более сейчас.

— Скажу тебе честно, я без особой охоты воспринимаю

это задание, — еле слышно сказал комиссар. — Домой я, как ты знаешь, хотел вернуться, но только не в хортистскую Венгрию, а в Венгерскую советскую республику! Да и с вами, откровенно говоря, мне расставаться вовсе не хочется. В конце концов, я дорого заплатил за то, чтобы из врагов русские стали мне друзьями... И вдруг такое!..

— Знаешь, мне приказали, чтобы именно я сообщил тебе об этом, хотя я очень не хотел...

Виктор прислонился спиной к стене и, глядя прямо перед собой в пустоту, сказал:

— Не оправдывайся, не стоит. Я тебя прекрасно понимаю. Приказано, значит, надо выполнять. Что же касается меня, то я все сделаю так, как мне приказывают. Просто мне бы хотелось излить душу перед другом. Жаль, конечно, что нам с тобой придется расстаться. Разумеется, у меня и мысли не было, что вдруг, вот так неожиданно, мне придется ехать в страну, пусть в родную, где в настоящее время царит белый террор. Ну да я уже привык переносить всякие невзгоды. Дома мне придется многому научиться: жить в глубоком подполье, скрывать свое прошлое и настоящее, удирать от преследователей, а их у меня будет предостаточно. С открытым забралом всегда легче бороться: врага лучше видишь... А так... Ну а для вас я останусь как воспоминание... если не забудете.

Машинально Виктор расстегнул нагрудный карман френча и, достав партбилет, протянул Силаеву.

Командир молча взял партбилет и, немного помолчав, попросил:

— Не сердись, Виктор, но командирское удостоверение ты мне тоже отдай.

— Печальная церемония...

— Поверь, я тоже делаю это без всякой радости. Охотнее всего я и сам поехал бы с тобой.

Когда Виктор отдавал командиру удостоверение, лицо его исказила гримаса, но он справился с собой.

— А тебя самого куда направляют? — поинтересовался он.

— Пока оставляют в распоряжении штаба дивизии, а что дальше будет, я и сам не знаю.

— В таком случае растолкуй мне, в чем будет заключаться мое задание?

Силаев нервно теребил ремень своей командирской сумки, не зная, как начать.

— Вот здесь секретный пакет, — наконец сказал он. — Выдан мне, чтобы я вручил лично тебе. На словах мне ска-

зали, что в нем находится официальное свидетельство о том, что ты демобилизован из рядов Красной Армии. Это свидетельство понадобится тебе здесь, на территории Советской России. Есть здесь и другой документ, точнее — справка, согласно которой ты, Виктор Медве, венгерский военнопленный, находился в городе Орша, где и работал с апреля 1916 года до ноября 1919 года. Эту справку ты и предъявишь, прибыв на родину, на пункте по приему возвращающихся домой пленных. На теплый прием там не рассчитывай. А перед самым отъездом тебя еще проинструктируют венгерские товарищи из секции РКП(б).

Пока Силаев говорил, лицо Виктора постепенно светлело.

— Я думал, что получу и другие документы, — сказал Виктор.

— Что ты имеешь в виду?

— Документы для моего брата. О нем вы что, забыли?

— Это совсем другое дело, и тебя оно не должно сейчас волновать, — с легким смущением объяснил командир.

— Возможно, начальство оно и не должно волновать, а вот меня... И все же, как вы намерены поступить с ним? Я хочу вернуться домой вместе с братом. Я был бы негодяем, если бы бросил его на произвол судьбы.

— У нас еще будет время, чтобы поговорить и о нем.

— Я только тогда буду чувствовать себя спокойно, когда прояснится дело брата! Для меня оно даже более важное и срочное, чем мое собственное.

Силаев не ожидал такого поворота.

— Причины для беспокойства у тебя нет и быть не должно, но я только прошу тебя: наберись терпения и не пори горячки. Ты же прекрасно понимаешь, что на родину ты возвращаешься, так сказать, нелегально и для нелегальной работы. Об этом не должен знать ни один человек — даже родная мать с отцом, не говоря уж о брате и прочих. Дома ты пробудешь до тех пор, пока в этом будет необходимость. Митя о твоем секретном задании ни в коем случае знать не должен.

Виктор только теперь понял, что его ждет дело самое трудное за все время, как он перешел на сторону большевиков.

— Я понимаю, но никто не может запретить мне позаботиться о дальнейшей судьбе родного брата.

— Этот вопрос я решать не в праве, — откровенно признался Силаев. — Скажу честно, что о твоем брате мы както позабыли. А ты как думаешь, что тут можно сделать?

— Матьяшу нужно выправить такие же документы, как и мне. Ни о чем другом я не прошу.

— Да, но сначала нужно спросить самого Митю,

— Сколько я с ним ни встречался, он каждый раз надоедал мне своими просьбами о возвращении домой, так что можешь не сомневаться в его решении... Наконец-то исполнится его заветное желание.

— Но ты не забывай, что у него здесь имеется жена, которая к тому же ожидает ребенка. А что будет с Надей, если он уедет? Об этом ты не подумал?..

Виктор растерянно развел руками, а затем, опустив их, тихо проговорил:

— Не знаю... Ничего-то я не знаю, кроме того, что жизнь наша не идет, а летит... Да и кто из нас может сказать что-нибудь определенное!.. Мысленно я готов ко всему, а вот он...

Заскрипела входная дверь в коридоре, послышался топот ног и шум. Нетрудно было догадаться, что идет не один человек, а несколько. Первым вошел в комнату старик Павликов.

Переступив порог, он уже зашумел:

— Чего вы тут застряли? Не дождешься вас никак!

Виктор, посмотрев на старика, вдруг увидел за его спиной в сенцах Надю и Матьяша, который опирался на костыль. Надя поддерживала Митю, хотя и сама нуждалась в сопровождающем. Шла она не торопясь, с осторожностью.

— Братик! Братушка!.. — радостно воскликнул Виктор и, громко засмеявшись, обнял брата, прижав его к себе.

Матьяш тоже был обрадован этой встречей, но радость свою выражал не столь бурно и восторженно. Выпустив из руки костыль, он тоже обнял брата.

— Я так спешил... Боялся, как бы мы случайно не разминулись.

Надя тоже обрадовалась встрече.

— Говорила я Мите, не спеши, они еще здесь, но он мне не поверил. Сказал, что верит только Силаеву. — Гордая и спокойная своей женской красотой, она, подойдя к Виктору, по-русскому обычаю трижды поцеловала его.

Старый Павликов от счастья был на седьмом небе. Он любовался всеми по очереди, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Отец, а об ужине, как я тебя просил, ты, часом, не забыл? — спросил его Силаев.

— Как это я мог забыть?! Боже упаси, даже водки раздобыл! — похвастался Павликов. — Правда, за один литр

двух беленьких барашков пришлось отдать, но одного из них я потом обратно выклянчил, чтоб и закуска хорошая была!..

Настроение у Силаева заметно улучшилось.

— А я жеребеночка не пожалел на прощальный ужин.

— Выходит, я все же прибыл на расставание? — с недоумением спросил Матьяш. — Куда тебя теперь направят, Виктор?

— Об этом мы с тобой чуть позднее поговорим, — уклончиво ответил Виктор, — а сейчас пошли-ка лучше ужинать.

— Правда твоя, комиссар! Умная ты у нас голова! — снова засуетился старый Павликов, по веселому виду которого нетрудно было догадаться, что он уже и стопку водки пропустил, и жареного барашка отведал. — Как ветеран русско-японской войны беру командование в свои руки! Пошли!

Виктор и Силаев сразу же направились к двери, а Матьяш, почему-то растерявшись, остался стоять посреди комнаты. Надя не отходила от мужа.

— Надюша, дай-ка мне мой костыль, — попросил он, словно очнувшись.

Надя с трудом наклонилась и подняла с пола костыль, но в руку Мите не дала, а тихо прошептала ему на ухо:

— Ты лучше за меня держись...

Услышав слова Нади, Виктор остановился, спросил:

— Ты что, и ходить самостоятельно не можешь?.. Хорошо же тогда тебя подлечили в Москве!..

Силаев больше всего боялся этого разговора; лицо его исказила гримаса.

— Как могли, так и подлечили — лучше невозможно было. Важно то, что теперь у меня уже больше не болит левая нога, — сухо ответил Матьяш.

Все немного помолчали.

— Ну, чего вы приуныли? — первым нарушил тишину Виктор.

Остановившийся в дверях Павликов делал Силаеву какие-то знаки.

— Я об этом знал, друг, но не осмелился сразу сообщить тебе... — сказал командир батальона Виктору.

— О чем? Говорите же вы наконец! — настойчиво потребовал Виктор, насторожившись.

— Я уже успокоился и свыкся с этим, — поспешил ответить Матьяш. Он выпрямился, держась за Надю. — Со временем я и без костыля ходить научусь... привыкнуть только нужно.

— Как это привыкнуть, если тебя вылечили? — с отчаянием спросил Виктор.

— Слушай, Виктор... Поздновато мы в Москву-то приехали... Ногу-то мне пришлось отрезать... по щиколотку, — откровенно признался Матьяш.

Лицо Виктора перекосилось.

— Черт возьми! И все это из-за меня... Из-за меня ты стал калекой!

— Осел ты, братишка!.. Ну, просто настоящий осел!..— Матьяш готов был не то расплакаться, не то рассмеяться.— Да того, кто тебя в этом обвинит, я костылем прибью!..

— Ужасно! Это просто ужасно, дорогой ты мой братишка... Теперь ты даже шага не можешь сделать без костыля. И это теперь, когда ты мог бы вместе со мной поехать домой!

Матьяш с изумлением по очереди посмотрел на присутствующих.

— Не понимаю... Как это поехать домой? — спросил он, обращаясь к брату. — Ты нас покидаешь?

— Покидаю, ведь здесь мы свое дело сделали. — Виктор подошел к брату и взял его за руки. — Ты хоть и видишь меня в военной форме, но я теперь такой же гражданский человек, как и ты. Да, да... И мы можем уехать домой!

— Ты что, тронулся?.. — растерянно пробормотал Матьяш.

— Я правду тебе говорю, брат, чистую правду... Я уже и документы, какие нужно, получил. Соглашайся — и ты поедешь...

— Об этом мы поговорим завтра утром! — перебил Виктора командир батальона.

Примолкший было Сергей Иванович не вытерпел и сердито заговорил:

— Нет уж! Дудки! Чего ждать утра? Я сейчас хочу говорить с комиссаром. Что ты вообще придумал? Твой брат скоро станет отцом! Вон у дочки пузо какое выросло, на нос лезет... А ты о каком-то доме болтаешь? Митин и Надюшин дом теперича тут! И никаких гвоздей! Бессердечный ты человек, Виктор Матвеевич, как я посмотрю!..

— Подожди, Сергей Иванович, не горячись раньше времени, — остановил старика Виктор. — Ребенок Нади сиротой не останется, это уже точно! Мы довольно повоевали, так что можем себе позволить и жениться тут. Но брата ты у меня не отбирай. Ты чего же хочешь? Чтобы он навсегда отказался от своей родины, да?..

— А от семейного счастья разве можно отказываться? — не отступался от своего старик. — Ты думаешь, я не знаю, что он счастлив с моей Наденькой? Ну а ты, дочка!.. Почему ты молчишь, будто не о тебе и разговор идет?

— Словами этого не объяснишь... — еле слышно вымолвила Надя, крепко схватившись за руку Матьяша.

— Надюша моя спокойна, и она знает почему. Пока мои раны заживали, мы с ней обо всем переговорили: и о себе, и о нашем ребенке... Здесь я нашел семью и теперь должен, обязан даже позаботиться о ней. Я остаюсь здесь, в России... — Матьяш проговорил это не очень уверенно, и Надя решительно возразила ему:

— Не обманывай себя, Митя. Если тебе надо ехать, то послушайся брата и поезжай. Я ведь тоже в свое время решила остаться на родине. Подумай еще раз хорошенько...

— Не бойся, Надюша... Никуда я от вас не уеду, я уже твердо решил.

Но Виктор тоже не хотел отступаться от своего.

— Неужели ты забыл, как сам ко мне приставал, умолял, чтобы мы вместе поехали с тобой домой?! Да я тебя на спине до дому донесу! — горячо проговорил он.

— Странно, но сейчас ты говоришь со мной как чужой мне человек. Ты ведь до сих пор твердил мне постоянно, что наше место здесь, что мы нужны тут: война-то ведь еще не кончилась... Я, грешным делом, думал, что, пока идет эта война, тебя из окопа не вытащить и штыком, а ты мне теперь говоришь, что ты уже гражданский человек. К тому же ты не ранен и здоров как бык! Что же случилось? Тебя словно подменили... Ты что, передумал, что ли? Отказался от собственных убеждений?..

— Не обижай ты своего брата! — остановил Матьяша командир батальона. — Не стоит говорить сейчас на эту тему!

— Нет, стоит! — выкрикнул Матьяш. — Я ведь не забыл, как во дворе Лебедева мой брат с пеной у рта убеждал меня вступить в Красную Армию. А теперь, когда я его послушался, он тянет меня в другую сторону. К чему бы это?

— Все, что я тебе раньше говорил, — правда и на сегодняшний день, и на будущее...

— Я запрещаю вам спорить на эту тему! — грубо и решительно оборвал обоих братьев Силаев.

— Не можешь ты нам этого запретить! — заупрямился Матьяш. — Ты слышал? Виктор сказал мне, что он гражданский! Как, мол, и я. Ты посмотри получше на него! Он только что сказал: все сказанное им раньше — правда и по

сей день, не так ли? Может, эта правда касается только других? И пусть теперь другие гибнут вместо него?.. Если ты теперь сбежишь отсюда как трус, то я буду презирать тебя! Понял? Ты меня здесь не можешь бросить... Ты должен остаться вместе со мной! С моей семьей. С моим ребенком, который родится не сегодня завтра. Ну, а я... я в любом случае остаюсь! Здесь каждый понимает, почему я хожу на костыле. А что я отвечу дома?.. Да там меня еще под суд отдадут... А я не получу разрешения даже на то, чтобы иметь право просить милостыню на Бульварном кольце... или у Западного вокзала... Куда же ты меня зовешь, Виктор?.. Подумай-ка хорошенько...

Все молча уставились на Виктора, ожидая, что он скажет. А Виктор молчал. Он несколько раз открывал рот, шевелил губами, но так и не произнес ни звука. Ум его работал четко, а язык отказался повиноваться.

В наступившей томительной тишине стало слышно, как в соседней комнате Бабушкин запел протяжную народную песню о Волге, печальную такую песню.

Виктор, словно ища поддержки, посмотрел на Надю. Увидев, что она беззвучно плачет, не вытирая слез, которые текут по ее щекам, он вдруг как-то начал успокаиваться. Он перевел взгляд на брата и с усилием произнес:

— Видно, я как-то все до конца не продумал как следует... Прости меня, пожалуйста. Прости за то, что я причинил тебе боль... Но я должен вернуться домой! Ты уж меня не удерживай и не сердись... Больше мне от тебя ничего не надо... А остальное — тайна...

Не столько по словам, сколько по виду Виктора Матьяш понял, что брат действительно должен уехать. Так смотрел на Матьяша и отец, когда он, молодой парень, уезжал на фронт.

— Значит, есть и тайна?.. Надолго?.. Навсегда?..

— Ну что ты! — Виктор даже улыбнулся. — Со временем все узнаешь и поймешь. А теперь пошли-ка лучше ужинать. Держись за меня и пошли!..

Силаев несколько успокоился. Он пропустил братьев вперед себя, а сам пошел сзади, после Нади и старика Павликова.

Командир батальона хорошо слышал, как Сергей Иванович говорил Виктору:

— За брата своего не беспокойся и не переживай. У него хорошая верная жена и добрый тесть... Мужиков на свете тьма-тьмущая, а Сергей Павликов один! А доченька у меня такая, что другой такой на всем белом свете не сыщешь...

Выходя из дома последним и слушая разговорчивого старика, Силаев позабыл закрыть за собой дверь в большую комнату и потому, даже переступив через порог, все еще слышал грустную и протяжную песню о Волге-матушке, которую пел Бабушкин в соседней комнате. А на подоконнике в горнице одиноко стояла керосиновая лампа, и пламя фитиля колебалось и трепетало на сквозняке.

СОДЕРЖАНИЕ

Геренчер М.

Г37 Ностальгия: Роман/Авториз. пер. с венг. Г. Г. Афанасьева. — М.: Воениздат, 1990. — 367 с.

ISBN 5—203—00600—8

В романе известного венгерского прозаика рассказывается об участии венгерских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне.

По-разному сложилась судьба братьев Медве, попавших в русский плен еще при царизме и вскоре оказавшихся очевидцами, а затем и участниками бурных событий первых послереволюционных лет.

Автор показывает, как постепенно прозревают его герои, как у них растет горячее желание вернуться к себе на родину, где многие из них примут активное участие в создании в 1919 году Венгерской советской республики.

Книга рассчитана для широкого круга читателей.

Г $\frac{4703010000-040}{068(02)-90}$ 158—90 ББК 84.4Вн.

Миклош Геренчер

НОСТАЛЬГИЯ

Художник *Л. Г. Афанасьев*
Художественный редактор *Н. А. Жданов*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *И. Г. Коваленко*

ИБ № 3684

Сдано в набор 21.06.89. Подписано в печать 30.08.89.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 11½. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,74.
Уч.-изд. л. 22,31. Изд. № 10/4325. Тираж 50 000 экз. Зак. 804. Цена 2 р. 60 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

